

К.Ш.ШАНИЯЗОВ

К

ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
УЗБЕКСКОГО
НАРОДА

УЗБЕКСКОГО НАРОДА

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

К. Ш. ШАНИЯЗОВ

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

(ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
НА МАТЕРИАЛАХ КИПЧАКСКОГО КОМПОНЕНТА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ-1974

В монографии на основе обширного круга историко-этнографических источников и литературы раскрываются вопросы происхождения одного из компонентов узбекского народа — кипчаков, прослеживаются пути интеграции этой этнографической группы в среде узбекской народности в дореволюционный период, завершившейся слиянием ее с узбекской социалистической нацией в годы Советской власти. Большое внимание автор уделяет вопросам взаимоотношений и взаимовлияния в прошлом кочевых и полуседлых кипчакских племен и родов с оседлым узбекским населением. В работе рассматриваются хозяйство, быт, материальная и духовная культура кипчаков Узбекистана конца XIX — начала XX в., показано постепенное стирание их былых родо-племенных, бытовых и других этнографических особенностей.

Книга рассчитана на этнографов, историков, студентов гуманитарных факультетов и широкий круг читателей.

Ответственный редактор

доктор исторических наук профессор Т. А. ЖДАНКО

Ш $\frac{[0162-286}{355(06)-74}76-73$

Издательство «Фан» Узбекской ССР. 1974 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Разработка проблем этнической истории — процессов этногенеза, консолидации народностей, формирования наций составляет одно из основных направлений советской этнографической науки¹. Значение этого направления определяется прежде всего самой марксистско-ленинской методологией изучения этнографических явлений: традиционные формы хозяйства, культуры, быта этнографы изучают в динамике их развития, с последовательным соблюдением принципов историзма и в тесной связи с закономерностями изменения социально-экономических факторов, обуславливающих этническое развитие народов.

Именно в процессе этногенеза еще в древности и средневековье формируется большинство тех черт этнического облика народа, которые характеризуют в дальнейшем его национальную специфику, отличают его от других этносов (основы языка, особенности хозяйственно-бытового уклада, формы материальной и духовной культуры и др.). В то же время лишь тщательное изучение этнической истории помогает выявить также и истоки тех черт его сходства с другими народами, которые возникают в процессе многовековых экономических и культурных контактов с населением соседних регионов, либо объясняются общностью исторических судеб, а иногда и этническим родством — наличием однородных этнических компонентов, участвовавших в этногенезе двух или нескольких народов.

Исследование проблем этногенеза с марксистских позиций имеет и важное научно-теоретическое значение в борьбе с буржуазными теориями в национальном вопросе. Так, убедительно доказанное изысканиями советских этнографов положение о том, что современные народы сложились из разных этнических компонентов, опровергает распространенные в ряде западных стран шовинистические концепции о «расовой чистоте», «национальной исключительности» некоторых народов. Лишь отказ от преслову-

¹ Ю. В. Бромлей. Некоторые итоги и перспективы советской этнографической науки, XXIV съезд КПСС и задачи развития общественных наук, Ташкент, «Фан» УзССР, 1972, стр. 392—393.

тых поисков «единого предка» и признание изначально сложности этногенетических процессов может обеспечить подлинно научное разрешение вопросов происхождения народов².

Все сказанное о значении исследования процессов этнического развития непосредственно относится и к изучению этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Особенностью этнических процессов в этом обширном регионе было разнообразие этнических компонентов, участвовавших в формировании племенных объединений и народностей, что обуславливалось бурными событиями политической истории, частыми вторжениями завоевателей и связанной с этим подвижностью населения — миграциями, притоком иноплеменных групп из других стран. С другой стороны, большую роль в этнических процессах здесь играли издревле установившиеся постоянные связи населения земледельческих оазисов со скотоводческими тюркоязычными племенами степей и пустынь. На протяжении всей истории кочевники и полукочевники скотоводы большими волнами и мелкими группами переселялись в оазисы и оседали там среди земледельцев, постепенно смешиваясь и сливаясь с ними. Этот процесс, сопровождавшийся тюркизацией части жителей оазисов, как можно судить по новейшим археологическим, антропологическим и историческим данным, начался в глубокой древности и особенно усиливался в некоторые периоды истории — например, в период Тюркского каганата (VI—VII вв.); в связи с передвижениями и завоеваниями огузов, печенегов, кипчаков (X—XI вв.); в период вхождения Средней Азии в государство Караханидов (XI—XII вв.); во время монгольского нашествия и вхождения территории Казахстана и Средней Азии в состав монгольских улусов (XIII—XIV вв.), а позднее — в связи с походами Шейбани-хана и переселением в земледельческие области Среднеазиатского междуречья многочисленных групп узбекских племен (XVI в.). Все эти исторические события оказывали огромное влияние на этнические процессы в Средней Азии и Казахстане и, в частности, обусловили сложность этногенеза и дальнейшей консолидации узбекской народности, основы этнической общности которой сложились в среде тюркоязычного населения Средней Азии уже в XI—XII вв.³.

² С. П. Толстов. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии, в сб. «Советская этнография», т. VI—VII, М.—Л., 1947, стр. 303; Он же. В. И. Ленин и актуальные проблемы этнографии, «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 5; Ю. В. Бромлей. Основные направления этнографических исследований в СССР, «Вопросы истории», 1968, № 1, стр. 40—41; Он же. Этнос и этнография, М., 1973, стр. 268; Н. Н. Чебоксаров. Проблемы происхождения древних и современных народов. Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 5, М., 1970, стр. 746—757; Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. Народы, расы, культуры, М., 1971, стр. 63—68 (глава «Как складывалась современная этническая карта мира»).

³ История Узбекской ССР, т. I, Ташкент, 1967, стр. 360—381; см. также А. Ю. Якубовский. К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941.

Учитывая основную тему труда К. Ш. Шаниязова, следует остановиться еще на одной особенности этногенеза народов Среднеазиатско-казахстанского региона. Как известно, вплоть до XIX — начала XX в. специфичной чертой этнических структур тюркоязычных народностей — казахов, киргизов, туркмен, каракалпачков и части узбеков (так называемых полукочевых или деشتикипчакских) были пережитки родо-племенного деления.

Такая же осложненность этнической структуры феодальных народностей — наличие в их составе реликтовых племенных групп — была характерна в дореволюционной России и для тюркских народов, живших в районах Приуралья (например, башкиры), Кавказа (ногайцы), Сибири (алтайцы, шорцы и другие), встречалась она и у народов нетюркоязычных (например, адыгейцы и многие горские народы); в некоторых странах Востока племенное деление, как известно, сохранялось также у ираноязычных, арабоязычных и других народов, главным образом кочевых и полукочевых. При этом весьма важно, что во многих случаях пережитки родо-племенного деления не исключали возможности достаточно высокого уровня этнической консолидации; в частности, это относится к среднеазиатским народностям⁴. Уже с XVI в. казахи, киргизы, туркмены были известны русской и мировой науке как вполне определенные целостные этносы, имевшие особые языки, культуру, бытовой уклад и другие признаки народностей феодального типа. Их названия и территории обитания обозначались на первых географических картах Средней Азии XVI—XVII вв. Племена, входившие в их состав, утратили функцию социальных и этнических общностей первобытно-общинного строя; это были «вторичные» племена позднего, феодального типа, отличавшиеся значительной социальной дифференциацией; в их среде давно произошла замена кровнородственных связей политическими или административно-территориальными. Однако даже у таких поздних, пережиточных племен устойчиво сохранялись их традиционные древние и средневековые этнонимы и двойственное этническое самосознание (принадлежности и к народности, и к племени). Историческая стратификация родо-племенных этнонимов, их научный анализ путем сопоставления с достоверными историческими данными, как известно, позволяют многим авторам (в том числе и К. Ш. Шаниязову) использовать родо-племенные этнонимы в качестве ценного источника для изучения этнической истории. В целом же, как в социальном, так и этническом аспекте реликтовые племена в среде казахов, узбеков и других народностей Средней Азии трансформировались к XIX — началу XX в. в

⁴ Т. А. Жданко. О типе этнических общностей с пережитками родо-племенной структуры в Средней Азии и Казахстане (XIX—начало XX в.), М., 1973. (IX Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Доклады советской делегации).

обычные для народностей феодальной эпохи внутренние подразделения — так называемые этнографические (этнические) группы⁵, сохранявшие, однако, некоторые родо-племенные пережитки в своем быту, иногда и отличия в отдельных элементах материальной культуры (одежде, орнаменте и др.), а также в языке (говоры, диалекты).

Устойчивость сохранения этих внутренних подразделений объясняется не только спецификой кочевого и полукочевого хозяйства, но и общими неблагоприятными для национальной консолидации политическими и социально-экономическими условиями в дореволюционной Средней Азии и Казахстане. Лишь в советский период, в процессе консолидации социалистических наций интеграция реликтовых «племенных» этнографических групп у узбеков и других народов Средней Азии вступила в фазу полного завершения.

В аспекте всех этих исторически обусловленных особенностей этнической истории народов Средней Азии и Казахстана и следует рассматривать монографию К. Ш. Шаниязова об этнографической группе узбеков-кипчаков.

Значение этого труда выходит за рамки проблем этногенеза одного лишь узбекского народа; на разных исторических этапах средневековья и нового времени, в особенности в послемонгольский период, группы кипчакских племен участвовали в качестве значительных компонентов этногенеза не только узбеков, но и киргизов, казахов, каракалпаков, отчасти и туркмен, а за пределами Средней Азии и Казахстана включались как более или менее существенные слагаемые в формирование целого ряда других тюркоязычных народов Восточной Европы, Северного Кавказа, Сибири. Как известно, в период монгольского нашествия отдельные группы кипчаков, спасаясь от завоевателей, достигли Дуная и Балканских стран, переселились в Малую Азию и в Египет. Диапазон миграции кипчакских племен и их роль в этнической истории множества народов, таким образом, чрезвычайно велики, хотя при этом следует учитывать, что под этнонимом «кипчаки» на разных исторических этапах и в разных географических областях фигурировали этнически стилизовавшиеся друг от друга родо-племенные группы, входившие в состав этого крупнейшего средневекового этно-политического объединения, окончательно распавшегося только после монгольского завоевания. Роль кипчаков в истории многих народов нашей страны, в формировании тюркских языков и тюркоязычных этносов — проблема, представляющая большой научный интерес; она изучается историками, археологами, палеоантропологами, лингвистами и этнографами.

⁵ Ю. В. Бромлей предлагает называть внутренние подразделения народностей, имеющие определенные этнонимы, этническими группами, а название «этнографические группы» применять к локальным, областным, не имеющим самоназвания. См.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография, стр. 32—33.

С публикацией книги К. Ш. Шаниязова в советской историографии впервые появляется глубокое историко-этнографическое исследование, всесторонне характеризующее этнический облик одной из реликтовых групп кипчаков XIX — начала XX в., тесно связанной своим историческим прошлым с узбеками, подвергшейся длительной интеграции в их среде и вошедшей в состав узбекской народности, сохраняя однако вплоть до Октябрьской революции свойственную этнографическим группам обособленность, устойчивое этническое самосознание и самоназвание.

Источниками для этого исследования послужили не только собственно исторические материалы, в том числе и некоторые впервые обнаруженные в рукописных фондах сведения восточных нарративов, но и богатейшие полевые историко-этнографические материалы, собранные К. Ш. Шаниязовым в течение многих лет его экспедиционных исследований и позволившие выявить этнические процессы дореволюционного прошлого. В Узбекистане не осталось ни одного кишлака, жители которого причисляли бы себя к потомкам тех или других кипчакских племен, где ни побывал бы за годы исследований автор книги. Беседы со стариками, еще помнящими исторические предания, записи сохранившихся в их памяти сведений о составе и расселении кипчакских родо-племенных групп, фиксация предметов традиционной для этнографической группы кипчаков материальной культуры, выяснение приемов ведения ими хозяйства, их многовековых трудовых навыков, а также обычаев, обрядов, своеобразных черт семейно-бытового уклада — весь этот большой, кропотливый труд позволил ученому накопить обширный, уникальный по своей научной ценности материал и осуществить путем ретроспективного анализа исследование этого материала в других направлениях. С одной стороны, это углубление в этническую историю, анализ этнонимов, архаических черт некоторых обрядов, традиций общественного быта, элементов старинной материальной культуры и сопоставление их со сведениями, имеющимися в литературе о кипчаках-половцах, дало возможность обнаружить некоторые интересные аналогии и протянуть нити исторических связей между узбеками-кипчаками и их средневековыми предками. С другой стороны, автор на обширном и разностороннем конкретном этнографическом материале освещает происходивший уже в новое время (в XVIII — начале XX в.) процесс постепенного размытия, растворения групп кипчаков в среде окружающего оседлого узбекского населения. Мы увидим, что этот процесс происходил интенсивнее у зарафшанских кипчаков; несколько более устойчивой была обособленность у ферганских кипчаков, сохранявших полукочевое хозяйство и быт. Однако эта устойчивость проявлялась главным образом в этническом самосознании. Что же касается всего хозяйственного и бытового уклада жизни этой этнографической группы, то черты особенного, своеобразного у нее уже накануне Октябрьской революции были, очевидно, на

стадии исчезновения; во всем ее этническом облике, как можно судить по работе К. Ш. Шаниязова, преобладали общеузбекские черты.

В годы социалистического строительства революционные преобразования экономики и культуры коренным образом изменили жизнь народов Средней Азии. Они обрели свою национальную государственность и вступили в братскую семью социалистических республик Советского Союза. Исчезли факторы, тормозившие свободное национальное развитие; в среде социалистических наций, сформировавшихся в Средней Азии, усилились процессы сближения и слияния бывших этнографических племенных групп. Всесоюзные переписи населения СССР убедительно характеризуют этот процесс: если перепись 1926 года зафиксировала в Узбекистане более 30 тыс. чел., назвавших себя кипчаками, то в настоящее время этот старинный племенной этноним уже не фигурирует в демографических документах, он ушел безвозвратно в историю. Кипчаки слились с узбекской нацией.

Население прежних «кипчакских» кишлаков живет теперь общей жизнью со всем узбекским народом и со всей страной.

Судьбы группы узбеков, ставшей объектом данного исследования К. Ш. Шаниязова, не случайны.⁶ В них отражаются процессы и закономерности этнического развития, происходившие в среде многих народов Средней Азии и других отсталых национальностей окраин дореволюционной России, прошедших в условиях советского строя путь невиданно быстрого экономического роста и культурного расцвета. В настоящее время «национальный вопрос в том виде, в каком он достался нам от прошлого, решен полностью, решен окончательно и бесповоротно», — говорится в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик». «...Могучим объединяющим началом стали общность исторических судеб всего советского народа, всех составляющих его наций и национальных групп, совместные традиции, взгляды, жизненный опыт, рожденные полувековой совместной борьбой и совместным трудом»⁷.

Т. А. Жданко,
доктор исторических наук,
профессор.

⁶ В 1964 г. К. Ш. Шаниязов опубликовал исследование, посвященное другой этнографической группе узбеков — карлукам. См.: К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки. Историко-этнографический очерк, Ташкент, 1964.

⁷ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, М., Политиздат, 1973, стр. 11, 12.

ВВЕДЕНИЕ

Этногенез узбекского народа — одна из сложных актуальных проблем исторической науки. Эта проблема привлекала и привлекает внимание многих советских ученых — историков, археологов, этнографов, антропологов, лингвистов и представителей других смежных наук, создавших ряд ценных работ по этнической истории узбекского народа¹.

В этногенезе узбеков участвовали различные народы и племена древности и средневековья. Этническую основу их этногенеза составили древние жители Среднеазиатского междуречья и Хорезма (саки, массагеты, согдийцы, хорезмийцы и др.). В формировании узбекского народа принимали участие также центральноеазиатские, среднеазиатские и приаральские тюркоязычные

¹ А. Ю. Якубовский. К вопросу об этногенезе узбекского народа, Ташкент, 1941; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948; Он же. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962; С. П. Толстов и Т. А. Жданко (с участием М. А. Итиной и Ю. А. Рапопорта). Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана, см. «Народы Средней Азии и Казахстана», серия «Народы мира», т. I, М., 1962, стр. 38—113; Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953; Л. В. Ошанин. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов (в трех частях), Ереван, 1957—1959 гг.; Труды САГУ, Новая серия, ч. I, вып. 96, ист. науки, 1957; ч. II, вып. 97, ист. науки, 1958; кн. I, ч. III, вып. 98; ист. науки, 1959. Т. А. Трофимова. Древнее население Хорезма по данным палеоантропологии, МХЭ, вып. 2, М., 1959; Б. Х. Кармышева. Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана, КСИЭ, т. XXVII, М., 1957; Она же. О некоторых древних тюркских племенах в составе узбеков (по этнографическим данным), XXV Международный конгресс востоковедов, доклады делегации СССР, М., 1960; Она же. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, СЭ, 1960, № 4; Н. А. Баскаков. Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана, см. «Народы Средней Азии и Казахстана», серия «Народы мира», т. I, стр. 115—130; В. А. Лившиц. Иранские языки народов Средней Азии, см. «Народы Средней Азии и Казахстана», серия «Народы мира», т. I, стр. 131—158; А. М. Щербак. К истории образования узбекского национального языка, «Вопросы языкознания», 1954, № 6; Ф. А. Абдуллаев. Фонетика хорезмийских говоров, Ташкент, 1967, Языки народов СССР, т. II, Тюркские языки, М., 1966; История Узбекской ССР, т. I, Ташкент, 1966 и др.

компоненты древнего и раннесредневекового периода, принадлежавшие к различным этно-культурным средам и племенным союзам: канглы, усун (уйшун), теле (племена теленгут, уйгур, аз), карлук, кипчак, огуз, западнотюркские племенные объединения (аргын, тюркеш, тюрк и уз) и другие. В этническом составе узбеков обнаруживается (хотя и незначительный) угорский элемент, что подтверждается наличием этнонима «мажар» (мажар-сарай). Указанные этнонимы бытовали в качестве названий родоплеменных групп узбеков вплоть до конца XIX — начала XX в. Отметим, однако, что этническая основа этих групп населения за большой исторический период подвергалась серьезным изменениям: на протяжении веков под тем или иным этнонимом вокруг потомков древнего первичного племени объединялись этнические элементы различного происхождения.

Формирование основных черт этнической общности узбекской народности происходило в X—первой половине XI в. Тюркоязычные и отюреченные монгольские племена, участвовавшие в этногенезе узбеков в XII—XV вв., как и более ранние, были главным образом среднеазиатского и даштикипчакского, а также центральноазиатского происхождения.

Степень участия различных тюркоязычных этнических элементов в формировании узбекской народности не одинакова. Крупными ее компонентами были карлуки, кипчаки и, видимо, огузы. О существенной роли их в формировании узбекской народности и ее разговорного языка свидетельствует наличие трех диалектов в современном узбекском языке: карлукского, кипчакского и огузского².

В XVI в. из Дешт-и Кипчака на территорию Узбекистана, в связи с завоеваниями Шейбани-хана, вновь проникли группы кочевых племен. Они составили одно из позднейших слагаемых в этногенезе узбекского народа и передали ему свое этническое название. Большая часть их впоследствии перешла к оседлости. Однако некоторые родо-племенные группы узбеков дештикипчакского происхождения (таких, как кунграт, мангыт, сарай, найман, каучин, минг, и др.) вплоть до конца XIX — начала XX в. продолжали вести полuosедлое хозяйство, сохраняли родо-племенную структуру и некоторые особенности быта.

В период с XVI до начала XX в. в ходе этнического развития узбекской народности происходило слияние более поздних ее компонентов с древними и раннесредневековыми, издавна жившими на территории Узбекистана. В процессе дальнейшей консолидации у указанных выше родо-племенных и других этнографических групп, обитавших на той же территории, постепенно развивались элементы этнической общности. Этому значительно способствовала общность языка. Они воспринимали культуру, многие черты быта оседлых узбеков, наряду с этническим само-

² Ш. Шозбурханов. Ўзбек шевалари ва уларни ўрганиш ҳақида умумий маълумот, в кн.: Ўзбек халқ шевалари луғати, Тошкент, 1971, 397—407 б.

сознанием своей принадлежности к определенному племени, большинство из них осознавало себя также и узбеками. Однако вплоть до начала XX в. процесс интеграции племенных групп не завершился.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла народам Средней Азии, в том числе и узбекскому народу, путь свободного национального развития. Уже с первых лет Советской власти начинает формироваться узбекская социалистическая нация. Революционное свержение ханской власти в Бухаре и Хиве (1920 г.) способствовало объединению территории, населенной в основном узбеками.

С образованием Узбекской Советской Социалистической Республики (1924 г.) узбекский народ обрел свое национальное государство, добровольно вошедшее в Союз Советских Социалистических Республик. Трудящиеся узбеки вместе с другими народами СССР приобщились к социалистическому строительству; быстро росли экономика и культура Узбекистана.

Осуществление национально-государственного объединения послужило важным фактором изживания прежней замкнутости, территориальной разобщенности отдельных этнографических групп, тормозившей раньше их слияние. Активизировался процесс растворения мелких родо-племенных и других этнографических групп в среде консолидирующейся социалистической узбекской нации.

Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, сопровождавшиеся глубоким преобразованием социальной структуры городского и сельского населения, сыграли большую роль в этническом развитии узбекского народа. Работая на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, в одном производственном коллективе, люди разных национальностей и разных, в прошлом разобщенных этнических групп взаимно сближались, устанавливали тесные дружественные, нередко родственные связи. В то же время пережиточные родовые связи и обычаи теряли какое-либо реальное значение при советском строе и образе жизни. Бывшие родо-племенные и другие этнографические группы (такие, как кипчаки, курама, тюрки, карлуки и др.) теперь уже окончательно слились с основной массой узбеков.

Предлагаемая работа посвящена кипчакам — одному из крупных компонентов этногенеза узбеков. Кипчаки участвовали в формировании многих других тюркоязычных народов — казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен, татар, башкир, алтайцев и некоторых народностей Северного Кавказа (ногайцев, кумыков, карачаевцев и др.). Кипчакские этнические элементы вошли в состав османских турков, венгров и других народов.

В X—XIII вв. кипчаки группировались в ряд самостоятельных племенных объединений и стали играть заметную роль в политической жизни народов Средней Азии и Восточной Европы (см. подробно первую главу). У кипчаков, основным занятием

которых было кочевое скотоводство, господствовали патриархально-феодальные отношения с сильными пережитками родо-племенного быта. Кипчакские объединения этого периода вели непрерывные войны, захватывали чужие территории, обеспечивали для своего скотоводческого хозяйства лучшие пастбищные угодья. Грабительские набеги на соседние племена и народы служили средством обогащения феодальной знати.

Нашествие монголов тяжело отразилось на судьбе кипчаков. Бывшие кипчакские объединения распались. Многие кочевники, спасаясь от преследования монголов, ушли на запад — в пределы Турции, Венгрии, Болгарии и в Египет. Значительное их число было превращено в рабов и продано на западных рынках. Оставшиеся кипчаки объединились в несколько сравнительно небольших родо-племенных групп и продолжали кочевать в Дешт-и Кипчаке (преимущественно в его восточной части). Но эти объединения были слабыми и в любое время могли распасться. Кроме того, некоторые кипчакские родо-племенные объединения вошли в состав крупных монгольских племен или племенных союзов и находились в зависимости от монгольских удельных князей.

После распада Золотой Орды и государства кочевых узбеков произошла дальнейшая перегруппировка кочевников Дешт-и Кипчака: старые родо-племенные объединения, союзы племен распались и возникли новые объединения. Некоторые из них образовывались под старым названием (кипчак, канглы, каракалпак и др.), другие под новым (Ногай, Старший, Средний и Младший казахские жузы и др.). Кипчакские элементы вошли в большинство этих объединений. Отметим, что по своему этническому составу кипчаки позднего средневековья были уже весьма разнородными: они смешались как с домонгольскими тюркоязычными племенами (кимак, тюрк, печенег, канглы, уз и др.), так и с отореченными монгольскими племенами.

Кипчаки, переселившиеся в Мавераннахр и Хорезм в течение X—XVI вв., перешли к оседлости. Большая часть их постепенно теряла свои родовые и племенные названия и сливалась с местным земледельческим тюркоязычным населением. Те же кипчаки, которые сохранили здесь свою обособленность вплоть до начала XX в., переселились позже в конце XVII — начале XVIII в. главным образом из бассейна Сырдарьи в связи с вторжением в эту область джунгар. В начале XX в. их насчитывалось 127 тысяч человек. Они расселялись двумя компактными группами: в Ферганской долине (42,5 тыс.)³ и в бассейне среднего Зарафшана (52 тыс.)⁴. Отдельные их группы встречались

³ Материалы Всероссийских переписей, Перепись населения в Туркестанской республике, вып. IV, Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г., Ташкент, 1924, см. табл. 28.

⁴ Материалы Всероссийской переписи 1920 г., Перепись населения в Туркестанской республике, ч. I, Поселенные итоги, вып. V; Поселенные итоги Самаркандской области, Ташкент, 1924 (см. табл. 33).

также на территории Бухарской, Кашкадарьинской и Хорезмской областей⁵. Кипчаки жили обособленно.⁶

В переписи 1917 г. ферганские кипчаки фигурируют как обособленная группа, в переписи 1926 г. они (в количестве 32,7 тыс. чел.) также считались особой этнической группой⁷. Эти факты свидетельствуют о том, что несмотря на продолжавшийся процесс сближения кипчаков с оседлым узбекским населением, полное слияние его с последним еще не было достигнуто. В дальнейшем за годы социалистического строительства, по мере консолидации узбекской социалистической нации постепенно исчезла былая обособленность ферганских кипчаков и прочно установилось их самосознание как узбеков. В противоположность ферганским зарафшанские кипчаки в хозяйственном отношении и в общественной жизни были более тесно связаны с окружавшим их оседлым узбекским населением. Процесс слияния этой группы кипчаков с узбеками шел настолько интенсивно, что при переписи населения в 1926 г. все они называли себя узбеками.

Изучение кипчаков представляет интерес не только в связи с исследованиями этногенеза и этнической истории узбекского народа, но и с точки зрения проблемы взаимоотношений и взаимовлияний в прошлом кочевых и полuosедлых племен и родов с оседлым населением.

Автор данного исследования в течение ряда лет (1961—1970 гг.) собирал на территории Узбекистана историко-этнографические материалы в местностях и селениях, где, по историческим данным, в XIX—начале XX в. обитали различные по численности группы кипчаков, вошедших в состав узбеков. О кипчаках, влившихся в состав других народов СССР, в работе говорится лишь попутно.

Собранные материалы изучались путем ретроспективного анализа и сопоставления с имеющимися историческими данными.

Цель настоящей работы — исследование некоторых вопросов этнической истории узбекского народа, относящихся к участию в его этногенезе средневековых кипчаков. Этим обусловлено основное содержание книги, посвященной выявлению историко-культурных и этнических связей одной из многочисленных реликтовых этнографических групп населения дореволюционного Узбекистана — кипчаков с племенами и народами Средней Азии, Казахстана, Сибири и других соседних регионов.

В задачу исследования входит также этнографическое описание хозяйства, быта, материальной и духовной культуры этих групп кипчаков в конце XIX — начале XX в., выявление исторических предпосылок постепенного стирания их родо-племенных,

⁵ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I, I, Бухара — Ташкент, 1926, стр. 206; ч. 2, Хорезм — Ташкент, 1926, стр. 99.

⁶ Я. Р. Винников. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине, СЭС, II, М., 1959, стр. 400.

⁷ Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. XX, Узбекская ССР, М., 1928, табл. VI.

бытовых и других этнографических особенностей в процессе приобщения к общеузбекской культуре и интеграции в общеузбекской этнической среде, завершившейся в советский период слиянием с узбекской социалистической нацией. Для написания исторической части исследования автором использован помимо обширной литературы материал таких источников, как сообщения древних хроник⁸, древнетюркских орхоно-енисейских памятников⁹, арабские¹⁰, персидско-таджикские¹¹ и тюркоязычные¹² источники. Во всех этих источниках о кипчаках говорится лишь мимоходом, в связи с различными политическими событиями или при описании отдельных историко-географических областей, племен, народностей.

Кипчаки упоминаются в русских летописях конца IX в.¹³ и далее XI—XIII вв. под названием «половцы»¹⁴ и «куманы».¹⁵ О

⁸ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 50.

⁹ Г. И. Рамsted. Перевод надписи селенгинского камня, ТТКОПОРГО, т. XV, СПб., 1914, стр. 40; С. М. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1954, стр. 38.

¹⁰ МИТГ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 144, 145, 162 и след.; В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 26—28, 68, 74, 105 и след.; Махмуд Қошғарий. Девону луғотиг турк, Таржимон ва наширга тайерловчи, С. М. Муталибов, уч томлик, Тошкент, 1960—1963 й., I т., 103, 342, 360, 391, 444, б.; II т. 41, 51, 71, 320, 324, б.; III т., 24, 34, 37, 44, 50 ва бошқа бетлари.

¹¹ Худуд-ал-алем. Рукопись Туманского, изд. с введением и указателями В. В. Бартольда, Л., 1930, л. 10 б, 13а, 186, 19а; V. F. Minor. Hudud-al-alam, London, 1937, с. 99—100, 321. В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, вып. II, Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузен, М.—Л., 1941, стр. 14, 15, 21, 24, 83, 84 и след.; Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. первая, М.—Л., 1952, стр. 75, 83, 84, 96, 103 и след.; т. I, кн. вторая, М.—Л., 1952, стр. 76, 80, 229, 275; т. II, М.—Л., 1960, стр. 28, 36, 39, 45 и след.; Абул-Фазл Бейхаки. История Мас'уда (1030—1041), перевод с персидского, введение, комментарий и приложения А. К. Арндса, изд. 2-е, дополненное, М., 1969, стр. 153, 827, 849.

¹² Юсуф Хос Хожиб. Кутадгу билиг, нашрга тайерловчи К. Каримов, Ташкент, 1971, 224, 225 б.; Алишер Навоий, Ҳазойинул-маоний, II т., Наширга тайерловчи, Х. Сулайманов, Ташкент, 1959, 73 б. Он же. Стена Искандера, Алишер Навои, Сочинения в десяти томах, т. VII, Ташкент, 1968, стр. 39, 71, 80; Таварих-и гузида, Нусрат-наме, Исследование, критический текст А. М. Акрамова, Ташкент, 1967, стр. 79, 113; Бабу-наме, перевод с узбекского М. Салье, Ташкент, 1958, стр. 20—41; Мухаммад Солих, Шайбоний-нома, нашрга тайерловчи Насрулло Даврон, Ташкент, 1961, 263 б.; Абул-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков, пер. и прим. Г. С. Саблукова. Последствие и прим. Н. Ф. Катанова, ИОАИЭКУ, т. XXI, Казань, 1905, стр. 18, 33, 34; А. Н. Қононов. Родословная туркмен, Сочинение Абул-Гази-хана хивинского (исследование, тексты, перевод), М.—Л., 1958, стр. 43, 44, 86.

¹³ Лаврентьевская летопись, ПСРЛ, т. I, М., 1962, стр. 16, 25. Ипатьевская летопись, ПСРЛ, т. II, М., 1962, стр. 18.

¹⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 162, 166, 167 и след.; ПСРЛ, т. II, стр. 151, 152, 156 и след.; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.—Л., 1950, стр. 17—20, 23, 25, 31 и след.; Слово о полку Игореве, М., «Художественная литература», 1964, стр. 40, 41 и след.

¹⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 396, 446; Новгородская первая летопись, стр. 62, 264.

них говорится также в средневековых грузинских¹⁶, армянских¹⁷, византийских, латинских, венгерских, чешских, немецких и других западноевропейских источниках¹⁸.

Из перечисленных источников некоторые ценные сведения о расселении кипчаков-куманов и об участии их в политической жизни западных стран имеются в работах византийских авторов XI—XIII вв.—Константина Багрянородного¹⁹, Анны Комнины²⁰, Рабби Питахи²¹ и др. Однако следует отметить, что византийские историки часто путают кипчаков с печенегами и поэтому действия и факты, относящиеся к куманам, приписываются печенегам и наоборот. Подобная путаница чаще всего встречается у Рабби Питахи²². Таким образом, некоторые приводимые им сведения не соответствуют действительности.

Немаловажное значение имеют венгерские источники, в которых содержатся данные о переселении кипчаков на территорию Венгрии (XI—XIII вв.), о районах их расселения, обычаях и обрядах²³. Ценные сведения о кипчаках имеются в сообщениях миссионеров XIII в.—итальянца Плано Карпини и фландрийца Гильома Рубрука²⁴. Они называют кипчаков команам. Эти миссионеры посетили Дешт-и Кипчак спустя несколько лет после нашествия монголов, когда еще были свежи в памяти местных жителей страшные бедствия, принесенные завоевателями. В описаниях миссионеров можно найти сведения о местах расселения, верованиях и погребальных обрядах кипчаков. Их сообщения ценны тем, что авторы сами встречались с кочевниками-кип-

¹⁶ З. В. Анчабадзе. Кипчаки Северного Кавказа, по данным грузинских летописей XI—XIV веков, в сб.: О происхождении балкарцев и карачаевцев, см. МНСПБН, Нальчик, 1960, стр. 116—125.

¹⁷ Bibliothèque Historique Armenienne, tr. en. fr. Par. Ed. Dulanzir Paris, 1858, s. 89, 404—405.

¹⁸ П. Голубовский. Печенеги, турки и половцы до нашествия татар, Киев, 1884, стр. 127—130 и след.; I. Marquart. Über das Volkstum der Komannen, В. кн.: W. Bang und J. Marquart. Ostturkische dialektstudien, Berlin, 1914, S. 27—28, 54—55.

Д. А. Рассовский. Половцы, «Seminarium Kondakovianum», VII, сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом им. Н. П. Кондакова, Прага, 1935, стр. 253—254; А. Пономарев. Куманы-половцы, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 366—370.

¹⁹ Константин Багрянородный. Об управлении государством, Известия ГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 10.

²⁰ Анна Комнина. Алексиада, Вступительная статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского, М., 1965, стр. 208, 213—215, 233—234 и след.

²¹ В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, ЖМНП, 1372, № 11, стр. 119—123 и след.

²² В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 120.

²³ Куник. О тюркских печенегах и половцах по мадьярским источникам, с указанием на новейшие исследования о черноморско-тюркских народах от Аттилы до Чингиз-хана. См. Ученые записки АН по I и III отделению, т. III, СПб., 1855, стр. 737—740 и след.

²⁴ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, М., 1957, стр. 31, 40, 46, 56 и след.

чаками и другими жителями степи, непосредственно наблюдали их быт и нравы. Это придает их сообщениям достоверный характер.

Кипчакам посвящены многочисленные исторические исследования. Однако основное внимание в них уделяется западной ветви кочевников-половцев²⁵. О восточной группе, которая в начале XI в. переселилась в присырдарьинские степи, и о других группах кипчаков, участвовавших позднее в формировании казахского, узбекского и других народов Средней Азии, сравнительно мало опубликованных работ.

В нашу задачу не входит критический анализ всей имеющейся литературы о кипчаках-половцах. Мы лишь кратко остановимся на тех трудах, которые оказали нам помощь в выяснении этнической истории кипчаков, входивших в состав узбекского народа.

Наиболее полную историю половцев написал в 70—80 гг. XIX в. венгерский историк Иштван Дьярфаш. Его четырехтомный труд «История Яс-кунав»²⁶ был первым крупным исследованием о кипчаках-половцах (венгерские куны). Первый том посвящен происхождению и переселению кипчаков на территорию Венгрии и соседних с ней государств. С течением времени многие положения о кипчаках-половцах, приведенные в этом томе, устарели, а некоторые выводы, являвшиеся предположительными, утратили научную ценность. В последующих томах говорится о кипчаках-половцах, поселившихся в Угрии после монгольского нашествия. Несмотря на многие неточности, которые допускает автор, в этих томах содержатся ценные этнографические сведения о кипчаках, обосновавшихся в Венгрии, в частности, о занятиях, быте, нравах и обычаях указанных кочевников.

Немецкий востоковед И. Маркварт, автор исследования «О народности половцев»²⁷, в своей работе уделяет большое место вопросам происхождения кипчаков, разбору различных наименований племен и племенных объединений. Однако И. Маркварт, написавший свой труд на основе анализа многочисленных китайских, арабо-персидских и европейских источников и литературы, допускает ряд ошибок и неточностей, в частности в вопросе о происхождении кипчаков, называя их то кимаками, то узами. На эти и другие ошибки И. Маркварта указывают П. Пелье и В. В. Бартольд²⁸.

²⁵ Подробно о литературе, посвященной кипчакам-кочевникам, см.: Д. А. Рассовский, Половцы «*Seminarium Kondakovianum*», VII, s. 146—147; A. v. Gabain, *Die Kommanische literatur*, PhTf, t. 2, s. 243—251.

²⁶ Györfas Istvan. *A. Jasz—Kunok Története*, I—IV, Kecskemet—Szolnok—Budapest, 1870—1885.

²⁷ J. Marquart. *Über das Volkstum des Kommanen*, s. 25—238.

²⁸ P. Pelliot. *A. propos des Comans*, — JA, ser. II, t. XV, Paris, 1920, 125—185; В. В. Бартольд. Новый труд о половцах (см.: В. В. Бартольд. сочинения, т. V, М., 1968, стр. 392—408).

В 1935 г. Д. А. Рассовским была опубликована статья, посвященная половцам²⁹, где главное внимание уделяется происхождению названных кочевников. Немаловажный интерес представляет статья Л. Рашаньо³⁰ о кипчаках-половцах, проживавших на территории Византии и Венгрии (в бассейне Дуная). В ней приводятся ценные исторические и этнографические сведения о кипчаках.

Первые труды русских исследователей о кипчаках-половцах и других тюркоязычных кочевниках появились в России еще в XVIII в.³¹ Однако регулярное изучение их на основе сведений русских летописных источников началось в XIX в.³²

Среди работ русских историков в первую очередь следует указать на труд П. В. Голубовского «Печенеги, торки и половцы до нашествия татар»³³. В этой работе рассматриваются взаимоотношения (главным образом, политические) печенегов, кипчаков-половцев и других кочевников с Киевской Русью в IX—XIII вв. В ней имеются данные об общественной жизни, обычаях и религии кипчаков южнорусской степи. Однако к отдельным теоретическим положениям Голубовского приходится относиться критически, ибо его работы написаны с позиций буржуазной методологии.

Некоторые ценные сведения о кипчаках-половцах приводит в своем труде Г. Е. Грумм-Гржимайло³⁴. Опираясь на данные китайских хроник, а также на многочисленные источники, где говорится о сохранившейся среди потомков кипчаков-половцев немногочисленной группе людей с белокурыми волосами и голубыми глазами, автор пытается выявить генетические связи кипчаков с белокурыми или северо-западными динлинами³⁵. В работе содержатся данные о местах древнего расселения кипчаков и о каменных изваяниях, принесенных ими в южнорусские степи. Хотя некоторые положения Грумм-Гржимайло с появлением новых исследований устарели, однако его гипотезы о динлинской проблеме³⁶

²⁹ Д. А. Рассовский. Указ. соч., стр. 245—261.

³⁰ L. Rashedi. Tuna havzasında kumanlar, «Belleten», (журнал турецкого исторического общества в Анкаре), 3 cilt, 1939.

³¹ П. Левашев. Картина или описание всех нашествий на Россию татар и турков и их путь браней, грабительств, начавшийся в половине X в..., СПб., 1792.

³² А. Шекатов. Словарь географический Русского государства, ч. IV, отд. I, М., 1805, стр. 1225—1234 (половцы); О древностях южного берега и гор Таврических, Крымский сборник Петра Кеппена, СПб., 1837; Самчевский. Торки, берендей и черные клобуки (Архив историко-юридических сведений, относящихся к России, издаваемый Ник. Колачевым), М., 1855, стр. 83—106; Н. Аристов. О земле половецкой (историко-географический очерк), Киев, 1877; П. Буррачков. Опыт исследования о команах или половцах. Записки Одесского общества истории и древности, т. X, 1887.

³³ П. В. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, Киев, 1884.

³⁴ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, 1926, стр. 57—67.

³⁵ Там же, стр. 57, 58, 59.

³⁶ Л. Н. Гумилев. Динлинская проблема, ИВГО, т. ХСІ, М.—Л., 1959, стр. 16—26.

и генетической связи некоторых поздних племен и племенных объединений, в том числе и кипчаков, с древнетюркскими предками, не утратили научного значения и интереса.

Из трудов о половцах, вышедших в советское время, следует указать на работы А. И. Попова³⁷ и статью В. В. Каргалова³⁸.

А. И. Попов на основе данных первоисточников, в основном русских, освещает вопросы происхождения, общественный строй, взаимоотношения половцев с Русью. В работах А. И. Попова говорится об этимологии этнонимов «кипчаки» и «половцы», а также о крупных половецких объединениях. Им затронуты также вопросы взаимных русско-половецких культурных влияний.

В. В. Каргалов в своей небольшой статье останавливается главным образом на определении времени и районов половецких набегов на Русь, а также указывает на основные центры половецких кочевий. При освещении последнего вопроса автор фактически повторяет сказанное до него К. В. Кудряшовым.

К. В. Кудряшов в своих исследованиях³⁹ путем анализа летописных данных установил основные места нахождения половецких веж в южнорусской степи и на Северном Кавказе, а также выделил два центра объединения указанных кочевников: приднепровский и приазовский. Однако метод автора, по которому названия половецких родовых групп превращены в производные от названий рек -- половцы приднепровские, зааральские, донецкие и др., подвергнут А. И. Поповым серьезной критике⁴⁰.

Некоторые данные о кипчаках в составе народностей Северного Кавказа имеются в работах Л. Я. Люлье, И. Т. Мутенина⁴¹, Е. П. Алексеевой. Для нас определенный интерес представляет исследование Е. П. Алексеевой. В своем обобщающем труде⁴² по истории Карачаево-Черкессии она приводит ценные исторические, археологические и антропологические сведения об участии кипчаков в формировании ряда северокавказских народностей, в частности ногайцев и карачаевцев⁴³.

³⁷ А. И. Попов. Кипчаки и Русь, Ученые записки ЛГУ, серия исторических наук, вып. 14, Л., 1949, стр. 94—117; Он же. Название народов СССР. Ленинград, 1973, стр. 127—131.

³⁸ В. В. Каргалов. Половецкие набеги на Русь. «Вопросы истории», 1965, № 9, стр. 68—73.

³⁹ К. В. Кудряшов. Историко-географические сведения о половецкой земле, Известия Госуд. географического общества, 1937, W 1; Он же. Половецкая степь (XII в.), ЗРГО, Новая серия, т. II, М., 1948.

⁴⁰ А. И. Попов. Названия народов СССР, стр. 128—129.

⁴¹ Л. Я. Люлье. Черкессия, Краснодар, 1927; И. Т. Мутенин. Исторические сведения о ногайцах и карагайцах, населяющих Грозненскую область, — Известия Грозненского областного института и Музея краеведения, вып. I, 1947, Грозный, 1948.

⁴² Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии, М., 1971.

⁴³ Е. П. Алексеева. Указ. соч., стр. 102—104, 170—174, 198—204, 221.

Ряд специальных статей зарубежных и советских ученых посвящен этимологии терминов «половцы», «куманы» и других наименований этих кочевников⁴⁴. Среди них особого внимания заслуживает статья А. Н. Пономарева «Куманы-половцы». Подвергая критическому анализу работы своих предшественников, А. Н. Пономарев приходит к выводу, что термин «половцы» — это русский перевод тюркского этнонима «куба». Последний является собственным наименованием кочевников и означает «бледный», «бледно-желтый». Хотя эти выводы автора далеко не убедительны, однако его подход к решению вопроса весьма полезен для разгадки смысла указанных этнонимов.

Ценные сведения о кочевниках южнорусских степей, в частности, о половцах, имеются и в работах советских археологов.

С. А. Плетнева в своей работе⁴⁵ отводит значительное место исследованию археологических памятников половецких погребений, анализу материальной культуры (главным образом одежды, предметов украшения, жилища и др.), а также общественному строю кочевников. В работе имеются отдельные неточности (в частности, в датировании погребений кочевников — печенегов, торков и половцев)⁴⁶. Однако автор подвергает обработке и анализу большое количество различных погребальных предметов, относящихся к разным объединениям кочевников, в том числе и половцев.

Важные археологические данные о половцах на Ставрополье имеются в статье Т. М. Минаевой⁴⁷.

Особо следует отметить работу Г. А. Федорова-Давыдова⁴⁸, посвященную археологическим памятникам кочевников X—XIV вв. в Восточной Европе. Автор исследует историю материальной культуры, религию, хозяйство и быт кочевников-печенегов, торков, половцев и др., историю их расселения и передвижения в обширных степях Юго-Восточной Европы. Значительное место в работе уделяется и судьбе половцев после завоевания монголов. В ней затрагиваются проблемы этногенеза, антропологии, а также вопросы взаимоотношений кочевников с Русью и некоторыми западноевропейскими странами (Венгрией, Болгарией и Византией).

⁴⁴ А. Соболевский. Некоторые этимологические названия. Половцы, РФВ, XIV, Варшава, 1910, стр. 175; А. Пономарев. Куманы-половцы, ВДИ, 194, 1940, № 3—4, стр. 366—370; I. Nemeth. Die Volksnamen quman und gun, «Korasi csoma Archivum», III, Budapest—Leipzig, 1940; В. А. Гордлевский. Что такое «Босый волк», изд. АН СССР, Отделение литературы и языка, т. IV, вып. 4, 1947, стр. 317—337; И. Г. Добродомов. Из древнерусской этнонимии, СЭ, 1966, № 3, стр. 122—128.

⁴⁵ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, МИА, 1958, № 62.

⁴⁶ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, изд. МГУ, 1966, стр. 7—9.

⁴⁷ Т. М. Минаева. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным. Материалы по изучению Ставропольского края, Ставрополь, 1964, стр. 169—176.

⁴⁸ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч.

Как мы уже указывали, в историко-этнографической литературе о восточных группах кипчаков⁴⁹, которые впоследствии вошли в состав казахов, каракалпаков, узбеков и др., говорится лишь попутно, в связи с изучением истории отдельных народов. Наиболее значительными в этом отношении являются труды В. В. Бартольда, где приводятся ценные сведения о происхождении, расселении кипчаков, особенно их восточной группы⁵⁰. Им написана небольшая статья «Кипчаки» для Энциклопедии ислама⁵¹. Наряду с этим в трудах В. В. Бартольда, на наш взгляд, имеются отдельные неточности в вопросе о происхождении кипчаков. В частности, он говорит о близком родстве кипчаков с канглы⁵². Наши исследования показывают, что канглы и кипчаки были связаны не этнически родственными, а скорее всего историческими связями (о чем скажем ниже).

Некоторые сведения по истории указанных групп кипчаков даются в исследованиях А. Ю. Якубовского⁵³. Важное значение имеет его высказывание о роли кипчаков в тюркизации монгольских племен Дешт-и Кипчака⁵⁴.

В работах дореволюционных авторов Ч. Валиханова⁵⁵, А. Левшина⁵⁶, Н. И. Гродекова⁵⁷, А. И. Добромыслова⁵⁸, Х. Харузина⁵⁹,

⁴⁹ Имеются в виду те кипчаки, которые в XI—XVI вв. и позже отдельными разрозненными группами были расселены на обширной территории казахской степи, в бассейнах Сырдарьи и Зарафшана.

⁵⁰ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия (см. В. В. Бартольд. Сочинения, т. I, М., 1963, стр. 236, 383, 392—393, 404—406 и след.); Он же. Туземец о русском завоевании (В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 334—349); Он же. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии (В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, М., 1968, стр. 61, 97, 98, 100, 125 и след.); Он же. История турецко-монгольских народов (В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 205—209 и след.); Он же. Новый труд о половцах (В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 392—408 и след.).

⁵¹ В. В. Бартольд. Кипчаки (см. В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 550, 551).

⁵² В. В. Бартольд. Рецензия на книгу Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности». (см. В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 272).

⁵³ А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака (Сугнака), сообщение ГАИМК, т. II, Л., 1929; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950.

⁵⁴ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 298—299.

⁵⁵ Ч. Валиханов. Собрание сочинений в пяти томах, т. I, Алма-Ата, 1961.

⁵⁶ А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, т. I, II, III, СПб., 1932.

⁵⁷ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области, т. I, Ташкент, 1889.

⁵⁸ А. И. Добромыслов. Скотоводство в Тургайской области, Оренбург, 1893.

⁵⁹ А. Харузин. К вопросу о происхождении киргизского народа. Этнографическое обозрение. Издание Этнографического отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете, М., 1895, № 3.

А. Аристов⁶⁰, П. И. Рычкова⁶¹ и других имеются ценные материалы о кипчаках, входивших в состав казахского народа, об их родовых делениях и тамговых знаках. Сведения указанных авторов критически рассмотрены в трудах советских ученых С. А. Аманжолова, В. В. Вострова, М. С. Муканова⁶². Ценные статьи, посвященные истории, расселению кипчакских племен и их политическим взаимоотношениям с Хорезмом в канун монгольского нашествия, опубликовал С. М. Ахинжанов⁶³.

Важные сведения о кипчаках в составе киргизской народности, об их родо-племенном делении и историко-культурных связях имеются в исследованиях С. М. Абрамзона⁶⁴ и в статьях Я. Р. Винникова⁶⁵. Об участии кипчаков в формировании современных киргизов говорится также в работе К. И. Петрова⁶⁶. Однако К. И. Петров при определении этногенетических связей и этнических компонентов киргизского этноса преувеличивает роль кимаков и кипчаков. Согласно его гипотезе, основным ядром племен, образовавших в дальнейшем киргизскую народность и формировавшихся в I тысячелетии новой эры, явились кимакско (кипчакско)-киргизские племена енисейско-иртышского междуречья, а также близкородственные им восточнокипчакские племена. Гипотеза К. И. Петрова вызвала серьезные воз-

⁶⁰ Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и каракиргизов на основании родословных делений и родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. «Живая старина», вып. III—IV, СПб., 1894; Он же. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III—IV, СПб., 1896.

⁶¹ П. И. Рычков. История Оренбургская (1730—1750), Оренбург, 1896.

⁶² С. А. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, Алма-Ата, 1959; В. В. Востров, М. С. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968.

⁶³ С. М. Ахинжанов. Кипчаки и Хорезм в канун монгольского нашествия, Вестник АН КазССР, 1970, № 1; Расселение кипчакских племен в X—XI веках. Материалы второй научной конференции молодых ученых Академии наук Казахской ССР, Алма-Ата, 1970. Он же. Кипчаки и их политические взаимоотношения с Хорезмом в XI—начале XIII в., Алма-Ата, 1973.

⁶⁴ С. М. Абрамзон. Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики, ТКАЭЭ, т. II, М., 1959, стр. 332—369; Он же. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, ТКАЭЭ, IV, М., 1960, стр. 3—137; Он же. Киргизы, в кн.: Народы Средней Азии и Казахстана (Серия «Народы мира»), т. II, стр. 151—177 и след.). Он же. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, Л., 1971.

⁶⁵ Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, ТКАЭЭ, I, М., 1956, стр. 136—181; Он же. Современное расселение народов в Ферганской долине, СЭС, II, М., 1959, стр. 382—409.

⁶⁶ К. И. Петров. Этногенез киргизов и их движение на Тянь-Шань в XIII—XV вв. Известия АН КиргССР, серия общественных наук, т. II, вып. 3 (история), Фрунзе, 1960; Он же. Очерк происхождения киргизского народа, Фрунзе, 1963. См. также: История Киргизии, т. I, Фрунзе, 1963, стр. 235—242.

ражения исследователей — Л. П. Потапова⁶⁷ и С. М. Абрамзон⁶⁸.

Сведения о кипчаках в составе каракалпаков и о их родо-племенном делении приводятся в работах П. П. Иванова⁶⁹, Т. А. Жданко⁷⁰, Л. С. Толстой⁷¹. Некоторые данные о кипчаках в составе башкирского народа имеются в работе С. И. Руденко⁷². Более обстоятельные сведения о миграции кипчаков в X—XIV вв., об их родовом делении и расселении на территории Башкирии содержатся в ряде исследований Р. Г. Кузеева⁷³.

Очень интересные данные о кипчаках Алтая приводятся в работах Л. П. Потапова⁷⁴. Автор на основе археологических и этнографических материалов высказывает свою точку зрения по вопросам происхождения, исторических и этнокультурных связей кипчаков с многими родами (сеоками) южных алтайцев.

Беглые сведения о кипчаках, их миграции, расселении, родовом делении, а также об участии их в политических событиях среднеазиатских ханств можно найти в работах дореволюционных исследователей — краеведов, востоковедов, тюркологов Н. Ханькова⁷⁵, А. И. Макшеева⁷⁶, А. Д. Гребенкина⁷⁷, А. П. Хорошхина⁷⁸, В. В. Радлова⁷⁹, В. Наливкина⁸⁰ и др. Эти же вопросы затрагиваются и в работах советских историков и этногра-

⁶⁷ Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969, стр. 56.

⁶⁸ С. М. Абрамзон. Киргизы, в кн.: Народы Средней Азии и Казахстана, серия «Народы мира», т. II, стр. 164—165; Он же. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, стр. 13—18.

⁶⁹ П. П. Иванов. Очерки истории каракалпаков (Материалы по истории каракалпаков), сб. ТИВ АН, т. VIII, 1935; Он же. Новые данные о каракалпаках, СВ, М.—Л., 1945, стр. 59—79.

⁷⁰ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950; Она же. Каракалпаки Хорезмского оазиса, ТХАЭЭ, т. I, стр. 461—566.

⁷¹ Л. С. Толстова. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX — начале XX в., Нукус—Ташкент, 1963.

⁷² С. И. Руденко. Башкиры, М.—Л., 1955.

⁷³ Р. Г. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, Уфа, 1957, Башкирское шежере, Уфа, 1960; Башкиры, Историко-этнографический очерк, Уфа, 1963; Этнический состав, история расселения и происхождение башкирского народа, автореферат докт. дисс., М., 1971, Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения, М., 1974.

⁷⁴ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, стр. 141—153; Он же. Этнический состав и происхождение алтайцев, Л., 1969.

⁷⁵ Н. Ханьков. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843.

⁷⁶ А. И. Макшеев. Географические и этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае, ЗРГО, т. II, СПб., 1871.

⁷⁷ А. Д. Гребенкин. Узбеки, сб. РТ, вып. II, М., 1872.

⁷⁸ А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся Туркестанского края, СПб., 1876.

⁷⁹ В. В. Радлов. Средняя Зерафшанская долина, ЗРГО, т. VI, СПб., 1880.

⁸⁰ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886.

фов — П. П. Иванова⁸¹, Т. А. Жданко⁸², К. Л. Задыхиной⁸³, Я. Р. Винникова⁸⁴, Ш. И. Иногамова⁸⁵. Некоторые фактические данные о кипчаках имеются и в материалах переписей 1917, 1920 и 1926 гг.⁸⁶, и в материалах по районированию Средней Азии.

В перечисленных трудах дореволюционных и советских ученых о кипчаках говорится лишь попутно, в рамках исследуемых ими народов и историко-политических событий. Однако сведения этих авторов помогли нам разобраться во многих сложных вопросах этнической истории, родо-племенном делении, исторических и генетических связях кипчаков с их средневековыми предками.

Одним из ранних источников о языке кипчаков является объемистый труд Махмуда Кашгарского (XI в.)⁸⁷. В нем говорится в основном о присырдарьинских кипчаках, на диалекте которых сказалось влияние огузского языка. К кипчакско-огузскому языку населения средней и нижней Сырдарьи относится и язык «Хикмата» Ходжи Ахмеда Есеви⁸⁸.

Памятниками старокипчакского разговорного языка XIII—XIV вв. являются сочинение Абу-Хайана «Китаб ал идрак ли-ли-сан ал-аттарак», составленное Джамал ад-дином Абу Мухаммад Абдуллах ат-Турки⁸⁹, «Арабо-кипчакский словарь» египетских Мамлюков⁹⁰ анонимного автора XIV в., «Аттухфатуз Закияту Филлуғатит туркия»⁹¹ и др. Автор последней книги сообщает, что при написании своего сочинения он пользовался кипчакским языком, «потому что этот язык является самым распространен-

⁸¹ П. П. Иванов. Восстание китая-кипчаков в Бухарском ханстве, 1821—1825 гг., ТИВ АН СССР, т. XXVIII, М.—Л., 1937.

⁸² Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950.

⁸³ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, ТХАЭЭ, т. I, М., 1952; Она же. Культура и быт узбеков Кипчакского района Каракалпакской АССР. ТХАЭЭ, т. II, М., 1958.

⁸⁴ Я. Р. Винников. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине, СЭС, вып. II, стр. 382—409.

⁸⁵ Ш. И. Иногамов. Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах УзССР, автореферат канд. дисс., Ташкент, 1955.

⁸⁶ Поселенные итоги Сыр-Дарьинской области, Ташкент, 1923; Материалы Всероссийских переписей, 1920. Перепись населения в Туркестанской республике, вып. III. То же, вып. IV. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г., Ташкент, 1924; То же, вып. V. Поселенные итоги Самаркандской области, Ташкент, 1924. Всесоюзная перепись населения 1926 года, т. XV, Узбекская ССР, М., 1928.

⁸⁷ Махмуд Кошгарий. Девону луғотит турк, уч томлик, таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталибов, Тошкент, 1960—1963.

⁸⁸ Э. Н. Наджиб. Кипчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV в., автореферат докт. дисс., М., 1965, стр. 9—14 и след.

⁸⁹ Dr. Ahmat Gaferaglu. Abu-Hayyan, Kitab al-Idrak li-lisan al-Atrak, Istanbul, 1931.

⁹⁰ A. Zająscowski. Słownik Arabsko-Kipczacki, Warszawa, 1954. Он же. Новонайденный арабо-кипчакский словарь из государства Мамлюков, НАА, М., 1961, № 3, стр. 111—116.

⁹¹ Аттухфатуз Закияту Филлуғатит Туркия, Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталибов, Тошкент, 1968.

ным (из всех прочих тюркских языков.— К. Ш.) языком»⁹². Следует указать, что упомянутые выше памятники созданы в Египте и, следовательно, отражают кипчакский язык государства Мамлюков и отчасти Золотой Орды. На этом языке был создан целый ряд литературных произведений в XIII—XIV вв.⁹³

Важнейшим источником изучения кипчакско-половецкого (куманского) языка начала XIV в. является словарь, известный под названием *Codex cumanicus*, составленный итальянскими и немецкими миссионерами на основе латинского алфавита⁹⁴. Отдельные половецкие слова в виде словарника были записаны и в России⁹⁵. Ценными материалами половецкого языка являются также письменные документы тюркоязычных армян XVI в.⁹⁶. Эти и другие литературные данные свидетельствуют о том, что у кипчаков-половцев в XI—XIV вв. и позже бытовали различные диалекты, соответствующие местам их расселения. Эти диалекты отличались друг от друга—в зависимости от степени смешанности кипчаков-половцев с теми или другими этническими элементами и интенсивности взаимосвязей их с соседними народами и племенами. Поэтому язык присырдарьинских кипчаков XI—XIII вв., вошедший в свой состав западнотюркские, карлукские и огузские элементы, во многом отличался от диалекта половцев южнорусской степи как до, так и после монгольского нашествия. Язык половцев-куманов также был смешанным. На язык кипчаков Египта оказывали сильное влияние ранее прибывшие сюда туркмены-огузы и другие тюркоязычные элементы.

О языке кипчаков говорится и в трудах лингвистов Н. А. Баскакова⁹⁷, Э. Н. Наджипа⁹⁸ и др. Эти исследователи при классификации тюркских языков выделяют особую кипчакскую группу. Кипчакские диалекты имеют широкое распространение на территории нынешнего Узбекистана: они исследуются в трудах многих советских ученых⁹⁹.

⁹² Там же, стр. 8.

⁹³ Э. Н. Наджип. Указ. соч., стр. 3—31.

⁹⁴ Об истории изучения этого кипчакского памятника см.: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков, М., 1962.

⁹⁵ Послание патриарха Фотия в древнем славянском переводе — половецкие слова, журн. «Москвитинин», 1850, № 8, кн. 2, стр. 7—9.

⁹⁶ Т. И. Грунин. Памятники половецкого языка XVI в., в сб. «Академику Владимиру Александровичу Гордлевскому к его семидесятилетию», М., 1953, стр. 90—97; Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты Каменец-Подольской армянской общины), М., 1967.

⁹⁷ Н. А. Баскаков. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования, Труды Института языкознания АН СССР, т. I, М., 1952; Он же. Введение в изучение тюркских языков, М., 1962; A. V. Gabain. Die Sprache des Codes Cumanicus, PhTh, t. I, 46—73.

⁹⁸ Э. Н. Наджип. Указ. соч., стр. 5—39.

⁹⁹ И. А. Батманов. Вопросы классификации узбекских говоров, в сб. «Проблемы языка», Ташкент, 1934; Е. Д. Поливанов. Материалы по грамматике узбекского языка, Ташкент, 1935; А. К. Боровков. Вопросы классификации узбекских говоров, «Известия АН УзССР», 1953, № 5, стр. 68—73;

Антропологические данные об этнографических группах кипчаков имеются в работах Т. А. Трофимовой¹⁰⁰, Л. В. Ошанина и В. Я. Зезенковой¹⁰¹, И. М. Золотаревой¹⁰², В. В. Гинзбурга и Н. Г. Залкинд¹⁰³, М. С. Великановой¹⁰⁴ и др.

Попытка этнографического изучения кипчаков Ферганской долины была сделана еще в 1950—1951 гг. Ферганской этнографической экспедицией¹⁰⁵, возглавленной В. Г. Мошковой. К сожалению, материалы экспедиции не были систематизированы и опубликованы. Узбеки-кипчаки Ферганской долины отражены на этнографических картах, составленных Ш. И. Иногамовым, а также Я. Р. Винниковым. Немаловажное значение имеет и карта расселения киргизов в Южной Киргизии, приложенная к другой работе Я. Р. Винникова¹⁰⁶, где указаны и районы расселения киргиз-кипчаков. Некоторые сведения о группах кипчаков содержатся в статьях К. Л. Задыхиной, посвященных узбекам Хорезма¹⁰⁷. Представляют интерес также этнографические карты к статье К. Л. Задыхиной¹⁰⁸. На них нанесены районы расселения кипчаков в Хорезме в конце XIX — начале XX в.

В настоящем обзоре указаны лишь те труды, которые имеют наиболее важное значение для изучения этнической истории кипчаков. Использованная нами литература о хозяйстве, материальной и духовной культуре, семейном и общественном быте кипчаков дана в примечаниях. Теперь коснемся коротко вопроса о терминах «кипчак», «половцы» и других наименованиях этого сред-

В. В. Решетов. Кураминские говоры Ташкентской области, автореферат докт. дисс., Ташкент, 1955; Он же. Узбекский язык, I. Фонетика, Ташкент, 1959; В. Решетов, Ш. Шоабдурахманов. Узбек диалектологии, Тошкент, 1962; Ф. Абдуллаев. Кипчакский говор узбекского языка (по материалам Янги-Курганского района Наманганской области), автореферат канд. дисс., Ташкент, 1957; Ф. А. Абдуллаев. Фонетика хорезмских говоров, Ташкент, 1967; Ю. Жўраев. Юқори Қашқадарё ўзбек шевалари, Тошкент, 1969.

¹⁰⁰ Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, М., 1949.

¹⁰¹ Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова. Этногенез народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953.

¹⁰² И. М. Золотарева. Соматологические исследования в Ферганской долине, ТКАЭ, вып. I, М., 1956.

¹⁰³ В. В. Гинзбург, Н. Г. Залкинд. Материалы к антропологии казахов, СМАЭ АН СССР, т. 16, 1955; В. В. Гинзбург, Т. А. Трофимова. Палеоантропология Средней Азии, М., 1972.

¹⁰⁴ М. С. Великанова. Об одной группе средневекового населения Молдавии по антропологическим данным, СЭ, 1965, № 6, стр. 61—75.

¹⁰⁵ О. А. Сухарева. Ферганская этнографическая экспедиция, СЭ, 1954, № 3.

¹⁰⁶ Я. Р. Винников. Современное расселение народов в Ферганской долине. Он же. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 168—169.

¹⁰⁷ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, ТХАЭЭ, т. I, М., 1952, стр. 319—426; Она же. Культура и быт узбеков Кипчакского района Каракалпакской АССР, ТХАЭЭ, т. II, М., 1958, стр. 762—808.

¹⁰⁸ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, стр. 339—340.

невекового народа в связи с существующими гипотезами о его происхождении.

В китайской династийной хронике 203 г. до н. э.¹⁰⁹ кипчаки упоминаются под названием «кюеше» или «цзюшэ»¹¹⁰, которое в научной литературе отождествляется с племенным наименованием «кипчак»¹¹¹. Под собственным названием «кипчак» они встречаются в надписях селенгинского камня, относящихся к середине VIII в. н. э.¹¹² Позже этноним «кипчак» (или «кифчак») встречается в сочинениях мусульманских авторов: у Ибн-Хорда-дбеа (IX в.)¹¹³, у анонимного автора «Худуд-ал алем» (X в.)¹¹⁴, Бейхаки (XI в.)¹¹⁵, Гардизи (XI в.)¹¹⁶, Ахмед-ат Туси (XII в.)¹¹⁷, Ибн-ал-Асира (XIII в.)¹¹⁸, Рашид ад-Дина (XIV в.)¹¹⁹. Он упоминается также в произведениях Низами¹²⁰, Навои¹²¹. О кипчаках говорится и в одной из версий «Огуз-наме»¹²².

Этническое наименование «кипчак» в форме «кипчат» встречается также у Гильома Рубрука (XIII в.)¹²³. В «Слове о полку Игореве» этноним «топчак»,¹²⁴ вероятно, является искаженной передачей на средневековый русский язык племенного названия «кипчак». Однако в русских летописях, как об этом говорилось выше, кипчаки были известны под названием «половцы», «куманы» (или «команы»).

В данной работе мы не ставим перед собой задачу специального анализа и разрешения вопроса об этимологии различных наименований кипчаков-половцев. Этими вопросами занимались до

¹⁰⁹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена, т. I, стр. 50.

¹¹⁰ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. III, М.—Л., 1953, стр. 183—210.

¹¹¹ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. III, стр. 183; А. Н. Бернштам. Древнетюркские элементы в этногенезе Средней Азии, СЭ, 1947, вып. 6—7, стр. 154; Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 143; Л. Н. Гумилев. Динлинская проблема, ИВГО, т. XCI, стр. 19; Он же. Хунну, М., 1960, стр. 65.

¹¹² Г. И. Рамстед. Указ. соч., стр. 40; С. М. Малов, Указ. соч., стр. 38.

¹¹³ Ибн Хордадбех. *Kitab al-Masalik wa'l-Mamalik* (liber viarumet regnorum) auctore Abu'l-Kasim Obaidallah ibn Abdallah Khordadbeh et Excerpta e Kitab al-Kharadj auctore Kodama ibn Djafar quae cum versione gallica edidit, indicibus et glossario intruxit M. J. de Goeje, Lugduni—Batavorum, 1889, (BGA, VI), S. 3.

¹¹⁴ Худуд-ал-алем, л. 106, 13а, 186, 19а.

¹¹⁵ Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда, стр. 153, 827, 849.

¹¹⁶ В. В. Бартольд. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-акбар». Приложение к отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1843—1894 гг., Сочинения, т. VIII, М., 1973, стр. 23—62.

¹¹⁷ J. Marquart. *Über das Volkstum der Komanen*, S. 79.

¹¹⁸ В. В. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 26, 27, 28.

¹¹⁹ Рашид-ад-Дин. Указ. соч., т. I, книга первая, стр. 66, 75 и след. книга вторая, стр. 76—80 и след.; т. II, стр. 28, 36, 38 и след.

¹²⁰ Низами. Искандер-номе, Баку, 1953, стр. 356—360.

¹²¹ Алишер Навоий. Хазойинул Маоний, т. II, нашрга тайёрловчи Х. Сулайманов, Тошкент, 1959, 73, Он же. Стена Искандера. Собрание сочинений в десяти томах, т. VII, Ташкент, 1968, стр. 39, 71, 80.

¹²² А. М. Щербак. Огуз-наме, Мухаббат-наме, М., 1959, стр. 45.

¹²³ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, стр. 111.

¹²⁴ Слово о полку Игореве, стр. 44, 61.

нас многочисленные исследователи — историки, востоковеды и тюркологи. Споры, которые велись учеными вокруг термина «кипчак»¹²⁵, пока не дали положительных результатов. Однако в объяснении терминов «половцы», «куманы» есть некоторые сдвиги.

В данном исследовании мы считаем нецелесообразным останавливаться подробно на многочисленных высказываниях ученых относительно приведенных выше терминов, ибо ранние их толкования уже устарели и не имеют научной ценности¹²⁶. Укажем лишь на более поздние толкования авторами терминов «половцы» и «куманы».

Отдельные исследователи склонны были считать, что происхождение названия «половцы» связано со старорусским термином «половый» и дано русскими этому народу за цвет его кожи и волос¹²⁷. Такое предположение было отвергнуто в указанной выше статье А. Пономарева. Несколько позже Л. Н. Гумилев указывает на генетическую связь кипчаков с древними белокурыми динлинами¹²⁸. Можно полагать, что вопрос о связи этнонима «половцы» с внешним видом или цветом волос остается еще не до конца выясненным.

Западноевропейским народам кипчаки-половцы были известны под различными наименованиями: грекам как «певияни», полякам и чехам — «плавцы», немцам — «флеви», «фалон» и т. д. Все эти термины восходят к русскому «половцы», через русских они стали известны западным странам. Византийцы называли половцев «куманы», или «команы», венгры — «куманы». Латинское название их «коман» или «киман». Плано Карпини и Рубрук называли кипчаков «команами».¹²⁹

¹²⁵ Сводку об этимологии термина «кипчак» см.: J. Marquart. Über das Volkstum der Komanen, S. 159—162; V. Mineoski. Hudud al-alam S. 315—317; A. Zajackowski. Związki jezikowe Polowiecko—Słowiańskie, Wrocław, S. 5—18.

¹²⁶ О трактовке разными авторами терминов «половцы», «куманы» см. Marquart. Указ. соч., стр. 28—29, 173—176; Д. А. Рассовский. Указ. соч., стр. 253, 254; А. Пономарев. Куманы-половцы, ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 366—370.

¹²⁷ J. Marquart. Указ. соч., стр. 28—29; А. И. Попов. Названия народов СССР, Ленинград, 1973, стр. 127. Е. Г. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, стр. 57—59; Д. А. Рассовский. Указ. соч., стр. 253—260; В. В. Бартольд. Новый труд о половцах.— В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 397. Русский термин «половый» означало — бледный, бледно-желтый, соломенно-желтый.

¹²⁸ Л. Н. Гумилев. Динлинская проблема, стр. 19.

¹²⁹ О наименовании кипчаков команами см.: С. М. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, Киев, 1884, стр. 127—129 и след.; J. Marquart. Указ. соч., стр. 28—29, 173 и след. См. также рецензию В. В. Бартольда на указ. труд Маркварта (В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 399—408); Д. А. Рассовский. Печенеги, торки и берендеи на Руси и Угрии. «Seminarium Kondakovianum», Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый Институтом им. Н. П. Кондакова, VI, Praha, 1933, стр. 37; Он же. Половцы, стр. 252—253; А. Пономарев. Куманы-половцы, ВДИ, № 3—4, стр. 336—370; J. Nemeth. Die Volksnamen quman und gun «korosi», Csoma Archivum, Budapest—Leipzig, 1940.

Эти последние группы терминов звучат как русские «куманы» или «команы» (последнее в «Слове о полку Игореве»). Согласно А. Пономареву, этноним «куман» через русских был воспринят византийцами, а затем и другими европейцами¹³⁰. Это мнение А. Пономарева, вероятно, близко к истине. Его мысль о бытовании у средневековых кипчаков-половцев этнонима «куба (н)», также является бесспорной. Однако мы не можем согласиться с его мнением о происхождении термина «половцы» от термина «куман» или «кубан».

Отвергая мнение ученых о связи происхождения термина «половцы» с внешним видом кочевников, А. Пономарев в то же время указывал, что название «половцы» является переводом имени половецкого народа «кубан»¹³¹, которое в искаженном виде произносилось «куман». Иначе говоря, по его мнению, смысл русского «половый» и тюркского «куба (н)»¹³² совпадает. Последнее, как прилагательное на языке ряда тюркоязычных народов (ногайцев, шорцев, сагайцев, казахов) означает «бледный», «бледно-желтый» цвет и оттенок. Такой же смысл имеет древнерусский термин «половый»¹³³.

Но с этими выводами А. Пономарева трудно согласиться.

Этноним «куба (н)», вероятно, связан с алтайскими «кубанды» или «куманды», и «куу-кижи» (лебедицы — люди реки Лебеди), которые считаются остатками древнетюркского племени ку(лебе́дь)¹³⁴. Вероятно, часть этого племени вместе с кипчаками ушла на запад и в XI—XII вв. образовала многочисленное родо-племенное объединение в составе половцев. Термин «куман», видимо, происходит от тотема «ку» — лебедь¹³⁵, а афикс «ман» указывает на принадлежность к определенному роду (родоначальнику), в данном случае тотемному роду лебедя «ку-ман»).

«Куба́» как наименование одного из кипчакских родов встречалось еще в 50-х годах прошлого столетия в составе кипчаков, проживавших в восточной части Оренбургского ведомства¹³⁶.

¹³⁰ А. Пономарев. Указ. соч., стр. 369.

¹³¹ Там же.

¹³² Одна из рек Северного Кавказа называется Кубань. Предполагалось, что название указанной реки происходит от этнического названия племени половцев — куман (см. Ф. Навозова. Краснодарский край, Краснодар, 1955, стр. 60). Однако Л. Г. Гулиева по этому поводу высказала свое сомнение (см. Л. Г. Гулиева. О названии реки Кубань, в сб.: Топонимика Востока. Исследования и материалы, М., 1969, стр. 139; Она же. Некоторые топонимы с этническими основами на Кубани, в сб.: Этноним, М., 1970, стр. 165).

¹³³ А. Пономарев. Указ. соч., стр. 169.

¹³⁴ Н. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, «Живая старина», вып. III—IV, стр. 279—280; Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 55—56.

¹³⁵ Т. И. Грунин. Введение к книге «Документы на половецком языке XVI в.», см. указ. кн., стр. 99, прим. 5.

¹³⁶ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и сведения об их численности, «Живая старина», вып. III, IV, стр. 367.

Куба — крупный род киргизского племени черик¹³⁷. Последний если не генетически, то исторически был связан со средневековыми кипчаками, о чем скажем несколько ниже. Этноним «куба» в форме «кува» имеется и у узбекского родо-племенного объединения кунграт¹³⁸. Наличие этнонима «куба (н)» у поздних кипчаков, а также у узбеков кунграт и киргизов-ичкилик может служить подтверждением нашего предположения о бытовании самостоятельного племени или родо-племенного объединения куба в составе средневековых кипчаков-половцев.

В средние века половцы были известны также под названием сарацин, сорочин, срачин, сорочинин и т. д. Согласно И. Г. Добродомову, термин «сорочин» состоит из двух частей: в первой части содержится прилагательное «сары», «сарык» (желтый). Вторую часть этого этнонима составляет также тюркское слово «кунн»¹³⁹ со значением «народ», переоформившееся в славянском языке и претерпевшее значительные изменения уже на славянской почве: отсутствовавший у славян тюркский звук «у» был заменен звуком «и», перед которым заднеязычный согласный изменился в шипящую аффрикату, т. е. «кун-чин»¹⁴⁰. Как видно, кипчакское «сарэ-кун» в древнерусском языке дало «сорочин»¹⁴¹.

Таким образом, интересующие нас кочевники были известны русским в основном под тремя этнонимическими терминами: половцы, куманы, сорочин (ин).

Этноним «сары(к)» вплоть до XX в. сохранялся в составе почти всех среднеазиатских народов, например, у киргизов (саруу)¹⁴² и туркмен (сарык)¹⁴³; он служил названием крупного племени и у казахов¹⁴⁴. Встречается он и у каракалпаков¹⁴⁵, башкир¹⁴⁶, узбеков.

¹³⁷ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 50—51.

¹³⁸ Н. Ситняковский. К генеалогической таблице узбекского рода кунграт. Известия Туркестанского отдела РГО, т. VII, Ташкент, 1907, стр. 22—23.

¹³⁹ И. Г. Добродомов. Из древнерусской этнонимии, СЭ, 1966, № 3, стр. 122—128.

¹⁴⁰ Там же, стр. 126.

¹⁴¹ Там же, стр. 127.

¹⁴² Я. Р. Винников. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, ТХАЭЭ, вып. I, стр. 153; С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 66—71.

¹⁴³ Я. Р. Винников. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, М., 1969, стр. 23.

¹⁴⁴ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, стр. 350, 384; В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 24, 27, 37, 47 и след.

¹⁴⁵ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, см. табл. 6.

¹⁴⁶ Р. Г. Кузеев. Этнический состав, история расселения и происхождения башкирского народа, автореферат докт. дисс., стр. 52.

Бытование этнонима «сары(к)» у среднеазиатских народов, казахов и башкир приводит к мысли, что в средние века «сары(к)» было, видимо, наименованием крупного тюркоязычного племени или племенного объединения¹⁴⁷.

В древности тюркоязычные племена Алтая и Южной Сибири обозначали стороны света при помощи цветовых наименований: черный, красный, синий, белый, желтый и др. Черный цвет обозначал север¹⁴⁸. Красный — юг, синий — восток¹⁴⁹, желтый — центр¹⁵⁰, а белый, — видимо, запад¹⁵¹. Эта традиция продолжала бытовать и в последующие века. Однако у племен позднего средневековья цветовые наименования сторон света почти не практиковались, и сохранился лишь пережиток этого явления — цветовое прилагательное перед наименованиями некоторых родо-племенных групп, очевидно, связанное с характером их расселения.

Средневековые кипчаки делились на три группы: кара-кипчак, ак-кипчак и сары-кипчак. Каждая группа, видимо, являлась крупным родо-племенным объединением, а все они вместе были известны под общим наименованием «кипчак». В середине XII в. у Идриси упоминаются белые и черные куманы¹⁵², что соответствует названным нами ак-кипчакам и кара-кипчакам. Белые куманы на карте Идриси размещены в приднепровских и придунайских степях, а черные куманы по Дону и в Приазовье¹⁵³. Ранних сведений о сары-кипчаках у нас не имеется. Однако, поскольку группа сары-кипчак сохранялась в этническом составе кипчаков Узбекистана, каракалпаков бассейна Зарафшана¹⁵⁴ и в составе казахского племени кипчак¹⁵⁵, можно с большой долей вероятности говорить о бытовании сары-кипчаков еще в эпоху средневековья. Не исключена возможность, что некоторая часть их в XI—XIII вв. была переселена в южные районы Восточной Европы¹⁵⁶.

¹⁴⁷ Более подробно об этнониме «сары» см.: В. В. Бартольд, Новый труд о половцах (Сочинения, т. V, стр. 396). И. Г. Добродомов. Из древнерусской этнонимии, СЭ, 1966, № 3.

¹⁴⁸ *Islam Ansiklopedasi*, 58 cüz, Isbanbul, 1953.

¹⁴⁹ Н. А. Баскаков. К вопросу о происхождении этнонима «киргызы», СЭ, 1964, № 2, стр. 93.

¹⁵⁰ В другом случае «сарыг» (желтый) обозначал север. См.: И. Г. Добродомов. Из древнерусской этнонимии, СЭ, 1966, № 3, стр. 127.

¹⁵¹ Не исключена возможность, что ориентация на стороны света была связана с войсковым делением хуннов. Последние делили кавалерию на четыре части в соответствии с частями света, причем каждая имела одномастных лошадей: западная сторона — белой масти, северная — черной и т. д. См.: История Тувы, т. I, стр. 36.

¹⁵² Б. А. Рыбаков. Русские земли на карте Идриси 1154 г., КСИМК, вып. XIII, стр. 114, и рис. 14.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 99.

¹⁵⁵ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 75.

¹⁵⁶ См. подробно во II главе.

Из вышеизложенного выясняется следующее. В составе кипчаков-половцев были группы кочевников, которые называли себя ак-, кара- и сары-кипчаками. В это же объединение входила и значительная часть родо-племенной группы сары (к), или народ сары-кун (сорочин). Вероятно, эти термины в прошлом были связаны с географическим расположением частей племени кипчак, т. е. каждое из них обозначало одну из сторон света. Во втором случае термин «сарык» являлся названием отдельного племени или племенного объединения, значительная группа которого была переселена в южнорусские степи. Видимо, термин «сарык» в одном случае служил в качестве определения при наименовании племени, а в другом случае был этнонимом. Возникает вопрос: не являлось ли название «половцы» переводом на средневековый славянский язык тюркского этнонима «сарык».

В. В. Бартольд впервые высказал предположение, что этноним «половцы» связан с названием народа и страны Сары¹⁵⁷. И. Г. Добродомов, присоединяясь к мнению В. В. Бартольда, указывает, что «половцы» — это калька с тюркского этнонима «сары (к)»¹⁵⁸. Однако, так могло быть только в том случае, если сары (к) играли в средневековом объединении кипчаков-половцев главенствующую роль и составляли в нем большинство по численности. Выяснение этих вопросов требует дальнейшего глубокого исследования.

Остановимся коротко на вопросе происхождения кипчаков. Прямых указаний на принадлежность кипчаков к определенным древним племенным объединениям нет. В связи с этим об их происхождении можно говорить лишь предположительно, сопоставляя ряд уже известных в науке исторических, антропологических и языковых данных.

Г. Е. Грумм-Гржимайло считает кипчаков ветвью динлинского племени бома¹⁵⁹. Л. Н. Гумилев поддерживает гипотезу Г. Е. Грумм-Гржимайло о динлинском происхождении кипчаков¹⁶⁰. Однако в отличие от последнего он не причисляет бома к динлинам, считая, что бома были самостоятельным белокурым народом, жившим на северных склонах Саяно-Алтая¹⁶¹.

В исторической литературе установилось мнение, что динлины являлись автохтонными жителями Южной Сибири и с глубокой древности обитали в окрестностях Гоби, Саяно-Алтайского на-

¹⁵⁷ В. В. Бартольд. Новый труд о половцах (сочинения, т. V, стр. 396).

¹⁵⁸ Г. И. Добродомов. Указ. статья, стр. 126.

¹⁵⁹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, стр. 59.

¹⁶⁰ Л. Н. Гумилев. Динлинская проблема, стр. 19; Он же. Хунну, М., 1960, стр. 250.

¹⁶¹ Л. Н. Гумилев различает две группы бома: одна из них (северные бома) жила на северных склонах Саяно-Алтая, а другая являлась ветвью ди, которые жили в Северном Китае (Гяньсу). См.: Л. Н. Гумилев. Динлинская проблема, стр. 18, 20.

горя, в Минусинской котловине и Туве¹⁶². Кипчаки (кюеше) упоминаются в древних хрониках с конца III в. до н. э. В этот период они жили на Северо-Западном Алтае, в долине Чжей-лан¹⁶³.

В 209—201 гг. до н. э. хунну одновременно с кипчаками подчинили себе динлинов и ряд других племен Южной Сибири¹⁶⁴.

Как видно из вышеприведенных данных, в III—II вв. до н. э. «динлины» и «кипчаки» фигурируют как два самостоятельных этнонима. Следовательно, в указанные периоды и позже кипчаки не входили в состав динлинов. Возможно ли, что более отдаленные предки кипчаков были динлинами? На этот вопрос можно было бы ответить положительно, если считать обоснованными гипотезы о том, что во-первых, динлины являлись автохтонными жителями Сибири и территория, которую занимали кипчаки (в III—II вв. до н. э.), до этого периода являлась частью владений динлинов; во-вторых, под термином «динлин» в древности объединялись многие племена, что этим термином древние хроники называли все народы, обитавшие в Южной Сибири. Только при условии доказательства верности этих гипотез можно полагать, что историческими предками кипчаков являлись динлины.

В конце III в. до н. э. кипчаки, как и динлины, попали под власть хуннов.

В первые века новой эры на горном Алтае обитали объединения гаогүй (теле), тюкю (тюрок), карлуки (гололу), кипчаки и др. В исторических хрониках говорится о происхождении гаогүйцев от хуннов¹⁶⁵, а карлуков «из тюкюйского дома»¹⁶⁶.

Кипчаки не входили в объединение гаогүйцев-теле. Нет также прямых указаний о вхождении их в состав древних тюкю. Китайские хроники упоминают кипчаков вновь лишь в 641 г. н. э.

¹⁶² Л. Н. Гумилев. Хунну, стр. 24. Помимо динлин в древнекитайских хрониках встречаются и наименования народа «ди» и «дили» (см. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, т. I, стр. 49, 913, 214; т. II, стр. 73, 74, 79). Как полагает Л. Н. Гумилев, ди и динлины были разными народами: первые являлись аборигенами Сибири, а вторые — жителями Северо-Западного Китая. Степные динлины впоследствии вошли в состав хуннов, сообщив им некоторые европейские черты. Л. Н. Гумилев полагает, что дили были родственны ди, но не идентичны им, они кочевали в Хэсе (степь на западе от Ордоса). Второе название ди было «чи-ди», т. е. красивые ди (см. Л. Н. Гумилев. Динлинская проблема, стр. 19, 26), потомками которых являются гаогүй, хойхо-уйгур, теле (см. Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 150).

¹⁶³ Палладий Кафаров. Примечание к Юан-чаю-ми-ши, Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV, СПб., 1872, стр. 247.

¹⁶⁴ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах..., т. I, стр. 50.

¹⁶⁵ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 214. О происхождении гаогүйцев-теле см. также Л. Н. Потапов. Очерки истории алтайцев, стр. 136—141; Он же. Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 147—170; Д. И. Тихонов. Хозяйство и общественный строй уйгурского государства X—XIV вв., М.—Л., 1966, стр. 22—25.

¹⁶⁶ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 347.

в числе зависимых от западнотюркского хана Дулу¹⁶⁷. А в древнетюркском памятнике, поставленном в честь уйгурского хана Моюн-Чуру (VIII в.), они упоминаются как «тюрки-кипчаки»¹⁶⁸. Однако, последнее сообщение, нам кажется, свидетельствует не о происхождении кипчаков, а скорее всего о принадлежности их к числу древних тюркоязычных племен Алтая.

Анализ данных древних хроник о кипчаках (кюеше) и других племенах и народах Южной Сибири убеждает нас в том, что этническая история кипчаков конца I тысячелетия до н. э. и первых веков новой эры была тесно связана с историко-культурной областью Саяно-Алтайского нагорья. Не исключено, что в родоплеменном составе кипчаков в указанные периоды участвовали элементы других древних компонентов, таких как динлины, хунны и др.

Одним из доводов, приводимых Г. Е. Грумм-Гржимайло и Л. Н. Гумилевым для подтверждения гипотезы принадлежности кипчаков к динлинам, являются сведения о сходстве их физического типа: как кипчаки, так и динлины считались европеоидным белокурым народом¹⁶⁹.

В древних хрониках имеются указания на то, что кипчаки были рыжеволосыми и голубоглазыми¹⁷⁰. Эти же внешние признаки у значительной части кипчаков сохранились и в домонгольский период¹⁷¹. Мы не собираемся утверждать, что средневековые кипчаки были «чисто» европеоидами. Несомненно, в их антропологическом типе имелись и значительные монголоидные компоненты.

Палеоантропологические материалы свидетельствуют о расселении монголоидного и европеоидного населения в Сибири с глубокой древности¹⁷². Монголоидные компоненты в составе формирующихся тюрков Алтая (являвшегося и прародиной кипчаков) участвовали еще в V—IV в. до н. э.; наличие их стало особенно ощутимым в начале нашей эры¹⁷³. А в средние века, особенно после завоевания монголами и в результате смешения с ними, доля монголоидности у кипчаков увеличилась¹⁷⁴. Несмотря на это, не-

¹⁶⁷ Ed. Chavannes. Documents sur les Tou-kiue (Tures) occidentaux, St. Pbg., 1903 (Сб. ТОЭ, вып. VI), p. 28—29.

¹⁶⁸ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 34, 38.

¹⁶⁹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, стр. 9—10, 38, 57—59; Л. Н. Гумилев. Динлинская проблема, стр. 19.

¹⁷⁰ Н. Я. Бичурин (Иакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова, СПб., 1829, стр. 273—274.

¹⁷¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., т. II, стр. 57—59.

¹⁷² Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948, стр. 65—70; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 43.

¹⁷³ С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 494.

¹⁷⁴ С. А. Плетнева. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях, стр. 210; В. П. Алексеев. Некоторые проблемы происхождения карачаевцев в свете данных антропологии, МНСПБКН, Нальчик, 1960, стр. 328; В. В. Гинзбург, Н. Г. Залкинд. Материалы к антропологии казахов, Сборник музеев антропологии и этнографии АН СССР, т. 16, 1955, стр. 452.

значительные группы кипчаков впоследствии сохраняли некоторые черты былой европеоидности. Так, в конце XIX в. среди караи карагай-кипчаков, родов оренбургских башкир, оказалось «приблизительно 50% темнорусых и рыжих субъектов»¹⁷⁵. Антропологический тип потомков кипчаков, проживавших в Венгрии, характеризовался как белокурый, иногда светлый, как лен, нередко с рыжеватым оттенком, и голубыми глазами¹⁷⁶.

Ферганские кипчаки были в значительной степени монголоидными¹⁷⁷, но с некоторыми чертами европеоидности. Наши наблюдения показали, что среди потомков кипчаков Ферганы и долины Зарафшана, несмотря на большую степень их этнической смешанности, до сих пор встречаются белокурые, кожа у них белая. Среди них много сероглазых и нередко голубоглазых¹⁷⁸.

Приведенные выше данные говорят о том, что физический тип древних кипчаков был в определенной степени европеоидным. Следы былой европеоидности у отдельных групп сохранились в раннем и в отдельных случаях в позднем средневековье. Некоторые черты этого типа в значительно измененной форме имеются у поздних, дошедших до нас небольших групп кипчаков.

Выше уже отмечалось, что мы отнюдь не стремимся преувеличивать европеоидность древних кипчаков, но в то же время нельзя не считаться с историческими, антропологическими и этнографическими данными, указывающими на наличие отдельных европеоидных признаков у древних, а также у некоторых поздних групп кипчаков. Игнорировать эти факты — значит стоять на пути отказа от изучения исторических и генетических связей поздних кипчаков с их древними и средневековыми предками.

Рассмотрим лингвистические данные, проливающие свет на проблему происхождения кипчаков. Язык кипчаков (до монгольского нашествия и после него) относится к западной или западно-хуннской группе тюркских языков. В эту группу, кроме кипчакского, входили еще болгарский, огузский и карлукский языки¹⁷⁹.

Как отмечалось выше, существует гипотеза о том, что далекими предками кипчаков были динлины. Под названием «динлин» (первое тысячелетие до н. э. и II в. н. э.) были объединены многие кочевые скотоводческие и охотничьи племена, различные по языку. Возможно, в их состав входили и тюркоязычные племена¹⁸⁰. В конце III в. до н. э. динлины были подчинены хуннам¹⁸¹. Язык

¹⁷⁵ А. Харузин. К вопросу о происхождении киргизского народа, *Этнографическое обозрение*, кн. XXVIII, 1895, № 3, стр. 84.

¹⁷⁶ B. Munkacsí. Komanischer Ursprung der Moldauer Tschango, Keleti Szemle, III, 1902, 247—249.

¹⁷⁷ И. М. Золотарева. Соматологические исследования в Ферганской долине, ТКАЭЭ, вып. I, стр. 75.

¹⁷⁸ Полевые записи автора, V—1962; IV—1966; V—1967; VI—1969 г.

¹⁷⁹ Н. А. Баскаков. К вопросу о классификации тюркских языков, *Известия АН СССР, отд. лит.-ры и языка*, т. XI, вып. 2, 1952, стр. 124.

¹⁸⁰ История Тувы, М., 1964, стр. 55.

¹⁸¹ Н. Я. Бичурин. Собрание сочинений, т. I, стр. 50.

хуннов был близок к языку дили, или теле¹⁸², т.е. уйгуров. Таким образом, можно полагать, что язык, если не всех, то некоторых племен, в частности, предков уйгур, кипчаков, карлуков и других, выделившихся из состава динлинского и хуннского объединений, был тюркский. Видимо, еще в последнем столетии до новой эры и в первые века новой эры у каждого племенного объединения, в том числе и у древних кипчаков, сложился свой диалект. В дальнейшем, в период Тюркского каганата (VI—VIII вв.), язык кипчаков, несомненно, подвергался влиянию диалектов языка соседей уйгур, карлуков, тюргашей и др.

В VIII—XII вв., когда кипчаки кочевали в обширных степях Дешт-и Кипчака, в их состав вошло много других родственных им по языку племенных групп, отколовшихся от кимаков, канглы, печенегов, огузов, и отдельные группы тюргашей, разбитых и вытесненных карлуками из Семиречья. Не исключена возможность, что указанные племенные группы, вошедшие в состав кипчако-кимакского объединения, говорили вначале на диалектах западной ветви тюркского языка. Однако, уже с X в., когда кипчаки окончательно взяли над ними власть, в их среде мог выработаться единый для всего кипчако-кимакского объединения язык. Этот язык, сохраняя в своей основе элементы древнетюркского языка, с течением времени подвергался серьезным изменениям под воздействием диалектов языка племенных групп, вошедших в состав кипчако-кимакского объединения. Наиболее значительное влияние на кипчакский диалект оказал огузский (или гүзский) язык. Отсюда можно полагать, что кипчакский язык в X—XII вв. и в последующий период занимал как бы срединное положение между карлукским и огузским, но стоял ближе к последнему¹⁸³.

Интересны и некоторые историко-этнографические данные, связанные с проблемой происхождения кипчаков. У кипчаков средневековья существовал обычай ставить каменные изваяния на могиле усопших. Рубрук (XIII в.) писал, что «команы (кипчаки.— К. Ш.) насыпают большой холм над усопшим и воздвигают статую, «держашую в руке перед пупком чашу»¹⁸⁴. Подобные каменные изваяния наблюдались на огромном пространстве от Карпат до Енисея¹⁸⁵, что в основном совпадает с районами расселения кипчаков в VI—XIV вв. Каменные изваяния, датируемые VI—

¹⁸² Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 214; О языке хуннов, а также о связи языков динлинов, хуннов, тюрков (тюю) с кипчакским, уйгурским и другими языками см. также: Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 6, 12, 191—193; Н. А. Баскаков. Алтайский язык. М., 1948, стр. 27—30; G. Klouson. Turk, Mongol, Tungus, — «Asia Major» new series, vol. VIII, 1960, pt I; Л. Н. Гумилев. Хунну, стр. 48—49; История Тувы, т. I, стр. 35, 37.

¹⁸³ Э. Н. Наджип. Кипчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века, автореферат докт. дисс., стр. 14.

¹⁸⁴ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, стр. 102.

¹⁸⁵ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., стр. 59.

VIII вв. найдены и на горном Алтае¹⁸⁶; подобные статуи, относящиеся к VI—XI вв., бытовали в Семиречье и на Тянь-Шане¹⁸⁷. Как предполагает Г. Е. Грумм-Гржимайло, следуя с Алтая на запад, кипчаки могли нести с собой обычай водружать каменные изваяния на могилах усопших¹⁸⁸. Л. П. Потапов также считает, что каменные изваяния, встречающиеся на Алтае, как и в Дешт-и Кипчаке, являются кипчацкими¹⁸⁹.

Обычай ставить каменные изваяния на могиле умерших существовал и у орхонских тюрок (в составе которых были и кипчаки), у населения Минусинской котловины¹⁹⁰, а также и у карлуков¹⁹¹, заселявших в VIII—X вв. области Семиречья. Эти данные свидетельствуют о том, что каменные статуи на могиле умерших ставили не только кипчаки, но и другие древнетюркские народы. Следует отметить, что каменные изваяния орхонских тюрок и жителей Минусинской котловины значительно отличались как друг от друга, так и от статуй тюрок Алтая.

Г. Е. Грумм-Гржимайло, в результате анализа большого исторического и археологического материала, пришел к выводу, что каменные изваяния на могилах умерших существовали только у племен динлинской расы¹⁹². По этому поводу высказываются предположения, согласно которым происхождение древнетюркских изваяний связывается со скифскими племенами¹⁹³. Изучение вопроса, о том, кому принадлежали в древности названные памятники в нашу задачу не входит. Для нас важно лишь то, что определенные исторические периоды (VI—VIII вв.) они бытовали у алтайских тюрок и продолжателями этих древних традиций являлись кипчаки и другие племена средневекового Дешт-и Кипчака, историко-культурные связи которых восходят к древнетюркским племенам Алтае-Саянского нагорья.

В вышеприведенных сведениях Рубрука есть интересная деталь — указывается, что кипчаки воздвигали статую, «обращенную лицом к востоку», т. е. в сторону восхода солнца. В курганах кипчаков-половцев XI—XIII вв. встречается восточная ориентация, т. е. погребенный лежит головой на восток¹⁹⁴. У кипчаков Ферганской долины бывовал, а в отдельных случаях бытует и до сих пор,

¹⁸⁶ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Северного Алтая. Труды Гос. исторического музея, вып. XVI, М., 1941, стр. 128—130.

¹⁸⁷ Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья, М.—Л., 1966, стр. 39.

¹⁸⁸ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., стр. 61.

¹⁸⁹ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 144.

¹⁹⁰ Там же, стр. 144, 145.

¹⁹¹ В. Григорьев. Об арабском путешественнике X века Абу Долефе и странствовании его по Средней Азии, ЖМНП, 1872, № 9, стр. 35.

¹⁹² Г. Е. Грумм-Гржимайло. Указ. соч., стр. 62.

¹⁹³ Я. А. Шер. Указ. соч., стр. 31—37.

¹⁹⁴ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, стр. 142, 143, 145, 147. Ориентировка покойника головой на восток имела место и у древних племен Алтая, что еще раз подтверждает наше предположение о связи средневековых кипчаков с Алтаем. См. С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 499.

обычай ориентировки двери юрты на восток, т. е. в сторону восхода солнца, тогда как у многих в прошлом кочевых и полuosедлых узбеков (например, у карлуков) и у каракалпаков дверь юрты ориентируется на юг.

На наш вопрос, почему кипчаки ориентируют дверь юрты на восток, пожилые собеседники-ферганцы отвечали: «Таков обычай наших предков. Предки говорили, что солнце — счастье, оно несет на землю все блага, изобилие человеку. Когда дверь юрты обращена на восток, то ранним утром в юрту заглядывает счастье, благополучие. Наши предки учили, что устанавливая дверь юрты на восток, мы открываем дверь навстречу счастью и изобилию».

В этом нетрудно увидеть сохранившиеся у кипчаков реликты культа поклонения солнцу. Нам представляется, что ориентация двери юрты на восток, захоронение покойников у кипчаков-половцев с восточной ориентировкой, а также установка каменных изваяний лицом на восток генетически связаны с их первобытной религией, — культом солнца¹⁹⁵. В XIII в. большинство кипчаков были еще шаманистами¹⁹⁶, важную роль у них играл культ солнца.

Об алтайском происхождении кипчаков, помимо обычая ставить каменные изваяния на могилах умерших, свидетельствует также ряд других сходных элементов их культуры и быта с современными телеутами и южными алтайцами¹⁹⁷. Из сообщения Рубрука известно, что средневековые кипчаки при похоронах убивали лошадей¹⁹⁸. Аналогичный обряд сохранился у южных алтайцев до XIX в. По свидетельству того же Рубрука, кипчаки носили с собой мешочки, в которых складывали всякую мелочь и называли их «каптаргак». Такие же кожаные мешочки носили до недавнего времени и алтайские охотники, называя их каптарга¹⁹⁹, т. е. так же как средневековые кипчаки.

Марко Пало, посетивший кипчацкие степи в XIII в., описывал божество в виде куклы, сделанной из войлока и сукна, — натагай²⁰⁰. Подобные божества были весьма распространены у телегитов и телеутов Алтая вплоть до Октябрьской революции. У южных алтайцев имеется этноним «кипчак». Язык южных алтайцев относится к кипчацкой группе тюркских языков²⁰¹. Параллели

¹⁹⁵ Поклонение восходящему солнцу, а вечером — луне имело место и у хуннов (см.: Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 49—50). Указывая на эти данные, Л. Н. Гумилев пишет, что культ персонифицированного космоса был заимствован хуннами у западных соседей, юэчжей или динлинов (см. Л. Н. Гумилев, Хунну, стр. 98).

¹⁹⁶ Плано Карпини и Рубрук. Указ. соч., стр. 31.

¹⁹⁷ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 141—146; Он же. Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 174.

¹⁹⁸ Плано Карпини и Рубрук. Указ. соч., стр. 103. Обычай захоронения с конем бывал у алтайских тюрков VI—VIII вв. и у их древних предков. См.: С. В. Киселев. Указ. соч., стр. 510, 531.

¹⁹⁹ Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 174.

²⁰⁰ Марко Поло. Путешествие, Л., 1940, стр. 63, 117.

²⁰¹ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 141.

между культурой телеутов и южных алтайцев со средневековыми кипчаками имелись также и в области фольклора²⁰².

Все эти этнографические данные свидетельствуют об этногенетических связях телеутов и южных алтайцев со средневековыми кипчаками. Опираясь на эти данные, можно сказать уверенно, что исторические предки кипчаков формировались на горном Алтае.

Есть другая версия о происхождении кипчаков, согласно которой они являются западной ветвью кимаков и происходят от них. Такого мнения придерживается, в частности, Маркварт²⁰³ и ряд других ученых²⁰⁴.

Мы считаем, что мнение Маркварта недостаточно аргументированно, и согласиться с ним не можем. Первые письменные сведения о кимаках встречаются у арабских географов в начале IX в.²⁰⁵ До этого времени о них нет никаких достоверных сведений. Кипчаки же упоминаются в древних хрониках еще с конца III в. до н. э. как отдельное самостоятельное племя. О них же говорится в надписи на селенгинском надгробном памятнике, в арабо-персидских источниках и др. Мы полагаем, что кипчаки как отдельное племя существовали еще в древнейшие времена. Однако по своему языку кимаки, как и кипчаки, входили в западнотюркскую языковую группу²⁰⁶ и продолжительное время занимали область Западной Сибири. В VIII в. кипчаки — жители Северо-Западного горного Алтая и Прииртышья — попали под власть кимакских каганов.

Имеется и третья версия, по которой кипчаки происходят от канглы. К такому выводу пришли в своих исследованиях Н. А. Аристов и В. В. Бартольд.

Н. А. Аристов подверг тщательному анализу тамги казахских племен. Путем сопоставления тамговых знаков он пытался определить основные роды или племена. При этом в качестве примера он ссылался на восточнофинские племена, у которых родовой быт «давно уже стал рушиться, образование тамг для новых семей, отделяющихся от старых, совершается посредством добавления приставочных черт к тамге старой семьи»²⁰⁷. Исходя из этого Н. А. Аристов считал, что кипчаки являлись ответвлением или близкими родичами канглы, ибо тамгою канглы служит прямая вертикальная черта-

²⁰² Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 174.

²⁰³ J. Marquart. Über das Volkstum der Komanen, S. 92—99.

²⁰⁴ В. В. Бартольд. Новый труд о половцах (В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 400).

²⁰⁵ Б. Е. Кумек. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам, Алма-Ата, 1972, стр. 11.

²⁰⁶ J. Marquart. Указ. соч., стр. 92.

²⁰⁷ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности..., стр. 285—286. Он же. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов на основании родословных делений..., «Живая старина», вып. III—IV, СПб., 1896, стр. 407.

Тамга кипчаков изображалась двумя такими же чертами ||, следовательно, тамга канглы с одной цельной чертой является основной, главной; тамга кипчаков, раздвоенная, с двумя чертами показывает, что они выделились из состава канглы.

С этими доводами Аристов трудно согласиться. Сходство изображения тамги само по себе не является еще свидетельством того, что канглы и кипчаки один и тот же народ. Как одна, так и две черты могли служить изображением самостоятельной тамги²⁰⁸. Следует указать, что тамги с изображением одной черты существовали и у племен исты, тлик, входивших, как и канглы, в состав Старшего казахского жуза²⁰⁹. Происхождение исты и тлик от канглы еще не доказано, а изображение одинаковых тамговых знаков говорит о том, что они некогда входили в один и тот же племенной союз. Интересно отметить, что такую же тамгу (/) имели кипчаки, входившие впоследствии в состав каракалпакского²¹⁰ и узбекского народов²¹¹.

В. В. Бартольд, подтверждая мнение Н. А. Аристова о происхождении кипчаков от канглы, писал, что близкое родство кипчаков с канглы не подлежит сомнению²¹². Доводом к утверждению В. В. Бартольда послужил тот факт, что мусульманские авторы XII — начала XIII в. «употребляли названия «канглы» и «кипчак» почти как синонимы²¹³. Подтверждается это (по мнению Бартольда) и тем, что в одних источниках (например, у Джувайни) о матери хорезмшаха Мухаммеда говорится, что она происходила из канглы, а в других ее называют кипчакской царевной²¹⁴.

Канглы и кипчаки довольно продолжительное время жили по соседству и вместе в степных просторах Дешт-и Кипчака, по Сырдарье (особенно в ее средней части) и в Хорезме. Они были постоянными союзниками и принимали совместное участие в походах и войнах. Еще в VIII в. (возможно, и гораздо раньше) кипчаки и канглы вместе с племенами карлук, чигиль и другими проникали в Малую Азию²¹⁵.

²⁰⁸ С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, Алма-Ата, 1959, стр. 73.

²⁰⁹ Там же, стр. 12.

²¹⁰ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950, см. таблицу № 6.

²¹¹ О тамгах узбеков-кипчаков см. несколько ниже.

²¹² В. В. Бартольд. Рецензия на книгу Н. А. Аристова «Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности (см. В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 272). Такого же мнения придерживается и А. Ю. Якубовский (см. Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая орда и ее падение, стр. 18).

²¹³ В. В. Бартольд. Сочинения, т. V, стр. 272.

²¹⁴ Там же, примечание 20.

²¹⁵ В. Гордлевский. Государство сельджукидов в Малой Азии, М.—Л., 1941. Движение кочевых племен из Средней Азии на запад началось гораздо раньше. Например, армянские и грузинские авторы V в. упоминают о «земле кангаров» (кангий, канглы) на Кангарских горах на Кавказе. Видимо, экспансия кангарских племен в сторону Кавказа началась еще в I—IV вв. (см. С. Г. Кляшторный. Древнетюркские рунические памятники, М., «Наука»,

В процессе совместного кочевания между канглы и кипчаками устанавливались дружественные отношения. Происходило и взаимовлияние их культур. Видимо, они говорили на одном близком диалекте. Если учесть эти моменты, то не приходится удивляться, что арабо-персидские авторы порой выдавали канглы за кипчаков и наоборот.

Указанные племена к XI в. настолько сблизились, что Махмуд Кашгарскому, было трудно выделить канглы как отдельное племя. Он ограничился следующим комментарием: «Канглы — один из великих людей из кипчаков»²¹⁶. Между тем канглы как отдельное племя (или племенной союз) располагались к этому времени (XI в.) на севере Сырдарьи (в области Семиречья), возможно, и к северу от р. Или²¹⁷. Большая часть их жила в степях между Аралом и Волгой.

Таким образом, канглы и кипчаки в некоторые исторические периоды (VIII—XIII вв. и позже) взаимно сближались, у них происходил в определенной степени процесс этнического смешения. Однако это отнюдь не дает права утверждать (как это делает Н. А. Аристов и отчасти В. В. Бартольд), что кипчаки и канглы происходят от одного этнического корня. По нашему предположению, каждое из этих родоплеменных объединений в прошлом являлось самостоятельной этнической единицей.

Наш краткий обзор литературы и источников, в той или иной степени освещающих историю кипчаков в древности и средневековье, свидетельствует о скудости сведений, касающихся их происхождения, этнической истории, этнического состава; ниже в историческом очерке будет нами показано, что столь же бедны сведения об их общественном строе, культуре, быте. Восполнить их, очевидно, можно будет лишь при условии открытия новых исторических источников — письменных, археологических, лингвистических и других. В частности, определенную роль в этом может сыграть и анализ историко-этнографических материалов, характеризующих поздние кипчацкие племенные группы, вошедшие в разные периоды в состав узбекского и других народов Средней Азии и долго сохранявших некоторые реликтовые черты бытового уклада. В этом направлении, очевидно, могут быть использованы и наши этнографические материалы, характеризующие традиционные черты быта узбеков-кипчаков.

1964, стр. 175—179). Через Кавказ кочевники проникали в Малую Азию, где в VIII—X вв. они составляли значительную группу; этим же путем в XI в. туда (в Малую Азию) проникали и сельджукиды (см. В. Гордлевский. Указ. соч., стр. 22—34 и др.).

²¹⁶ Махмуд Қошғарий. Девону лугатит турк, III т., Тошкент, 1963, стр. 389.

²¹⁷ ЗВО, вып. VIII, стр. 29.

Настоящая работа не претендует на окончательное разрешение всех поставленных в ней вопросов. Но если она в какой-то степени окажется полезной для освещения отдельных сторон проблемы этногенеза узбекского народа, изучения его этнических компонентов, этнической истории, процессов формирования узбекской народности и для разработки проблемы консолидации узбекской социалистической нации, то автор сочтет свою задачу выполненной. Автор с признательностью отнесется ко всем товарищеским замечаниям и пожеланиям читателей и учтет их в своей дальнейшей работе над избранной темой.

В заключение автор выражает свою глубокую благодарность и искреннюю признательность акад. АН УзССР Я. Г. Гулямову, докт. ист. наук, профессору Т. А. Жданко и канд. ист. наук Б. Х. Кармышевой за ценные замечания и советы, сделанные автору в процессе написания настоящей монографии.

Глава первая

ИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О КИПЧАКАХ

РАССЕЛЕНИЕ И ПЕРЕДВИЖЕНИЯ КИПЧАКОВ С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН ДО СЕРЕДИНЫ XI ВЕКА

В конце III в. до н. э. глава державы Хунну — Шаньюй Модэ¹ покорил пять племен, расселявшихся к северу от хуннских владений. Этими племенами были хуньюй, кюеше², динлин, гэгунь и цайли (синьли)³.

Хуньюй — древние племена, известные еще со II—I тысячелетия до н. э., занимали территорию средней Селенги и впоследствии вошли в состав хуннов. Динлины располагались на землях от Енисея на восток до Байкала по левую сторону Ангары; гэгунь (или гянь-гунь) — предки енисейских киргизов, смешавшись к III в. до н. э. с динлинами, занимали область Северо-Западной Монголии; род цайли, происхождение которого не выяснено, обитал в Западной Монголии. Основной территорией расселения хуннов являлись вся Центральная Монголия и степное Забайкалье⁴.

Покоренное Модэ племя кюеше жило, видимо, в северо-западной части Алтая. По сведениям исторических хроник, кипчаки в далеком прошлом обитали в долине Чжэлян, название которой напоминает название реки и горного кряжа Джилан, в русском переводе — Змеиная река и Змеиная гора. С этими топонимами Грумм-Гржимайло связывал название города Змеиногорска на Западном Алтае⁵. Если он прав, то места расселения кипчаков в III—II вв. до н. э. соответствовали области Северо-Западного

¹ Шаньюй («величайший») — титул, который первоначально носили родовые старшины, а позже державы Хунну. (Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в древние времена, т. I, М., 1950, стр. 216). Модэ (собственное имя), объявив себя шаньюем, в 209 г. до н. э. объединил 24 хуннских рода и создал державу Хунну (См.: Л. Н. Гумилев. Хунну, стр. 64—74).

² Этноним «кюеше» (или «цзеюше») в научной литературе отождествляется с племенным наименованием «кипчак» (См.: Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. III, стр. 183; Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, М.—Л., 1953, стр. 143. А. Н. Бернштам. Древнетюркские элементы в этногенезе Средней Азии, СЭ, 1947, вып. VI—VII, стр. 154; Л. Н. Гумилев. Динлинская проблема, стр. 19; Он же. Хунну, стр. 65).

³ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 50.

⁴ Л. Н. Гумилев. Хунну, стр. 38, 65, 252.

⁵ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, стр. 59.

Алтая — верховья реки Алей (левый приток Оби) и Уба (правый приток Иртыша). В конце I в. до н. э. и в начале I в. н. э. отдельные группы кипчаков могли кочевать в верховьях Иртыша и в области к западу от Тарбагатая⁶.

Кипчаки, как и другие племена Алтая, с III в. до н. э. и до конца I в. н. э. находились в зависимости от хуннов. Со II по IV в. они попали в сферу политического господства племен сяньбий, западные владения которых достигли Алтая⁷, а с конца IV в. до первой половины VI в. были в подчинении у монголоязычных племен жужан. Последние жестоко эксплуатировали тюркоязычные племена Алтая (включая Монгольский Алтай). Это вызвало восстание тюркских племен, и под их ударами в 552 г. Жужанский каганат распался. На его развалинах образовался Тюркский каганат, куда вошли многие тюркоязычные племена Саяно-Алтайского нагорья (племенное объединение теле, карлуки, киргизы, тюрешы, чик, аз и другие). Кипчаки, как жители Алтая, также входили в состав Тюркского каганата, но, очевидно, не играли в нем активной роли и потому о них нет упоминаний в древних хрониках до середины VII в. н. э.

В конце VI в. Тюркский каганат был разделен на два самостоятельных каганата — Западный, с центром в Семиречье, и Восточный, с центром в Монголии (на Орхоне). Племена Алтая, видимо, в том числе и кипчаки, в ту пору входили в состав Восточного каганата.

С перемещением политического центра Восточного каганата на Орхон во второй половине VI в. некоторая часть кипчаков, главным образом господствующие роды и кочевая знать, а также зависимые от них рядовые кочевники, перекочевали с Алтая на Орхон⁸. Они расселялись, вероятно, в Западной Монголии, в области верхней Селенги до берегов р. Орхон. Здесь кипчаки стали играть значительную роль в политической жизни Восточного каганата. В подчинении этой группы кипчаков (условно будем называть их орхонскими) находились уйгуры, жившие в Западной Монголии и Туве. Кипчаки властвовали над уйгурами в течение пятидесяти лет (с конца VII в. до первой четверти VIII в.), о чем говорится в надписи на памятнике, поставленном в честь уйгурского хана Моюн Чура⁹. Впоследствии кипчаки потеряли эту власть

⁶ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, стр. 309.

⁷ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 82, 145, 146 и след.; История Тувы, т. I, стр. 55—70 и след.

⁸ Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 82, 144.

⁹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, стр. 38. Уйгуры еще в конце VI в. находились под властью Восточно-Тюркского каганата. Последний распался под ударами уйгуров в середине VIII в. Возникает вопрос: каким же образом в конце VII — начале VIII в. уйгуры попали в зависимость от кипчаков? За неимением письменных данных, сказать что-либо конкретно по этому вопросу трудно. Можно лишь предположить, что влиятельная придворная знать или военачальники из кипчаков могли получить от правителей Восточного каганата право управлять уйгурами за какие-то особые заслуги, что практиковалось тогда очень часто.

и сами стали зависеть от уйгуров. Орхонская группа кипчаков продолжала жить на территории Западной Монголии и в период владычества Чингиз-хана. Об этом свидетельствует следующее сообщение Рашид-ад-дина: «Главою кипчаков во времена Чингиз-хана был эмир из племени кипчак по имени Кунжек, бывший старшиной (мехтар) зонтикодержателей Чингиз-хана»¹⁰. Подобные высокие должности при дворе могущественного хана могли получать из среды немонгольского племени лишь пользующиеся особым доверием лица из знати. Кунжек и его потомки, видимо, заслужили доверие Чингиз-хана и его наследников. К тому же Кунжек принадлежал к правящему кипчакскому роду¹¹. Сын Кунжека Кумирбиш-Кунж также служил при дворе Чингиз-хана. Он ездил в качестве посла к «государю Ислама»¹².

При дворе хана Кубилая¹³ служил кипчакский эмир Туркан. Кипчаки принимали активное участие в войне Кубилая с китайцами в 1267 г.¹⁴. Хроники китайской династии Юаньши сообщают о крупном военачальнике армии Кубилая по имени Кукчут, потомке древних кипчакских ханов¹⁵.

Кипчаки, переселившиеся в Монголию, не могли продержаться здесь долго и при первых же Чингизидах откочевали на юг, к Тянь-Шаню. Они, видимо, расселялись на нынешней территории Киргизской ССР и в горных районах Западного Синьцзяна и Кашгарии, ныне входящих в состав Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики.

Вполне вероятно, что значительная часть киргизов-кипчаков, живущих в настоящее время в указанной области и в Киргизии¹⁶, является историческими потомками тех кипчаков, которые в конце VI в. переместились из Западного Алтая в Монголию.

Из Алтая в Монголию ушла лишь небольшая часть кипчаков. Основная масса их осталась на Юго-Западном Алтае. Борясь с Восточным каганатом хан Западного каганата Дулу, выступил походом на северо-восток (по отношению к Семиречью, где находился центр Западного каганата) и в 641 г. покорил ряд племен, среди которых упоминаются и кипчаки¹⁷. Можно полагать, что

¹⁰ Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. первая, М.—Л., 1952, стр. 151.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Кубилай, внук Чингиз-хана, правил в качестве великого хана в 1259—1294 гг.

¹⁴ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, стр. 487—499.

¹⁵ J. Marquart. Über das Volkstum der Komanen, S. 114—115.

¹⁶ С. М. Абрамзон. Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики, стр. 334; Он же. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, ТКАЭЭ, вып. IV, стр. 86; Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, ТКАЭЭ, вып. I, стр. 159.

¹⁷ Ed. Chavannes. Documents, sur les Tou-kiue (tu-rik) occidentaux, p. 28—29.

подчиненные Дулу кипчаки в указанный период еще продолжали жить на Алтае. Несколько позже, вероятно, в конце VII — начале VIII в., не желая находиться под властью тюркских каганов, большая группа кипчаков откочевала на запад и стала занимать пастбищные земли на левом берегу Иртыша.

Таким образом, в VI—VII вв. н. э. кипчаки начали покидать область первоначального расселения: часть их перебралась на Орхон, а другая, более значительная, на левый берег Иртыша (последнюю условно назовем западной группой).

Однако в указанный период не все кипчаки ушли с Алтая. Некоторая часть их обитала на Южном Алтае и в последующие века (будем условно называть их алтайской группой). Об этом свидетельствует сохранившийся до нашего столетия род кипчак в составе алтайцев.

Кипчаки, переселяясь на запад, в VII—VIII вв. занимали, видимо, область левобережного Иртыша, включая бассейны рек Ишим и Тобол¹⁸. В этот период они несколько усилились и в VIII в. в союзе с Хазарским каганатом неоднократно совершали походы в Закавказье. В 722—723 гг., находясь на территории Арран (Азербайджан) и в Армении, кипчаки вместе с хазарами воевали против арабов¹⁹ а в 765 г. они вновь совместно с другими тюркскими племенами и местным населением сражались с арабами в Грузии²⁰. В конце VIII в. кипчаки попали в зависимость к кимакам.

В середине VIII в. в результате междоусобных и межплеменных войн, а также нашествий извне, Западный и Восточный тюркские каганаты значительно ослабели. Этим воспользовались наиболее воинственные племена, стремившиеся захватить их территорию. Например, карлуки в 766 г. овладели Семиречьем, которое занимали тюркеша; уйгуры пытались захватить территории Восточного каганата. В 742 г. уйгурский хан Моюн-Чур (он же Пейло) одержал окончательную победу над ханами Восточного каганата.

В период неурядиц в Западном и Восточном каганате на политическую арену выступили кимаки, которые (подобно карлукам и уйгурам) вели борьбу за объединение под своей властью разрозненных племен, расселявшихся на Юго-Западном Алтае и по Иртышу. В числе подчиненных кимакам племен оказались и кипчаки.

¹⁸ К такому предположению мы пришли, учитывая, что бассейны верховьев Иртыша, включая большую часть нынешней Семипалатинской области, в VII—начале VIII в. занимали племенные объединения карлуков (см.: В. В. Бартольд. Историческое значение старотюркской надписи, в сб. W. Radloff. Die alt-türkischen inschriften in der Mongolei, Zweite folge. S. 29; К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 13—14. В таком случае область переселения кипчаков на запад вначале могла быть территория, лежащая к северо-западу от карлуков, т. е. районы левобережного Иртыша (выше карлуков), включая и бассейны указанных рек, левые притоки Иртыша.

¹⁹ Зия Буниятов. Азербайджан в VII—IX вв., Баку, 1965, стр. 109.

²⁰ Там же, стр. 115, примеч. 238.

Согласно сообщениям Гардизи кимаки делились на семь племен: ими, имек, татар, баяндер, кипчак, ланикоз и аджлад. Глава кимакского объединения носил титул бамал-пейгу²¹.

В IX — начале XI в. существовало крупное кочевое государство кимаков²², система управления в нем была унаследована от тюркских каганатов.

Кипчаки, находясь под властью кимаков (VIII—IX вв.), заметно окрепли и, видимо, в середине X в. добились независимости, в частности, получили право на самостоятельные кочевья. В конце X — начале XI в. они настолько усилились, что даже подчинили себе кимаков. Об этом свидетельствуют данные Махмуда Кашгарского. Если Гардизи считал кипчаков одним из племен кимаков, а автор «Худуд-ал-алем» говорил о них как о выделившемся из состава кимаков роде, то Махмуд Кашгарский, наоборот, рассматривает кимаков как зависимую от кипчаков группу. Он пишет: «Йемак — одна из групп тюрков²³. По нашим представлениям, они кипчаки. Однако кипчаки считают себя (по происхождению) из другого (некимакского. — К. Ш.) рода»²⁴. О покорении кимаков кипчаками свидетельствует еще и тот факт, что со второй половины XI в. кимаки как самостоятельное племенное объединение в источниках не фигурируют.

Кимакское государство, очевидно, распалось в результате междоусобных и межплеменных войн, хотя на это нет прямых указаний в исторической литературе. Из этой борьбы победителями вышли кипчаки, которые подчинили себе племена (во всяком случае большинство их), находившиеся в государстве кимаков. По мере продвижения кипчаков на запад в зависимость к ним попала также часть огузских²⁵, печенежских, канглийских, узских и других групп, отставших от основной своей массы и кочевавших в степи от

²¹ В. В. Бартольд. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар». Сочинения, т. VIII, стр. 46; «Бамал» или «Ямал», видимо, нмя собственное главы кимаков, а «пейгу» или «пейло» — титул.

²² Ёймэк-йемак, ямак — так передает Махмуд Кашгарский наименование племенной группы кимаков. См. его сочинения, т. III, стр. 36.

²³ Б. Е. Кумеков. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам, Алма-Ата, 1972.

²⁴ Махмуд Кашгарский. Указ. соч., т. III, стр. 36.

²⁵ В первой половине XI в. государство огузского ябгу переживало острый социально-политический кризис (См.: С. П. Толстов. Города гузов, стр. 85 и след.). Основное внимание гузской кочевой знати было обращено на Хорезм. Она активно вмешивалась в политическую жизнь этой страны. Некоторые огузские племена, заинтересованные в расширении пастбищ, начали самовольно откочевывать из пределов государства ябгу в мусульманские владения — к Караханидам, в Хорезм под покровительство Харуна и далее в Хорасан. (См.: С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 270—273). Все эти обстоятельства, а также борьба между членами правящего дома огузов привели к ослаблению их владений на западе, т. е. в области, лежащей к северу от Каспийского моря. Этим воспользовались кипчаки. Они постепенно вытеснили из указанной области огузов, а оставшиеся там племена подчинились кипчакам.

р. Эмбы до Волги. В XI в. здесь возникло новое крупное племенное объединение кипчаков, весьма разнородное по своему этническому составу. О территории расселения кипчаков в IX—XI вв. не имеется конкретных данных. Арабо-персидские авторы лишь мимоходом упоминают о западной группе кипчаков. По их данным трудно установить места расселения и пути передвижения кипчаков. Однако эти авторы обычно упоминают кипчаков наряду с другими тюркоязычными племенами, в частности с кимаками, киргизами, гузами, узами, карлуками, печенегами, хазарами и др. Лишь сопоставив данные арабо-персидских источников со сведениями об этих племенах и выяснив приблизительно области их кочевий, можно определить границы владений кипчаков.

Из упомянутых племен карлуки и родственные им племена (чигиль, халадж) занимали обширную территорию от бассейна р. Или на севере до р. Сырдарьи на юге, от Исфиджаба²⁶ на западе до Ферганской долины включительно на востоке²⁷. Племенное объединение тюркешей до 60-х годов VIII в. занимало территорию Семиречья. В 766 г. эта область была занята карлуками. Большая группа тюркешей, перейдя Сырдарью, поселилась в Мавераннахре, а некоторая часть их откочевала в степи Дешт-и Кипчак и вошла в состав огузов, возможно, и кимаков.

Огузы (гузы) в IX—X вв. занимали обширную территорию бассейна средней и нижней Сырдарьи и приаральских степей. Согласно сообщениям Истахри, в его время (середина X в.) огузы владели также территорией к северу и востоку от Каспийского моря. Среди соседей огузов Истахри называет хазар на западе, волжских булгар — на севере, кимаков — на северо-востоке, карлуков — на востоке²⁸. На эти же границы владений огузов указывают Махмуд Кашгарский (XI в.) и Абу-л-Федо (XIV в.)²⁹. Таким образом, в середине X в., в период своего могущества, огузы занимали бассейн Сырдарьи и далее территорию к северо-западу до берегов Волги. Однако основным владением огузов следует считать (X в.) области средней и нижней Сырдарьи, северо-восточного и восточного Приаралья. Их политическим центром был город Янгикент³⁰. Земли, лежащие к северо-востоку от Каспий-

²⁶ Исфиджаб (или Асфиджаб) соответствует селению Сайрам близ Чимкента, см. МИТТ, т. I, стр. 177—178.

²⁷ Все племена, расселившиеся на этой территории, и оседлое население пахотились в зависимости от карлукских владетелей—ябгу (см.: К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 15—26).

²⁸ Сведения Истахри приведены нами из работы В. Григорьева «Об арабском путешественнике X в. Абу-Долефе и странствовании его по Средней Азии», СПб., 1872, стр. 13.

²⁹ *Geographie d'Aboulfeda*, Paris, 1847, XV, p. XXIII—XXIV

³⁰ Янгикент — город в низовьях Сырдарьи (см.: С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 245). Об огузах см. там же, стр. 224—254 и след.; и карты на стр. 253, 254. См. также МИИТ, т. I, стр. 78, 144—170 и след.; С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969.

ского моря до р. Эмбы (которые арабоязычные авторы также считают владением огузов), видимо, занимали не сами огузы, а зависимые от них племена и племенные объединения — печенеги, узы (о них скажем ниже) и др.

С карлуками огузы граничили по линии Фараб³¹ — Исфиджаб. Из сообщений ал-Макдиси видно, что Беркут и Баладж — два города, находившиеся недалеко от Исфиджаба, были созданы как крепости против огузов³². «Это был самый восточный район расселения огузов в X в.»³³.

Хазары в этот период занимали область к северо-западу от Каспийского моря, т. е. северо-восточную часть Северного Кавказа, а болгары (волжские) жили на средней Волге³⁴. Печенеги в VIII—IX вв.³⁵ были расселены в степях к северу от Каспийского моря, между Волгой и Уралом. Некоторая часть их располагалась к востоку от р. Урал. Возможно, кочевья печенегов доходили до р. Уил³⁶. Северная граница их соприкасалась с предгорьями Урала, а вверх по Волге территория печенегов доходила до Жигулевских гор, называемых у Идриси Печенежскими³⁷. В печенежский

³¹ Фараб (у Махмуда Кашгарского «Карачук». См. его указ. соч., т. I, стр. 450), позже назывался Оттаром, располагался в месте впадения р. Арысь в Сырдарью (см. МИТТ, т. I, стр. 167).

³² МИТТ, т. I, стр. 185.

История народов Узбекистана, т. I, 1950, стр. 270.

³⁴ Очерки истории СССР, IX—XIII вв., стр. 55, 88, 717—734.

³⁵ Печенеги до VIII в. жили в дельте Амударьи, в Приаралье, в низовьях Сырдарьи (см. J. Marquart. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge Leipzig, 1903, 60—71; С. П. Толстов. Огузы, печенеги и моря Даукара. Заметки по исторической этнонимике Восточного Приаралья, СЭ, 1950, № 4, стр. 51—52; В. М. Жирмунский. Следы огузов в низовьях Сыр-Дарьи, Тюркологический сборник, М.—Л., 1951, стр. 93—102); С. Г. Кляшторный (см. «Древнетюркские рунические памятники», М., 1964, стр. 177—179) полагает, что область расселения печенегов в VIII в. находилась в среднем течении Сырдарьи. Видимо, в середине VIII в. значительная часть печенегов под натиском гузов переселилась на северо-восток от Каспийского моря, главным образом в области между Уралом и Волгой, оставшиеся же на прежнем месте расселения — в Приаралье и на средней и нижней Сырдарье — вошли в состав огузского объединения. В числе 24 племен огузов упоминаются и печенеги в форме беженак, бежен, бичине, бежене (См.: Махмуд Кашгарский. Указ. соч., т. I, стр. 64, 66, 90, 450; Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, стр. 89; А. Н. Кононов. Родословная туркмен, Сочинения Абу-л-Гази — хана хивинского, стр. 53, 56, 73; С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 249; Он же. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, стр. 275). Значительная группа печенегов оставалась кочевать и в низовьях Амударьи, видимо, к северо-востоку от Сары-Камышской впадины (См.: Абу-Райхан Беруни. Избранные произведения, т. III, Исследование, перевод и примечания П. Г. Булгакова, Ташкент, 1966, стр. 95).

³⁶ Некоторые авторы считают, что владения печенегов до прихода их в южнорусские степи (конец IX в.) доходили до реки Эмбы (см.: A(N. Kura. Receneg tarihi, Istanbul, 1939, S. 28—29). Однако мы предполагаем, что границы их кочевья могли доходить в указанный период до средней части р. Уил, дальше к востоку, до р. Эмбы расселялись племена, находившиеся под властью огузов. Среди них были и узы.

³⁷ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, МИА, № 62, стр. 162.

союз входили канглы, сарматские племена, а также некоторая часть лесных финно-угорских племен³⁸.

На востоке от печенегов, на реке Уил (Аил) и Эмбе, жили узы³⁹. К концу IX в. узы вступили в союз с хазарами и начали вытеснять печенегов. Последние вынуждены были откочевать на запад от Волги, в южнорусские степи. Вот что пишет об этих событиях Константин Багрянородный (середина X в.): «Печенеги первоначально имели место жительства на реке Атиле, а также на реке Гейхе⁴⁰, имея соседями хазар и так называемых узов. Пятьдесят лет тому назад⁴¹ узы, войдя в соглашение с хазарами и вступив в войну с печенегами, одержали верх, изгнали их из собственной страны и занимают ее до сегодняшнего дня»⁴². Узы⁴³, таким образом, владели территорией, простиравшейся до низовьев Волги включительно.

На запад ушли не все печенеги. Оставшаяся часть их попала под власть узов. Ибн Фадлан (первая четверть X в.) встретил остатки печенегов у озера Челкар⁴⁴. Соседями печенегов на севере были башкиры, которые жили по обоим сторонам Уральского хребта между Волгой, Камой, Тоболом и верхним течением Яика.

Кимаки (основная их масса) еще VI—VII вв. селились, видимо, к северу от Иртыша. Гардизи, использовавший данные более ранних источников, писал, что, «переправившись через реку Иртыш, приходят к шатрам кимаков»⁴⁵. В дальнейшем, в VIII—IX вв., кимаки, продвигаясь на запад, значительно расширили свои кочевья по левому берегу Иртыша. Согласно сообщениям ал-Якуби (IX в.), кимаки жили между тюркешами и гузами⁴⁶. На карте Махмуда Кашгарского (XI в.) владения кимаков находятся на левом берегу Иртыша и ближайшими соседями их на северо-западе являются башкиры⁴⁷. По сведениям автора «Худуд-ал-алем», кимаки были расселены как на Иртыше, так и на

³⁸ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, МИА, № 62, стр. 162.

³⁹ Об узах и их расселении, см.: К. Ш. Шаниязов. Узы (Из истории родоплеменных делений узбеков), «Общественные науки в Узбекистане», 1970, № 2, стр. 69—73.

⁴⁰ Гейх — река Урал.

⁴¹ Т. е. в конце IX в.

⁴² Константин Багрянородный. Об управлении государством, Известия Государственной академии истории материальной культуры, М.—Л., 1934, стр. 15.

⁴³ Ряд исследователей отождествляет узов то с печенегами и половцами, то с огузами, азами и др. По нашему предположению, узы в прошлом являлись отдельным тюркоязычным племенем. См. подробно: К. Шаниязов. Узы (Из истории родоплеменных делений узбеков), «Общественные науки в Узбекистане», 1972, № 2, стр. 69—73.

⁴⁴ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., стр. 130.

⁴⁵ В. В. Бартольд. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар», Сочинения, т. VIII, стр. 45.

⁴⁶ МИТТ, т. I, стр. 149.

⁴⁷ Махмуд Кашгарский. Указ. соч., т. I (см. карты на стр. 6).

западных и восточных склонах Уральских гор и далее до р. Итиля (Волги)⁴⁸.

Эти данные автора «Худуд-ал-алем» вполне соответствуют сведениям предыдущих авторов. Однако его утверждение о расселении кимаков на склонах Уральских гор, тем более у берегов Итиля, нам представляется ошибочным. В тот период, когда анонимный автор писал свое сочинение (последняя четверть X в.), кимаки не могли продвинуться так далеко на запад. Эти районы тогда занимали другие народы и племена — башкиры, булгары, узы, гузы, печенеги и др. Возможно, автор «Худуд-ал-алем» имел в виду отдельные племена, расселившиеся к западу от кимаков, которые находились в зависимости от них, например, кипчаков. Однако владения этих племен, в том числе и кипчаков, в тот период не могли простираться до Итиля.

Исходя из приведенных выше, хотя и несколько расходящихся данных арабо-персидских авторов, можно определить границы владений кимаков в IX—X вв. приблизительно следующим образом: на востоке их кочевья простирались до областей киргизов⁴⁹ (западные границы которых доходили до Алтайских гор)⁵⁰, на юге и юго-востоке — до западных склонов Тарбагатайского хребта и берегов оз. Балхаш, на западе — до юго-восточных склонов Уральских гор, на севере и северо-востоке — по обоим берегам р. Иртыш. Главная ставка правителя (хакана) кимаков также находилась на р. Иртыш⁵¹. Зимой кимаки кочевали несколько южнее вышеуказанной области и поселялись во владениях присырдарьинских гузов⁵². Ал-Макдиси (конец X в.) писал, что г. Сауран является крепостью против гузов и кимаков⁵³.

Таким образом, кочевья отдельных племен кимаков простирались до присырдарьинских степей и, видимо, эти племена совершали частые набеги на культурные области Исфиджаба. Против опасных кочевников была построена крепость Сауран. Следует указать, что в этой области жили не только сами кимаки, но и подвластные им племена и племенные объединения.

⁴⁸ Худуд-ал-алем, л. 10 б, 17 б, 18 б.

⁴⁹ Там же, л. 18 б.

⁵⁰ Очерки истории СССР, IX—XIII вв., стр. 741. Согласно Б. Е. Кумекову, границы владений кимаков IX—XI вв. были значительно шире. См. подробно: Б. Е. Кумков. Государство кимаков IX—XI вв. по арабским источникам, стр. 53—87.

⁵¹ В. В. Бартольд. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар», Сочинения, т. VIII, стр. 45. Как именовался город, являвшийся резиденцией кимаков, Гардизи не указывает. Согласно сообщениям автора, «Худуд-ал-алем», где-то на севере (видимо, на правобережье Иртыша) находилась летняя резиденция кимаков г. Намакия. «Расстояние между этим городом и Таразом составляет 80 дней езды на быстром коне», — писал анонимный автор (См.: «Худуд ал-алем»), л. 18 б.

⁵² Худуд-ал-алем, л. 18 б.

⁵³ МИТТ, т. I, стр. 185. Сауран (или Сабран) — город в нижнем течении Сырдарьи, возле нынешней железнодорожной станции Сауран, недалеко от г. Туркестана (см. МИТТ, т. I, стр. 183).

Соседями кимаков на юге были карлуки. Большая группа их жила в низовьях рек Талас и Чу⁵⁴ и дальше до озера Иссык-куль. К востоку и юго-востоку от кимаков (между карлуками и кимаками) расселялась значительная племенная группа тюрков (тук-жи)⁵⁵. На юго-западе владения кимаков примыкали к землям гузов.

Остается выяснить область расселения кипчаков. Как было указано выше, большая группа кипчаков в конце VII — начале VIII в. переместились на левый берег Иртыша и занимала бассейны рек Ишим и Тобол (левые притоки Иртыша), где они, видимо, жили смежно с кимаками. В дальнейшем (в IX в.) кипчаки, продвигаясь дальше на запад, заняли земли, лежавшие в верховьях Яика (Урал), в частности, районы рек Орь и Илек (левые притоки Яика). В IX—X вв. они вплотную подошли к границам владений башкир, печенегов, гузов, что подтверждается сведениями «Худуд-ал-алем». Согласно данным указанного сочинения, область расселения кипчаков находилась к западу от владений кимаков, к северу от печенегов и гузов⁵⁶. О соседстве кипчаков с печенегами говорится также в сочинениях Махмуда Кашгарского⁵⁷ и ал-Бекри⁵⁸, а с башкирами — у Абу-л-Феда⁵⁹. На востоке кочевья западной группы кипчаков доходили до р. Сарысу. В конце X — начале XI в. кочевья кипчаков продвинулись дальше на запад, и в 60-х годах XI в. кипчаки обосновались на приволжских землях⁶⁰, ниже владений болгар.

В конце X — начале XI в. некоторая часть кипчаков продолжала кочевать в районах к юго-востоку от оз. Тенгиз. Они выделились из состава западных сородичей, видимо, еще в первой половине X в.

Выделившуюся группу в отличие от основных (двигавшихся на запад) кипчаков анонимный автор «Худуд-ал-алем» называет «андар-аз-кифчак»⁶¹. Юго-западная граница этой группы кипчаков вплотную подходила к границам присырдарьинских гузов (огузов), с которыми они вступили в контакт. Именно об этой группе кипчаков в «Худуд-ал-алем» говорится, что они «некоторыми обычаями похожи на гузов»⁶².

В конце X в. эта группа кипчаков, усилившись, стала теснить присырдарьинских гузов, которые вынуждены были уйти в юго-западные области Мавераннахра и далее на запад. Большая часть

⁵⁴ Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков. Перевод и предисловие Г. С. Саблукова, стр. 34.

⁵⁵ V. Minor sky. Hudud al-alam, London, 1937, S. 299—300.

⁵⁶ Худуд-ал-алем, л. 106, 176, 186, 19а.

⁵⁷ Махмуд Кашгарский. Указ. соч., т. I, стр. 64.

⁵⁸ Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах. Словаках..., СПб., 1869, стр. 49.

⁵⁹ Geographie d'Aboulfeda, p. 293—294.

⁶⁰ Махмуд Кашгарский. Указ. соч., т. I, см. карту на стр. 64.

⁶¹ Худуд-ал-алем, л. 186.

⁶² Там же.

области, занятая ранее огузами, особенно средняя часть бассейна Сырдарьи, окончательно перешла к кипчакам, столицей их стал г. Сыгнак. Можно полагать, что и эта группа кипчаков (будем называть ее присырдарьинской) в начале XI в. вышла из подчинения кимаков и образовала самостоятельное племенное объединение⁶³.

Таким образом, в IX—XI вв. кипчаки были разделены на несколько крупных объединений и расселены в значительно отдаленных друг от друга районах. Самым большим объединением являлась западная группа кипчаков, расселившаяся (в IX—X вв.) в бассейнах рек Ишим, Тобол и до верховьев Яика (Урал). Постепенно эти кипчаки двигались на запад, в середине XI в. основным районом их кочевий стала область между реками Уралом и Волгой.

Другая компактная группа — присырдарьинские кипчаки. Основным центром их расселения были районы Каратау.

Третья, небольшая группа кипчаков (будем условно называть ее орхонской), в IX—X вв., видимо, расселялась в Северо-Западной Монголии, в районах верхней Селенги до Орхона, куда она переместилась в VI—VII вв. С середины IX в. (вернее с 840 г.) до XIII в. орхонская группа кипчаков находилась в зависимости от киргизских, затем каракиданских ханов. В начале XIII в. киргизы, каракидане и кипчаки оказались под властью монгольских ханов. В период владычества Чингиз-хана в Монголии (вероятно, на ее северо-западе) существовало объединение кипчаков, во главе которых стояли зависимые от монголов эмиры из среды самих кипчаков.

Небольшая группа кипчаков жила на своей древней родине — в горном Алтае. Эта группа впоследствии явилась одним из компонентов в формировании народности алтайцев.

Основным предметом нашего исследования являются западная и отделившаяся от нее присырдарьинская или восточная группы кипчаков, которые играли заметную роль в сложении многих народностей СССР, в том числе узбеков. Наше исследование не охватывает алтайскую и орхонскую группы кипчаков. О них мы в дальнейшем будем говорить лишь в плане сравнения фактов этнической истории и отдельных исторических событий, связанных с расселением и передвижением разных территориальных групп кипчаков, а также при исследовании родовых делений, некоторых сторон быта и культуры западных и присырдарьинских групп кипчаков.

Основным занятием кипчаков, входивших в объединение кимаков, являлось кочевое скотоводство.

Гардизи так характеризовал быт кимаков: «Низких строений у них нет (кроме шатров. — К. Ш.); все живут в лесах, ущельях и степях, все владеют стадами коров и баранов». Указывалось также, что у них огромное количество коней, но нет верблюдов и со-

⁶³ О присырдарьинских кипчаках см. несколько ниже.

ли, последняя приобретается ими путем товарообмена. «Летом они (кимаки.— *К. Ш.*) питаются кобыльим молоком, которое называется кумысом; на зиму они готовят сушеное мясо, лошадиное или коровье, каждый по мере своих средств. Предметом их охоты являются соболы и горностаи»⁶⁴. Сведения Гардизи совпадают с данными сочинения «Худуд-ал-алем», где говорится, что кимаки «живут в войлочных юртах, летом и зимой кочуют по пастбищам, рекам и лугам. Товары этой страны — соболы, куницы и овцы. Их пища: летом — молоко, а зимой — вяленое мясо»⁶⁵.

При внимательном анализе сообщений указанных авторов нельзя не заметить, что племена, входившие в кимакское объединение, находились на различном социально-экономическом и культурном уровне. Те из них, которые кочевали в лесной и лесостепной полосе к востоку от Иртыша, где охота занимала значительное место, несколько отставали в культурно-экономическом развитии. Племена же, кочевавшие к западу и югу от Иртыша, ближе к земледельческим районам Семиречья и Сырдарьи, вели активную торговлю с окружающим населением, в своем культурно-экономическом развитии ушли вперед. Так, в сочинении «Худуд-ал-алем» о кимакском племени яксу, кочевавшем на границе с Семиречьем, говорится, что люди в нем более приятные, а условия жизни лучше⁶⁶. Анонимный автор «Худуд-ал-алем», когда речь идет о кипчаках, кочевавших к западу от кимачков, отмечает, что они «по своему нраву грубее, чем кимаки»⁶⁷.

Кипчаки по своему культурному уровню, как кочевые скотоводы, были, видимо, значительно ниже, чем некоторые племена, входившие в кимакское объединение. В этом отношении они отставали от своих соседей — гузов, башкир и др. Однако по уровню социального и хозяйственного развития (главным образом скотоводства) кипчаки не уступали не только кимачкам, но и гузам. Среди кипчакской знати имелись владельцы огромных стад овец и табунов лошадей.

В интересах богатых скотоводов, родовой знати и племенных вождей главы кипчакских объединений вели непрерывные войны с целью захвата новых пастбищ для скота. Лучшие пастбища, отличавшиеся изобилием травяного покрова и воды, были расположены к северу от Каспийского моря, т. е. между Эмбой и Волгой. Эту территорию кипчаки и заняли в начале XI в.

Продвижению кипчаков в указанные районы способствовало ослабление расселявшихся там племен печенежско- канглийского объединения. Отступая под натиском кипчаков гузов, узов, печенеги вынуждены были вторгнуться в пределы хазар, которые, в свою очередь, вступили в союз с узами против надвигающихся на

⁶⁴ Цитируется по: В. В. Бартольд. Извлечение из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар», Сочинения, т. VIII, стр. 45.

⁶⁵ Худуд-ал-алем, л. 186.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, л. 19 а.

них врагов. В конце IX в. основная масса печенегов была вытеснена из занимаемой ими области и переселилась вначале в придонские степи, а затем на причерноморские земли. Области между Уралом и Волгой были заняты племенным объединением узов, которые покорили осевших здесь печенегов и канглы⁶⁸. Однако господство узов также было недолговечным. Во второй половине X в. они подвергались постоянным нападениям со стороны кипчаков. В начале XI в. кипчаки окончательно захватили область расселения узов, которым, как и их предшественникам, пришлось уйти на правобережье Волги.

Говоря о событиях середины XI в., армянский историк Матвей Эдисский упоминает о светловолосом народе, который разбил узов и печенегов. «Светловолосыми» или хардешами он называл кипчаков⁶⁹. Эти данные Матвея Эдисского и ранее приведенные нами сведения Константина Багрянородного со всей достоверностью отражают политические события и межплеменные войны, происходившие в Дешт-и Кипчаке в середине XI столетия.

Захватив указанные области, находившиеся в выгодном географическом положении, кипчаки могли совершать грабительские походы на соседние народы и государства: хазар, руссов, буртасов, волжских болгар и др. Выйдя к берегам Волги, кочевники получали возможность контролировать волжскую торговую линию, останавливать купеческие караваны или облагать их данью. Все это и толкало кочевников-кипчаков на захват обширных степей, лежащих к северу и северо-востоку от Каспийского моря до южных и юго-восточных склонов Уральских гор, низовьев Ишима и Тобола.

КИПЧАКИ-ПЛОВЦЫ В ПРИЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЯХ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XI— НАЧАЛО XIII в.)

Пастбищные просторы причерноморских и приазовских степей — от Волги до устья Дуная, издавна привлекали внимание восточных кочевников. Одно за другим проникали сюда кочевые объединения гуннов (IV в.), аваров и болгар (VI в.), хазар (VII в.), узов, печенегов, торков (IX—X вв.), кипчаков-половцев (XI в.) и монголов (в 20—30 годы XIII в.). Характеризуя нашествие гуннов на запад, З. Удальцова пишет: «Целью кровавых походов гуннов был захват территории, получение дани, порабощения и ограбление оседлого населения»⁷⁰. То же можно сказать и о других более поздних кочевниках. Основная тяжесть нашествий па-

⁶⁸ Константин Багрянородный. Об управлении государством, стр. 16.

⁶⁹ В. В. Бартольд. Новый труд о половцах (Сочинения, т. V, стр. 397).

⁷⁰ З. Удальцова. Против идеализации гуннов. Рецензия на книгу А. Н. Бернштама «Очерки истории гуннов», в журн. «Большевик», 1952, № 11, стр. 69.

дала на долю восточных славян — предков русского, украинского и белорусского народов.

В течение 179 лет (с 1061 г. — периода первого крупного набега кипчаков на Русь — до 1240 г. — времени похода монголов во главе с ханом Батыем) кипчаки, по подсчетам П. Голубовского, совершили 46 грабительских набегов. Из них на долю Переяславского княжества приходится 19, на Поросье — 12, на Северскую область — 7, Киевскую область — 4, на Рязань — 4⁷¹.

Кипчаки, видимо, не ставили целью захват русских земель. Но они безжалостно разрушали и грабили русские города и селения, уводили в плен мирных жителей — женщин, детей, стариков и продавали их на невольничьих рынках. Вот, что говорится о нашествиях половцев в летописи «...много зла створиша ти окааннии половцы русской земли, того ради всемилостивы и богъ хотя погубити безбожных... яко да отместя кровь крестиянску⁷², еже и бысть над ними беззаконными»⁷³

Нашествие кочевых орд несколько тормозило развитие восточных славян, которые, несомненно, стояли на более высоком социально-экономическом уровне, чем пришлые кочевники. Но в то же время, постоянные столкновения и борьба с нашествиями степняков и Византийской империи вызвали необходимость сплочения разрозненных славянских племен и образования политических центров⁷⁴. Постепенно формировались два политических центра восточных славян — Киев, в среднем течении Днепра, и Новгород — на приильменских землях. В 882 г. произошло объединение этих двух центров, что являлось чрезвычайно важным событием в истории Руси. Первые князья Киевской Руси — Олег и Игорь (конец X — первая половина XI в.) объединили многие разрозненные славянские княжества и тем самым значительно укрепили экономическую и политическую мощь Русского государства. Уже при этих князьях, особенно при Игоре, хазары, печенеги, постоянно грабившие южные рубежи России, почувствовали силу

⁷¹ П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, стр. 241. См. также: К. В. Кудряшев. Половецкая степь, стр. 42 и след.

⁷² Следует читать «христианскую».

⁷³ Новгородская первая летопись..., стр. 264. Мы привели эту цитату для того, чтобы показать языком летописи то зло, которое причинили кипчаки-половцы русскому народу, хотя эти записи летописца относятся к 1224 г., периоду первого нашествия монголов на Кавказ. Летописец тогда еще не знал, чем кончится монгольское нашествие и потому видел в монголах лишь врагов кинжов-половцев и надеялся, что они покончат с половецким злом. Однако, вместо одного зла пришло другое, еще более опасное и жестокое.

⁷⁴ Образование одного из ранних политических объединений восточных славян (волян) происходит в Прикарпатье еще в VI в. В дальнейшем (в VIII—IX вв.) создаются три политических центра, объединившие первоначально племена русских славян: Куяба — область среднего Поднепровья с центром Киев; Славия — приильменские земли с центром Новгород; Артания, по мнению одних ученых, соответствует упомянутому Прикарпатыю, а по мнению других — Приазовью и Причерноморью (См. Очерки истории СССР, IX—XIII вв., стр. 57, 58, 70).

русского оружия. Заметно укрепились политические связи Киевского государства с Византийской и Германской империями.

К середине XI в. кипчаки, прочно занимая бассейны Волги (ниже волжских болгар) и Дона, устремились на запад, в приднепровские степи, где находились кочевья торков⁷⁵, давних врагов кипчаков. Торки, не желая подчиняться власти притеснителей, оказывали упорное сопротивление.

Дальнейшее пребывание торков в приднепровье было не в интересах Киевского государства. Князья Изяслав, Святослав, Всеволод и Всеслав в 1060 г. предприняли совместный поход против них⁷⁶. Под давлением русских войск торки постепенно вынуждены были покинуть приднепровские степи и уйти в северные пределы Византийской империи⁷⁷. Однако некоторая часть их еще оставалась на берегах Днепра, подчинившись власти кипчакских ханов.

С ослаблением и уходом торков в пограничных районах Руси не стало спокойнее. На смену им пришли другие кочевники — кипчаки-половцы. В конце XI в. кипчакам удалось захватить обширные области южнорусских степей вплоть до Днестра.

В южнорусских степях и на Северном Кавказе в изобилии имелись прекрасные пастбищные угодья для круглогодичного содержания скота на подножном корму. С целью захвата пастбищных земель кипчакская кочевая аристократия в середине XI в. активизировала свои грабительские походы на запад. Прежде всего кочевники нацелились на придонские и причерноморские степи. Захват этих территорий позволял им также контролировать водные торговые пути (Волга—Дон—Днепр), идущие из Руси к Черному морю и дальше на Византию.

Ни Русское государство, ни Византийская империя в этот период не могли воспрепятствовать движению кипчаков на запад в причерноморские степи. В Византии шла междоусобная борьба, кроме того, она была обеспокоена движением Сельджукидов в Малую Азию⁷⁸. В Киевском государстве тоже намечалось разделение. В 30—40-годы XI в. ряд княжеств стремился отделиться от Киева; были случаи междоусобиц и среди наследников Владимира. В середине XI в., после смерти Ярослава Владимировича (умер в 1054 г.) политическая раздробленность государства стала очевидной⁷⁹. Все это не могло не отвлечь силы и внимание

⁷⁵ В X—XII вв. в южнорусских степях жили остатки различных кочевых племен и оседлых раннесредневековых народов. Одна из таких групп называлась торки, другая — берендеи, третья — кауе и др. Они были известны на Руси (XII в.) также под общим названием «черные клобуки». См.: Н. Самчевский. Торки, берендеи и черные клобуки, Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, М., 1855, отд. III, стр. 83—106.

⁷⁶ Новгородская первая летопись, стр. 183.

⁷⁷ Анна Комнина. Указ. соч., стр. 131, 170, 201—203, 214, 224, 274, 508—509 и др.

⁷⁸ В. Гордлевский. Государство Сельджукидов в Малой Азии, стр. 22—34.

⁷⁹ Очерки истории СССР, IX—XIII вв., стр. 172.

русских князей от южнорусских степей, где заметно активизировались кипчаки-половцы.

По определению К. В. Кудряшова, в конце XI—XII в. кипчаки-половцы занимали причерноморские степи и берега Азовского моря. Половцы кочевали также в степях Предкавказья и за нижней Волгой до Яика⁸⁰. Северная часть половецких земель соприкасалась с юго-восточными степными рубежами Киевской Руси. Она начиналась, видимо, от устья Дуная, захватывая нижнее течение Днестра и Южного Буга, проходила по Висле и нижнему течению Тясмина, далее по Ворскле и Мерлу к верховьям Северского Донца, по течению Быстрой Сосны и верховьям Воронежа и пересекала Цну (приток р. Мокши) несколько южнее устья Мокши⁸¹. Восточные пределы половецких земель, приблизительно от места слияния Мокши с Цной, соприкасаясь с южными рубежами камских болгар, по водоразделу между Сурой и Хопром и далее, вероятно, по течению Большого Иргиза и его притоку — Большому Камалику подходили к нынешнему Уральску, спускаясь затем по течению Яика на юг до Каспийского моря⁸².

Одна из групп кипчаков жила, видимо, на нижней Волге⁸³. О расселении половцев в южнорусских степях свидетельствуют также многочисленные курганные погребения, зафиксированные, а многие и раскопанные археологами на огромном пространстве от Днестра до Волги⁸⁴.

Часть кипчаков в XI—XIII вв. обитала на Северном Кавказе. Здесь они обосновались приблизительно в период завоевания ими причерноморских степей, т. е. в 60—70-х годах XI в., о чем свидетельствуют данные грузинских историков. В сочинении Леонтия Мровели «История грузинских царей — первых отцов и родственников», составленном не позднее 60-х годов XI в., кипчаки упоминаются наряду с бун-тюрьками, под которыми подразумеваются кавказские болгары⁸⁵. Кипчаки упоминаются также в сочинении

⁸⁰ К. В. Кудряшов. Половецкая степь, М., 1948, стр. 123, 124. В. Игнатьевской летописи, где описывается поход Юрия Суздальского в 1152 г., есть такие строки: «Вся половецкая земля, что между Волгою и Днепром» (ПСРЛ, т. II, стр. 455). Однако это не было пределом владений половцев. По данным той же летописи, половецкая земля на западе доходила до устья Дуная. Сын Мономаха Мстислав, по словам летописца, загнал половцев «за Дон и за Волгу и за Яик». Исходя из этих данных, К. В. Кудряшов определяет западные пределы половецкой земли XI—XII вв. — устье Дуная, а восточные — по р. Яик (См. его соч., стр. 123, 124 и след.).

⁸¹ К. В. Кудряшов. Указ. соч., стр. 123, 124; Очерки истории СССР, IX—XIII вв., стр. 200.

⁸² К. В. Кудряшов. Указ. соч., стр. 146; Он же. Местоположение половецких веж в Северном Причерноморье в XII в., ТИЭ, Новая серия, М.—Л., 1947, № 1, стр. 109.

⁸³ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, стр. 149—150.

⁸⁴ С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, стр. 172—182; Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 120—150 и след.

⁸⁵ З. В. Анчабадзе. Кипчаки Северного Кавказа, по данным грузинских летописей XI—XIV вв., Сб. МНСПБН, Нальчик, 1860, стр. 115.

историка конца XI в. Джуаншера «Жизнь царя Вахтанга Горгасала». Джуаншер пишет: «И покорил он (т. е. Вахтанг) овсов и кипчаков⁸⁶ и построил двери овские, которые мы называем Дарьяльскими⁸⁷. И воздвиг перед ними высокие башни и поместил в них гарнизоны из живущих по соседству горцев, чтобы не могли переходить сюда (т. е. на территорию Грузии) овсы и кипчаки, вопреки воле царя картвелов»⁸⁸.

Основным районом расселения кипчаков на Северном Кавказе была его центральная часть. Их столица — город Сунжа, располагалась на реке Сунже⁸⁹. Расселение кипчаков на указанной территории в XI—XIII вв. подтверждается археологическими данными⁹⁰. Южная граница распространения кипчаков на Северном Кавказе проходила примерно по линии Армавир — Пятигорск — калмыцкие степи. Жили кипчаки и в приморском Дагестане. Грузинский анонимный историк XII в., описавший царствование Давида IV Строителя (1089—1125 гг.), называет их «дербентскими кипчаками»⁹¹.

В 1118—1120 гг. царь Давид IV Строитель переселил в Грузию около 225 тысяч⁹² северокавказских кипчаков во главе с их вождем Атраком. Из среды кипчаков Давид IV нанял 40 тысяч отборных воинов, а также 5 тысяч воинов для личной гвардии. Опираясь на эти силы, Давид сумел сломить сопротивление грузинской феодальной знати, а во внешней политике — перейти от обороны к наступлению⁹³. В частности, в 1120 г. ему удалось нанести решающее поражение тюркоязычным кочевникам, подвластным сельджукским султанам, вторгшимся в юго-восточные и южные провинции Грузии. Переселение кипчаков в Грузию продолжалось и в последующие периоды. В годы правления Георгия III (1151—1184 гг.) были переселены десятки тысяч осетин и кипчаков. Интересно отметить, что в период правления царицы Тамары (1184—1213 гг.) в Грузии существовал термин «новые кипчаки». Так называли переселенцев в отличие от старых кипчаков, «многие из которых уже именовались «накипчакара», т. е. «бывшие кипчаки»⁹⁴.

⁸⁶ Вахтанг Горгасал — грузинский царь второй половины V в. Упоминание о кипчаках является припиской автора труда «Жизнь царя Вахтанга Горгасала», сделанной им в конце XI в. к более ранним описаниям. См.: З. В. Анчабадзе. Указ. статья. МНСПБКН, стр. 116.

⁸⁷ Имеется в виду Дарьяльский проход (или Аланские ворота) в верховьях Терека, на перевале через главный Кавказский хребет в Закавказье (См. Очерки истории СССР, IX—XIII вв., стр. 554, 662, 667).

⁸⁸ З. В. Анчабадзе. Указ. статья, стр. 116.

⁸⁹ Там же, стр. 125.

⁹⁰ А. И. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии, МИА, М., 1941, № 3, стр. 30.

⁹¹ З. В. Анчабадзе. Указ. статья, стр. 125.

⁹² Там же, стр. 118.

⁹³ Очерки истории СССР, IX—XIII вв., стр. 565.

⁹⁴ З. В. Анчабадзе. Указ. статья, стр. 119.

В XI — начале XIII в. отдельные группы кипчаков проживали и на территории Азербайджана. Впервые они, видимо, появились здесь в качестве пленных, а также рабов — гулямов. К числу последних относится Шямс-ад-дин Ильдигиз, кипчак по происхождению⁹⁵ — основатель династии Ильдигизидов в Азербайджане. Ильдигиз служил в войсках Сельджукидов, сформированных из рабов-гулямов. Он привлек внимание сельджукидской знати своей необычайной храбростью и был взят на службу ко двору хана Масуда, у которого пользовался большим доверием. В 1146 г. Ильдигиз получил во владение провинции (находившиеся тогда под властью Сельджукидов) Иран и Азербайджан. Спустя сорок лет династия Сельджукидов в Иране была уничтожена, а потомки Ильдигиза (сын Джахан Пехлеван, внук — Узбек) сохранили эти земли в своем владении. Династия Ильдигизидов в Азербайджане просуществовала до 1225 г., столицей их был город Табриз⁹⁶.

Обширная степная полоса, занятая половцами-кипчаками, известна у восточных авторов под названием Дешт-и Кипчак (кипчакская степь)⁹⁷. Она включала в себя половецкие земли не только к западу от Волги, но и к востоку от нее до низовьев Сырдарьи и берегов Иртыша. Абу-л-Гази, говоря о Дешт-и Кипчаке, имеет в виду область, расположенную между реками Тин (Дон), Итил (Волга) и Яик (Урал). Однако по его описаниям похода Джучи видно, что в Дешт-и Кипчак входили также степные пространства, расположенные к северу от средней и нижней Сырдарьи и Аральского моря⁹⁸.

Таким образом, из вышеприведенных данных видно, что во второй половине XI—XII в. кипчаки владели огромной территорией — от Сырдарьи и берегов Иртыша до устья Дуная. Волга как бы разделяла земли кипчаков на две части: западную и восточную. Основная масса кипчаков в указанный период была расселена в западной части половецкой степи. Абу-л-Гази, указывая на районы кочевья кипчаков в бассейнах Дона, Волги и Яика, подчеркивал, что до монгольского завоевания (до 40-х годов XIII в.) «на берегах этих трех рек других илей, кроме кипчакского, не было»⁹⁹. Видимо, автору не было известно о расположении кочевий других западных групп кипчаков-половцев. В восточной части Дешт-и Кипчака их было сравнительно мало. Некоторые группы кипчаков, как видно из приведенных выше данных Абу-л-Гази, кочевали между Волгой и Уралом. Дальше, к востоку от р. Урал, жили подвластные кипчакам родо-

⁹⁵ К. д'Оссон. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана, т. I, Чингиз-хан, Иркутск, 1937, стр. 187.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Термин «Дешт-и Кипчак» встречается у автора XI в. Насир-и-Хисроу (В. В. Бартольд. Новый труд о половцах, Сочинения, т. V, стр. 395).

⁹⁸ А. Н. Кононов. Родословная туркмен, Соч. Абу-л-Гази, хана хивинского, стр. 44.

⁹⁹ Там же, стр. 44.

племенные объединения канглы¹⁰⁰. Довольно крупное объединение составляли присырдарьинские кипчаки, кочевавшие по средней Сырдарье.

Помимо кипчаков и канглы, в восточной части Дешт-и Кипчака жили также печенеги, аргын, карлуки и др. Карлуки в середине XII в. были вытеснены из Семиречья каракиданами и кочевали в Дешт-и Кипчаке вплоть до XV в.¹⁰¹ Многие из указанных племен в X—XII вв. либо входили в объединение присырдарьинских кипчаков, либо находились в зависимости у них.

Неоднородными в этническом отношении были и кипчаки Западного Дешт-и Кипчака. Кроме собственно кипчаков, здесь жила некоторая часть кимаков, канглы, а также частицы племенных союзов огузов (туркмен), хазар, печенегов, узов и др. Они или входили в состав вышеприведенных половецких (кипчакских) объединений, или составляли самостоятельные объединения. К числу таких отдельных объединений можно отнести, например, огузов, проживавших в низовьях Волги.

Абу-Хамид-ибн-ар-Рахим-ал-Гартани (умер в 1164 г. н. э.), говоря о г. Саксине¹⁰², писал, что его население состоит из сорока родов огузов, каждый из которых имеет своего предводителя — эмира¹⁰³.

Поскольку указанные объединения находились под властью правящей группировки половцев, в русских летописях и в сочинениях арабо-персидских авторов их называют общим именем — кипчаки-половцы. Таким образом, термин «половцы» или «кипчаки» выступает (в XI—XII вв.) как собирательное политическое наименование многочисленных племен и племенных объединений западной части Дешт-и Кипчака.

Не исключена возможность, что в кипчакских объединениях могли быть и отореченные элементы отдельных ираноязычных групп бассейна Дона и Северного Кавказа, носившие в прошлом различные наименования — сарматы, аланы, роксаланы, асы и другие, а также отореченная часть финно-угорских племен, обитавших в бассейне Волги.

¹⁰⁰ Абу-л-Гази указывает на две компактные группы канглы. Одна группа была расселена в верховьях рек Талас и Чу (см. Абу-л-Гази, Родословное древо тюрков, стр. 34), а другая (в середине XI в.) жила у р. Яик, в местностях Алакент и Каракаш (См.: А. Н. К о н о н о в. Родословная туркмен, Соч. Абу-л-Гази, хана хивинского, стр. 72. Последняя группа канглы жила в этой области (между Яиком и Эмбой) и в период господства монголов.

¹⁰¹ О карлуках, живших у Аральского моря, говорил ал-Мас'уди (конец IX — первая половина X в.), См. МИТТ, т. I, стр. 166. О пребывании карлуков в Дешт-и Кипчаке говорит еще и тот факт, что они вместе с другими племенами помогли в 1429—1430 гг. Абу-л-Хайр хану занять престол в г. Торе (См. Б. А х м е д о в. Государство кочевых узбеков, М., 1965, стр. 16, 46—48).

¹⁰² Саксин — город в низовьях Волги. Местоположение этого города еще точно не установлено.

¹⁰³ J. Margart. Указ, соч., стр. 56; В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа, Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 589.

В южнорусской степи обитало также несколько тюркоязычных групп, принадлежавших в прошлом к различным политическим объединениям — печенеги, торки, берендеи, кауи, турпей и др. Некоторая часть их, например, печенеги, узы была подчинена кипчакам. Как отмечалось выше, все указанные группы в русской летописи середины XII в. были известны под общим названием «черные клобуки»¹⁰⁴. В этот период они расселялись в пределах русского государства: в Поросье, Верхнем Побужье, по притокам Тясмина и Синюхи, а также на левобережье Днестра. В Поросье у них имелись и укрепленные города — Юрьев, Торческ и др.¹⁰⁵ Тюркоязычные группы, входившие в черноклобукский союз, были переселены русскими князьями с целью организации из них войска для охраны южных границ Киевской Руси, а также для службы в войсках князей¹⁰⁶.

Русские удельные князья нередко использовали «черных клобуков» в междоусобных феодальных войнах. Многие представители тюркоязычных групп постепенно оседали, в частности в Поросье, и впоследствии ассимилировались с местным русским населением, некоторая их часть ушла назад в степь к кипчакам. Так, в перечне племенных названий кипчаков имеются и «черные клобуки» (см. ниже).

Как мы уже отмечали, общественный строй кипчаков в XI—XIII в.¹⁰⁷ был патриархально-феодальным, с сильными пережитками родового строя. Кипчакское общество этого периода распадалось на свободных членов семьи — хозяев, и зависимых от них рабов, которые в «Половецком словаре»¹⁰⁸ названы *eidagi erci* — домашними рабами», что идентично слову «челядь» в русской летописи¹⁰⁹. В арабо-кипчакском словаре из государства Мамлюков раб назван термином *qul*, а рабыня (невольница) *cuḡnaq*¹¹⁰; наложница (рабыня гарема) обозначена термином *quma*. Видимо, в патриархальную семью входили не только свободные члены семьи, но и рабы, наложницы, рабыни, а также их дети.

¹⁰⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 332, 417 и др.; т. II, стр. 395, 400, 401, 421, 424 и др.

¹⁰⁵ К. В. Кудряшов. Местоположение половецких веж, стр. 109.

¹⁰⁶ «Черные клобуки» в отдельных случаях составляли до 30 тыс. человек в одном отряде (См.: А. И. Попов. Кипчаки и Русь, стр. 103, примечание 1).

¹⁰⁷ Общественный строй кочевников, в том числе и кипчаков, расселившихся в Восточной Европе до монгольского завоевания, освещен в ряде трудов советских ученых (См.: З. М. Шарапова. Социально-экономический и политический строй у половцев. Ученые записки МОПИ, 1953, т. 28, вып. 2, стр. 109—138; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы..., стр. 195; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, стр. 218—227).

¹⁰⁸ *Codex Cumanicus*, стр. 93, 103.

¹⁰⁹ О рабах кипчаков говорится в «Памятниках старинной русской литературы», т. I. СПб., 1860, стр. 73.

¹¹⁰ A. Zajancowski. *Chapitres Choisis du Vocabulaire arabe — ciptchak Rocznik orientolis tucznu*, Warszawa, 1965. т. XXIX, zeszyt 2, стр. 95. См. также Аттухфатуз закиату филлугатит туркия, стр. 230.

Следует отметить, что не все свободные семьи находились на одинаковом общественно-экономическом уровне: одни из них были зажиточными, знатными, другие — бедными. Разорившиеся семьи легко могли попасть в зависимость от богатых семей или главы рода. По сложившимся традициям, члены рода оказывали материальную поддержку разорившимся семьям. Чаще всего, инициатором помощи выступал глава рода. Получивший помощь должен был определенное время отработать в хозяйстве своего благодетеля. Таких работников в хозяйстве богатых, знатных семей называли *қаға*¹¹¹ (кара-чернь, черный народ).

Видимо, основной хозяйственной ячейкой у кипчаков была семья, а ее глава (*бай*)¹¹² являлся владельцем всего имущества. Под его властью находились не только члены семьи, но и рабы, члены семей разорившихся бедняков (кара). Частная собственность главы семьи, например, скот, охранялась законом (разумеется, неписанным), выработанным многовековой родо-племенной традицией.

Бедные семьи находились в зависимом положении от крупных феодалов. Последние облагали большими поборами своих родичей. Особенно тяжелыми были обложения, связанные с военными расходами. Обедневшие семьи или отдельные их члены вынуждены были оставить свой род, поселиться в крупных населенных пунктах или городах, расположенных по Дону, Днепру, на берегах Черного моря. Чаще всего они уходили в переяславские, киевские, черниговские, рязанские земли и поселялись среди русского населения¹¹³.

Порой в результате непосильного налогообложения разорялись целые кипчацкие племена и роды. Лишившись скота и земли для кочевья, они с разрешения русских князей переселялись в южнорусские княжества и постепенно переходили к оседлости. А. Ю. Якубовский, глубоко изучивший население Дешт-и Кипчака, писал, что в XII—XIII вв. «процесс оседания переживали и половцы, непосредственно соприкасавшиеся с земледельческой полосой Нижнего Поволжья, Придонья, Крыма, стчасти Приднепровья и даже Булгара»¹¹⁴.

Среди кипчаков имелась еще одна категория племен и объединений, именуемых в летописи «дикими половцами»¹¹⁵, которые обитали в причерноморских степях. Появились они, как мы предполагаем, приблизительно в середине XII в. в результате внутренней (межплеменной) борьбы кипчаков за землю, за старшинство над отдельными племенными объединениями, из-за нежелания находиться под властью отдельных кипчацких ханов

¹¹¹ A. Zajączkowski. *Chapitres Choisis du Vocabulaire arabe — ciptchak Rocznik orientalis tuczn*, Warszawa, 1965, т. XXIX, zeszyt 2, стр. 95. См. также Аттухфатуз закиату фуллуғатит туркия, стр. 230.

¹¹² Термин *вай* в арабо-кипчацком словаре (стр. 79) означает «богатый».

¹¹³ А. И. Попов. Кипчаки и Русь, стр. 113, 114.

¹¹⁴ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 19.

¹¹⁵ ПСРЛ, т. II, стр. 919, 334, 423, 432, 436 и др.

и платить им налоги и т. д. «Дикие половцы» находились на службе у русских князей и нередко использовались ими в междоусобных войнах. Они нанимались за землю и военную добычу, т. е. были федератами, а не вассалами князей. Большая группа их поселилась, как предполагается, в верховьях Дона, близ Ростово-Суздальского княжества¹¹⁶.

Семьи объединялись в роды, называвшиеся «оба» или «опа», «епа»¹¹⁷. В «Слове о полку Игореве» и «Поучении Владимира Мономаха» упоминается ряд имен половецко-кипчакских князей с окончаниями -оба, -опа, -епа, означающими род: Урусоба — род Уруса, Арсланоба — род Арслана, Китаноба — род Китана, Чернегепа — род Чернегра и т. д.

Роды в свою очередь объединялись в племена, а последние в племенные союзы. Упоминаемые в летописях токсобичи, кулобичи, етебичи, бурчевичи, тертробичи и другие, видимо, и являлись крупными половецкими объединениями¹¹⁸.

Кипчакские племенные союзы южнорусских степей в свою очередь составляли более крупные объединения, которые условно можно назвать ордами¹¹⁹. Таких орд в XI — начале XIII в. было две: западная, или приднепровская, и восточная — придонская. Первая занимала низовья Днепра и область на запад до Дуная и совпадала с Белой куманией (у географа Идриси), а вторая расселялась в Подонье и, видимо, в приазовских степях и названа (у того же Идриси) Черной куманией¹²⁰.

Граница между Белой куманией и Черной, как предполагает Б. А. Рыбаков, шла по водоразделу Днепра и Дона.

Обе орды представляли собой самостоятельные политические объединения, во главе которых стояли наследственные князья — ханы. Хотя в источниках нет прямых сведений о передаче власти кипчакских ханов по наследству от отца к сыну и неизвестна точная хронология династий в период их расселения в причерноморских степях, однако, судя по данным русской летописи, где упоминаются имена некоторых родственно близких князей кипчаков, можно предполагать бытование у них наследственной власти. В частности, правителем восточного объединения кипчаков в начале XII в. был Шарухан, ему наследовал сын Отрак (Атрак). Когда

¹¹⁶ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 224.

¹¹⁷ О значении термина «оба» см.: В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, ч. 2, столб. 1157; А. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869, стр. 107; О значении терминов «еп», «епа» и других их вариантах у народов Средней и Северо-Восточной Азии см.: А. И. Попов. Кипчаки и Русь, стр. 99. Первоначально термины обозначали «родовые объединения», род и дошли до наших дней у одних народов (например, туркмен) в значении «селение», «кишлак», а у других (османских турок, ногаев) — в значении «юрта», «семья», «кочевье», а у третьих (монголов) в значении «род» и т. д. (см. А. И. Попов. Указ. соч., стр. 99, 100).

¹¹⁸ А. И. Попов. Названия народов СССР, Лениздат, 1973, стр. 130.

¹¹⁹ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 195.

¹²⁰ Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г., ВСИИМК, М., 1952, вып. XLIII (см. рис. 14).

под натиском русских войск (1111—1117 гг.) Отраку пришлось бежать на Кавказ, его место занял его брат Сырчан. Последний, видимо, получил власть временно, потому что после смерти Владимира Мономаха (1225 г.) Сырчан усиленно просил брата Отрака вернуться в родные степи. После Сырчана и Отрака власть перешла к сыну последнего — Кончаку, а от него — к его сыну Юрию.

У западных объединений кипчаков в конце XI в. упоминаются с небольшими хронологическими дистанциями имена пяти князей: Итляр, Боняк, Тугархан, Китян (Котан), Кура. Какие из них были правителями приднепровских кипчаков, сказать трудно. Однако после гибели Итляра, Китана, Тугархана (1095—1096 гг.) правителем указанного объединения стал Боняк. В родственной близости преемников Боняка имеются некоторые неясности, но, несомненно, что они были в основном прямыми его потомками (Бонякидами)¹²¹.

Представители аристократии в соответствии с занимаемым в обществе положением носили различные титулы: «бей» (бий), «бек», «султан» и «хан»¹²². Титул «бей», или «бий», носила, видимо, родовая знать и главы крупных родов; вожди племен получали титул «бека», предводитель союза племен — «султана», главы орд — «хана». Из русских летописей видно, что половецко-кипчакские князья подразделялись на «великих»¹²³ и «лепших»¹²⁴ князей. Кого называли великими или лепшими князьями выяснить трудно, поскольку в указанных сочинениях приводится большое число князей. Например, за период своего правления Владимир Мономах отпустил на волю около 100 пленных кипчакских лепших князей, а свыше 200 их было убито в сражениях с русскими войсками¹²⁵. Носителей титула «князь» было еще больше. Например, в походе 1184 г. войска Святослава и Рюрика захватили в плен 400 половецких князей¹²⁶.

Из приведенных выше данных видно, что кипчаки южнорусских степей в XII — начале XIII в. не имели единого государственного объединения; они были разделены на две самостоятельные орды, которые управлялись наследственными феодальными правителями (ханами). В политических объединениях кипчаков указанного периода продолжала сохраняться структура традиционных родо-племенных организаций: патриархальная семья, род, племя и племенные союзы. Подобные социальные объединения, по выражению К. Маркса, «покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Их структура — есть структу-

¹²¹ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 144.

¹²² *Содех Сутанисус* стр. 105.

¹²³ ПСРЛ, т. II, стр. 741.

¹²⁴ ПСРЛ, т. I, стр. 227, 250, 251 и др.

¹²⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 250.

¹²⁶ ПСРЛ, т. II, стр. 632, 633.

ра генеалогического древа»¹²⁷. Однако следует отметить, что бытование у кипчаков того периода иерархии социальных организаций, сохраняющих древние формы родов и племен, нельзя рассматривать как прямое наследие первобытнообщинного строя. Различные формы родо-племенных общностей со значительными изменениями в их социально-экономическом облике, так называемые поздние, вторичные племена и роды, существовали и в классовом обществе. Их сохранение было связано со спецификой социально-экономической организации кочевников-скотоводов в эпоху феодализма.

ПРИСЫРДАРЬИНСКИЕ КИПЧАКИ (X — НАЧАЛО XIII в.)

В конце X — начале XI в., когда значительные массы кипчаков стали двигаться на запад и заняли область между Яиком и Итилем, некоторая часть их, видимо, осталась в районах, расположенных к югу от оз. Тенгиз. Последние, как обособленная группа, еще в IX — первой половине X в. выделились из состава западных кипчаков. Такое предположение мы делаем на основе данных «Худуд-ал-алем». В этом сочинении указаны две группы кипчаков, кочевавших в обширных степях Южного и Западного Казахстана. Одна названа в «Худуд-ал-алем» «андар-аз кифчак»¹²⁸.

Анонимный автор «Худуд-ал-алем» пишет, что «люди этой области некоторыми обычаями похожи на гузов»¹²⁹. Отсюда следует, что кочевья «андар-аз кифчак» находились ближе к владениям гузов, вероятно, к северо-востоку от них — в верховьях рек Ишим, Сарысу, недалеко от оз. Тенгиз. Расселившись в этой области, «андар-аз кифчак» подвергались влиянию гузов и приняли некоторые их обычаи. Постепенно группа «андар-аз кифчак», оторвавшись от своих родичей, продвинулась на юг и в начале XI в. расселилась к северу от среднего течения Сырдарьи, т. е. на северо-востоке территории нынешней Кызыл-Ординской и на юго-западе Джамбульской областей Казахской ССР. Основной район их расселения — горы Каратау, что подтверждается данными Махмуда Кашгарского. На карте, приложенной к сочинению этого автора (XI в.), ясно выделяются две области кочевья кипчаков. Одна из них расположена на приволжских землях, а другая — к северу от среднего течения Сырдарьи у горы Карачук¹³⁰, что соответствует современному названию Каратау.

¹²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 418.

¹²⁸ Худуд-ал-алем, л. 186, 19а.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Махмуд Кашгарий. Девоу лугат-ит турк, сочинения, т. I, стр. 64. В соч. «Книга Большому чертежу», или древняя карта Российского государства (издание Спасского, СПб., 1846, стр. 74) указанная гора упоминается под названием Карачатов.

Приведенные нами сведения Махмуда Кашгарского вносят значительную ясность в вопрос о двух группах кипчаков. По мере продвижения второй группы кипчаков к югу (от своих прежних районов расселения у оз. Тенгиз) в их состав, вероятно, влились некоторые тюркоязычные племена (или частицы их), входившие прежде в тюркешский союз (аргу, тухсы и др.), и племенные объединения канглы. В начале XI в. указанная группа кипчаков (по мере присоединения к ней других этнических элементов) образовала крупное племенное объединение.

В первой четверти XI в. часть огузов оставила свои кочевья в бассейне Сырдарьи и ушла в юго-западную часть Мавераннах-ра¹³¹. Область, которую занимали ранее огузы, в том числе средняя часть бассейна Сырдарьи, окончательно перешла во власть кипчаков. Столицей их стал г. Сыгнак¹³².

Таким образом, кипчаки в первой четверти XI в. прочно обосновались в среднем течении Сырдарьи. На северо-востоке границы их владений проходили по нижнему течению р. Талас. Махмуд Кашгарский писал, что «город Канжак — Сангар, находившийся поблизости от Тараза¹³³, является границей кипчаков». ¹³⁴ К северу от владения кипчаков, к северо-востоку от рек Талас и Чу¹³⁵, и далее до юго-западного побережья оз. Балхаш кочевало племенное объединение канглы. После того, как значительные массы огузов оставили бассейн Сырдарьи, некоторая часть объединения канглы переселилась к берегам этой реки. Они заняли районы в нижнем течении Сырдарьи и на северо-восточном побережье Аральского моря. Главная ставка этой части канглы находилась в местности Каракурум¹³⁶.

¹³¹ О движении огузов на юго-запад см.: В. В. Бартольд. Огузы (туркмены) до образования сельджукидской империи, Сочинения, т. II, ч. 1, стр. 559—573; А. Ю. Якубовский. Сельджукидское движение и туркмены в XI в., Известия АН СССР, Отделение общественных наук, 1937, № 4, стр. 921—946; Он же. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв., СЭ, 1947, № 3, стр. 48—54; С. Г. Агаджанов. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969, стр. 179—189.

¹³² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Сочинения, т. I, стр. 236; Он же. К истории орошения Туркестана, Сочинения, т. III, стр. 227; А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака (Сугнака), Сообщения ГАИМК, т. II, Л., 1929, стр. 125, 126.

¹³³ Имеется в виду г. Тараз, который находился на месте теперешнего г. Джамбула (см. МИТТ, т. I, стр. 145).

¹³⁴ Махмуд Кашгарский. Сочинения, т. I, стр. 444.

¹³⁵ Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков, стр. 34. Другое компактное родо-племенное объединение канглы в ту пору (XI—XII вв.) располагалось к северо-западу от Аральского моря, на р. Эмбе и далее на запад (См.: А. А. Кононов. Родословная туркмен, сочин. Абу-л-Гази, хана хивинского, стр. 72). Через земли канглы в 1253 г. ехал к главной ставке монголов в г. Каракурум посол французского короля Гильом Рубрук (см.: Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, стр. 118, 122, 123).

¹³⁶ Не следует смешивать его с главной ставкой монголов в долине р. Орхон. Местность эта находилась в низовьях Сырдарьи, по соседству с г. Джендом (см. МИТТ, т. I, стр. 184).

Джувеини рассматривал канглы как часть кипчакского народа¹³⁷. Однако из высказываний Джувеини нельзя прийти к выводу о том, что канглы входили в кипчакский союз. В политических событиях, особенно в сношениях с Хорезмом (в XII — начале XIII в.), канглы действовали независимо от кипчаков.

Это дает нам основание полагать, что канглы и кипчаки являлись самостоятельными племенными объединениями. Однако кипчаки находились со своими соседями, племенем канглы, в дружественных, союзнических отношениях и, видимо, поэтому Джувеини рассматривал последних как часть народа кипчак.

Присырдарьинские кипчаки по мере своего усиления стали угрожать земледельческим районам Хорезма. Это серьезно встревожило его правителей¹³⁸.

Во второй половине XI в. хорезмшахи, стремясь создать большое независимое государство, вели борьбу не только с западом, но и с населением лежащей к северу и востоку кочевой степи. С целью захвата укрепленных городов в районе средней и нижней Сырдарьи¹³⁹ они предприняли ряд походов к берегам реки и кочевьям кипчаков¹⁴⁰. В результате этих походов отдельные племена кочевников были подчинены Хорезму. Однако большинство кипчакских племен, вплоть до нашествия монголов, вело упорную борьбу, отстаивая свою независимость.

Хорезмшахи путем подкупа и установления брачных союзов старались привлечь на свою сторону отдельных представителей кипчакской знати, и это им нередко удавалось. Так, в 1181 г. на службе у хорезмшаха Текеш (1172—1200) находилось значительное количество кипчакских воинов во главе с военачальником по имени Алп-Кара-Уран (он же Алп-Даркан)¹⁴¹. Вскоре был заключен брачный союз этого родового аристократа с домом Текеш. Однако другая часть кипчаков во главе с ханом Каир-Туки продолжала оказывать упорное сопротивление войскам Текеша.

Перешедшие на сторону хорезмшаха кипчаки не были его надежными союзниками. Так, в 1195 г. во время похода хорезмшаха Текеша против непокорного Каир-Туки-хана отряд уранийцев¹⁴², которым командовал Алп-Кара, изменил правителю Хорезма. В результате ожесточенного боя Каир-Туки-хан с помощью пере-

¹³⁷ Джувеини. Тарих-и джахангуша, изд. Мирзы Мухаммеда Казвини; CMS vol. XVI, 2, Leyden—London, pt. 11, 1916, s. 101.

¹³⁸ Подробно о политических взаимоотношениях кипчаков с Хорезмом в XI—XII вв. см.: Абу-л-Фазл Бейхаки. История Мас'уда 1030—1041, Вступительная статья, перевод и примечания А. К. Арендса, Ташкент, 1962.

¹³⁹ А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака, стр. 126.

¹⁴⁰ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Сочинения, т. I, стр. 404—406.

¹⁴¹ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 407.

¹⁴² Уран (уранийцы)—кипчакское племя, входившее в присырдарьинское объединение кипчаков.

шедших на его сторону уранийцев одержал внушительную победу над войсками хорезмшаха¹⁴³.

В период царствования хорезмшаха Мухаммеда (1200—1220 гг.) хорезмцы не оставляли своих попыток покорить прысрдарьинских кочевников. В 1215 г. хорезмшаху удалось захватить столицу кипчаков г. Сыгнак. Кочевые кипчаки под натиском войск Хорезма вынуждены были покинуть берега Сырдарьи и откочевать в степи к северо-востоку от Аральского моря.

К началу XIII в., в результате непрекращавшейся междоусобной борьбы, кипчакская правящая знать заметно ослабела. Воспользовавшись этим, правители Хорезма усилили свои попытки покорить кочевников. Под натиском превосходящих сил противника кипчаки вынуждены были бежать в глубь Восточного Дешт-и Кипчака.

В период монгольского завоевания сын Чингиз-хана Джучи после взятия Ургенча в 1221 г. отделился от своих братьев—Чагатай и Угедея¹⁴⁴ и во главе многочисленного отряда отправился в восточный Дешт-и Кипчак, где встретил сопротивление кипчаков. Между войсками монголов и кипчаков произошло кровопролитное сражение, в котором кипчаки были подвергнуты беспощадному избиению. Современник нашествия Чингиз-хана Джужжани пишет, что монголы, «управившись с делами хорезмскими, обратились на Кипчак и Туркестан, покорили и заповили один за другим и подчинили все (это) своей власти. Когда Туши (Джучи.—К. Ш.), старший сын Чингиз-хана, увидел воздух и воду кипчайской земли, то он нашел, что во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаше этой, лугов и пастбищ обширнее этих»¹⁴⁵. Абул-л-Гази, описывая события этого периода, также писал, что по прибытии Джучи-хана в Дешт-и Кипчак «кипчакский народ собрался и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил (всех) попавших (ему) в руки кипчаков... Те из них, которые спаслись, ушли к иштякам¹⁴⁶. Большая часть иштяков теперь является потомками тех кипчаков»¹⁴⁷. Разбив кипчаков и захватив большое количество пленных, Джучи-хан отправился к берегам Иртыша, где находилась его ставка.

¹⁴³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, Сочинения, т. I, стр. 407.

¹⁴⁴ Чагатай и Угедей отправились к Чингиз-хану, который в то время осаждал крепость Таликан (в Северном Афганистане), См.: В. В. Бартольд. Указ. соч., т. I, стр. 504.

¹⁴⁵ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., вып. II, М.—Л., 1941, стр. 44.

¹⁴⁶ Иштяки, или остяки—так именовали в прошлом башкир некоторые тюркские народы.

¹⁴⁷ А. Н. Кононов. Родословная туркмен, Соч. Абул-л-Гази, хана хивинского, стр. 44. Следует напомнить, что в состав башкир вошли и некоторые кипчакские группы, кочевавшие в прошлом в южнорусских степях. С переселением отдельных групп из Восточного Дешт-и Кипчака значительно увеличилось кипчакские элементы в составе башкир.

Из приведенных выше сведений Абу-л-Гази не следует делать вывод о том, что присырдарьинские кипчаки навсегда оставили территорию своего расселения. Основную массу кочевого населения Дешт-и Кипчака, главным образом его западную часть, как уже говорилось, составляли кипчаки. То же можно сказать и о восточной части степи, хотя о пребывании здесь кипчаков в период монгольского владычества прямых указаний в источниках нет. Правда, отдельные упоминания об этом встречаются у более поздних авторов (XV—XVI вв.).

КИПЧАКИ В XIII—XV вв.

В первой половине XIII в. народы Средней Азии и Казахстана, а также России и Кавказа подверглись нашествию монгольских завоевателей.

В начале 1223 г. монгольские орды под водительством Джебе и Субедея проникли на Северный Кавказ и начали грабить местное население — аланов, лезгин, черкесов, кипчаков и других. Аланы совместно с кипчаками оказали упорное сопротивление завоевателям. Тогда монголы прибегли к хитрости. пытаясь расколоть местные народы. По словам Ибн-ал-Асира, завоеватели, отправив своих представителей к кипчакам, велели передать их предводителям следующее: «Мы и вы одного народа, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам деньги и одежду, сколько хотите, оставьте нас с ними»¹⁴⁸.

Кипчаки, соблазнившись обещаниями монголов, покинули аланов. Завоеватели, разгромив и разграбив аланов, направили все силы на уничтожение кипчаков Северного Кавказа. Часть кипчаков была убита, а оставшиеся в живых бежали через кавказские горы в Азербайджан¹⁴⁹, и возможно в Грузию¹⁵⁰, или к кипчакам, кочевавшим между Волгой и Днепром.

¹⁴⁸ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов относящихся к Золотой Орде, т. I, СПб., 1884, стр. 25; Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. вторая, стр. 229.

¹⁴⁹ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 26.

¹⁵⁰ Это предположение основано на том факте, что в 20-х годах XIII в. султан Джалал-ад-дин (сын хорезмшаха Мухаммеда), преследуемый Чингизханом, после долгих скитаний направился в Грузию. Это обеспокоило правителей ряда соседних государств: сельджуков Сирии, Армении, Грузии и других, опасавшихся, что Джалал-ад-дин проникнет и в пределы их государств. Тогда они договорились сообща разгромить войско Джалал-ад-дина (см. Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. I, кн. вторая, стр. 229, 275). Основная тяжесть этой борьбы пала на грузинские войска, в которых служили лезгины, аланы, кипчаки и др. Рашид-ад-дин пишет, что перед сражением Султан Джалал-ад-дин решил посмотреть на войска врагов. Он «выехал на холм и увидел знамена кипчаков с двадцатью тысячами людей». Царевич Джалал-ад-дин отправил своего сподвижника Кушкара с подарками к предводителю кипчаков с целью уговорить их покинуть поле боя. Кипчаки отошли в сторону и войска грузин и их союзников, принявшие бой с войсками Джалал-ад-дина, были разбиты (Рашид-ад-дин, Сборник летописей, т. II, стр. 28). Как мы отмечали, кипчаки служили в грузинских войсках еще при царе Давиде Строителе и царице Тамаре.

Монголы настойчиво преследовали отступавших кипчаков. Юрий Кончакович, один из главных кипчакских ханов, собрав значительное войско, выступил навстречу монголам, но не выдержал натиска противника и бежал к Днепру¹⁵¹, к границам Киевского государства. В погоне за кипчаками монголы углубились в южнорусские степи. Князя приднепровских кипчаков во главе с главным ханом Котянном, опасаясь приближения завоевателей, спешно обратились за помощью к галицкому князю, зятю хана Котяна, Мстиславу Удалому¹⁵². По призыву Мстислава Удалого войска русских князей вместе с кипчаками выступили навстречу монголам. Передовые отряды русских войск во главе с Мстиславом Удалым 31 мая 1223 г. встретились с главными силами монголов на р. Калке. Произошло кровопролитное сражение. В разгар боя кипчаки, не выдержав натиска монголов, беспорядочно бежали¹⁵³. Оставшись наедине с противником, немногочисленные русские воины после упорного сопротивления вынуждены были отступить¹⁵⁴.

После сражения на Калке перед монголами открылся путь в Крым и к южным границам русского государства. Они захватили и разгромили город Судак, опустошили селения Переяславского княжества, а также кочевья приднепровских и придонских объединений кипчаков и ушли в сторону волжских болгар. Встретив здесь решительный отпор, завоеватели через восточную часть Дешт-и Кипчака вернулись в Монголию.

После ухода монголов кипчаки вновь возвратились на свои кочевья¹⁵⁵. Однако среди кипчакских племен вспыхнула острая борьба за дележ пастбищных земель. Видимо, племена, возвратившиеся раньше, захватили лучшие пастбища, а тем, кто вернулся позже, приходилось или довольствоваться оставшимися, или отвоевывать уже захваченные кем-то земли.

Одной из причин межплеменной розни была борьба за господствующее положение в племенных объединениях. Под ударами монголов племенные объединения кипчаков были разгромлены. После возвращения на прежние кочевья, видимо, возникла необходимость заново организовать новые племенные объединения под началом более сильных племен и авторитетных вождей. В каждом таком племенном объединении могло быть несколько племен, претендовавших на первенство.

Как свидетельствуют арабоязычные источники¹⁵⁶ (20-30-х годов XIII в.), острая борьба шла между двумя кипчакскими пле-

¹⁵¹ ПСРЛ, т. II, стр. 740; В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 26.

¹⁵² Новгородская первая летопись, стр. 265.

¹⁵³ Там же, стр. 266.

¹⁵⁴ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 27; К. д'Оссон. История монголов, т. I, стр. 194, 195, 448; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 201—206; Очерки истории СССР, IX—XIII вв., стр. 810—813.

¹⁵⁵ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 18, 540.

¹⁵⁶ Там же, стр. 541, 542.

менами: дурут и токсоба. Она продолжалась вплоть до вторичного прихода монголов и окончилась победой токсоба.

Когда в 1236 г. монголы во главе с ханом Батыем двинулись на русские земли, кипчаки, однажды уже испытывшие силу завоевателей, поспешно бежали, оставив свои кочевья. Большая часть их переселилась в западные страны — Венгрию, Валахию и в пределы Византийской империи.

Первые поселения кипчаков в Венгрии восходят к 1091 г., когда они во главе со своим ханом Копулха совершили набег в эту страну, но были разбиты. Многие из них попали в плен, однако вскоре были освобождены и поселились в специально отведенных для них районах на территории Венгерского королевства¹⁵⁷.

Венгерские короли в борьбе со своими внутренними и внешними врагами неоднократно обращались за помощью к кипчакам. Многие кипчаки с согласия правителей этой страны остались здесь на вечное поселение. Известны имена семи кипчакских князей (Ретел, Бунга, Ете, Гурзул, Губат, Овшад (или Аузад), Байта)¹⁵⁸, которые вместе со своими родами (возможно племенем) еще задолго до нашествия монголов проживали в Венгрии. Каждому из них были отведены отдельные районы, в бассейне р. Тиссы и далее на запад, до низовьев р. Ваги. Значительная группа кипчаков осела в Венгрии в период второго нашествия монголов. В 1240 г. здесь поселился со своим племенем хан Котян.

Переселенцы-кипчаки образовали в Венгрии два самостоятельных объединения — Большую и Малую кумании. Каждое объединение «управлялось наследственными начальниками из их же рода по народным уставам, обычаям и обрядам»¹⁵⁹. Кипчакская знать активно вмешивалась и в политическую жизнь Венгрии, занимая ряд общественных постов в королевстве, что не могло не вызывать недовольства венгерской аристократии. В 1222 г. венгерский король Андрей II вынужден был ограничить права кипчакской знати. Согласно королевской конституции, кипчаки не допускались на должности без разрешения Государственного Совета. Однако кипчакская знать, устанавливая родственные связи с венгерскими королями и их наследниками, продолжала удерживать в своих руках важные посты¹⁶⁰.

Венгерские кипчаки сохраняли свое название вплоть до XIX в., тогда их насчитывалось около 200 тыс. человек. Между тем на протяжении большого исторического периода (XII—XIX вв.) кипчаки подвергались сильному этническому и культурному влиянию

¹⁵⁷ П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, дополнение к III части, стр. 17.

¹⁵⁸ Куник. О торкских печенегах и половцах по мадьярским источникам, с указанием на новейшие исследования о черноморско-торкских народах от Аттилы до Чингиз-хана, Ученые записки АН по первому и третьему отделению, т. III, СПб., 1855, стр. 740; П. Голубовский. Указ. соч., стр. 11—16. Дополнение к III главе.

¹⁵⁹ Куник. Указ. соч., стр. 737.

¹⁶⁰ П. Голубовский. Указ. соч., Дополнение к III главе, стр. 15.

местного (венгерского) населения. С первых же лет своего пребывания в Венгрии они приняли христианскую веру. Хан Котян, прежде чем переселиться в Венгрию, попросил убежища у короля этой страны Бэлы IV. Одним из условий заключенного между ними договора было принятие христианства Котяном и другими кипчакскими князьями, пожелавшими поселиться в Венгрии. Осевшие в Венгрии кипчаки постепенно стали забывать свой язык, восприняв венгерский¹⁶¹.

О переселении некоторой части кипчаков в Валахию (Влахия) в 1242—1243 гг. имеется указание у арабоязычного автора XV в. Абульмахосин Юсуфа ибн Тагира¹⁶². По его словам, кипчаки узнав о нашествии монголов и получив согласие правителя Валахии, переплыли Черное море (видимо, его северную часть) и прибыли в эту страну. Когда они расположились в отведенном для них месте, валахские войска внезапно напали на них, кипчаки были разгромлены, а их имущество разграблено. О дальнейшей их судьбе в литературе никаких сведений нет.

Около десяти тысяч кипчаков переселились в пределы Византийской империи. Хорошо зная нравы кочевников и опасаясь их усиления, греческий император отвел им места поселения в различных частях империи. Значительная группа кипчаков была поселена в Македонии. Некоторая часть их направилась в Малую Азию, в бассейны рек Меандры и Фракии¹⁶³. Переселившиеся в Византию кипчаки осели и постепенно слились с местным населением.

Большая группа кипчаков эмигрировала в Египет. Первоначально же кипчаки, представители других народов тюркской группы, а также грузины, лезгины, асы попадали сюда в качестве рабов. Последние султаны из династии Аюбидов (в первой половине XIII в.) создавали из них гвардию мамлюков.

В 1250 г. мамлюки, свергнув Аюбидов, захватили власть¹⁶⁴. Первые правители мамлюков были из тюрков — выходцев из Дешт-и Кипчака. Они поставили своей целью — собрать в Египте всех кипчаков, разбросанных на обширных территориях Европы и Азии¹⁶⁵.

Эмиграция кипчаков в Египет значительно усилилась в период правления ал-Захир Рукнад-дин Бейбарса I (1260—1277 гг.) — выходца из кипчаков южнорусских степей¹⁶⁶. В эти годы в Египте нашли убежище многие тысячи кипчаков, бежавших от зверств монгольских завоевателей. Из их среды Бейбарс вербовал воинов в армию мамлюков и выдвигал верных ему людей на государственную службу и во дворец.

¹⁶¹ Куник. Указ. соч., стр. 737—739.

¹⁶² В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 542.

¹⁶³ П. Голубовский. Указ. соч., стр. 733.

¹⁶⁴ Мамлюки (от арабского «мамлюк» — раб, точнее белый раб) самостоятельно правили Египтом и Сирией с 1250 до 1517 г. См.: К. Э. Босворт. Мусульманские династии, М., 971, стр. 99, 100.

¹⁶⁵ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 232.

¹⁶⁶ К. Э. Босворт. Указ. соч., стр. 101.

Отдельные группы кипчаков, бежавших в балканские страны и Малую Азию, постепенно перебирались в Египет, где Бейбарс оказывал им радушный прием. Помимо вольных переселенцев, в Египте собрались и кипчаки-невольники, выкупленные у монголов на невольничьих рынках черноморского побережья.

Так, Бейбарс периодически отправлял купцов на северные берега Черного моря для покупки рабов, преимущественно из тюрок-кипчаков. Для свободного прохода египетских судов через Дарданеллы и Босфор Бейбарс заключил специальный договор с византийским императором. Посредниками в торговле невольниками между Египтом и монголами были Генуя и Венеция¹⁶⁷.

В дальнейшем, по мере роста культурно-экономических связей мамлюков с монголами, приток кипчакского населения в Египет увеличивался. Этому способствовала также постоянная междоусобная война в Золотой Орде. Таким образом, в XIII—XIV вв. в Египте образовалась большая колония кипчакского населения. Кипчаки находились в привилегированном положении и занимали ведущее место в общественно-политической жизни страны. «Из них (кипчаков.— К. Ш.) были светила (букв. «луны») государевой свиты, председатели собраний, предводители войск и вельможи земли его (Египта)»,— писал Эломари¹⁶⁸.

Кипчаки Египта говорили на своем родном языке, претерпевшем, однако, значительное изменение под влиянием огузского диалекта. На кипчакско-огузском языке, оформившемся как литературный язык со второй половины XIV в., создается большое количество литературных произведений самого разнообразного содержания¹⁶⁹. Кипчакский язык в тот период оказал заметное воздействие на лексику и грамматику арабского языка¹⁷⁰.

Кипчакские переселенцы, жившие в окружении местного населения, постепенно смешались с ним. Процесс ассимиляции особенно усилился после падения династии Мамлюков в начале XVI в. Этим, видимо, и объясняется тот факт, что о кипчаках, как об отдельной этнической группе в Египте, в историко-этнографической литературе сведений нет.

Не всем кипчакам удалось спастись бегством на земли Египта, Сирии и западных государств. Основная масса их оставалась в южнорусских степях и, несмотря на упорное сопротивление, была покорена монголами.

Как уже отмечалось выше, в период господства монголов значительно ухудшилось экономическое положение кипчаков. Лучшие

¹⁶⁷ Ф. И. Успенский. Византийские источники о монголах и египетских мамлюках, Византийский временник, т. XXIV, Л., 1926; Ш. Верлинден. Торговля на Черном море с начала византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1517 г. Доклад бельгийской делегации на XIII Международном конгрессе историков, М., «Наука», 1970, стр. 5.

¹⁶⁸ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 232.

¹⁶⁹ Э. Н. Наджип. Кипчакско-огузский литературный язык монгольского Египта XIV в., Автореферат докт. дисс., М., 1965, стр. 21.

¹⁷⁰ Там же, стр. 22.

их кочевья были заняты, скот захвачен завоевателями, многие оставались без крова и запасов пищи. Племенные объединения кипчаков распались, некоторые племена ушли в глубь южнорусских областей под покровительство русских князей, а другие были разбиты и истреблены монголами.

С середины XVI в. положение в Дешт-и Кипчаке постепенно стало стабилизироваться. Кипчаки начали возвращаться на свои традиционные кочевья. Вновь создавались племенные объединения кипчаков, вожди которых находились в полном подчинении у золотоордынской административной власти¹⁷¹.

В период господства монголов расселение кипчаков на их традиционных кочевьях происходило неравномерно: в одних местах их число резко уменьшилось, а в других — увеличилось. Например, в связи с эмиграцией некоторого количества кипчаков в западные страны, Египет и Сирию значительно снизилось число кипчаков, расселявшихся между Днепром и Днестром, а также в приазовских степях. Рубрук, проезжая через приазовские степи и далее на восток до р. Волги, к ставке золотоордынских ханов, с удивлением писал, что на этом расстоянии он не видел никакого селения и даже следа какого-нибудь строения, кроме огромного количества могил команов¹⁷².

Значительно увеличилось кипчацкое население на Крымском полуострове. Когда монголы приступили к завоеванию Восточной Европы, многие кипчацкие семьи бежали в Крым в надежде перебраться в другие страны на прибывающих сюда иностранных судах. Однако уехать удалось лишь немногим, главным образом состоятельным семьям. Бедная же часть кипчацкого населения терпела страшную нужду и голод. Об этом со слов купцов-очевидцев Рубрук писал: «На этой равнине (равнина Крымского полуострова.— *К. Ш.*) до прихода татар, обычно жили команы... А когда пришли татары, команы, которые все бежали к берегу моря, вошли на эту землю в таком огромном количестве, что они пожирали друг друга взаимно, живые мертвых»¹⁷³. Увеличилась также численность кипчаков в Поволжье и Заволжье¹⁷⁴ за счет переселения их из других районов южнорусских степей.

Население Золотой Орды было весьма пестрым по своему этническому составу. Среди кочевого населения преобладающее место занимали кипчаки, сами же монголы составляли в нем меньшинство¹⁷⁵. Немало кипчаков было и среди оседлого населения.

¹⁷¹ См. подробно: Г. С. Саблуков. Очерк внутреннего состояния кипчацкого царства. Известия общества археологии, истории и этнографии, т. XIII, вып. 3, Казань, 1895, стр. 7—10 и след.; Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 122—140; Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов, стр. 235—246.

¹⁷² Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, стр. 104.

¹⁷³ Там же, стр. 90.

¹⁷⁴ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 160—161.

¹⁷⁵ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 100.

Следует отметить, что оседлые элементы в среде кипчаков южно-русских и приволжских степей, а также Северного Кавказа имелись еще задолго до нашествия монголов. В период существования Золотой Орды, ввиду дальнейшего расслоения кипчацкого общества, с увеличением бедняцких слоев склонность кипчаков к оседлости особенно возросла. Как предполагает Г. А. Федоров-Давыдов, кипчаки составляли основную массу городских жителей Золотой Орды¹⁷⁶. Большие группы их жили в столичном городе Сарай¹⁷⁷.

Кипчаки стояли на более высоком культурном уровне, чем их покорители монголы. За двести лет взаимных связей с более развитыми в культурном отношении народами — русскими, болгарами, венграми, хорезмийцами и другими, кипчаки восприняли многие стороны их культуры. В период существования Золотой Орды усилилась мусульманизация как кипчаков, так и монголов. Следует, однако, отметить, что ислам был распространен в основном среди городских жителей и феодальной верхушки, трудящиеся же массы степи «оставались еще долгое время во власти старых шаманских воззрений, которых не смог преодолеть и официальный переход к исламу»¹⁷⁸.

Кипчаки оказали большое влияние и на тюркизацию¹⁷⁹ монгольского населения Дешт-и Кипчака. Монгольский язык постепенно уступал место тюркскому. На этом языке велась переписка золотоордынских ханов и создавались литературные произведения¹⁸⁰.

Монголы, составлявшие меньшинство населения Дешт-и Кипчака, постепенно смешались с кипчаками. Об этом имеются весьма ценные высказывания ал-Омари (первая половина XIV в.). Когда татары завладели страной кипчаков, «то кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого что монголы (и татары) поселились на земле кипчаков, вступили в брак с ними и оставались жить в земле их (кипчаков)»¹⁸¹. Эти данные ал-Омари, несомненно, говорят об этническом и языковом слиянии монголов с

¹⁷⁶ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 208.

¹⁷⁷ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 306.

¹⁷⁸ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 168.

¹⁷⁹ Например, ярлык Токтамыша и Кутлук Тимура были написаны на кипчацком языке, См.: ЗВО, т. III, стр. 17 и след.

¹⁸⁰ Н. А. Баскаков. Выступление на научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов, см. МНСПБКН, стр. 228—246; Э. Н. Наджиб. Кипчацко-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века, стр. 5—30 и след. Отметим, что кипчацкий язык (конца XIII—XIV вв.) не был единым на всей территории Дешт-и Кипчака. Он представлялся двумя основными диалектами — западным и восточным (См. подробно: Н. А. Баскаков. Указ. соч., стр. 233, 234; Э. Н. Наджиб. Автореферат докт. дисс., стр. 20).

¹⁸¹ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 235.

кипчаками. Однако из приведенного высказывания нельзя делать вывод о том, что указанные два народа, смешавшись друг с другом, окончательно потеряли свою этническую специфику. Такое предположение было бы ошибочным.

Сильное этническое взаимовлияние происходило главным образом среди оседлых, прежде всего городских жителей и, отчасти, среди полупоседлого населения Золотой Орды. Что же касается кочевых кипчаков и монголов, у которых еще в большой степени сохранялись родо-племенные традиции, то они почти не подверглись смешению и сохранили в неприкосновенности свою этническую основу.

Египетский историк первой половины XIV в. ан-Нувеири, заимствовавший данные из арабской летописи, сообщает о следующих 11 кипчакских родах: токсоба, иета, буржоглы, бурды, кангуоглы (или кангароглы), анжоглы, дурут, карабароглы, джужан, карабирклы, котян¹⁸². Эти же племенные названия, но с некоторыми изменениями приведены и в истории Ибн Халдуна¹⁸³. Как бы подчеркивая неоднородность кипчакских племен, Ибн Халдун писал, что если «племя дурут из кипчаков, то племя токсоба — из татар...»¹⁸⁴.

Несомненно, что не все перечисленные племена кипчакские по происхождению. Однако относить племя токсоба к татарам-монголам, на наш взгляд, не совсем правильно. Еще задолго до Ибн Халдуна «токсобичи» упоминаются в русской летописи¹⁸⁵ как род или племя. Из перечисленных выше племен кангуоглы или кангароглы можно отождествить с племенем канглы, а «карабирклы», или «караборклы» — с каракалпаками¹⁸⁶. Как канглы, так и каракалпаки вошли в состав кипчаков в X—XIII вв.

О кипчаках Золотой Орды упоминается в русской летописи 1380 г. Кипчаки в составе войск хана Мамай принимали участие в походах на Русь и были разгромлены Дмитрием (Донским) на Куликовом поле. Кипчакские вооруженные отряды выступали на стороне армии Тохтамыша и Тимура¹⁸⁷.

Монголы, появившиеся в Дешт-и Кипчаке в составе войск Батыя, постепенно ассимилировались кипчаками и другими тюркоязычными племенами и народами завоеванных ими территорий. Однако отдельные племена (хотя и отюречивались по языку) про-

¹⁸² В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 341.

¹⁸³ Ибн Халдун приводит следующий перечень кипчакских племен: 1) токсобы, 2) сета, 3) буржоглы, 4) эльбуни, 5) канааралы, 6) оглы, 7) дурут, 8) калабаалы, 9) джерсан, 10) кадкабирклы и 11) кунун (См.: В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 541).

¹⁸⁴ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 542.

¹⁸⁵ Ипатьевская летопись, стр. 432.

¹⁸⁶ Указанные в тексте тюркоязычные племена в XIII—XIV вв. кочевали в восточной части Дешт-и Кипчака. Многие из них, например, кангуоглы (канглы), карабирклы (каракалпаки), видимо, тогда входили в состав кипчакского племенного союза.

¹⁸⁷ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 156, 169.

должали сохранять свое племенное единство. К их числу относятся, например, крупные племенные объединения кунград и мангит. Правда, родовой состав указанных объединений подвергся значительному изменению с вхождением в них тюрко-кипчакских этнических элементов¹⁸⁸. В свою очередь и кипчаки вобрали в свой состав монгольские этнические элементы.

Таким образом, в XIII—XV вв. в Дешт-и Кипчаке по мере оседания в оазисах и городах происходил непрерывный процесс этнического и языкового смешения тюрко-монгольских племен и родов. В результате этого процесса этнические черты, язык и общественные организации кипчаков и монголов настолько сблизились, что в XIV—XV вв. они стали носить общее для них наименование «узбек»¹⁸⁹. Несмотря на это, определенная часть кипчаков и монголов в период существования Золотой Орды и позже продолжала сохранять свое племенное единство и родоплеменные названия, что, однако, не могло служить преградой для проникновения в их среду других этнических элементов.

УЧАСТИЕ КИПЧАКОВ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА (XV—XIX вв.)

Постоянные междоусобные войны золотоордынских ханов за власть и их налоговая политика разоряли население Дешт-и Кипчака. Особенно тяжело отразились на его общественной и хозяйственной жизни походы Тимура (в конце XIV в.) против Тохтамыша. Некоторые разорившиеся группы населения бежали на запад и в русские земли, многие были переселены Тимуром в пределы Мавераннахра. Об этом Ибн Арабшах (1388—1450 гг.) писал следующее: «Дела племен дештских стали ухудшаться да расстраиваться и вследствие малочисленности убежищ и крепостей подвергались разорению и розни, тем более, что на них нападали два льва¹⁹⁰ и налегали две беды. Большая толпа их ушла с Тимуром, которому она стала подвластна и у которого находилась в плену. От них отделилась часть, которая не поддается ни счету, ни исчислению и не может быть определена ни диваном (налогом), ни дефтером (списком); она ушла к румийцам и русским...»¹⁹¹.

¹⁸⁸ Во второй половине XV в. мангиты стали именоваться ногаями (см.: Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Указ. соч., стр. 298, 299). В составе ногайцев в Крыму наряду с монгольскими вплоть до XVIII—XIX вв. сохранялись некоторые кипчакские родовые названия. (См. Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, стр. 402, 403; А. Харузин. К вопросу о происхождении киргизского народа, стр. 55).

¹⁸⁹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 299—304 и след.

¹⁹⁰ Имеются в виду Тимур и Тохтамыш.

¹⁹¹ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 470; см. также стр. 466.

Вместе с Тимуром в Мавераннахр ушла часть кочевых кипчаков. Однако большинство их осталось на прежних местах — в Крыму, в Приазовье, на Северном Кавказе и в Поволжье и впоследствии вошла в состав ряда народностей: ногайцев, карачаевцев, кумыков, татар, башкир и др.¹⁹². В составе некоторых из указанных народов вплоть до XIX в. сохранялись родо-племенные группы кипчаков¹⁹³. Среди ногайцев кипчаки упоминаются в середине XVI—XVII в.¹⁹⁴. В XIX — начале XX в. кипчаки были зафиксированы в составе ак-ногайцев и кара-ногайцев¹⁹⁵. Подробное изучение кипчаков в составе указанных народов в нашу задачу не входит.

После падения Золотой Орды кипчаки, наряду с другими племенами, вошли в состав ногайского союза (XV — первая половина XVI в.). После его распада некоторая часть их оставалась в составе ногайцев, а другая продвинулась далее на Восток, присоединившись к казахским ордам и узбекам.

В одной из версий эпоса «Манас», приведенной в сочинении «Маджму-ат-таварих» (XVI в.)¹⁹⁶, повествуется о борьбе кипчаков, расселившихся в верховьях Таласа, с калмыками. В повествовательной части о Манасе, который якобы был родом из каракарин-менами, вошли в состав Ногайского союза (XV—первая половина ли Тохтамыш и другие монгольские князья Восточного Дешт-и Кипчака.

Приведенные данные в некоторой степени подтверждают наше предположение о пребывании кипчаков в восточной части Дешт-и Кипчака в период господства монголов. Однако следует

¹⁹² А. Харузин. К вопросу о происхождении киргизского народа, стр. 55; Т. А. Трофимова. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, см. табл. № 5, стр. 50, 53, 108, 124, 143, 238, Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 51, 52; Он же. Этнический состав, история расселения и происхождения башкирского народа, автореферат докт. дисс., М., 1971; Н. А. Баскаков. Выступление на научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов, стр. 232—240; С. Ш. Гаджиева. Кумыки, М., 1961, стр. 39—45; А. И. Харисов. Литературное наследие башкирского народа XVIII—XIX вв. Автореферат докт. дисс., Уфа — Алма-Ата, 1966, стр. 12; Е. П. Алексеева. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии, М., 1971, стр. 170—173, 198—201.

¹⁹³ Кипчацкие этнические элементы более отчетливо сохранились у ногайцев и башкир. В составе ногайцев зафиксированы следующие кипчацкие роды: 1) кара-кипчак, 2) курулу-кипчак, 3) белдауз-кипчак, 4) бай-оглу-кипчак (См.: А. Харузин. Указ. соч., стр. 55). В составе башкир отмечены следующие крупные кипчацкие роды: 1) кар-кыпсак, 2) туркмен-кыпсак или ак-кыпсак, 3) кыпсак, 4) санкем-кыпсак, 5) суун-кыпсак, 6) бушман-кыпсак, 7) карагай-кыпсак, 8) гирей-кыпсак и др. Каждый из этих кипчацких родов имел в своем составе еще по несколько мелких родовых подразделений (см. подробно: Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 51—52).

¹⁹⁴ Акты исторические, т. IV, прилож. № 9, к акту № 34, СПб., 1864.

¹⁹⁵ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты, стр. 132—140.

¹⁹⁶ Сочинение написано муллой Сейфиддином Ахсикенди и его сыном Нурмухаммедом; см.: Ахсикенди. Маджму ат-таварих («Собрание историй»), фотографическая репродукция отрывков рукописного текста, введение, указатели. Подготовил к изданию А. Т. Тагиржанов, Л., 1960.

отметить, что основной областью их расселения являлись не средняя часть Сырдарьи, а верховья Таласа. Это естественно. Культурные районы средней и нижней Сырдарьи еще в первой половине XIII в. были заняты монгольскими племенами, и бывшая столица кипчаков г. Сыгнак стал столицей восточной части улуса Джучи Ак-Орды¹⁹⁷. Кипчаки были вытеснены к северо-востоку от Аральского моря. Впоследствии (в течение XIV—XV вв.) они переселились в степи к северу от средней Сырдарьи и к верховьям р. Талас. Центром объединения этих кипчаков, по всей вероятности, была местность Каракара¹⁹⁸.

В конце 70-х годов XIV в. Тохтамыш при поддержке Тимура захватил власть в Ак-Орде и расселившиеся там кипчаки стали его подданными. Вскоре (в конце 80-х годов) Тохтамыш предпринял грабительские походы в культурные области Мавераннахра. При осаде г. Сабрана против него выступил правитель Андижана Омар Шейх, но был разбит. Освещая эти события, автор сочинения «Маджму ат-таварих» в повествовательной части о Манасе пишет, что кипчаки-каракара и кулан-улмас¹⁹⁹ сражались на стороне Тохтамыша²⁰⁰.

В 90-х годах XIV в. Тимур, предпринявший ряд походов в Восточный Дешт-и Кипчак, разгромил войска Тохтамыша. На этот раз кипчаки, изменив своему бывшему покровителю, перешли на сторону Тимура²⁰¹. После изгнания Тохтамыша из западных областей Дешт-и Кипчака в его восточную часть вместе с войсками Тимура пришло значительное число кочевых племен²⁰². По повелению Тимура они были расселены на территориях, расположенных к северо-востоку от Аральского моря и на нижней и средней Сырдарье. Видимо, лишь немногие из них смогли получить места кочевий на северных и южных отрогах Нуратинских гор.

Таким образом, по нашим предположениям, основная часть переселившихся тюрко-монгольских (в том числе и кипчакских) племен при Тимуре была расселена в Восточном Дешт-и Кипчаке (Ак-Орде), что внесло значительное разнообразие в этнический со-

¹⁹⁷ А. Ю. Якубовский. Развалины Сыгнака, стр. 130, 134.

¹⁹⁸ «Каракара» в вышеприведенном сочинении Ахсикенди, по всей вероятности, обозначает название местности. Этот термин сохранился и в современной топонимике как название местности, расположенной вдоль реки Каракыстак в Казахстане, верховья которой к югу от Мерке отделены Киргизским хребтом. (См.: В. В. Бартольд. Киргизы, Сочинения, т. II, ч. I, стр. 541, примечание).

¹⁹⁹ Кулан-улмас в сочинении Ахсикенди имеет разное значение: название местности, название племени, имя вождя племени кипчак (см. введение к указ. соч. А. Т. Тагаржанова, 4 л., 26). Мы предполагаем, что кулан и улмас — это наименование двух кипчакских племен, отдельные элементы которых вплоть до нынешнего столетия сохранились в составе кипчаков Ферганской долины. Однако следует указать, что существовал и средневековой г. Кулан, близ теперешней железнодорожной станции Луговая (в Южном Казахстане), где, видимо, вплоть до XV в. жили кипчаки.

²⁰⁰ Ахсикенди. Указ. соч., стр. 26.

²⁰¹ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 162.

²⁰² Там же, стр. 168.

став населения этого района. Так, Абу-л-Хайр-хана в его борьбе за образование государства кочевых узбеков (20—30 гг. XV в.) подерживало около 200 видных представителей племен и родов²⁰³ в восточной части Дешт-и Кипчака. В войсках Абу-л-Хайр-хана были и ополчения из кипчаков²⁰⁴.

Отдельные группы кипчаков, служивших в войсках Тимура, видимо, еще при его жизни были переселены в южные районы нынешнего Узбекистана и Таджикистана²⁰⁵. Об этом свидетельствует тот факт, что в составе 40 аймаков, признававших власть Тимура, имелись и кипчаки. В числе 12 начальников орд, которые получали от Тимура офицерскую тамгу, был и предводитель кипчаков.

Кипчаки, переселившиеся в южные районы нынешних Узбекистана и Таджикистана, а также Северного Афганистана еще при Тимуре и его потомках, остались здесь жить постоянно, о чем имеются упоминания в источниках последующих веков²⁰⁶.

Очередное переселение кипчаков в культурные области Мавераннахра, как можно полагать, происходило после установления здесь династии Шейбанидов (XVI в.), а также в период правления Бухарой первых Аштарханидов (XVII в.). Судя по указанию А. Д. Гребенкина, поселение кипчаков в Зарафшанской долине можно отнести к первой половине или середине XVI в.²⁰⁷ Однако наиболее массовое переселение кипчаков на территорию нынешнего Узбекистана происходило во второй половине XVI в.— начале XVIII в., в период нашествия джунгар в южные районы Казахстана. Население разоренных аулов вынуждено было бежать. Каракалпаки, а также значительная часть казахов и кипчаков Средней Орды спасались от преследований бегством в центральные области Средней Азии, главным образом в бассейны Зарафшана и Ферганскую долину.

Таким образом, большая группа кипчаков, переселившись в течение XV—XVIII вв. из казахских степей в культурные области Мавераннахра²⁰⁸ и Хорезма, вошла в состав узбекского народа.

²⁰³ Б. А. Ахмедов. Государство кочевых узбеков, М., 1965, стр. 46.

²⁰⁴ Там же, стр. 16.

²⁰⁵ В горах Гиндукуша через перевал Кипчак в 1503 г. двигался Бабур в сторону Хорасана (см.: Бабур-наме, стр. 150, 154). Закрепление имени кипчак топонимике данной местности еще в XIV—XV вв. свидетельствует о том, что здесь некогда кочевали кипчаки. Когда и откуда проникли сюда кипчаки, сказать трудно. Возможно, отдельные группы их переселились с Алтайских гор, где вплоть до XIX в. кочевали киргиз-кипчаки (см.: А. П. Федченко. В Кокандском ханстве, СПб., М., 1875, стр. 143, 149). На Алай киргиз-кипчаки могли проникнуть из Кашгара и горных районов Ферганской долины. Об этих киргиз-кипчаках скажем ниже.

²⁰⁶ Мукимханская история, перевод с таджикского с примечаниями А. А. Семенова, Ташкент, 1956, стр. 171—177; Убайдулла-наме, перевод с таджикского и примеч. А. А. Семенова, Ташкент, 1957, стр. 77—80 и след.; Хусайн Али. Украшение летописей, перевод с персидского, введение и примечания Г. А. Волошиной, Ташкент, 1965, стр. 33.

²⁰⁷ А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 99.

²⁰⁸ Об этих кипчаках речь будет идти несколько ниже.

Однако значительная часть кипчаков продолжала оставаться в степях Казахстана и в бассейне средней Сырдарьи. Из данных сочинения «Маджму-ат-таварих» видно, что кипчаки еще в середине XVI в. жили в верховьях Таласа. Несомненно, они были тесно связаны с казахским народом и являлись его составной частью.

Более конкретные сведения о кипчаках XVIII—XIX вв. в составе казахского народа имеются в работах русских²⁰⁹ и советских ученых²¹⁰. Согласно сведениям этих авторов, после присоединения к России кипчаки, входившие в состав казахов, были расселены в Кустанайском, Перовском, Павлодарском и Тургайском уездах степного края.

Кипчаки Казахстана делились на четыре основные родовые группы: кара-кипчак, сары-кипчак, ктай-кипчак и кулан-кипчак. Каждая из них делилась еще на множество родов и мелких родовых подразделений. Значительными родами кипчаков Среднего жуза были: танабуга, карабалык, кульденен, торы-айгыр, бултун, узун и др. Численность кипчаков Средней Орды составляла около 30 тыс. кибиток²¹¹.

Кипчаки участвовали и в формировании каракалпакского народа. Непосредственный контакт кипчаков с каракалпаками установился еще в X в. В этот период западные границы владения кимаков-кипчаков вплотную подходили к границам печенегов (в составе которых как предполагается, были и каракалпаки), занимавших область между Волгой и Уралом²¹². В дальнейшем (в XI—XII вв.) каракалпаки в составе кипчаков-половцев принимали участие во многих военно-политических событиях в Восточной Европе. В XIII—XIV вв. каракалпаки (в форме караберкли) назывались арабоязычными авторами в составе 11 кипчакских племен Дешт-и Кипчака²¹³. В XV в. кипчаки, как и каракалпаки, входили в состав Ногайского союза. В этот период завершился этногенез каракалпакского народа²¹⁴. В

²⁰⁹ Рычков. История Оренбургская (1730—1750 гг.), Оренбург, 1896, стр. 110. Сведения о местах расположения киргизских родов Оренбургского края (по официальным данным) сообщены М. Н. Галкиным, см.: ЗРГО по отделу этнографии, СПб., 1867, стр. 249. А. И. Добромослов. Скотоводство в Тургайской области, Оренбург, 1893 (см. табл. «Поколения и роды»); А. Харузин. К вопросу о происхождении киргизского народа. Этнографическое обозрение, 1895, № 3, стр. 64, 74 и след.; Н. А. Аристов. Указ соч., стр. 367, 368, 377, 392, 394 и след.; З. А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, ч. 3, 1832, стр. 17, 18.

²¹⁰ С. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского народа, стр. 9, 11, 14, 17, 73—83; В. В. Востров, М. С. Муканов. Родоплеменная состав и расселение казахов, стр. 75, 148, 179—182 и след.

²¹¹ Н. Аристов. Заметки об этническом составе тюрских племен и народностей и сведения об их численности, стр. 368, 377.

²¹² П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 14, 15.

²¹³ О кипчакских родах и о каракалпаках (караберкли) упоминается у Эйнштейна и Ибн-Халдуна. См.: В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 540, 541.

²¹⁴ Т. А. Жданко. Каракалпаки в XVI — первой половине XIX в., История Узбекской ССР, т. I, Ташкент, 1967, стр. 688.

XVI—XVII вв. в состав каракалпаков вошла некоторая часть присырдарьинских кипчаков. Таким образом, в этногенезе каракалпакского народа участвовали элементы как западных (половцы), так и восточных (присырдарьинских) кипчаков. В составе каракалпаков племя кипчак было одним из наиболее многочисленных. Кипчаки, входившие в состав каракалпаков, делились на следующие роды: канглы, санг-мурын, естек, канжыгалы, шунак, басар, толыс, жабы, арык, жагалтай, баганалы, майлыбалта, жадик и салтыр. Многие из них в свою очередь включали еще ряд мелких родовых подразделений (тире)²¹⁵.

Некоторые группы кипчаков вошли и в состав каракалпаков, находившихся за пределами Хорезмского оазиса²¹⁶. Кипчаки участвовали также в формировании туркменской и киргизской народностей. В составе туркмен имелась родовая группа кипчак, этноним «кипчак»²¹⁷ закреплён и в топонимике Туркмении²¹⁸. Отдельные этнические названия (сары (к), кизил-аяк) встречаются как у туркмен, так и у кипчаков Узбекистана. Среди киргизов есть большая группа, называемая киргиз-кипчаками. Помимо этого, у киргизов встречается и ряд других кипчакских родовых названий, например, кара-моюн, жагалбайлы, черик, жетирув, таз (или таздар)²¹⁹ и др.

Значительная группа кипчаков участвовала в формировании народностей Алтая. По данным конца XIX в., среди южных алтайцев насчитывалось 2117 кипчаков²²⁰. Кроме того, род (сеок) мундус у алтайцев признается кровнородственным с кипчаками (сеок-кипчак). Последние находились в тесном родстве с сеоком тодош. В составе алтайцев встречаются также названия тогус и сарык (джете-сарык)²²¹, которые имеются и в составе узбеков-кипчаков.

Этноним «мундус» распространен среди телеутов²²². «Мундус» (в форме «мундуз») у киргизов означает название племени. Согласно приведенным данным, можно полагать, что мундусы южных алтайцев, телеутов и киргизов имели в прошлом общие этногенетические связи. Это подтверждается также близостью

²¹⁵ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 45.

²¹⁶ Л. С. Толстова. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса, стр. 38—43.

²¹⁷ Я. Р. Винников. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, М., 1969, стр. 48.

²¹⁸ Там же, стр. 47.

²¹⁹ Я. Р. Винников. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, ТКАЭЭ, т. I, стр. 136—180; См.: С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, ТКАЭЭ, т. IV, стр. 85, 105—137 (Указатель этнических названий).

²²⁰ Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 146; Он же. Этнический состав и происхождение алтайцев, М., 1969, стр. 23—24.

²²¹ Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 24—25 и след.

²²² Там же, стр. 38.

их языков и сходством многих этнографических черт²²³. Некоторые кипчакские элементы вошли, видимо, и в состав тувинцев²²⁴.

Наличие этнонима «кипчак» и наименований многих родовых подразделений кипчаков в составе узбеков, казахов, каракалпаков, киргизов, туркмен и народов южного Алтая, равно как и тюркоязычных народностей Восточной Европы и Северного Кавказа (башкир, татар, ногайцев, карачаевцев и др.) свидетельствует об участии их в формировании этих народностей. В состав указанных народов вошли кипчакские элементы не только раннесредневекового, но и более позднего периода (XIII—XVI вв.).

ХОЗЯЙСТВО, БЫТ И КУЛЬТУРА КИПЧАКОВ, ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ, АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ (X—XV вв.)

Животноводство. Кипчаки, как указывалось выше, до 80–90 годов X в. входили в состав кимаков. О последних Гардизи писал, что они (в IX—X вв.) жили в лесах, в горных ущельях и степях. «Все (кимаки. — К. Ш.) владеют стадами коров, баранов, табунами лошадей. Однако верблюдов у них не было»²²⁵. Анонимный автор «Худуд-ал-алем» сообщает, что кимаки зимой и летом «кочуют по пастбищам рек и по лугам», что у них много «крупного рогатого скота и овец»²²⁶.

Из данных русских летописей (XI—XIII вв.) можно заключить, что половцы-кипчаки также имели в своем хозяйстве овец, крупный рогатый скот, лошадей и даже верблюдов²²⁷. Верблюдоводством кипчаки стали заниматься, видимо, уже находясь в Дешт-и Кипчаке.

Животноводство давало хозяйству кипчаков ценные пищевые продукты (мясо, молоко, жир), сырье (шерсть, кожу). Лошадь, верблюд использовались как для верховой езды, так и в качестве тягловой силы. Для этой цели использовали и быков, впрягая их в телегу²²⁸.

О животноводческом хозяйстве кипчаков писали и арабские путешественники, географы XIII—XIV вв. В частности, Эломари сообщал, что обитатели Дешт-и Кипчака имели лошадей, коров, овец²²⁹. Преобладающее место в животноводческом хозяйстве кипчаков занимало овцеводство и табунное коневодство. Даже в XIII—XIV вв., находясь под властью монгольских ханов, от-

²²³ С. М. Абрамзон. Этногенетические связи киргизов с народами Алтая. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов, 1960.

²²⁴ История Тувы, М., 1964, стр. 81.

²²⁵ В. В. Бартольд. Извлечения из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар», Сочинения, т. VIII, стр. 45.

²²⁶ Худуд-ал-алем, стр. 186.

²²⁷ ПСРЛ, т. I, 219. Новгородская первая летопись... стр. 266.

²²⁸ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 282.

²²⁹ Там же, стр. 230.

дельные кипчакские семьи владели большим поголовьем лошадей.

Ибн Батута (XIV в.), проезжая через Дешт-и Кипчак, заметил, что лошадей на этой земле чрезвычайно много, у каждого состоятельного тюрка-кипчака по несколько тысяч²³⁰.

В условиях кочевого образа жизни лошадь была самым выгодным животным. Она давала пищевые продукты (мясо, жир, молоко), сырье (кожу), являлась средством передвижения. Особенно необходим был конь для воина. Каждый воин кипчак имел по крайней мере двух коней. Как отмечает проф. В. Н. Кун, число коней у воина зависело от его состоятельности и доходило до 5—6²³¹.

Какие породы коней разводили кипчаки, сказать трудно. Однако археологами установлено, что кочевники южнорусских степей выращивали главным образом две породы местных коней: 1) грубая, большоголовая, с крепкими массивными конечностями, т. е. типичная лошадь кочевников; 2) тонконогая, стройная породистая с головой меньших размеров и узким носом²³². Последняя больше была приспособлена для верховой езды.

Согласно сообщениям Вассафа (первая четверть XIV в.), в числе даров, преподнесенных правителю Персии Газан-хану (из династии Хулагидов) посольством монгольского хана Токты, наряду с другими подарками были и «кровные кони кипчаков»²³³.

Развитие коневодства стимулировалось еще тем, что на лошадей был большой спрос на внешнем рынке. Кипчакские породистые лошади вывозились не только на русский рынок, но и в Египет, Византию, на Кавказ, в Персию и даже в Индию. Подробный рассказ о вывозе породистых лошадей из страны кипчаков в Индию мы находим у того же Ибн Батуты²³⁴. Из вывозимых в Индию коней составлялись караваны по шести тысячи голов и более. Караван сопровождали несколько торговцев, на каждого из которых приходилось по 100—200 лошадей. На каждые 50 голов коней купцы нанимали одного погонщика, который назывался «улокши». Перегоняли лошадей постепенно, выпасая их по пути как овец²³⁵.

Из дальнейших рассказов Ибн Батуты видно, что продавали этих лошадей в Индии по «сто динаров серебром» за каждую. Однако хороший конь стоил 500 динаров и больше²³⁶.

²³⁰ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 287.

²³¹ В. Н. Кун. Черты военной организации средневековых кочевых народов Средней Азии. Ученые записки Ташкентского педагогического и учительского института им. Низами, серия общественных наук, вып. I, Ташкент, 1947, стр. 27.

²³² В. О. Витт. Лошади Пазырских курганов. «Советская археология», XVI, 1952, стр. 168—169; С. А. Плетнева. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях, МИА, 1958, № 62, стр. 187—188.

²³³ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. II, стр. 83.

²³⁴ Там же, т. I, стр. 287.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же.

Сами кочевники-кипчаки, почти не занимались торговлей. Вероятно, купцы, о которых говорит Ибн Батута, были городскими жителями окружающих степи оазисов (Хорезма, низовьев Сыр-дарьи, Бухары, Самарканда) или городов, находившихся у берегов Черного, Азовского, Каспийского морей. На запад, видимо, лошадей вывозили русские или приезжие из западных стран купцы.

Скот кочевников круглый год находился на подножном корму. Кочевья их носили сезонный характер. Летом, когда в степи выгорала трава, кочевники постепенно продвигались к более северным или горным районам своих владений (на пастбища — яйлов), осенью они перегоняли скот на зимовки к более теплым районам. Такими зимними становищами и пастбищами кипчаков в XI — начале XIII в. были побережья Черного моря (в том числе и Крымский полуостров), Азовского и Каспийского морей.

Сезонный характер кочеваний кипчаков, переселившихся в Грузию, отмечен историками XII—XIV вв.²³⁷ Зимний период кипчаки проводили в Картлийской равнине, летом направлялись в горные местности. Интересно отметить, что в грузинских источниках поселения кипчаков делятся на две категории: сазамтро (букв. «зимнее место») и сазапхуло («летнее место»)²³⁸, что идентично с тюркскими словами кишлау и яйлау.

Ибн Батута писал, что у кипчаков, проживающих в Дешт-и Кипчаке, «нет ни пастухов, ни сторожей»²³⁹. Однако следует указать, что мелкий рогатый скот, несомненно, пасли пастухи, ибо содержать его без пастухов в условиях степного пастбища было нельзя. Поэтому высказывание Ибн Батути, вероятнее всего, касается крупного рогатого скота и более всего лошадей. Их действительно можно было держать без постоянного присмотра, не опасаясь смешения их со стадами или табунами других владельцев, поскольку крупный рогатый скот и лошади имели тамги — родовые знаки, по которым легко можно было определить, кому принадлежит животное.

Воровство же скота у кочевников строго каралось. «Постановление их (т. е. кипчаков. — К. Ш.)... такое, что тот, у кого найдут украденного коня, обязан возратить его хозяину его, и вместе с тем дать ему девять таких же коней, а если он не в состоянии сделать это, то отбирают у него за это детей его, если же у него нет детей, то его зарезывают, как зарезывают овцу», — писал Ибн Батута²⁴⁰. О казни за воровство в Дешт-и Кипчаке (у монголов и покоренных ими племен) писал и Плано Карпини²⁴¹.

²³⁷ З. В. Анчабадзе. Кипчаки Северного Кавказа, по данным грузинских летописей XI—XIV вв., См. МНСПБКН, стр. 121.

²³⁸ Там же.

²³⁹ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 282.

²⁴⁰ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 282.

²⁴¹ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, стр. 36.

Указанные выше сведения свидетельствуют о том, что кипчаки в X—XIV вв. придерживались обычаев и правил, которые были установлены еще в бытность их на Западном Алтае и, видимо, связаны с переходом тюркоязычных народов от доклассового общества к классовому. Историк Танской династии писал об алтайских тюрках, что «по их уголовным законам бунт, измена, смертоубийство, прелюбодеяние, похищение спутанной лошади наказываются смертью». «Украдший лошадь и другие вещи платит в десять крат против стоимости покражи»²⁴². Эти сообщения, за исключением отдельных деталей, целиком совпадают с данными Ибн Батуты и Плано Карпини о жителях Дешт-и Кипчака. В совпадении этих данных нельзя не видеть генетической связи жителей Дешт-и Кипчака (тюрков, кипчаков и др.) с древними алтайцами.

Земледелие, ремесло, охота. Прямых указаний на занятие кипчаков земледелием в источниках нет. Однако, опираясь на косвенные данные, можно с уверенностью сказать, что кипчаки, наряду с кочевым скотоводством, хотя и в небольших размерах, занимались выращиванием земледельческих культур, главным образом проса, ячменя и пшеницы.

Как мы увидим ниже, в пищевом рационе средневековых кипчаков наряду с продуктами животноводства значительную долю составляли просо и хлебные злаки. Несомненно, определенную часть зерна кипчаки могли получать путем обмена на скот. Однако не исключена возможность, что кочевые скотоводы сеяли зерновые. Для этого они могли использовать горные ущелья, берега горных ручьев, поймы рек, влажную песчаную почву и др. С течением времени группы кипчаков, расселившиеся в южнорусской степи (особенно в бассейне Дона, в Крыму), на Северном Кавказе, оседали и под влиянием местного населения постепенно приобщались к земледелию. Очевидно, земледелием занималась и некоторая часть кипчаков, кочевавших в степях Центрального и Южного Казахстана, по среднему течению Сырдарьи. В средние века у кипчаков земледелие, по имеющимся сведениям, занимало незначительное место. Основной посевной культурой у них, судя по скудным сообщениям ряда средневековых авторов, было просо²⁴³.

Миссионеры Плано Карпини и Гильом Рубрук указывали, что в пище жителей степи первое место занимает просо²⁴⁴. Эломари (первая половина XIV в.), о жителях Дешт-и Кипчака, писал, что посевов у них мало, меньше всего пшеницы и ячменя, бобовые же почти нельзя отыскать, чаще всего встречаются посевы

²⁴² Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 230.

²⁴³ В большинстве сообщений средневековых авторов кипчаки не упоминаются, но поскольку в них речь идет о жителях Дешт-и Кипчака, то так или иначе они относятся и к кипчакам, ибо кипчаки составляли значительную часть населения степи.

²⁴⁴ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, стр. 36, 124.

проса, им они питаются...²⁴⁵. Ибн Батута сообщает, что пища кипчаков состоит в основном из проса (дуки).

Гильом Рубрук, описывая свое путешествие, сообщает: «К югу нам стали видны очень высокие горы, и мы выехали на равнину, которая орошалась, как сад, и нашли возделанные земли»²⁴⁶. Высокие горы — это хребет Каратау, по склонам которого, согласно данным Махмуда Кашгарского, еще в XI в. были расселены кипчаки²⁴⁷. Они остались здесь и в последующие века. По всей вероятности, некоторая часть земель, лежащих у подножья Каратау, а также в бассейнах горных речек, обрабатывалась кочевыми скотоводами (кипчаками). Равнина, о которой говорит Рубрук, вероятно, представляла собой оазис в верховьях р. Талас. Жители его, оседлые земледельцы, общались с окружающими кочевниками (кипчаками, канглы и др.). Не исключено, что в формировании населения верховьев Таласа, наряду с другими тюркоязычными элементами участвовали и кипчаки.

На базе сырья, получаемого от животноводства, развивались домашние промыслы кипчаков. Многие необходимые в быту предметы кипчаки изготовляли сами. Из шерсти они ткали ткани, делали войлок, паласы, канаты, веревки; из шкур животных шили одежду (шубы, шапки, меховую обувь). Из кожи изготовляли различные хозяйственные предметы (кожаные мешки, сосуды для воды, кумыса и др.), обувь и конские принадлежности. В домашнем производстве кипчаков использовались также кожа и мех животных, добываемых на охоте.

Из дерева они вырабатывали различную хозяйственную посуду (ложки, чашки, блюда), сосуды (например для сбивания масла) и другие предметы, а также детали юрты и телеги. Этим занимались специальные мастера-ремесленники.

Среди кипчаков имелись искусные камнерезы. В местах их поселений (причерноморские степи, Кавказ) обнаружены каменные статуи, которые являются ценными памятниками кипчакского изобразительного искусства. Прекрасно выполнены в камне одежда, головной убор, украшения. Многие статуи, особенно женские, украшены различными орнаментами.

Кипчаки владели и косторезным ремеслом. «Они покрывали кость пышным растительно-геометрическим и звериным узором, используя часто оригинальный и изящный прием врезания в кость квадратов и треугольников, расположенных в различных комбинациях»²⁴⁸.

Занимались кипчаки и охотой. Однако охота в хозяйстве кипчаков являлась как бы подсобным занятием. В Западном Алтае и в районах Прииртышья, основными предметами их охоты

²⁴⁵ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 230, 283, 303, 304, 308.

²⁴⁶ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, стр. 125.

²⁴⁷ Махмуд Кашгарский. Указ. соч., т. I, см. карту.

²⁴⁸ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 212.

были соболи и горностаи²⁴⁹. Меха этих зверей использовался при изготовлении одежды (подкладка шуб, воротники, отделка рукавов и др.), головных уборов (шапки), а также для обмена на другие необходимые кочевникам товары. Гардизи писал, что у кимаков (в составе которых были и кипчаки) «нет соли и потому они меняют товар на соль»²⁵⁰. В степи кипчаки охотились главным образом на тех зверей и птиц, мясо которых можно было использовать в пищу (олени, антилопы, лоси и т. д.)²⁵¹. Кипчаки были меткими стрелками. По словам Рабби Петахия, «чрезвычайно дальнзоркие, они отличные стрелки из лука и убивают птицу на лету»²⁵².

Материальная культура, верования и погребальные обряды. Жилища кипчаков, как и многих других кочевых племен средневековья, были приспособлены к кочевому животноводству. Для такого типа хозяйства наиболее удобным видом жилища является переносная войлочная юрта. По сведениям Гардизи, кимаки (в том числе и кипчаки) жили в шатрах²⁵³.

Анонимный автор рукописи «Худуд-ал-алем» также сообщает, что кимаки «живут в войлочных юртах», летом и зимой «кочуют по пастбищам и лугам»²⁵⁴. Согласно данным Рабби Петахия, кипчаки жили в палатках²⁵⁵. Вероятно, автор имел в виду войлочную юрту. Описания войлочной юрты жителей Дешт-и Кипчака можно найти и в сообщениях Плано Карпини и Рубрука²⁵⁶. Первый писал о кимаках-кипчаках и племени канглы, что «они не строили домов, а помещались в шатрах»²⁵⁷.

Оригинальным источником по изучению половецких (кипчакских) жилищ XII—XIII вв. являются миниатюры Радзивилловской летописи²⁵⁸, где отчетливо видны три типа жилищ. Первый — ульевидная²⁵⁹ неподвижная юрта. Она имела куполообразный верх и высокий осто́в, покрываясь, видимо, войлоком. Второй тип жилища также представляли собой ульевидную юрту, но уже подвижную — на повозке. Внешне это жилище было больше похоже на шалаш, чем на юрту. Верх его остроконечный и имел две разновидности: у одних — верх прямой, а у других — несколько

²⁴⁹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 107.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. II, стр. 161.

²⁵² В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 121.

²⁵³ В. В. Бартольд. Извлечения из сочинения Гардизи «Зайн ал-ахбар», Сочинения, т. VIII, стр. 45.

²⁵⁴ Худум-ал-алем, 186.

²⁵⁵ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 121.

²⁵⁶ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, стр. 27, 91—92.

²⁵⁷ Там же, стр. 72.

²⁵⁸ Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись, СПб., 1902, л. 154 (лицевая сторона), л. 142 (оборотная).

²⁵⁹ Этот термин, а также классификация половецко-кипчакских жилищ по Радзивилловским летописям заимствованы нами у С. А. Плетневой, См. МИА СССР, № 62, стр. 200.

наклонен в одну сторону. Жилище такого типа, видимо, предназначалось для летних кочевков и военных походов²⁶⁰. Устанавливалась юрта на двухколесных или четырехколесных телегах, называемых у жителей Дешт-и Кипчака арбой²⁶¹.

В четырехколесные арбы, как сообщает Ибн Батута, впрягали двух лошадей. «Возят их даже волы и верблюды, смотря по тяжести и легкости арбы. Тот, который управляет арбой, садится верхом на одну из ведущих лошадей, на которой (имеется) седло. В руке его плетъ, которую он приводит в движение для погонки, и большой шест, которым он направляет ее (арбу), когда она сворачивает с пути. На арбу ставится нечто вроде свода, сделанного из прутьев дерева, привязанных один к другому тонкими кожаными ремнями. Это легкая ноша; ее обтягивают войлоком или попоной, в ней бывают окна решетчатые и тот, кто (сидит) в ней, видит людей, они же его не видят, он поворачивается в ней как угодно, спит и ест...»²⁶².

О таком, приблизительно, типе жилища писал и Шераф-аддин Йезди (первая половина XV в.): «Жилищами степняков в той безграничной пустыне являются шатры «кутарме», которые делают так, что их не разбирают, а ставят и снимают целиком, а во время передвижения и перекочевков едут, ставя их на телеги»²⁶³.

Интересно отметить, что указанный здесь тип жилища под тем же названием (кўтарма) бытовал у полуоседлых кипчаков Булунгурского района вплоть до начала XX в.

Описанные Ибн Батутой и Шераф-ад-дином Йезди жилища жителей Дешт-и Кипчака, по всей вероятности, имеют сходство с кипчакскими жилищами, изображенными на миниатюрах Радзивилловской летописи²⁶⁴, или являются их видоизмененной формой.

И первый, и второй типы описанных жилищ очень древние; они бытовали у алтайских тюрок еще в середине VI в. В хрониках Танской династии от 552 г. говорится, что тюрки (Алтая) «живут в палатках и в войлочных юртах»²⁶⁵.

Третьим типом кипчакского жилища, как предполагает С. А. Плетнева, была неподвижная деревянная кибитка в виде навеса, видимо, заимствованная у русских²⁶⁶. Этот тип жилища, вероятно, воздвигался на зимних стойбищах или являлся жилищем тех кипчаков, которые, переходили к оседлости.

Об одежде кипчаков X—XIII вв. нет конкретных данных. Однако некоторое представление о ней можно получить благодаря каменным статуям, принадлежащим кипчакам-половцам²⁶⁷.

²⁶⁰ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 281.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Там же.

²⁶³ Там же, т. II, стр. 172—173.

²⁶⁴ Радзивилловская летопись, л. 232, 237, 242.

²⁶⁵ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 229.

²⁶⁶ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 200.

²⁶⁷ Г. А. Федоров-Давыдов. Кочевники Восточной Европы, стр. 189.

южнорусской степи. Эти статуи представляют собой фигуры мужчин-воинов и знатных женщин. Но поскольку среди изображенных нет рядовых кочевников, то по ним нельзя составить полного представления об одежде кипчаков-половцев.

Одежда, украшения и другие предметы быта, изображенные на каменных статуях, а также обнаруженные при археологических раскопках городищ и захоронений половецкого периода были, видимо, во многом сходны с теми же предметами у других тюркоязычных групп, проживавших по соседству с кипчаками²⁶⁸.

Верхняя нательная одежда половецких воинов, как это видно на каменных статуях, состояла из длинного кафтана, плотно охватывающего верхнюю часть тела, с узкими и длинными рукавами и широких шаровар. Высокие сапоги пристегивались к ремненным попонам, охватывающим бедро и прикрепляющимся к поясу²⁶⁹. На голове воина был шлем. На статуях видны спускающиеся из-под шлема на затылке воина три косы, иногда они сплетены в одну косу. У всех мужчин длинные густые усы.

Длинные спускающиеся с затылка волосы мужчины носили, видимо, еще в древности. В частности, об алтайских тюрках говорится, что они (в VI в.) «распускали волосы»²⁷⁰. При этом нельзя сказать, что тюрки, в том числе и кипчаки, вовсе не брили или не стригли волос. Нам представляется возможным предположить, что кипчаки в древности брили голову, оставляя при этом на макушке, висках или на затылке пучки волос. Со временем аристократическая часть кипчаков, видимо, перестала брить голову и коротко стриглась, также оставляя пучки волос на голове; основная же масса продолжала брить голову и бороду, оставляя только усы. Основанием для этого предположения служат сведения, относящиеся к западным кипчакам.

О кипчаках, переселившихся в Венгрию (в XIII в.), говорится, что они брили бороду и коротко стригли волосы. Многие из них брили головы до гола. Только князья, для отличия от простого народа, носили клок волос на левой стороне²⁷¹. Ношение одежды и волос на кипчакский манер было широко распространено среди венгерской знати, что обеспокоило даже католическое духовенство. Папа Николай написал специальное письмо венгерскому королю, в котором требовал запрещения кипчакских обычаев. В 1279 г. была издана конституция, которая определяла права и обязанности кипчаков. В качестве снисхождения им разрешалось брить бороду, стричь волосы и носить национальную одежду. К сожалению, мы не знаем, что собой представляла эта кипчакская одежда. Встречается лишь указание, что они «носили шер-

²⁶⁸ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 179.

²⁶⁹ Там же, стр. 210.

²⁷⁰ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 229.

²⁷¹ П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, Киев, 1884, стр. 594.

стояной колпак»²⁷². Это была, видимо, не шерстяная, а вернее всего войлочная шапка, высокая, с загнутыми вверх полями, подобная тем, в которых изображены кипчаки на радзивилловских миниатюрах²⁷³. Отметим, что эта шапка по форме сходна с головным убором, изученным Г. А. Пугаченковой, по самаркандским миниатюрам XV—XVI вв.²⁷⁴ Такая же форма мужского головного убора — колпак, бытует в настоящее время у киргизов²⁷⁵. Войлочный колпак охотно носили и носят поныне узбеки, таджики, каракалпаки²⁷⁶.

Большой интерес в этнографическом отношении представляет поясной набор, изображенный на мужских статуях. На пояс слева надевались мешочки и кресала, а на отдельных статуях изображены сабля, лук; на правом боку — ножи, гребешки и шило.

Более отчетливо на статуях видна женская одежда: длинный кафтан с расходящимися полами, шаровары, низ которых заправлен в сапоги. Полы и рукава кафтанов на отдельных статуях богато орнаментированы. Это свидетельствует о том, что одежда (в действительном ее виде) женщин из знатной кипчакской семьи украшалась вышивкой. На статуях женщин разнообразные головные уборы, вернее это сложнейшие прически, составленные из «шляпы», волос, лент, цепочек и колец. Основной частью прически являлись «шляпы», прикрывающие макушку и темя²⁷⁷. Эти «шляпы» трех форм: первая — к приподнятым на затылке полям прикреплялись приспускающиеся на спину лопасти, из-под которых видны косы (заплетенные на двое); вторая — небольшая круглая шапочка, при этом затылок женщины прикрыт полукруглым козырьком и перехвачен лентой, сходящейся на лбу; третья форма головных уборов — низкие плоские «шляпы».

Интересным элементом прически являются высокие «шляпы» с рогами-полукругами, обрамляющими лицо статуи. Остатки таких украшений встречаются при раскопках могил кочевников (XII—XIII вв.) южнорусской степи — это серебряные легкие полукольца, нашитые на войлочные валики. Их находят почти всегда у висков и лба покойниц²⁷⁸. Подобный головной убор, вероятно, в несколько деформированном виде сохранился до 40-

²⁷² П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, Киев, 1884, стр. 593.

²⁷³ Радзивилловская (или Кенигсбергская) летопись, л. 72, 127.

²⁷⁴ Г. А. Пугаченкова. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. по данным миниатюр, Труды САГУ, вып. XXXI, кн. 12, 1956, стр. 85—119.

²⁷⁵ К. И. Антипина. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, Фрунзе, 1962, стр. 233, 237.

²⁷⁶ О. А. Сухарева. Древние черты в формах головных уборов Средней Азии, Среднеазиатский этнографический сборник, Труды ИЭ, новая серия, т. XXI, стр. 332.

²⁷⁷ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 210.

²⁷⁸ Там же.

50-х годов XX в. А. К. Писарчик обнаружила у нуратинских женщин сложный головной убор типа чалмы, уложенный в виде «бараньих рогов» (кочкарак)²⁷⁹.

Половецко-кипчакские статуи дают некоторое представление и о женских украшениях. В ушах женщин кольцообразные серьги, шея увешана различными по величине бусами, бляшками, подвесками, ожерельями. На груди — бляшки-подвески, назначение которых точно не выяснено. На поясе женщины носили некоторые бытовые предметы, зеркало в круглом мешочке, гребешки в квадратных футлярах или без них, ножики и др.

Следует отметить, что указанные детали (костюм, предметы украшения, поясные наборы и др.), изображенные на мужской и женской одежде, до мелочи совпадают с могильным инвентарем кипчакского периода²⁸⁰.

На каменных статуях изображена в основном легкая (летняя) одежда мужчин-воинов и нарядная одежда женщин. Поэтому мы не можем судить о зимней одежде кипчаков. Правда, в известных древних хрониках (VI в.) говорится, что тюрки Алтая (где в ту пору были расселены и кипчаки) «носят меховые и шерстяные одеяния»²⁸¹. Меховая одежда, о которой здесь идет речь, видимо — шуба, широко распространенная среди тюркоязычных племен и народов. В зимний период шубу носили и мужчины, и женщины. Из шерстяной ткани (ручного производства) изготавливали верхнюю одежду — рубахи, шаровары и халаты (видимо, типов кебенак и чакман). Ибн Батута видел (у тюрков-кипчаков) мужчин, одетых в шубу из овечьей шкуры, а на голове у них была соответствующая теплая шапка, «которую они называют «кула»²⁸². Это, видимо, совершенно иной головной убор, чем вышеуказанная островерхая войлочная шапка. В измененном виде эта шапка сохранилась у кипчаков Зарафшана вплоть до наших дней. Кула бытовала и у киргизов (называется у них «кулла») западной части Ошской области, особенно среди родоплеменных групп нойгут и оргу²⁸³. Не исключена возможность, что этот вид головного убора был перенесен сюда кипчаками, расселившимися в Северной Фергане, т. е. по соседству с киргизами. Следует указать, что «кулла», согласно описаниям Ибн Батуты, представляла собой меховую шапку; у киргизов же она шилась не из меха, а «из прямоугольного куска белой ткани с одним боковым швом, верх не сшивали, а перевязывали, благодаря чему образовывался хохолок...»²⁸⁴, причем киргизскую «кулла» шили из лоскутов (курак). Носили указанный головной убор не только старики, но и старухи, что говорит о древности проис-

²⁷⁹ О. А. Сухарева. Указ. статья, стр. 304.

²⁸⁰ См. С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 165—180.

²⁸¹ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 229.

²⁸² В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 289.

²⁸³ К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 232.

²⁸⁴ Там же, стр. 132.

хождения киргизской «куллы» и возможной поэтому генетической связи ее с описанной Ибн Батутой шапкой.

У кипчаков бытовал двухструнный музыкальный инструмент, который изображен на одной из мужских каменных статуй²⁸⁵. В кипчаком языке музыкант назвался собихси певец — угси, духовой инструмент *sigpa* или *zigpa*, деревянный музыкальный инструмент — *subuzgu* (сыбызы); барабан *pagaga*, медный барабан — *kövgük*²⁸⁶.

Пища. Преобладающее место в пищевом рационе скотоводов-кипчаков занимали мясные и молочные продукты. Мясо заготавливалось впрок. Гардизи писал о кимаках: «На зиму они заготавливают сушеное мясо — баранье, лошадиное и коровье, каждый по мере своих средств»²⁸⁷. Анонимный автор сочинения «Худуд-ал-алем» также указывал, что пищей кипчаков служит «летом молоко, а зимой вяленое мясо»²⁸⁸. Плано Карпини в своих сообщениях говорит о том, что главное место в питании кипчаков занимает продукция скотоводства.

Среди кипчаков и других обитателей Дешт-и Кипчака в этот период (XIII—XIV вв.) продолжали бытовать древние общинно-родовые обычаи распределения мяса. Об этом Эломари (первая половина XIV в.) писал, что у тех, что «живут в степи, мясо не продается и не покупается... Когда у одного из них начинает хиреть скотина, как-то: лошадь, корова или овца, то он закалывает ее и вместе с домочадцами своими съедает часть ее и (часть) дарит своим соседям, а когда у них (соседей) также попортится овца²⁸⁹ или корова, или лошадь, то они закалывают и дарят (часть ее) тем, кто их одарил; это (обычай. — К. III.) так установилось между ними, как будто дарение мяса — обязательное постановление»²⁹⁰.

Уместно сказать, что описанный здесь общинно-родовой пережиток сохранялся вплоть до начала XX в. Такой обычай нами зафиксирован у кипчаков, проживающих в Зарафшанской долине (об этих обычаях будет сказано ниже).

Население Дешт-и Кипчака, в том числе и кипчаки, приготовляли кушанья (хотя и в меньшем количестве) также из муки. Ибн Батута описывает вид пищи кипчаков, называемой «бурхани»: «Это тесто, которое режут на мелкие кусочки, просверливая

²⁸⁵ С. А. Плетнева. Указ. соч., рис. 37 (таблица каменных статуй, изображающих воинов).

²⁸⁶ A. Zajączkowski. Chapitres choisis du Vocabulaire arabe-kiptchak, *Rocznik Orientalistyczny*, XXIX, zeszyt 2, Warszawa, 1965, 83, 90, 92, 97, 107.

²⁸⁷ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 106—107.

²⁸⁸ Худуд-ал-алем, стр. 186.

²⁸⁹ Видимо, Эломари хочет сказать «когда заболит скот». Следует указать, что резали скот не обязательно тогда, когда он заболит, резали и упитанных животных.

²⁹⁰ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 231.

их по середине и кладут в котел, а когда они (куски) сварились, льют в них кислое молоко и хлебают...»²⁹¹

Ибн Батута говорит также о блюде «ришта», которое «кушается с молоком»²⁹². Вероятно, этот вид кушанья — нечто вроде лапши, приготовляемой у узбеков (в том числе у кипчаков) из пшеничной муки и называемой «уноши» или «кесканош».

Рабби Петахия, проезжавший в 1170 г. через причерноморские степи, писал, что комахи (кипчаки) «не употребляли хлеба»²⁹³. Вряд ли это верно. В конце XI столетия и позднее кипчаки, проживая в окружении оседлого населения, прежде всего русских, научились печь хлеб, а отдельные группы, перейдя к оседлости, стали сеять зерновые. Хлеб у кипчаков назывался «етмак» (ötmaç)²⁹⁴. В «Половецком словаре» пекарь назван «етмакчи»

(etmaç), слово «печь», указанное в том же словаре, заимствовано у русских.

Большое место в пищевом рационе кипчаков занимали кушанья, приготовляемые из проса. Последнее, по словам Ибн Батути, называлось у тюрков-кипчаков «дука». Вот как описывает Ибн Батута способ приготовления этого блюда: «Они (тюрки-кипчаки. — К. Ш.) ставят на огонь воду и, когда она вскипает, сыпят в нее частицу этого дуки, а если у них есть мясо, то разрезают на мелкие куски и варят его вместе с ним. Потом кладут каждому человеку порцию его на блюдо, поливая его кислым молоком да хлебают»²⁹⁵. Кипчаки очень редко, но все же употребляли в пищу рис. Петахия писал, что куманы (кипчаки) «едят рис и просо, сваренное в молоке»²⁹⁶.

Животноводческое хозяйство, помимо мяса, давало еще и молоко. Последнее употреблялось как в пресном, так и в кислом виде. Из молока получали масло и делали сыр. Однако наибольшим спросом у кипчаков и других степных народов пользовалось кобылье молоко, из которого изготовляли напиток — кумыс.

Массовый падеж скота, эпидемии и голод были довольно частыми явлениями в жизни кочевых народов. Так, о стихийном бедствии, поразившем хозяйство степных жителей Дешт-и Кипчака в 1428—1430 гг. писал Макризи (вторая половина XIV — первая половина XV в.): «В степях кипчакских была сильная засуха и чрезвычайно большая моровая язва, от которой погибло множество народа, так что уцелели из них (жители указанных

²⁹¹ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 283.

²⁹² Там же.

²⁹³ В. Г. Васильевский. Византия и печенеги, стр. 120. Уместно указать, что Петахия отзывался о кипчаках с чувством ненависти и брезгливости. Поэтому, не вникая глубоко в быт кипчаков, он описывал лишь его отдельные черты. Он стремился показать крайнюю отсталость их кочевой жизни. В частности, он писал, что кумани (кипчаки) и печенеги употребляют в пищу «сырое мясо», «едят кошек и всякую кругую нечисть» (см.: В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 120).

²⁹⁴ Аттухфатуз закияту филлугатит туркия, стр. 240.

²⁹⁵ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 283.

²⁹⁶ В. Г. Васильевский. Указ. соч., стр. 120.

степеней — татары, тюрки, кипчаки. — К. III.) со стадами только немногие роды»²⁹⁷.

Религией тюркоязычных народов в древности был шаманизм. Основные черты его по описаниям источников, — поклонение вещам, рекам, горам, волхование, вера в злых духов и в загробную жизнь. Об алтайских тюрках хроника Танской династии (618—907 гг. н. э.) сообщает, что «они поклоняются духам, веруют в волхвов»²⁹⁸. Эта религия продолжала бытовать у тюркских народов и в последующие века²⁹⁹.

Шаманизм является основной религией кипчаков вплоть до XV в. Ибн Арабшах (XIV в.) сообщает, что кипчаки были «идолопоклонниками и многобожниками, не знавшими ни ислама, ни правотверья. Некоторые из них до сих пор еще поклоняются идолам»³⁰⁰. Шаман на языке кипчаков назывался «кам»³⁰¹. Очень интересные и весьма обстоятельные сведения о верованиях и погребальном культе кипчаков сообщает Гильом Рубрук. Приведем его высказывание полностью: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу. Они строят также для богачей пирамиды, т. е. остроконечные домики, и кое-где я видел большие башни из кирпичей, кое-где каменные дома, хотя камней там не находится. Я видел одного недавно умершего, около которого они повесили на высоких жердях 16 шкур лошадей, по четыре с каждой стороны мира; и они поставили перед ним для питья кумыс, для еды мясо... Я видел другие погребения в направлении к востоку, именно большие площадки, вымощенные камнями, одни круглые, другие четырехугольные, и затем четыре длинных камня, воздвигнутых с четырех сторон мира по сю сторону площади. Когда кто-нибудь занедужит, он ложится в постель и ставит знак над своим домом, что там есть недужный, чтобы никто не входил. Отсюда никто не посещает недужного, кроме прислуживающего ему. Когда также занедужит кто-нибудь, принадлежащий к великим дворам, то далеко вокруг ставят сторожей, которые не позволяют никому переступать за эти пределы. Именно они опасаются, чтобы со входящими не увился этот злой дух или ветер. Самих гадателей они называют как бы жрецами»³⁰². Последние строки Рубрука свиде-

²⁹⁷ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 442. Указанная моровая язва из Дешт-и Кипчака была завезена в Египет, где она свирепствовала в 1429—1430 гг., а затем вспыхнула вновь в 1437—1439 гг.

²⁹⁸ Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 231.

²⁹⁹ В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию, стр. 103—104, 106—107; Худуд-ал-алем, л. 186; А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн Фадлана, стр. 125, 156, 128; Махмуд Кашгарский. Указ. соч., т. III, стр. 245, 247. См. также В. А. Гордлевский. Что такое «Босой волк», Вестник АН СССР, отделение литературы и языка, 1947, т. VI, вып. 4, стр. 317—337; С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 205.

³⁰⁰ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 457.

³⁰¹ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, стр. 31.

³⁰² Там же, стр. 102—103.

льствуют о том, что шаманизм в середине XIII в. все еще был господствующей религией у кипчаков, а каменные статуи являлись необходимым элементом их погребального (религиозного) обряда.

В начале приведенной нами цитаты Рубрук говорит о каменных статуях. Принадлежность этих статуй кипчакам не вызывает сомнений. Об этом свидетельствует следующее высказывание Низами:³⁰³

И приходят кипчаков сюда племена,
И перед идолом гнется кипчаков спина.
Пеший путник придет или явится конный —
Покоряет любого кумир их исконный.
Всадник медлит перед ним и, коня придержав,
Он стрелу, поклоняясь, вонзает меж трав.

Каменные статуи ставились над могилами знатных и богатых кочевников, они изображали умершего вождя, представителя аристократической верхушки половецкого общества (знатных князей, баадуров и их жен)³⁰⁴.

В рассказе Рубрука указано, что каменные бабы воздвигнуты над могильными курганами. Однако археологические данные свидетельствуют о том, что значительная часть указанных памятников ставилась не на могилах умерших, а в отдалении от них³⁰⁵.

Установленные на высоких курганах статуи, как предполагает А. С. Плетнева, играли «роль дорожных жертвенников»³⁰⁶. Возможно, они олицетворяли духов-покровителей дорог³⁰⁷, ибо чаще всего встречаются на перекрестках степных дорог.

Каменные статуи в большом количестве обнаружены в южно-русской степи³⁰⁸ и отчасти на Северном Кавказе, т. е. в местах основного расселения кипчаков в конце XI — начале XIII в. Об этих каменных статуях, видимо, идет речь в «Слове о полку Игореве», где упоминается «тмутараканский болван»³⁰⁹ (идолище).

Все данные говорят о том, что каменные статуи, бытовавшие в причерноморских степях в XI—XIII вв., являлись кипчацкими, они перенесены сюда с Алтая, где зародился этот обычай древних тюрков³¹⁰.

³⁰³ Низами. Искандер-наме, т. I, Баку, 1953, стр. 359.

³⁰⁴ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 207; Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 191.

³⁰⁵ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, МИА, 1952, № 24.

³⁰⁶ А. С. Плетнева. Указ. соч., стр. 207.

³⁰⁷ Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, стр. 62.

³⁰⁸ А. С. Плетнева. Указ. соч., стр. 172—186, 205—212.

³⁰⁹ Слово о полку Игореве, стр. 26, 39, 55.

³¹⁰ Л. П. Потапов. Очерки истории алтайцев, М., 1953, стр. 144.

В хронике Танской династии указывается, что алтайские тюрки «в здании, построенном при могиле³¹¹, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений... Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У них число таких камней простирается до ста и даже до тысячи»³¹². Следует указать, что не все детали надгробных памятников, описанные здесь, сохранились у кипчаков южнорусских степей. В частности, надписи на надгробных плитах у кипчаков причерноморских степей отсутствовали. Здания же, выстроенные при гробницах ханов, а также статуи с изображениями покойника сохранялись у кипчаков вплоть до XIII в. (они упомянуты Рубруком). Из сообщений Танской хроники также видно, что наряду со строениями, статуями и надписями на каменных плитах, у могильных курганов было выставлено множество камней различных форм и величин, которые также встречались у описываемых нами кипчаков.

Каменные изваяния были распространены и на территории Монголии и Казахстана³¹³.

Приведенные выше данные убеждают нас в том, что каменные статуи с изображением человека, строения у могил, а также вкапывание рядом с могилами камней различной формы и величины, каждый из которых символизировал побежденного врага, перенесены кипчаками с Алтая. С алтайской прародиной кипчаков связаны также погребение на искусственном холме и захоронение человека вместе с конем³¹⁴. Отмеченный Рубруком погребальный обряд: убийство коней на тризне умершего хозяина³¹⁵ и вывешивание их шкуры на высоких жердях имеет также прямое отношение к Алтаю. Этот обычай сохранялся у южных алтайцев вплоть до XIX в. Алтайское происхождение статуй кипчаков подтверждает еще одна деталь, отмеченная Рубруком, — мешочки³¹⁶ (каптарга) для всякой мелочи,³¹⁷ которые носили кипчаки. Эти мешочки изображены на левом боку каменных статуй из южнорусских степей³¹⁸. Такие же мешочки (подвешенные к поясу) были и на кипчакских каменных изваяниях Алтая. Подобные же мешочки до последнего времени носили алтайские скотоводы, называли их также «каптарга»³¹⁹. Все это еще раз под-

³¹¹ Здесь, а также у Рубрука речь идет, видимо, о мавзолеях, выстроенных у могил знатных людей, скорее всего правящей верхушки (ханов).

³¹² Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 230.

³¹³ Л. П. Потапов. Очерки истории алтайцев, стр. 144; Я. А. Шер. Каменные изваяния Семиречья, М.—Л., 1966.

³¹⁴ Г. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 189.

³¹⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 487, 558; С. А. Плетнева. Указ. соч., 173—182.

³¹⁶ Об этих обрядах говорится и в хронике Танской династии (См.: Н. Я. Бичурин. Указ. соч., т. I, стр. 230).

³¹⁷ В тюрко-кипчакском памятнике «Аттафатуз Закияту филлугатит туркия» (стр. 69) этот мешок назван «каптурга».

³¹⁸ С. А. Петнева. Указ. соч., стр. 210.

³¹⁹ Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 144.

тверждает, что кипчаки, как и другие тюркоязычные группы Дешт-и Кипчака и южнорусских степей, генетически связаны с Южной Сибирью, в частности с горным Алтаем.

Кипчацкие статуи из южнорусской степи по своему назначению и внешнему оформлению значительно отличались от подобных памятников других тюркских групп. Одно из отличий заключалось в том, что кипчацкие памятники изображали знатных воинов (ханов, военачальников, богатырей и др.) и их жен. Они более тщательно отделывались, многие из них были богато орнаментированы. Видимо, статуи могли ставить только богатые, обеспеченные люди. Каменные изваяния других тюркоязычных групп изображали воинов или слуг, поэтому изготавливались крайне небрежно. В Сибири вместо статуй, изображающих слуг, часто ставили простые камни³²⁰.

Длительное проживание в окружении народов православной веры не могло не повлиять на кипчаков. Под воздействием русской церкви они постепенно принимали христианство. В XIII в. число кипчаков, перешедших в православие, значительно возросло. Те кипчаки, которые, спасаясь от монголов, переходили под покровительство русских князей, принимали христианскую веру³²¹. Христианами стали и некоторые группы кипчаков, жившие в Крыму и приазовских степях³²². Эту религию принимали и кипчаки, пришедшие в Венгрию³²³.

В XII—XIII вв. кипчаки стали принимать и мусульманскую веру. В этом отношении большое влияние на них оказали соседние народы-мусульмане — волжские болгары, оседлые хазары низовьев Волги³²⁴, и хорезмийцы, с которыми кипчаки находились в постоянном контакте. Таким образом, постепенно в среду кипчаков проникали христианство и ислам. Причем первая религия начинала преобладать у западных, а вторая — у восточных групп кипчаков. Однако пережитки шаманизма сохранялись у потомков средневековых кипчаков вплоть до нынешнего столетия.

* *

*

Из вышеизложенного можно сделать следующие выводы и обобщения. Кипчаки — одно из древнетюркских племен, обитавшее с конца III в. до н. э. и до середины VI в. н. э. на Северо-Запад-

³²⁰ С. А. Плетнева. Указ. соч., стр. 110, 111, 112, 113.

³²¹ См. ПСРЛ, т. I, стр. 740—745. Плано Карпини упоминает о русском воине-христианине из куманов (кипчаков) (см.: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, стр. 82). Кипчаки-христиане жили в ставке Бату-хана в г. Сарае, о чем сообщает Ибн Батута (см.: В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., стр. 306).

³²² В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. I, стр. 279.

³²³ Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука, стр. 122.

³²⁴ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение, стр. 27.

ном Алтае. По происхождению кипчаки, видимо, связаны с древними дицинами, а позже вошли в состав западного объединения хуннов.

В VI в. кипчаки, как и другие жители Алтая, были подчинены Тюркскому каганату. В этот период происходили разделение и миграция кипчаков из Северо-Западного Алтая: одни племена переселились в Северно-Западную Монголию, другие (основная масса кипчаков) — на среднее течение Иртыша. Эта последняя группа кипчаков до конца VIII в. являлась самостоятельным, независимым объединением племен, которые вступали в военные союзы с хазарами, вместе с ними предпринимали грабительские походы и вели борьбу с арабскими завоевателями на Кавказе.

В VIII—IX вв. произошли значительные изменения в политической и этнической карте Средней Азии и Казахстана: экспансия арабов и захват ими областей Мавераннахра, распад Западного и Восточного тюркских каганатов, образование государства огузов в Приаралье на средней и нижней Сырдарье, карлуков — в Семиречье, уйгуров — в Монголии, кимаков — в Прииртышье и др. В этот период усилился приток в степи нынешнего Центрального и Западного Казахстана большого числа тюркоязычных племен (печенегов, канглы, уз, аз, тюркеш, аргын и др.). Многие из них, как и кипчаки, были подчинены государству кимаков, а некоторые находились в зависимости от огузов.

В X в. происходило дальнейшее расчленение кипчаков: из состава западных кипчаков выделилась группа, которая постепенно передвигалась на юг, в присырдарьинские степи. Основные массы западных кипчаков, усилившись, вели упорную борьбу за независимость и предпринимали агрессивные походы за овладение областью между р. Урал и Волгой.

В конце X — начале XI в. западные кипчаки подчинили своей власти кимаков и многие другие племена, жившие на территории Центрального и Западного Казахстана. Под их власть попали также отореченные угро-финские племена Приуралья и средней Волги. Таким образом, западные кипчаки в начале XI в. превратились в крупное этно-политическое объединение, кочевавшее в междуречье Урала и средней Волги. Та их группа, которая двигалась на юг, в начале XI в. заняла область средней Сырдарьи и образовала здесь второе крупное объединение кипчаков. Эту группу мы условно называли присырдарьинской.

Таким образом, термин «кипчак» становился наименованием двух крупных этно-политических объединений. Название «кипчак» сохранялось также за орхонской и алтайской группами кипчаков.

Кипчакские объединения этого периода (X — начало XV в.) поддерживали торговые и культурные связи со своими соседями, прежде всего с огузами, карлуками, хорезмийцами, народами Поволжья (главным образом болгарами), Урала и Восточной Европы. Через торговлю проникали в быт кипчаков изделия (оружие, предметы роскоши) мастеров Ферганы, Самарканда, Бухары,

Хорезма, появлялись и товары, привезенные с Руси, Кавказа, из Византии и др. В свою очередь степняки поставляли свои товары, в основном коней и рабов.

В VIII—IX вв. произошли значительные изменения и в языке кипчаков. В результате длительного контакта и сближения с различными племенами образовался понятный для всех степняков кипчако-кимакский язык. Однако это не значит, что окончательно стерлись все грани племенных диалектов. Мы полагаем, что у многих племен, входивших в государство кимаков и затем в объединение кипчаков, продолжали бытовать племенные диалекты, но они подвергались значительному изменению.

Кипчако-кимакский язык в IX—X вв. не был одинаковым для всей территории Дешт-и Кипчака. На язык западных групп кипчаков наибольшее влияние оказали огузы. Здесь же, в Дешт-и Кипчаке, происходило кипчакизирование некоторых тюркских племен и угро-финских народов, входивших в объединение кипчаков. В результате взаимовлияния и взаимодействия различных племенных диалектов формировался кипчако-огузский язык. Наиболее близким к кипчацкому языку был диалект южной (присырдарьинской) группы кипчаков. Однако и на их язык не могли не оказать некоторого влияния языки их соседей — огузов и карлуков.

В 60-е годы XI — в начале XII в. происходила миграция западных кипчаков в Восточную Европу. Движение их на запад было связано с усилением феодализации кипчацкого общества и жаждой феодальной верхушки к обогащению. Это приводило к захвату новых пастбищных земель, увеличению поголовья скота, а также грабежу соседних народов. Причины, побудившие тюркские народы покинуть азиатские степи и перебраться в Европу, были раскрыты К. Марксом и Ф. Энгельсом. Они писали: «То же давление избытка населения на производительные силы заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в государства древнего мира». «То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени...»³²⁵. Хотя это высказывание классиков марксизма относится к более ранним движениям кочевников-тюрков, его вполне можно отнести и к кипчакам.

Кипчаки, переместившись в Восточную Европу и на Северный Кавказ, расселились отдельными родо-племенными объединениями. Таких объединений было несколько. В дальнейшем эти сравнительно мелкие объединения, соединившись, образовали две крупные орды: Западную, или Приднепровскую, и Восточную, Придонскую. Основное ядро этих орд составляли кипчаки: у приднепровских — белые кипчаки (или белые куманы), а у придонских — черные кипчаки (черные куманы). Каждая из них имела своих наследственных правителей. Однако вплоть до монгольского нашествия

³²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 8, стр. 568.

эти орды не могли объединиться в единое государство. Отдельное крупное этническое объединение по-прежнему составляли присырдарьинские кипчаки.

Этнический состав кипчакских орд был весьма пестрым. В составе восточноевропейских и северокавказских кипчаков находились остатки некоторых прежних этно-политических объединений: огузы, печенеги, капглы, узы, хазары и некоторая часть черных клобуков, а также отюреченных групп угро-финских племен. В политической зависимости от кипчакских орд находились остатки степных ираноязычных племен и племенных объединений: сарматы, аланы, асы, роксаланы и другие, жившие в бассейне Дона и на Северном Кавказе. В зависимость от присырдарьинских кипчаков попали также группы огузов, печенегов, канглы, аз, аргын, тюрок и многие другие этнические элементы присырдарьинских степей.

В конце XI — начале XIII в. происходил процесс этнического сближения зависимых племен с кипчаками. В результате частицы многих из них навсегда слились с последними, утратив свое родоплеменное самосознание, а основное ядро многих племен вошло в состав кипчакского объединения на правах особых племен или родов. В эти же периоды происходило переселение некоторой части западных и северокавказских кипчакских племен на территории Грузии, Азербайджана и Дагестана. Многие из них остались здесь навсегда и впоследствии окончательно слились с местным населением, внося таким образом в состав указанных народов иноплеменные этнические элементы. Группы кипчаков, принявших христианство и освоивших земледельческую культуру, влились в состав русских. Некоторые группы присырдарьинских кипчаков переселились в Хорезм и в земледельческие области Мавераннахра и позднее также слились с местным земледельческим населением.

Со второй половины XII в. русские войска стали наносить чувствительные удары по кипчакским кочевьям Восточной Европы. Одновременно владельцы Хорезма предпринимали попытки захватить владения присырдарьинских кипчаков. Усилились также межплеменные раздоры в кипчакских объединениях. Все это раштало устой половецких орд, а монгольское нашествие ускорило их падение.

В 20—30 годы XIII в. монгольское нашествие принесло страшное бедствие не только культурным народам Азии, Кавказа и Восточной Европы, но и населению Дешт-и Кипчака. Значительное число кочевников было истреблено или превращено в рабов, а их кочевья разорены. Отдельные группы кипчаков, спасаясь от преследования завоевателей, ушли в Венгрию, Валахию, на Балканский полуостров, в Малую Азию и Египет. Они навсегда поселились в этих странах и постепенно слились с местным населением. Оставшиеся в Восточной Европе и в присырдарьинских степях кипчаки были подчинены власти монгольских ханов.

Позже кипчаки образовали новые племенные объединения, но уже в значительно измененном составе: наряду с прежними кангло-печенежскими, огузскими, угро-финскими и другими этническими элементами в них вошли и некоторые монгольские роды и племена. Основными районами расселения новых кипчакских объединений стали Крымский полуостров, степи Северного Кавказа, нижнее течение Волги, а также территории к северо-востоку от Аральского моря. Отдельные группы их продвинулись в Приуралье и впоследствии объединились с башкирскими племенами. Некоторая часть западных групп кипчаков была переселена Тимуром в присырдарьинские степи и в культурные области Мавераннахра.

Но несмотря на переселения, в Дешт-и Кипчаке осталось значительное число кочевников-кипчаков, составивших в XIII—XIV вв. основную массу населения Золотой Орды. В культурном отношении они находились на более высоком уровне, чем их покорители — монголы. Последние влившись в кипчакскую этно-культурную среду, перешли в мусульманство и с течением времени отюречились. При дворе золотоордынских ханов был принят письменный литературный язык, сложившийся на кипчако-огузской диалектной основе.

В XV — первой половине XVI в. основная масса западных кипчаков и многие другие тюркоязычные племена вошли в состав Ногайского союза. Группа кипчаков, которая кочевала к северо-востоку от Аральского моря (куда они в свое время были вытеснены хорезмшахами), переселилась на свои прежние места кочевья — в долину средней Сырдарьи. С начала XV в. большая часть тюрко-монгольских племен Восточного Дешт-и Кипчака, известных под общим собирательным именем «узбек», вошла в состав государства кочевых узбеков. Многие из этих племен, в том числе и некоторая часть кипчаков в составе войск Шейбани-хана в конце XV — начале XVI в. перекочевали в Мавераннахр и Хорезм.

Группы кипчаков, оставшиеся в Дешт-и Кипчаке и на Северном Кавказе, участвовали в формировании народностей башкир, казахов, каракалпаков, ногайцев и карачаевцев.

Таким образом, в XIII—XV вв. происходили бурные политические события и активное межплеменное взаимодействие кочевников Дешт-и Кипчака, вызывавшие периодически распад и образование новых племенных объединений. Это привело к значительным изменениям состава племен и племенных союзов. Сильно изменился и состав кипчаков, являвшихся важным компонентом, а иногда и этнической основой формирования многих народностей Средней Азии, Казахстана, Восточной Европы и Северного Кавказа, сложившихся в этих регионах в XV—XVI вв.

Глава вторая

КИПЧАКИ В СОСТАВЕ УЗБЕКОВ (XIX — НАЧАЛО XX в.)

КИПЧАКИ НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА

Кипчаки, переселившиеся в культурные области Средней Азии, обосновались в основном в Ферганской долине, в долине Зарафшана, Хорезме и в Северном Афганистане. Большая часть кипчаков, обитавших в указанных областях до XV—XVI вв., видимо, давно перешла к оседлости и постепенно растворилась среди местного населения. Некоторая их часть слилась со своими соплеменниками — кипчаками, а также с другими узбекскими племенами дешикипчакского происхождения, пришедшими сюда в XVI в. и позже. Отдельные группы кипчаков вошли в состав киргизов, кочевавших в горных и предгорных районах Ферганской долины.

Значительная часть кипчаков, сохранявших свое традиционное племенное название до начала нашего столетия, по всей вероятности, переселилась в Ферганскую долину в начале XVIII в.¹ В 1723 г. Казахское ханство подверглось нападению джунгарских войск. Часть казахов вынуждена была бежать из своих аулов в разных направлениях: Младший жуз — на запад, в Хиву и на север в долины Яика и Эмбы; Средний — в центральные области Средней Азии, в долину Зарафшана, а Старший признал зависимость от Джунгарии². Это перемещение казахов захватило и кипчаков, входивших в состав Среднего жуза. Вместе с каракалпаками и казахами они двинулись двумя потоками: часть ушла вверх по Сырдарье, к Ташкентскому оазису и в степь Мирзачуль, а другая к среднему Зарафшану.

Однако эти районы до прихода кипчаков и каракалпаков были заняты оседлым населением и некоторыми полуоседлыми узбекскими группами (курама, кырк, юз, минг и др.), поэтому кипчаки вынуждены были (в конце 20-х — начале 30-х годов XVIII в.) переселиться в предгорья Северной Ферганы. Лишь незначитель-

¹ По мнению В. Наливкина (см.: Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 17), значительная часть кипчаков переселилась в Фергану в XVII в., при этом не указывается точно — в начале, в середине или в конце этого века. Не приводится также никаких данных, подтверждающих его мнение о времени переселения кипчаков.

² Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 136.

ная их группа осталась в Ташкентском оазисе³. В Ферганскую долину переселилась и группа каракалпаков. Она заняла степные районы в Центральной Фергане, получившие позже название Каракалпакская степь.

Следует сказать, что не все кипчаки оставили свое основное место расселения — область к северу от средней Сырдарьи. Некоторая часть их по-прежнему продолжала жить здесь и стала неотделимой частью казахской народности. Те же кипчаки, которые мигрировали на территорию нынешнего Узбекистана в XVI—XVIII вв. и раньше, в процессе этнической консолидации постепенно слились с окружающими узбеками.

Кипчаки, бежавшие от преследований джунгар, естественно, оставляли почти все свое имущество и скот, что тяжело отражалось на их экономическом положении. Только богатые кочевые кипчакские семьи, сумевшие сохранить некоторые ценности, смогли быстро оправиться, покупая и размножая скот. Однако росту поголовья скота препятствовала ограниченность пастбищных угодий, особенно в Ферганской долине. Равнинная часть Ферганской долины была занята земледельческими культурами, а на хороших высокогорных пастбищах выпасали свои стада киргизские племена. Кипчакам же достались лишь горные пастбища юго-восточной части Кураминского хребта и южные предгорья Чаткальского хребта, сравнительно бедные кормовой растительностью.

Из-за отсутствия благоприятных условий для традиционного занятия — скотоводства, кипчаки начали приобретать пахотные земли. Бедные разоренные семьи сразу же после переселения перешли к оседлости и занялись земледелием, а богатые кипчаки (особенно феодальная знать) наряду с земледелием продолжали заниматься скотоводством.

Полуоседлые кипчаки Ферганской долины, поселившиеся в Кокандском ханстве, входили в состав наиболее сильных кипчакских родов: кулан, улмас, илятан, яшик, джеты-кашка и др. Эти кипчакские роды в XVIII—первой половине XIX в. выступали уже в роли крупных родовых объединений; во главе каждого объединения стояла влиятельная родовая знать. В 30—40 годах XIX в. во главе родового объединения кулан стоял Мусульманкул, улмаса — Хатамкул, илятана — Утамбай, яшика — Мирзат, джетыкаша — Маманазар⁴.

Со временем, значительно укрепив свое экономическое положение, кипчакская знать перешла к прямому вмешательству в политическую жизнь Кокандского ханства. Наибольшего влияния она достигла в 30—40-х годах XIX в. В данной работе нет необходимости говорить подробно о политических взаимоотношениях

³ См.: А. И. Макшеев. Географические и статистические материалы о Туркестанском крае, ЗРГО, т. II, СПб., 1871, стр. 35, 36; М. А. Терентьев. Статистические очерки Среднеазиатской России, ЗРГО, т. IV, СПб., 1874, стр. 79.

⁴ В. Наливкин. Указ. соч., стр. 155.

кипчаков с Кокандским ханством, ибо они достаточно широко освещены в литературе⁵.

О кипчаках долины Зарафшана мы находим наиболее подробные сведения у бухарских историков первой половины XIX в. Ибадуллы и Мухаммед Шерифа — авторов сочинения «История эмира Хайдара», в сочинении Мухаммед Мир Алима Бухори «История эмира Насруллы»⁶, в мемуарах мирзы Шамса Бухори⁷ и др.

Согласно данным «Истории эмира Хайдара», в первой четверти XIX в. в бассейне среднего Зарафшана было расселено 40 тысяч семей кипчаков и столько же семей племени ктай⁸. Другой автор, мирза Шамс Бухори утверждает, что число ктай-кипчаков достигло здесь 120 тысяч человек⁹. Из этих двух источников более достоверна «История эмира Хайдара»; приводимые в ней сведения подтверждаются и нашими полевыми материалами. Нам приходилось неоднократно слышать, что кипчаков было в Мианкале 40 тысяч юрт и потому на больших сборищах их называли «сорокатысячеюртные кипчаки» (кирк-минг уйли кипчак)¹⁰.

Упоминания о кипчаках бассейна Зарафшана (в первой четверти XIX в.) имеются в письмах эмира Хайдара¹¹. О них же упоминают и другие авторы первой половины XIX в. Согласно сведениям Александра Борнса, кипчаки Зарафшана выставляли в армию бухарского эмира 500 конных солдат, во главе со своим предводителем. Этот отряд стоял в крепости Челек¹² и в нужный момент мог присоединиться к основным силам бухарской армии. Н. Ханыков писал, что кипчаки Зарафшана кочуют между Катакурганом и Самаркандом¹³.

⁵ Нияз Мухаммед. Тарих-и Шахрухи. История владельцев Ферганы, Сочинение Муллы Ниязи Мухаммеда бен Ашур-Мухаммеда Кокандского, изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1885; См. также: В. В. Бартольд. Извлечения из Тарих-и-Шахрухи, Сочинения, т. II, ч. 2, стр. 350—358; В. Наливкин. История Кокандского ханства, Казань, 1886; История Узбекской ССР, т. I, кн. 2, Ташкент, 1956, стр. 51—53, Р. Набиев. Ташкентское восстание 1847 года и его социально-экономические предпосылки, стр. 18—22 и след.

⁶ История эмира Хайдара «Тарих-и-эмир Хайдар» переведена полностью на русский язык и снабжена примечаниями А. А. Семеновым. Эта рукопись, к сожалению, до сих пор не опубликована и хранится в Институте востоковедения АН УзССР, инв. № 1265; Отрывки из «Истории эмира Хайдара» и «Истории эмира Насруллы», относящиеся к ктай-кипчакскому восстанию, переведены на русский язык П. П. Ивановым (см. его соч. «Восстание ктай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825», Труды Ин-та востоковедения АН СССР, XXVII, Приложение).

⁷ О некоторых событиях в Бухаре, Коканде, Кашгаре см. Записки мирзы Шамса Бухори. Перевод и примечание В. В. Григорьева, Ученые записки Казанского университета, кн. I, Казань, 1861.

⁸ П. П. Иванов. Указ. соч., стр. 97.

⁹ Записки мирзы Шамса Бухори, стр. 7.

¹⁰ Полевые записи автора, V, 1967; VI, 1968.

¹¹ М. Абдураимов. Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара, Ташкент, 1961, стр. 99.

¹² Александр Борнс. Указ. соч., ч. III, стр. 487.

¹³ Н. Ханыков. Описание Бухарского ханства, СПб., 1843, стр. 63.

Кипчаки среднего Зарафшана были обследованы в 1868 г. В. В. Радловым¹⁴, а в 70-х годах XIX в. А. Гребенкиным¹⁵. По данным 1874 г., основная масса их была оседлой и в указанной области кипчаки жили в 110 селениях¹⁶. Во многих этих селениях они располагались компактно, а в некоторых жили смешанно с другими группами узбеков.

Кипчакская феодальная знать принимала активное участие в политической жизни Бухарского ханства. На службе у эмира (в конце XVII — начале XVIII в.) находился Хайит-бий кипчак¹⁷, носивший звание «датха»¹⁸. Он командовал вооруженным отрядом, неоднократно принимал участие в подавлении мятежей, поднятых узбекскими племенами в южных районах ханства. В 1705 г. в одном из походов он был убит¹⁹. Хайит-бий датха был одним из богатейших кипчакских феодалов. Незадолго до смерти он построил на свои средства рабат поблизости от мазара Сайфитдина Бахарзи²⁰.

Другой представитель знати — Фаррах-бий (предводитель ктай-кипчаков бассейна Зарафшана) командовал крупным отрядом бухарцев. Он принимал непосредственное участие в подавлении мятежа кипчаков и других узбекских племен Северного Афганистана²¹.

Кипчаки неоднократно восставали против гнета бухарских правителей. Крупные восстания происходили в конце XVIII — первой четверти XIX в.²² Последнее восстание продолжалось 5 лет (1821—1825 гг.). Восстания кипчаков происходили и в 50—60-х гг. XIX в., однако, это были лишь кратковременные вспышки народного гнева, которые не получили широкого распространения и носили местный характер.

Основные причины поражения восстания 1821—1825 гг. заключались в том, что оно возникло стихийно, и, следовательно, его участники не имели достаточно ясной цели. Они хотели лишь

¹⁴ В. В. Радлов. Средняя Зарафшанская долина, ЗРГО, т. VI, СПб., 1880, стр. 61.

¹⁵ А. Гребенкин. Узбеки, в сб.: Русский Туркестан, т. 2, М., 1972; Он же. Этнографический очерк Зарафшанского округа, ТВ., 1872, № 45.

¹⁶ См. Список населенных мест Зарафшанского округа, ЗРГО, т. IV, СПб., 1874.

¹⁷ «Убайдулла-наме», стр. 77, 79, 80—82.

¹⁸ Звание «датха» Д. Н. Логофет приравнивает к русскому званию генерал-майора (см.: Д. Н. Логофет: Бухарское ханство под русским протекторатом, т. I, СПб., 1911, стр. 234).

¹⁹ «Убайдулла-наме», стр. 81, 82.

²⁰ Там же, стр. 80. Мавзолей Сайфитдина Бахарзи находится в восточной части г. Бухары, близ железнодорожного вокзала и является архитектурным памятником XIII в.

²¹ «Убайдулла-наме», стр. 150.

²² П. И. Иванов. Восстание ктай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг.; А. Мухтаров. К истории народных движений в первой четверти XIX в., ИООН АН ТаджССР, I, (32), Душанбе, 1963.

избавиться от феодального гнета, тяжелых повинностей и террора ненавистной им местной администрации Бухарского ханства.

Восстанием руководила ктай-кипчакская феодально-племенная знать, стремившаяся использовать борьбу трудового народа в своих узко-классовых интересах. Подавлению восстания ктай-кипчаков способствовала активная военная помощь англичан²³, оказанная бухарскому правителю — эмиру Хайдару. Несмотря на поражение, кипчаки и ктай еще не раз выступали против гнета бухарских правителей.

После завоевания значительной части долины Зарафшана русскими войсками (1868 г.) основная масса проживавших здесь кипчаков перешла в ведение русской администрации. Лишь незначительные их группы, расселившиеся в низовьях Зарафшана и в степях Кашкадарьи, остались под властью бухарского эмира и уже не могли играть существенной роли в политической жизни ханства.

Кипчаки, переселившиеся в Хорезм еще до XV в., видимо, ассимилировались с местным населением и со своими соплеменниками, пришедшими сюда позже. Основная масса кипчаков, которые сохранили свое древнее название вплоть до конца XIX — начала XX в., переселилась сюда, вероятно, в период правления узбекских ханов Абу-л-Хайра, Шейбани-хана и его потомков (XV—XVIII вв.).

По преданию хорезмских кипчаков, их предки пришли из Туркестана в Хорезм лет 500 назад²⁴, т. е. в середине XV в., что совпадает с периодом правления Абу-л-Хайра (1428—1468/69 гг.)²⁵.

Более точные сведения о расселении кипчаков в Хорезме относятся к середине XVII в. Согласно данным Муниса, правитель Хорезма Абу-л-Гази-хан (1643—1663 гг.) разделил узбекские племена низовьев Амударьи на четыре парных объединения («тупа»): уйгур-найман, кунграт-кыят, нукус-мангыт и канглы-кипчак²⁶.

Каждому из указанных объединений были отведены земли и оросительные каналы. Такое разделение узбеков Хорезма сохранилось и в последующие века. В первой четверти XIX в., по сведениям Н. Муравьева, канглы-кипчаки продолжали составлять одно из четырех объединений узбеков²⁷. В XVII—XVIII вв. кипча-

²³ А. Мухтаров. К истории народных движений в Бухарском ханстве в первой четверти XIX в., ИООН АН ТаджССР, I (32), Душанбе, 1963, стр. 37.

²⁴ К. Л. Задыкина. Узбеки дельты Амударьи, стр. 330, 331.

²⁵ Б. Ахмедов. Государство кочевых узбеков, стр. 45, 67.

²⁶ МИТТ, т. II, 1938, стр. 327—328.

²⁷ Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 гг. Н. Муравьева, ч. 2, М., 1822, стр. 36.

ки зафиксированы также и в среде узбеков-аральцев²⁸. В 50—80 гг. XVIII в. они, поддерживая кунградскую аристократию в ее борьбе за власть, активно включились в политическую жизнь Хорезма²⁹. Определенную роль в политической жизни Хорезма кипчаки продолжали играть и в 60-х годах XIX в. Кипчацкие аристократы принимали участие в командовании хивинскими войсками. В 1869 г. против русских войск, занимавших Казалинск, был отправлен большой хивинский отряд во главе с аталыком 'Хаким-Ниязом (глава кипчаков)³⁰ и Мухаммед Рахимом (глава найманов)³¹.

Основной территорией расселения кипчаков Хорезма с середины XIX в. до начала XX в. были районы по обе стороны Амударьи, главным образом, между горами Шейх-Джели и крепостью Чилпык³². Некоторая часть кипчаков, видимо, продолжала кочевать в 50—60-х годах XIX в. в степи к юго-востоку от Аральского моря, в местности Тау-кара (Даукара). Хакимом этих кипчаков был в ту пору Эрнияз-бий. Правитель Хивы поручил ему увести из-под Казалинска те группы казахов, которые платили дань хивинскому хану³³.

Большая часть кипчаков в XVII—XIX вв. жила в пределах Бухарского ханства. Отдельные группы их еще в XVII—XVIII вв. поселились на территории Северного Афганистана, в районах Балха, Сарыпула и Саручарьека³⁴. После того, как левобережье верховьев Амударьи в середине XVIII в. вошло в состав образовавшегося в 1747 г. самостоятельного Афганского государства, проживавшие там кипчаки стали подданными афганских шахов династии Дуррани³⁵.

²⁸ См.: МИТТ, т. II, стр. 332. В XVII—начале XVIII в. разрозненные группы узбекских племен и родов собирались в местности Арал на берегу Аральского моря, в районе дельты Амударьи. Абу-л-Гази указывал (см. его «Родословное древо тюрков», стр. 260), что в его время собиралось (на том месте, где Амударья вливается в море) до 3 тысяч человек. В дальнейшем количество их, несомненно, увеличивалось за счет притока из степи Дешт-и Кипчак, и назывались они «аральцами». (См.: Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. Гладышевым и Муравиным, СПб., 1851, стр. 20; И. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков. Сб. «Материалы по истории каракалпаков», Труды Ин-та востоковедения АН СССР, т. VII, М.—Л., 1935, стр. 71.)

²⁹ МИТТ, т. II, стр. 338—351, 357—383.

³⁰ Аталык — должностное лицо в аппарате управления среднеазиатских ханств. См. подробно: МИТТ, т. II, стр. 331, примеч. 2; А. А. Семенов. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре, Советское востоковедение, т. V, М., 1948, стр. 137.

³¹ В. В. Бартольд. События перед хивинским походом 1873 г. по рассказу хивинского историка, Сочинения, т. II, ч. 2, М., 1964, стр. 408.

³² А. Кун. Культура оазиса низовьев Амударьи от Кунграда до Чимбая, Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV, 1876, стр. 236; Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области, вып. 2, СПб., 1915.

³³ В. В. Бартольд. События перед хивинским походом 1873 г., Сочинения, т. II, ч. 2, стр. 407.

³⁴ Мукимханская история, стр. 171, 172; Убайдулла-наме, стр. 119.

³⁵ Хусайн Али. Украшение летописей, стр. 32.

О кипчаках, расселившихся в Северном Афганистане, в районе Балха, в первой половине XIX в. упоминает в своем сочинении Александр Борнс³⁶. Согласно данным Феррье³⁷ (середина XIX в.), кипчаки, кроме Балха, расселились также в местности Чехаршанба и Кала-и-Вали к западу от Чехаршанбы. В указанных местностях насчитывалось 800 кибиток (юрт) кипчаков³⁸.

Феррье зафиксировал кипчаков и в долине р. Кайсар, где они жили вместе с племенем фирузкухи³⁹. Группа кипчаков (5000 человек) в середине 90-х годов жила и в г. Герате. Часть кипчаков входила в состав племен тайманов⁴⁰, которые подразделялись на две ветви — кипчаки и дерезан. Тайманы, насчитывавшие 40 тысяч семей⁴¹, занимали юго-восточную часть Гератской провинции и кочевали со стадами по долинам гор Бенди-Баян⁴².

Как видно из приведенных выше данных, в конце XIX в. — первой четверти XX в. в Северо-Западном Афганистане насчитывалось до 20 тысяч семей кипчаков. В XI—XVIII вв. их было, вероятно, значительно больше, затем многие из них ассимилировались местным оседлым земледельческим населением, а некоторая часть их вошла в состав тюрко-монгольских племен и слилась с ними.

Небольшая группа кипчаков (более 250 дворов) в конце XVIII в., оставив свои прежние кочевья в Балхском округе, переместилась ближе к своим сородичам в среднюю часть бассейна Зарафшана и расселилась там в Ангорском тумане⁴³.

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАССЕЛЕНИЕ КИПЧАКОВ НА ТЕРРИТОРИИ УЗБЕКИСТАНА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В конце XIX — начале XX в. большие группы кипчаков жили в Ферганской долине и в бассейне Зарафшана.

В Ферганской долине в конце XIX в. насчитывалось около

³⁶ Александр Борнс. Путешествие в Бухару (Изд. П. В. Голубкова), ч. III, стр. 368.

³⁷ I. Ferrier. Caravan journeys and Wanderings in Persia, Afganistan, Turestan and Beloochistan, London, 1857, p. 197.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 196.

⁴⁰ Тайманы, в свою очередь, входили в состав племенного объединения чораймок (фирузкухи, тайманы, джемшиды и хазара). Племена, принадлежавшие к этому объединению, были различны по своей этнической принадлежности — иранские, тюркские и монгольские. См.: Очерки по новой истории Афганистана, Ташкент, 1966, стр. 14.

⁴¹ Очерки по новой истории Афганистана, стр. 14.

⁴² М. Г. Пикзулин. Афганистан, Ташкент, 1956, стр. 80.

⁴³ ЗРГО, т. IV, СПб., 1874. Список населенных мест Зарафшанского округа; приложение № 15 к статье Л. Н. Соболева «Географические и статистические сведения о Зарафшанском округе».

70 тысяч кипчаков⁴⁴. По данным 1917 г., численность их была определена в 42,4 тысячи⁴⁵. Сюда не входили кипчаки, находившиеся в составе киргизского племенного объединения ичкилик и называвшие себя киргиз-кипчаками; в 1917 г. в Ферганской долине их было зарегистрировано около 6 тысяч человек⁴⁶.

В этот период в Ферганской долине насчитывалось 84 кипчацких селения⁴⁷. Большая часть их (52 селения, в которых проживало 29,4 тысяч человек) находилась на территории Андижанского уезда, по р. Андижансай, в низовьях рек Нарын, Майли-сай и Карадарья. В Наманганском уезде кипчаки жили в 27 селениях (11,5 тысяч человек) и были расселены в бассейнах рек Касансай, Сумсар, Чодак, Подша-Ата, Нарын, Гова и по каналу Янги-арык. В Ферганском уезде кипчаки проживали в трех селениях (1,2 тысяч), расположенных по Шахансаю и Аравансаю, в Кокандском уезде — в двух селениях — на арыках, отведенных от рек Сох и Исфара⁴⁸.

Как отмечалось выше, кипчаки Ферганской долины входили и в состав киргизов. Киргиз-кипчаки жили в Чонкентской (390 человек), Памирской (80 человек), Нойгут-Кипчацкой (2360 человек), Чаткальской (580 человек), Узгентской (580 человек), Яссынской и Найманской (980 человек) волостях⁴⁹.

После Великой Октябрьской социалистической революции, с усилением процесса консолидации узбекской нации, некоторые локальные группы ферганских кипчаков слились с оседлыми узбеками и во время переписи 1926 г. называли себя узбеками. В связи с этим численность кипчаков сократилась, при переписи 1926 г. здесь называли себя кипчаками лишь 32,6 тысячи человек⁵⁰.

В долине Зарафшана в начале XIX в. насчитывалось 40 тысяч семей кипчаков⁵¹. Если в каждой семье в среднем было по пять человек, то можно полагать, что в указанный период число кипчаков здесь составляло около 200 тысяч. Переписью 1920 г. были зарегистрированы в долине Зарафшана лишь 52,1 тысячи

⁴⁴ Проект отчета туркестанского генерал-губернатора за 1881 г., СПб, 1885, стр. 24; Л. Ф. Костенко. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа, Материалы для географии и статистики России, т. I, СПб., 1890, стр. 326.

⁴⁵ Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике, вып. IV. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г., Ташкент, 1924, стр. 42, 55.

⁴⁶ Там же, стр. 49, 51.

⁴⁷ Там же, стр. 22 (табл. 13).

⁴⁸ Там же, стр. 24.

⁴⁹ Материалы Всероссийских переписей. Перепись населения в Туркестанской республике, вып. IV, стр. 49 (табл. 32).

⁵⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. XV, Узбекская ССР, ЦСУ СССР, М., 1928, стр. 145—149.

⁵¹ П. П. Иванов. Восстание ктай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг., стр. 3, 96.

кипчаков⁵². Разница в цифрах свидетельствует о том, что большая часть зарафшанских кипчаков в течение ста лет постепенно перешла к оседлости, утратив при этом племенное самосознание, и называла себя узбеками.

Они жили в основном в верховьях двух рукавов Зарафшана (Карадарьи и Акдарьи), в волостях Дагбитской (1781 чел.), Даульской (3071 чел.), Ишим-Аксацкой (7331 чел.), Каракалпакской (3572), Хальваинской (6258), Челекской (4974), Шахобской (3269). На остальной территории Самаркандского уезда небольшое число их было зарегистрировано в Ангорской, Джумабазарской, Кабудской, Махалинской, Сябской, Тюя-Тартарской волостях. В пределах Самаркандского уезда насчитывалось 40,5 тысяч кипчаков, в Каттакурганском уезде их было зарегистрировано 10,8 тысяч, а в Джизакском — 800 человек⁵³.

В бышем Бухарском ханстве, по более поздним данным. И. Магидовича, жили 14,4 тысяч кипчаков; в Бухарском оазисе — 10 тысяч, в том числе на канале Шахруд — 5 тысяч, на Вабкентдарье — 2,1 тысячи, в Шофиркенте — 1,7 тысячи. В Кермининском оазисе на арыке Нарпай жили 3,8 тыс. кипчаков. Небольшая группа (700 человек) была зафиксирована и в Кашкадарьинском оазисе⁵⁴.

В Хивинском ханстве насчитывалось 3810 кипчаков. Они располагались в районе Нового Ургенча, Шахабада и Кипчака. Незначительная группа их (500 человек) жила в г. Чимбае. По подсчетам И. Магидовича, кипчаков-каракалпаков насчитывалось 6,5 тысяч человек⁵⁵. Но он не учел многие родовые подразделения кипчаков.

Таким образом, в пределах нынешнего Узбекистана в начале XX в. насчитывалось более 127 тысяч человек, причислявших себя к кипчакам.

После победы Октябрьской революции и коллективизации сельского хозяйства произошло некоторое перемещение кипчаков, особенно коснулось это Ферганской долины. Например, группа кипчаков (около 200 семей) селения Гавазан (Янгикурганского района Андижанской области) в 1929—1938 гг. переселилась в селение Тойчи Регарского района ТаджССР; более 250 семей,

⁵² Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике, ч. I, вып. V, Поселенные итоги Самаркандской области, ЦСУ, Ташкент, 1924 (см. табл. 33, стр. 46—47).

⁵³ В Каттакурганском уезде кипчаки жили в основном на территории нынешнего Нарпайского района.

⁵⁴ И. Магидович. Население, Материалы по районированию Средней Азии, кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Бухара—Ташкент, 1926, стр. 206.

⁵⁵ И. Магидович. Указ. соч., ч. II, Хорезм, стр. 111, 112, 114. По данным 1912 г., кипчаков-каракалпаков в Амударьинском отделе насчитывалось 9200 человек. Они были расселены в Чимбайской, Беш-Ябской, Янги-базарской и других волостях. См.: Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950, стр. 45; Она же. Каракалпаки Хорезмского оазиса, стр. 509).

проживавших в горных селениях Ак-Джар, Купрюк-боши и в близлежащих районах, переехали в другие районы Ленинабадской области ТаджССР. Проживавшие около селения Ханабад (Папский район Ферганской области) кипчаки в разное время переселялись в колхозы и совхозы Фрунзенского и Кокандского районов, а также в г. Коканд и в районцентр Пап. Значительная группа (около 500 семей) в прошлом полусоседных кипчаков из Чадак-боши и Мазар-жой (теперь Янгиабад) обосновалась в Папском районе. Некоторые кипчацкие семьи в голодные годы (1916—1917) переселились из Ферганской долины в Среднечирчикский район Ташкентской области.

Нашей этнографической экспедицией (1961—1966 гг.) выявлено, что в одних селениях и районах число кипчаков резко уменьшилось, а в других — несколько увеличилось. Уменьшение их, очевидно, вызвано тем, что многие кипчаки утратили прежнее двойственное самосознание и причисляют себя также к узбекам. С другой стороны, по нашим полевым материалам, не все селения, где жили кипчаки, были зарегистрированы в переписях 1917 и 1926 гг.

Учитывая происшедшие изменения в расселении а также упущения переписей и изменения административно-территориального деления, мы попытаемся дать картину расселения кипчаков в бассейне Зарафшана и в Ферганской долине в конце XIX — начале XX в.

Данные о расселении кипчаков собирались нами также в период этнографических экспедиций (1961—1970 гг.). Сведения о местах обитания и примерной численности жителей кипчацких селений в прошлом, собранные опросным путем, сверялись со старыми списками жителей данных населенных мест, хранящимися в сельских советах и в правлениях колхозов. Они существенно дополняют неполные сведения переписей. Следует отметить, однако, что поскольку в наше время в процессе интенсивной консолидации узбекской нации кипчаки окончательно слились с узбеками, большинство их не помнят о своей бывшей принадлежности к кипчакам. Потому мы не можем гарантировать полноту и точность нижеперечисленных нами списков селений, в которых жили кипчаки до революции и в которых теперь живут их потомки⁵⁶.

⁵⁶ В Ферганской долине селения узбеков, причислявших себя в прошлом к кипчакам, были выявлены нами в следующих районах: Папском, Бувайдинском и Фрунзенском районах Ферганской области, а также в Чустском, Касансайском, Янгикурганском, Уйчинском, Нарынском, Учкурганском, Чинабадском, Избаскентском районах Андижанской области. На территории Папского района Ферганской области кипчаки жили компактными группами в селениях Чаркесар, Ханабад, Гурумсай, Чадакбаши, Мазар-жай, Курнас. Отдельные их семьи жили смешанно с другими узбекскими группами (курама, каракалпак, уйгур и др.) в селениях Булакбаши, Майдача, Арка-арык, Пунгон, в районцентре Пап и др. В нынешнем Бувайдинском районе кипчаки жили в крупном селении Бачкыр смешанно с другими группами узбеков. Из

В Андижанской области кипчаки были расселены компактными группами;⁵⁷ Здесь было сосредоточено, по нашим данным, более 80% ферганских кипчаков.

Отдельные группы кипчаков были расселены также на территории, входящей в состав Таджикской ССР⁵⁸.

Небольшая группа кипчаков зафиксирована в составе каракалпаков Ферганской долины⁵⁹.

Киргиз-кипчаки были расселены в основном в восточных и южных районах Ферганской долины; на теперешней территории Узбекской ССР они жили главным образом в Курган-тепинском районе Андижанской области, в селениях Эшанбай (ныне Хайдарабад), Суткан, Шамолбулак, Турчек, Какыр-кыпчок, Ташлак, Ходжамшукур, Маданият, Бешкалтак, Кызил-токай, Дардок-Тева, Кара-Багиш, Хидир-шо, Кара-Теит, Абдулла-бий, Тешик-Таш,

жителей этого селения более половины причисляли себя и своих предков к кипчакскому роду башкыр. В пределах Ферганской области кипчаки жили также в ряде селений нынешнего Джалалкудукского района и в г. Коканде. Эти кипчаки настолько слились с окружающим их узбекским населением, что установить более или менее точно расселение их предков здесь было невозможно. В пределах Фрунзенского района кипчаки проживали в селениях Кумкаялы, Тумор, а также по ущелью Кемешек-сая. Отдельные их семьи жили в ряде других селений этого же района.

⁵⁷ Чустский район. В селениях Кара-курбан, Арик-Буйи, Кара-Джугун, Сары-Камыш, Шур-Курбан, Дам, Балыкчи, Шур-Булак, Резак, Ворзык, Кизил-Таш, Каклик-Курбан, Карсан, Чакыр-Тукай, Машай, Чустнон, Аксуб-Махалла, Шурок, Шорилдок, Яйилма, Теракли-ер, Сойбуйи, Равот. Некоторые кипчакские семьи жили в крупных селениях Гова, Имом Ато, Алмос и др.

Кассансайский район. В селениях Аксуб, Булок-баши, Равот, Кайтмас, Ктай-сай, Кокумбай, Кара-шаар, Кара-сай, Сай-махалла, Каракол, Кизил-муш, Кул-бука, Кара-Джугун, Тергачи Исфайран, Гайда-булок. Несколько семей узбеков-кипчаков жили также в селениях Кюмазар, Букок, Гурмирон и др.

Янгикурганский район. В селениях Гавазон, Булакбаши, Гоистан, Радиван, Сассик-сай, Гулдиравук, Арик-баши, Сангистан, Кара-янтак, Гулби-хан, Корук, Бекабад-баши, Бештал, Балик-Мазар, Кизил-Рават, Пир-Рахат, Сутли-булок, Калишо и др.

Уйчинский район. В селениях Шолдирок-кишдак, Нагара-хана, Масит-махалла, Чек, Ханабад-арык. Отдельные семьи узбеков кипчакского происхождения жили также во многих селениях совхоза «Хизироват» Уйчинского района.

Нарынский район. В селениях Жайдок, Катта-улмас, Яшик, Шайитмазар, Жетти-кашка, Беш-капа. Некоторые семьи кипчаков были расселены также в Буритепа, Ташлаке, Кизилтепа.

Учкурганский район. В селениях Яшик, Хакулабад, Когай-улмас, Элатан, Куча-боши, Улжа-топ, Халпа-топ, Котта-топ, Бог-махалла, Хасан-бад.

Чинабадский район. В селениях Сиза, Киями, Сирмок, Пучугой, Актепа, Жетти-кашка, Тулки-абад, Товулди, Улмас, Савурхон, Курганча.

Избаскентский район. В селениях Янги-замон, Туячи, Кучай, поселок ГЭС, Кум-арик.

⁵⁸ Они жили в основном в селениях Кырк-кудук, Копрук-баши, Ак-Джар и по ущелью Сарваксай. Все эти селения находятся в нынешнем Ашском районе Ленинабадской области.

⁵⁹ Л. С. Толстова. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса, стр. 39.

Кампир-рават, Камбек, Кармыш, Укуз-Тева, Канди, Ак-Булак⁶⁰. В окружении узбекского населения киргиз-кипчаки жили также в селениях Пакана и Чекшура Ферганского района Ферганской области, в селениях Барат Ахунбабаевского района и Чилан-мазар Андижанского района Андижанской области⁶¹.

В Ферганской долине киргиз-кипчаки были расселены также на территории, входящей в состав Киргизской ССР. Большая компактная группа их жила в селениях северо-восточной части Баткентского района: Равот, Кабуд, Тегирмон. Некоторые семьи их жили и в селениях Шейхаман, Шураб, Самаркандык, Кара-Кулак, Кора-Токай, Ак-купрук. Компактная группа киргиз-кипчаков жила также в селениях Джида, Чокатюбе, Беговат Сузакского района Джалалабадской области, на территории селения Джекенды, Чолок, Корамыш, Батманкуль, а также в долинах Кульдуксу, Беркесу, Чон-Алайского района Ошской области. Отдельные группы киргиз-кипчаков в населенных пунктах Кремель и Кизилсангир Куршабского района составляли примерно 10% населения, а в долине Ченгетсу Сузакского района — 30%. Немало их было и в селениях Карача, Бешикджол Чонкурулуш Базаркурганского района; встречались они в селениях Сават, Кутчу и Жилкелды Карасуйского района, в долине Чоташ-сая, Тилляберды-сая Чаткальского района⁶², и в селениях Анна-Кылич и Какыр Узгенского района Киргизской ССР. Киргиз-кипчаки⁶³ жили также в селениях Кизил-мазар и Бассаранд Исфаринского района ТаджССР.

В бассейне Зарафшана, как отмечалось выше, основная масса кипчаков была расселена к северу от верховьев рек Акдарьи и Карадарьи (рукава р. Зарафшан), главным образом на территории нынешнего Пайарыкского района Самаркандской области, где они составляли, по нашим данным, около 45% узбекского населения данного района. Кипчаки были расселены также на

⁶⁰ Многие из этих селений указаны Я. Р. Винниковым в статье «Родоплеменный состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии», ТКАЭЭ, т. I, М., 1956, стр. 159.

⁶¹ Там же.

⁶² Из этих селений многие также перечисляются Я. Р. Винниковым в указанной статье.

⁶³ Небольшими группами киргиз-кипчаки оседали и в некоторых селениях Чуйской долины, в Прииссыккулье, Тяньшанской области Киргизской ССР (См.: С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 86). Одна из групп киргизов кипчацкого происхождения живет в Кашгарском оазисе Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики. К кипчакам принадлежит большинство оседлого киргизского населения и до 750 хозяйств из числа кочевого и полукочевого населения, проживающего к западу от г. Кашгара в горных местностях Айыгырт, Арчабель и др. и к югу от г. Янги-Гиссара в местностях Чумбус, Кенкол и др. (См.: С. М. Абрамзон. Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики, ТКАЭЭ, т. II, М., 1959, стр. 334).

территории Булунгурского, Пастдаргомского, Иштиханского, Нарпайского районов указанной области⁶⁴.

Группа кипчаков-каракалпаков зафиксирована в Кенимехском районе Бухарской области. Она жила у канала Кенимех⁶⁵.

Во многих селениях Самаркандской области кипчаки жили в окружении как древнего оседлого узбекского населения, так и других групп полукочевых узбеков, сохранявших в недалеком прошлом пережитки родо-племенного деления (ктай, кырк, туяклы, кунграт, найман, тюрк, нуратинские туркмены и др.), а также среди других народов (каракалпаки, татары, таджики, русские, украинцы и др.)⁶⁶. В таких крупных селениях, как Наримановка, Челака, Дагбит кипчаки издавна жили вместе с русскими, украинцами, татарами, таджиками и узбеками разных этнографических групп⁶⁷.

Таким образом, кипчаки были расселены во многих районах Узбекистана. Однако основная масса их двумя большими компактными группами жила в бассейне среднего Зарафшана и в предгорных районах Ферганской долины. Эти две группы кипчаков вплоть до Октябрьской революции жили обособленно, сохраняя некоторые особенности быта и языка, о чем будет сказано в последующих главах. В других вышеназванных районах

⁶⁴ По этнографическим материалам, собранным нами во время экспедиции. в Пайарыкском районе кипчаки были расселены в 146 селениях; компактными и наиболее крупными группами они жили в селениях: Махаммади, Джолтепа, в двух селениях под названием Сайдав; меньшими — в двух селениях Девакар, в трех селениях Чапрашлы, Эшимакас, Хопак, Эрназаркурбан, в трех селениях Айтмамалы, Карабаир, Торы-айгыр, Уразтай, Капа, Жиянбек, Майлибалта, Эмалаж, Топалас, Ялама, Нагохан, Ак-челек, Жетти-урув, Ходжа-Исмаил, Вали, Джувозхона, Ялоктепа, Хоса, Кара-камар и многих других. В Пастдаргомском районе — в селениях Джагал-байлы, с. Сары-биш, Кайирма, Дурмен, Синчи, Халфа, Уклон, Сары-кипчак, Галятюп, Чакка, Балаташ, Аузак, Ханчарбак и др.; в Иштиханском районе — в селениях Джагалтой, Карахани, Адил, Чинок, Аючи, Яр-баши, Джан-кази и др. В Булунгурском районе в селениях Чиртак, Каракесак, Кунжак-каракесак, Хурму, Турчек, Тугуспойтепа, Хазан, Газой, Нуш, Уйшунтепа, Айранчи, Сарыча, Боботепа, Джурьят, Наймантепа, Кара-кишлак, Равот, Сары-кипчак, Бешсары, Элатан, Дал-Разак, и др. В Нарпайском районе — в селениях Курганча, Чарвакбола, Явончатепа, Курган, Янги-курбан, Жевачи, Кара-кипчак, Явуз-хур, Ходжакурбан, Ак-ата, Туялы и др.

⁶⁵ Л. С. Голстова. Некоторые сведения о бухарских каракалпаках, Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1961, № 1, Нукус, стр. 27—39; Она же. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса, стр. 41—43.

⁶⁶ В Пайарыкском районе в селениях Хоса, Махаммади, Чукур, Майлиболта, Томойрот, Котур-булак и других, помимо кипчаков и оседлых узбеков, жили и по несколько семей узбеков-туркмен, найманов; в селениях Гузай, Каракалпак, Чураш жили также каракалпаки; в Турки-боло, Турки-пайин жили узбеки-тюрки; в селениях Магни, Равдон, Ревоч, Коштепа и других было много таджиков; в селениях Джурабай, Чолмоюн — узбеков-кырк и туяклы; в Батаначуклон, Явуз-хор часть жителей составляли узбеки-ктай.

⁶⁷ В селениях Ходжа-курбан, Актепа, Кадим, Ходжа-кишлак, Чайкал, Бозоржой, Карачигай и других в Нарпайском районе, помимо кипчаков, жили издавна отдельные семьи родо-племенных групп узбеков: кунграт, найман, ктай и др.

жили лишь отдельные, оторванные от основной массы разрозненные группы, которые уже накануне Октябрьской революции фактически сливались с окружающими их узбеками.

РОДО-ПЛЕМЕННОЕ ДЕЛЕНИЕ КИПЧАКОВ

Кипчаки Ферганской долины конца XIX — начала XX в. подразделялись на четыре больших группы: кипчаки (или таза-кипчак), киргиз-кипчак, ктай-кипчак и сарт-кипчак.

К и п ч а к и, или, как они себя называли, таза-кипчак (букв. «чистокровные» кипчаки) — это потомки тех кипчаков, которые переселились в Ферганскую долину в XVI—XVIII вв. из районов средней и нижней Сырдарьи.

Кипчаки в конце XIX — начале XX в. делились на множество родовых групп, из которых, как нам удалось установить, в Ферганской долине жили следующие: кугай, бугач, кумушой, улмас, яшик, жайдок, пучугой, элатан, бугаз, огим, таз, сирмок, джетти-кашка, кутлук-саид, черик, кокмоюн, торы-айгыр (или турт-огайни), турт-той, товулди, чангарокчи, чиял, кулон, ак-буйра, карабовур, башкырт, тикан, кара-тикан, сары-кипчак, карамоюн.

Из перечисленных родов первые 13 издавна жили почти по всей Фергане, а остальные — лишь в отдельных районах. Например, потомки кипчаков-черик были обнаружены нами только в Чустском районе, кутлук-саид — в селении Кара-джулгун того же Чустского района, близ селения Куюмазар Кассансайского района. В селениях Юкори-топ, Урта-топ, Куйи-топ (недалеко от вышеуказанного селения Куюмазар) жили кипчаки кок-моюн. Кипчаки торы-айгыр, турт-той и чангаракчи были расселены на территории нынешнего Избаскентского района; кипчаки ак-буйра, кугай, чиял — в селении Куранас Папского района; кара-бовур — в селении Ханабад того же района, а товулди — в селении Товулди Чинабадского района⁶⁸. Кипчаки карамоюн были расселены в селениях Карамоюн, Кипчак-карамоюн, Чек-карамоюн Бешарыкского (ныне Риштанского) района. Названия этих трех селений указанного района происходят от прежних родовых наименований их жителей⁶⁹.

Некоторые из указанных выше родовых делений, а именно: яшик, улмас, бугач, жайдок, кугай, илатан, огим, кумушой, тикан, турт-той, сары-кипчаки, таз были упомянуты в исследованиях Ш. И. Иногамова. Многие упомянутые выше названия кипчаков закрепились в топонимике Ферганской долины⁷⁰.

Старожилы из среды узбеков-кипчаков, с которыми нам пришлось беседовать, не помнят деления вышеприведенных родов на еще более мелкие родовые подразделения, как это было у киргиз-

⁶⁸ Материалы по районированию Узбекистана, Самарканд, 1926, стр. 5.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Материалы Всероссийских переписей 1920 г., вып. IV, Сельское население Ферганской области, по материалам переписи 1917 г. Приложение № 1 (список населенных мест).

кипчаков, кипчаков бассейна Зарафшана, а также у многих других родо-племенных групп узбеков. Это не значит, что ферганские группы кипчаков вообще не имели в прошлом системы мелких родовых подразделений. По всей вероятности, они у них были. Не исключена возможность, что многие из приведенных выше родовых названий были прежде мелкими, а некоторые крупными родовыми подразделениями.

Крупными родами, очевидно, были роды кулан, улмат, элатан, яшик, джетти-кашка, которые в 1840—1850 гг. имели своих предводителей из числа феодальной знати⁷¹. Многие перечисленные выше родовые названия, вероятно, входили в состав упомянутых пяти крупных родов. Но в период межфеодалных войн и политических конфликтов, происходивших между кипчаками и кокандскими правителями в 50—60 гг. XIX в., бывшая система родо-племенного деления кипчаков распалась и основной ячейкой впредь оставались отдельные роды, которые нам удалось зафиксировать.

Этнографическим исследованием выявлено также, что в некоторых селениях компактно жили несколько кипчацких родовых групп. Например, в селении Ханабад (Папский район) и других жили кипчаки яшик, огим, кумушой, пучугой, жайдок, элатан и тикан. Поселение их в одном месте (кишлаке), несомненно, говорит об их бывших тесных родственных связях. Кипчацкие роды кугай, кумушой, по преданиям, считали себя «детьми одного отца» (предка). В прошлом, в периоды военных походов, они объединялись и действовали совместно. Боевым кличем их было «кучярок». Они имели общие районы летних кочевий. Роды пучугой и элатан также считали себя потомками одного предка. Приведенные данные, хотя и очень скудные, все же свидетельствуют о том, что кипчаки Ферганской долины в сравнительно недалеком прошлом делились на ряд крупных родов, включавших в свой состав и мелкие родовые деления.

К и р г и з - к и п ч а к и — группа кипчаков, которые с давних времен находятся в составе киргизов. По-видимому, не всех кипчаков, расселившихся в прошлом на территории Киргизии, следует включать в состав киргиз-кипчаков, которые жили в Южной Киргизии и входили в состав киргизской группы ичкилик. К киргиз-кипчакам следует отнести и некоторую часть кипчаков, расселившихся в Кашгарском округе Синьцзяна.

Согласно данным Н. Аристов⁷², в составе кипчаков Кашгара имеется ряд родовых делений: сарт-кипчак, киргиз-кипчак, карабайтал и торы-айгыр-кипчак. Говоря о кашгарских кипчаках, С. М. Абрамзон указывает на три их подразделения: тогуз-кипчак, товуз-кипчак и кара-кипчак⁷³. Из этих родовых делений

⁷¹ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, Казань, 1886, стр. 155.

⁷² Н. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов и кара-киргизов..., «Живая старина», вып. III—IV, СПб., 1894, стр. 429, 435.

⁷³ С. М. Абрамзон. Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики, ТКАЭЭ, вып. II, стр. 338.

сарт-кипчаками, подобно сарт-кипчакам Ферганской долины, называли оседлую часть кашгарских кипчаков. Возможно, они получили это название как прозвище от своих кочевых сородичей вследствие перехода к оседлости. Этнонимы «тогуз-кипчак», «торы-айгыр-кипчак» и «кара-кипчак» (см. о них несколько ниже) имелись и у узбеков-кипчаков. Причем в составе узбеков-кипчаков они являлись значительными родами и относились к числу групп, переселившихся из Дешт-и Кипчака в конце XVII — начале XVIII в.

Кара-байтал — древний кипчакский род, но время переселения его в Кашгар установить трудно. Киргиз-кипчаки и, видимо, тогур-кипчаки, а также значительная часть киргиз-кипчаков Южной Киргизии, вероятно, являются остатками тех древних кипчаков, которые в VI—VII вв. переселились с Алтая на территорию Монголии и Тувы и вошли в состав Восточно-Тюркского каганата, затем (с VIII в.) были подчинены уйгурами, а в X в. вошли в состав киргизов.

Отдельные группы киргиз-кипчаков Северной Киргизии (Чуйской долины, Прииссыкулья и Тяньшанской области), а также киргиз-кипчаки Ферганской долины, по всей вероятности, связаны по происхождению с дештикипчакскими узбеками. Об этом свидетельствует сходство родового деления как в составе киргиз-кипчаков, так и кипчаков в составе узбеков.

В период этнографической экспедиции 1961 г. в Ферганскую долину нам удалось выявить следующие названия родовых подразделений, имевшихся у киргиз-кипчаков: таз, ходжамшукур, шердан, омононг, джамононг, кармыш, жартивош, хидирша, торы-айгыр, овот, кызыл-аяк, ахтачи, алтика.

Указанные родовые деления, кроме хидирша и овот, еще до нас были учтены Я. Р. Винниковым⁷⁴.

Киргиз-кипчаки большими компактными группами жили на территории Кургантепинского района Андижанской области УзССР, а также в нынешних Баткентском, Сузакском, Чон-Алайском и в других районах Южной Киргизии⁷⁵.

Киргиз-кипчаки делились не только на многочисленные роды, но и на более мелкие родовые подразделения. Один из самых многочисленных по своему составу род джамононг имел следующие родовые подразделения: элатан, тейликул, текай, галча, кулвой, жолика, рай, чоквой, акбарак, умар.

Многие из указанных родовых подразделений в свою очередь делились на еще более мелкие (см. схему).

Среди родовых подразделений самым многочисленным было кулвой. Потомки этой группы проживают ныне в селении Кулвой Кургантепинского района Андижанской области.

⁷⁴ Я. Р. Винников. Родоплеменный состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 159, 160.

⁷⁵ Подробно о расселении киргиз-кипчаков в Ферганской долине см.: Я. Р. Винников. Указ. соч., стр. 159—160.

Структура родового деления кипчаков джамононг

Род хидирша имел в своем составе следующие деления: кошой, сары, канды (канглы); род торы-айгыр — эшмат, курмат, ковалы, казах, азберды⁷⁶; род кызыл-аяк — конгурбай, тати (или тат), жеткан, хормачи, кочачи, быйло.

Помимо выявленных нами, Я. Р. Винников зафиксировал еще ряд других родовых групп⁷⁷.

По записанным нами преданиям, ктай-кипчаки — эта родо-племенная группа, которая некогда откололась от кипчаков, обитавших в приаральских степях, на нижнем и среднем течении Сыр-дарьи. Часть их входила в состав узбеков. Они жили главным образом в окрестностях г. Коканда. Однако основная их масса, в период преследования кипчаков правителем Коканда Худоярханом, в 50-е годы XIX в., вынуждена была покинуть Кокандское ханство и расселиться на территории нынешнего Баткентского района, влившись в объединение киргиз-ичкилик. Указанная группа ктай-кипчаков делилась на три крупных рода: кара-ханкулы, сары-жанкулы и тогуз-уру; последние считали себя бекским родом⁷⁸.

Незначительное число ктай-кипчаков, считавших себя узбеками, жило на среднем Зарафшане (главным образом в Дагбитской волости), они были зафиксированы переписью 1920 г.⁷⁹ Значительная группа под названием кипчак-ктай-каракалпак еще в 70-х годах XIX в. отмечалась А. Гребенкиным среди каракалпачков долины Зарафшана⁸⁰. Ктай-кипчаки были и в составе казахов — так назывался один из родов казахского племени кипчак⁸¹. Ктай-кипчаки были отмечены в начале XVIII в. и в составе ногайцев Крыма и Северного Кавказа⁸².

Все эти данные, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что в прошлом в составе узбеков наряду с родо-племенными объединениями ктай и кипчак имелась еще отдельная группа — ктай-кипчак. Однако эта группа не была этнически единой.

В некоторых источниках⁸³ родо-племенные объединения ктай и кипчак долины Зарафшана называются парным объединением — ктай-кипчак. Но это объединение было относительным. Как ктай, так и кипчаки составляли самостоятельные этнические единицы, имели свои (отличные друг от друга) родовые подразделения, отдельные тамги и боевые кличи (уран). Во главе ктаев, как и кипчаков, стояли свои правители — беки. Но территории их рас-

⁷⁶ Согласно данным Я. Р. Винникова, род торы-айгыр делился на два родовых подразделения: курбанке и есенкул. Первое, в свою очередь, подразделялось еще на мелкие деления: шурке, устанкул, устакошой, шанизар и артык. (Я. Р. Винников. Родо-племенный состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 160, рис. 12).

⁷⁷ Я. Р. Винников. Указ. соч., стр. 160, рис. 12.

⁷⁸ Полевые записи автора, V, 1961.

⁷⁹ Материалы Всероссийской переписи 1920 г. ..., ч. 1, вып. V, Поселенные итоги Самаркандской области, Ташкент, 1924, стр. 43, табл. 32.

⁸⁰ А. Гребенкин. Узбеки, стр. 99.

⁸¹ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 75.

⁸² П. П. Иванов. Восстание ктай-кипчаков в Бухарском ханстве, стр. 29.

⁸³ Там же, Приложение.

селения издавна соприкасались друг с другом. Ктай и кипчаки предпринимали совместные походы против общих врагов, вели торговлю между собой, участвовали в конно-спортивных играх, в свадебных угощениях и т. д. Все эти данные говорят о том, что между ними не было прямых родственных связей, а существовали военно-политические и исторические связи. Известный исследователь П. П. Иванов отмечает: «Единство ктаев и кипчаков носило в действительности, по-видимому, скорее характер внешнего политического союза, чем внутреннего родства или объединения. Дело в том, что родовая структура и боевые кличи (ураны) у обоих племен были совершенно различны»⁸⁴.

Контакты кипчаков с ктаями, этноним которых связывают обычно с карактаями (киданами)⁸⁵, могли быть установлены еще в XII в., когда последние завоевали Семиречье и значительную часть Мавераннахра и границы захваченных ими территорий соприкасались с Дешт-и Кипчаком и Хорезмом, где и кочевали тогда кипчаки⁸⁶. После монгольского завоевания (начало XIII в.) многие племенные союзы, кочевавшие в Дешт-и Кипчаке и отчасти на территории Хорезма, распались. Однако вскоре они снова объединились на той же территории или на новых местах поселений. Кипчаки и ктай, видимо, исходя из бывших дружественных связей, поселялись рядом, на смежной территории. Отдельные локальные группы их, в частности ктай и кипчаки Зарафшанской долины, впоследствии превратились в сильный политический союз, сохраняя в нем свою племенную обособленность.

Но, помимо самостоятельных родо-племенных объединений ктай и кипчак, как мы указывали выше, в составе узбеков и других народов существовали и особые родо-племенные группы под названием ктай-кипчаки. На наш взгляд, это остатки какого-то союза кипчаков и ктай, существовавшего еще до переселения кипчаков в Мавераннахр.

О времени возникновения и распада этого объединения пока трудно сказать что-либо определенное, ибо в трудах отдельных

⁸⁴ П. П. И в а н о в. Указ. соч., стр. 29. О ктай-кипчаках см. еще: Т. А. Ж д а н к о. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 114—116. Отдельные авторы высказывали мнение о том, что ктай и кипчаки бассейна Зарафшана слились друг с другом так, что можно считать их одним племенем (см.: В. В. Р а д л о в. Средняя Зарафшанская долина, ЗРГО, по отд. этнографии, т. VI, стр. 61) и что их «связывают узы близкого родства» (А. Г р е б е н к и н. Узбеки, стр. 39). Однако наши данные, собранные в период этнографических экспедиций 1961—1970 гг., говорят о том, что ктай и кипчаки были самостоятельными родо-племенными объединениями.

⁸⁵ О киданях (каракидан) см. подробно: В. В. Б а р т о л ь д. Очерки истории Семиречья, в кн.: В. В. Б а р т о л ь д. Соч., т. II, ч. I, М., 1963; стр. 48—56; Он же. История Туркестана. Указ. соч., стр. 131—138; История Узбекской ССР, т. 1, Ташкент, 1967, стр. 382—387.

⁸⁶ Кипчаки в Хорезме жили еще в 30—40-х годах XI в. См. А б у л - Ф а з л Б е й х а к и. История Мас'уда. 1030—1041. Перевод и примечания А. К. Арендса, Ташкент, 1962, стр. 124, 602.

авторов, рассказывающих о событиях послемонгольского периода, этнонимы ктай и кипчак упоминаются раздельно⁸⁷. Можно лишь предположить, что ктай-кипчакское объединение возникло в середине XVII в.

Образование этого объединения могло быть вызвано в тот период рядом причин. В середине XVII в. число кипчаков и ктай, обитавших на среднем течении Сырдарьи, значительно уменьшилось. Часть их в течение XV—XVI вв. постепенно переселялась в земледельческие оазисы и жила в пределах нынешней Бухарской области. Значительные группы кипчаков, как уже говорилось, селились и в Ферганской долине. При постоянных войнах, сравнительно малочисленные группы кипчаков и ктай не в силах были защитить свои кочевья и скот. Возникла необходимость образования ктай-кипчакского союза. Еще более серьезной причиной объединения могло стать нашествие джунгар в середине XVII в. на районы Южного Казахстана. Против джунгар вели упорную борьбу казахи, каракалпаки и некоторые племенные объединения, в том числе ктай-кипчаки. Однако выдержать превосходящую силу джунгар было трудно. После серьезного поражения, нанесенного джунгарами, ктай-кипчакский союз, очевидно, распался. Некоторая часть ктай-кипчаков (а также и каракалпаков) вынуждена была еще тогда (во второй половине XVII в.) переселиться в Зарафшанскую долину, где издавна жили их родичи — ктай и кипчаки.

Значительная часть кипчаков и основная масса каракалпаков во второй половине XVII — начале XVIII в. оставались на среднем и нижнем течении Сырдарьи⁸⁸. Оставшиеся здесь ктай-кипчаки, видимо, входили в состав каракалпаков и расселялись вместе с ними в низовьях Амударьи и Южного Приаралья, а также в бассейне Зарафшана. Некоторая часть ктай-кипчаков держалась обособленно и, перебравшись (в конце XVII — начале XVIII в.) в Ферганскую долину, расселилась в окрестностях Коканда, а затем на территории нынешнего Баткентского района Киргизской ССР. Так можно объяснить, учитывая историческую обстановку XVII—XVIII вв., возникновение и переселение родоплеменных групп ктай-кипчаков в культурные области Мавераннахра и Хорезма.

Сарт-кипчаками называли себя те группы оседлых кипчаков, предки которых жили в Ферганской долине еще в XV—XVI вв. Их число значительно пополнилось и за счет оседания более позд-

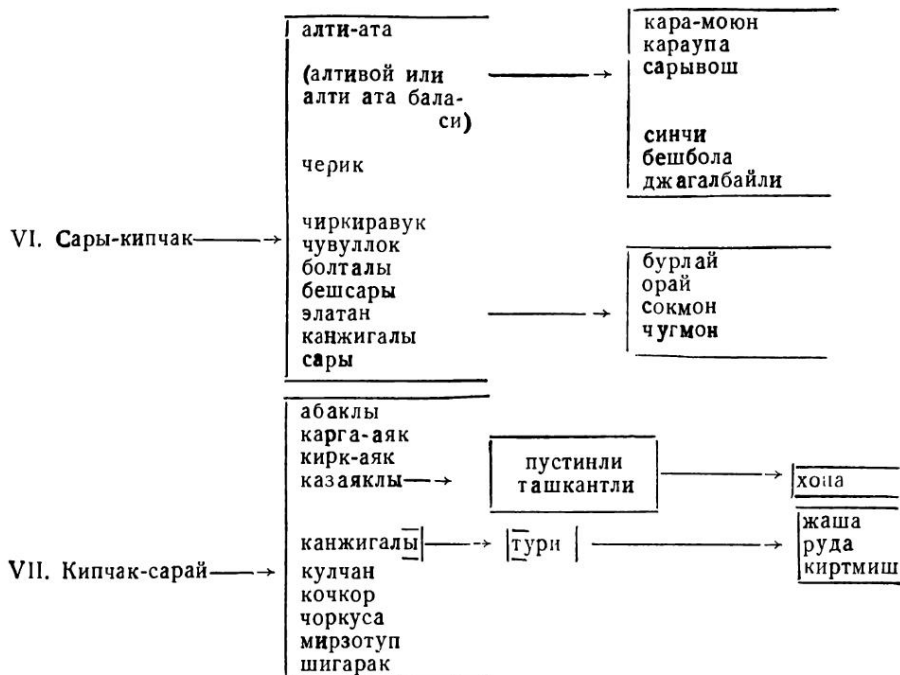
⁸⁷ Ахсикенди. Маджмӯ 'ат-таварих. Фотографическая репродукция отрывков рукописного текста, введение и указатели. Подготовил к изданию А. Т. Тагирджанов. Л., 1960, л. 116, 186, 336, 346, 50а6, 60 б; А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского, стр. 57.

⁸⁸ Подробно о каракалпаках см.: П. П. Иванов. Очерки истории каракалпаков, в Сб.: Материалы по истории каракалпаков, Труды Ин-та востоковедения АН СССР, т. VII, М.—Л., 1935; Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, М.—Л., 1950; Л. С. Толстова. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса в XIX—начале XX в., Нукус—Ташкент, 1963.

них (XVIII в.) кипчаков, которые разместились в предгорных районах Ферганы и вплоть до XIX — начала XX в. вели полуседлое хозяйство. Хотя у этих групп сохранилось родовое деление, они помнят о принадлежности их предков к племени кипчак.

В долине Зарафшана, как видно из материалов полевых исследований, в конце XIX — начале XX в. жили следующие группы узбеков-кипчаков:

I. Тогузурув (токуз) или тогузбай	карауз чураш чалногай чалмоюн уразтай крымхожа джагалбайлы туяклы аючи	
II. Джеты-урув	айтамгалы коштамгалы сиргалы камчилы джуванлы саманотлы чумучлы	
III. Парча-кипчак	уштамгалы торы-айгыр, или торттамгалы канжигалы чапрашлы кара-кесак-чир-так былтинг токал	узун чекли бакалчок чувуллок
IV. Ак-кипчак	джагалтай шегарбай бурибай ак-пичак пичакчи	кулжаман шаназар карахан
V. Кара-кипчак	кара-кипчак кара-бойир кара-моюн кара-найман	гумбаз батал ковац

К и п ч а к - с а р а й были одной из родовых групп крупного узбекского племени сарай. Они жили по среднему и верхнему течению Кашкадарьи, в Каршинской степи и в долине Зарафшана⁸⁹.

Род кипчак-сарай образовался, видимо, в недалеком прошлом из кипчаков и сарайцев. Следует указать, что кипчацкие элементы в нем незначительны. Только два родовых подразделения, входивших в состав рода кипчак-сарай, можно отнести к кипчакам — канжигалы и тору. Остальные родовые подразделения, видимо, относятся к племени сарай.

Небольшая группа родовых объединений ногай-кипчак и кипчак-казах, видимо, также образовалась в долине Зарафшана в течение XVII—XVIII вв. из групп ногайцев и казахов.

Помимо указанных выше родов и родовых подразделений, среди кипчаков долины Зарафшана имелись и такие группы, как тана, ойрат, бокалчек, бешбормок, будак, журнат, каландар, чангарокчи (последние встречались и в составе ферганских кипчаков). Наши собеседники, происходившие из указанных мелких родовых групп, считали себя принадлежащими к кипчакам. Но они не могли сказать, к какому родовому подразделению кипчаков относилась группа в прошлом.

⁸⁹ Согласно материалам Х. Ташева (см. Х. Ташев. Культура и быт животноводов Зарафшанской долины (конец XIX—60-е гг. XX в., стр. 16), род кипчак-сарай (в составе племени сарай) долины Зарафшана имел шесть подразделений: чора-куса, найман, шигали, казаяклы, канжигалы и абаклы.

Из перечисленных выше подразделений узбеков-кипчаков наиболее многочисленным было тогуз-урув (или тогуз-тогузбай). Оно было расселено в основном на территории Пайарыкского района Самаркандской области в следующих селениях: Ак-челек, Джу-возхона, Ялактева, Джигирматева, Хоса, Чукур, Махаммади, Чураш, Майлыбалта, Джурабай, Чалмоюн, Пасхийра, Моллатахир, Хупаки, Эмалаж, Кампирулди, Джултева, Кипчак, Аккурган, Чумучлы, Карры, Туркболо, Сарияк, Эрназаркурган, Эшимаксак, Султангази, Уразтай, Мирхошим, Шеркурган, Урдабазар, Козигуз-зар, Киёт, Адил, Чинок, Аючи. Некоторая часть жила в селениях Туяклы Пастдаргомского и Нарпайского районов.

В нынешнем Пайарыкском районе были расселены также следующие родовые группы кипчаков: джеты-урув, жившие компактно в селений Джеты-урув и в четырех селениях, носящих название Айташгалы; парча-кипчак — в селениях Рават, Чапрашлы (под этим названием известны два селения), Уртасайдав, Каттасайдав, Тупалос, Казанходжа, Коштегирмон, Каллакесар, Бакалчак, Буйрачи, Уклан, Карки, Чапрашлы, Хазан, Газой. Компактными группами парча-кипчаки жили также в селениях Рават, Уртакишлак, Каракишлак, Чиртак, Каракесак, Нуш, Наймантепа, Хурму Булунгурского района. А ак-кипчаки были расселены в следующих селениях Пайарыкского района: Бури, Поник, Пилон, Каракамар, Дунгхийра, Чоршанби, Хакори, Чоштева, Вали, Тентак, Карахо-ни, Курмулло, Махалла, Тезакчи, Шуртево. Они жили также в селениях Джагалтай, Кулжаман, Шаназар Иштиханского района. Кара-кипчаки жили компактными группами, главным образом в селении Кара-кипчак Пайарыкского района, Калталяр и Кара-кипчак Нарпайского района и Кара-кипчак, Ковон, Гумбаз, Кушкудук Пастдаргомского района. Сары-кипчаки жили в крупном селении Джагалбайлы Пастдаргомского района, а также в селениях Сары-кипчак, Наманган-кишлак, Келдон, Газ-кунграт, Бешсоры, Элатан, Бурлак, Урай, Сукмон Булунгурского района.

В Пастдаргомском районе (в селении Кизил-Рават) среди каракалпаков в прошлом жила небольшая группа (около 70 семей) кипчаков, относивших себя к кипчак-сараям⁹⁰. Другая группа их (около 20 семей) жила в селении Сарай-кипчак Булунгурского района. Основная часть узбеков — потомков кипчаков-сарай, живет в Чиракчинском районе (в селениях Мирза туп, Тури, Пустунли, Руда, Шагарак Араббанди, Туртжилга, Кулган, Уйшун, Жама и др.) и в Шахрисабзском районе Кашкадарьинской области (в селениях Канжигалы, Хужабог и др.). Некоторая часть этой группы поселилась смешанно с другими группами узбеков в Камашинском и в северо-западной части Гузарского района той же Кашкадарьинской области.

⁹⁰ Расселение небольшого количества кипчак-сараяв в Самаркандском уезде было отмечено переписью 1920 г. Материалы Всероссийской переписи 1920 г., ч. 1, вып. V. Поселенные итоги Самаркандской области, Ташкент, 1924, стр. 43 (см. также табл. 32).

Такие роды, как ногай-кипчак, кипчак-казах, кипчак-туркмен были немногочисленными по своему составу. Ногай-кипчаки жили компактно в селении Рахим нынешнего Пайарыкского района Самаркандской области. В данном селении они были зафиксированы (72 хозяйства) еще в 70-х годах XIX в.⁹¹ Ногай-кипчаки настолько смешались с узбекскими кипчаками, что стали забывать о своей родо-племенной принадлежности. На вопрос, к какому крупному роду они относились в прошлом, старики отвечают, что «их предки относились к кипчакам, что они других родов, кроме кипчаков не знают». Только 85-летний старожил этого селения Дусумбабо сказал, что их предки называли себя «ногай-кипчаками». Кипчак-казахи в 70-х годах XIX в. жили в селениях Сарыбыш (78 дворов) и Кайирме (53 двора) Ангарского тумана (ныне Пастдаргомский район) Самаркандской области. Теперь они окончательно растворились в составе оседлых узбеков, и только самые старые жители указанных селений смутно помнят о принадлежности их в прошлом к кипчак-казахам. По данным А. Гребенкина, кипчак-казахи сюда переселились из-под Ташкента приблизительно в начале XIX в. По всей вероятности, они из тех групп кипчаков, которые были расселены в Ташкентском оазисе (в Кураминском уезде)⁹² и в конце XIX — начале XX в. слились с местным узбекским населением. Это подтверждается названием рода селений Кипчак Ташкентской области⁹³.

На родо-племенной состав кипчаков Зарафшанской долины впервые обратил внимание А. Д. Гребенкин. Он говорил о двух крупных родовых объединениях кипчаков: 1) о парча-кипчаках и их подразделениях: сары, уштамгалы, канжигалы; 2) тогуспой (по нашему списку тогузбай, или тогуз-урув) с подразделениями: кара-уз, чалмоюн, урустай, чал-ногай, чураш, дурттамгалы, джагал-байлы⁹⁴.

В. В. Радлов описывал кипчакские роды торттамгалы, сары-кипчак, тогуспой-кипчак (последних он называл тогузбой), обитавшие между Самаркандом и Хатирчи⁹⁵.

Родо-племенной состав кипчаков, как это видно из приведенных выше данных, был зафиксирован А. Д. Гребенкиным и В. В. Радловым не полностью. Первый указал только на два крупных рода и на несколько мелких родовых подразделений. В. В. Радлов назвал лишь три рода, но без мелких родовых делений. Такие крупные родовые объединения, как ак-кипчак, кара-кипчак, джети-урув и мелкие родовые деления, входившие в их состав, указанными авторами не были выявлены.

⁹¹ ЗРГО, т. IV, 1874, Список населенных мест Зарафшанского округа.

⁹² Там же,

⁹³ Материалы Всероссийской переписи 1920 г., ч. I, вып. III, Поселенные игоги Сырдарьинской области, Ташкент, 1923, см. приложение 1, 2.

⁹⁴ А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 100.

⁹⁵ В. В. Радлов. Средняя Зарафшанская долина, стр. 61.

В состав тогуспой-кипчак А. Д. Гребенкиным были включены только семь родовых подразделений, а торы-айгыр и крымходжа, входившие в состав того же тогуспой, не были указаны им. У этого автора сары-кипчаки показаны как подразделение парча-кипчаков, а по нашим данным они являлись в прошлом одной из крупных родовых групп кипчаков.

Как видно, А. Д. Гребенкин и В. В. Радлов не проводили глубоких исследований по выяснению родо-племенного состава кипчаков. При тщательном изучении и сборе этнографических данных в 70—80-х гг. XIX в. можно было выявить более точно систему их родо-племенного деления, ибо в памяти поколений того периода были еще свежи данные о принадлежности к определенным родам и мелким родовым подразделениям. Последующие поколения стали забывать родовую структуру. В 60-х годах нынешнего столетия лишь отдельные знатоки старины из числа старшего поколения могли нам кое-что сообщить о той родовой группе, к которой относились сами. Только путем сопоставления данных многих информаторов, как из среды кипчаков, так и из среды других родовых и этнических групп (мангыт, нуратинские туркмены, каракалпаки, таджики и др.), в окружении которых жили кипчаки, удалось восстановить вышеприведенный состав родовых подразделений кипчаков в прошлом.

И все-таки мы не можем претендовать на точность приведенной родовой структуры. Возможно, существовали и другие, уже забытые стариками подразделения и мелкие родовые группы; поэтому мы считаем восстановленную нами родо-племенную структуру кипчаков как Ферганской долины, так и бассейна Зарафшана лишь приблизительно точной.

Выше мы говорили в основном о родо-племенном делении кипчаков, которые проживали на территории Ферганской долины и долины Зарафшана, а также о родо-племенном делении киргиз-кипчаков, расселившихся на территории районов Андижанской области, в Южной и отчасти в Северной Киргизии.

Помимо этих районов потомки кипчаков живут на территории Хорезма. По данным К. Л. Задыхиной⁹⁶, кипчаки Хорезма объединялись под названием «сегиз уруг кипчак» (восемь родов кипчаков): канглы — канжигалы, шункорли — туяклы, уйшун — ойрот, тама — болгалы. Кроме этих «парных» родов, здесь имелись и кипчацкие роды кара-кипчак и асс.

Как видно из приведенных данных, названия ряда родовых делений кипчаков Хорезма (канжигалы, туяклы, болгалы, кара-кипчак) совпадают с названиями кипчаков долины Зарафшана, что свидетельствует об их общем происхождении.

⁹⁶ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, ТХАЭЭ, т. 1, стр. 341; Она же. Культура и быт узбеков Кипчакского района, ТХАЭЭ, т. II, М., 1958, стр. 769.

**НЕКОТОРЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В РОДО-ПЛЕМЕННОМ ДЕЛЕНИИ
КИПЧАКОВ И ДРУГИХ УЗБЕКСКИХ ПЛЕМЕН,
А ТАКЖЕ КАРАКАЛПАКОВ, КАЗАХОВ, КИРГИЗОВ И ДР.**

Наименования кипчакских родов встречаются в составе многих других узбекских родо-племенных групп и родственных им народов — каракалпаков, казахов, киргизов, башкир, ногайцев и других, что свидетельствует об их этнических связях в прошлом.

Прежде всего рассмотрим три крупных кипчакских рода: ак-кипчак (белые кипчаки), кара-кипчак (черные кипчаки) и сары-кипчак (желтые кипчаки). Эти этнонимы известны еще из ранне-средневековой истории кипчаков.

В середине XII в. у Идриси упоминаются «белые и черные куманы» (кипчаки-половцы); эти этнонимы, видимо, соответствуют среднеазиатским ак-кипчак и кара-кипчак. Белые куманы на карте Идриси размещены в приднепровских и придунайских степях, а черные куманы — по Дону и в Приазовье⁹⁷.

С распадом Золотой Орды (конец XIV в.) и образованием Ногайского союза многие племена (в том числе и кипчаки) вошли в состав этого союза. Но сведения о кипчаках, входивших в него, в исторических источниках встречаются только с середины XVI в.⁹⁸ После распада Ногайского союза определенная часть кипчаков вошла в состав ногайского народа, где они в конце XIX — начале XX в. упоминаются как в составе ак-ногайцев, так и кара-ногайцев⁹⁹.

Кара-кипчаки в конце XIX в. жили среди ногайцев Перекопского уезда (в Евпатории)¹⁰⁰, а где жили ак-ногайцы и ак-кипчаки выяснить не удалось. Родовые группы ак-кипчак и кара-кипчак имеются и в составе племени кипчак (кыпсак) башкир.¹⁰¹ Они попали к башкирам, видимо, после распада Ногайского союза, в котором являлись одним из многочисленных компонентов.

Впоследствии определенная часть кипчаков, в том числе и кара-кипчаки, вошла в состав казахского народа.¹⁰² Группы кара-кипчаков имеются и в составе каракалпаков ККАССР.¹⁰³ Небольшая группа их зафиксирована в составе узбеков Хорезма¹⁰⁴ и Фер-

⁹⁷ Б. А. Рыбаков. Русские земли по карте Идриси 1154 г., стр. 114 и рис. 14.

⁹⁸ Продолжение Древней российской вивлиофики, ч. X, СПб., 1795, стр. 159.

⁹⁹ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты, М.—Л., 1940, стр. 132—133 и след.

¹⁰⁰ А. Харузин. К вопросу о происхождении киргизского народа, стр. 55.

¹⁰¹ Р. Кузеев. Указ. соч., стр. 51.

¹⁰² В. В. Востров, М. С. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов, Алма-Ата, 1968, стр. 75.

¹⁰³ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 46.

¹⁰⁴ И. Магидович. Население. Материалы по районированию Средней Азии, кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. II, Хорезм, стр. 99; К. Л. Задыкина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, стр. 340.

ганской долине.¹⁰⁵ Кара-кипчаки имеются и в составе киргизского народа. Об этом свидетельствует наличие рода кара-кипчак среди киргизов Синьцзяна.¹⁰⁶ Однако значительная группа кара-кипчаков в конце XIX — начале XX в. жила в долине Зарафшана.

Сары-кипчаки, кроме кипчаков Зарафшана и Ферганской долины, в конце XIX — начале XX в. зафиксированы в составе каракалпаков среднего Зарафшана¹⁰⁷ и казахского племени кипчак.¹⁰⁸

Приведенные нами данные говорят о том, что кара-кипчаки, ак-кипчаки и сары-кипчаки являлись древними племенами или племенными объединениями кипчаков. Но на протяжении большого исторического периода этническая сущность их в значительной степени изменилась: кара-кипчаки, сары-кипчаки и ак-кипчаки дошли до нашего столетия как частицы бывших объединений. Под их названиями в последние периоды существования объединились отдельные разрозненные группы племен и родов как кипчакского, так и некипчакского происхождения.

Теперь скажем коротко об участии в этнической истории народов Средней Азии, некоторых родов и родовых подразделений, на которые делилось в конце XIX — начале XX в. каждое из вышеуказанных кипчакских объединений.

Ак-кипчак. Как уже говорилось выше, в состав ак-кипчаков входили роды джагалтай, шегарбай, бурибай (или бури), акпичак, пичакчи. Среди них наиболее крупным и многочисленным был род джагалтай, который, в свою очередь, членился на родовые подразделения — кулжаман, шаназар и карахан. Согласно преданию, которое нам удалось записать у кипчаков нынешнего Пайарыкского и Иштиханского районов Самаркандской области, Шегарбай и Джагалтай являлись в прошлом «потомками одного отца» — предка. А подразделения кулжаман, шаназар и карахан считаются потомками Джагалтая. Жители нынешних одноименных селений Иштиханского района, считаются внуками и правнуками Кулжамана, Шегарбая и Карахана. Речь идет о реальных предках, живших 80—90 лет назад.

Род джагалтай имелся в составе племени кипчак у каракалпаков низовий Амударьи¹⁰⁹ и у каракалпаков Бухарского оазиса.¹¹⁰

Род бури имелся не только у кипчаков Зарафшана, но и в составе киргизских племен адигена и азык.¹¹¹ Как рассказывал нам старожил селения Бури Пайарыкского района У. Беканов (1896 г.

¹⁰⁵ М. А. Терентьев. Статистические очерки среднеазиатской России, ЗРГО, т. IV, СПб., 1874, стр. 69.

¹⁰⁶ С. М. Абрамзон. Киргизское население Синьцзян-уйгурской автономной области Китайской Народной Республики, стр. 338.

¹⁰⁷ А. Д. Гребенкин. Указ. соч., стр. 99.

¹⁰⁸ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 75.

¹⁰⁹ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 45; Она же. Каракалпаки Хорезмского оазиса, стр. 509.

¹¹⁰ Л. С. Толстова. Указ. соч., стр. 42—43.

¹¹¹ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 112.

рождения), их предки-кипчаки переселились из Казахстана лет 80—100 назад.¹¹² Этническое название ак-пичак (ак-пышак) упоминается Бердахом среди каракалпаков. Эти данные Бердаха относятся к XVIII—XIX в. Ак-пичак были зафиксированы Н. Ситняковским как подразделение рода коштамгалы узбекского племени кунград.¹¹³ Род пичакчи не встречается среди других групп узбеков-кипчаков. Не исключено, что он попал в состав кипчаков из другого родо-племенного объединения, выяснить которое нам не удалось.

К а р а - к и п ч а к. В это объединение входили роды: кара-бойир, кара-найман. Потомки рода кара-кипчак, проживающие компактной группой (около 240 семей) в селениях Кара-кипчак, Ковон, Гумбоз и Батал нынешнего Пастдаргомского района Самаркандской области считали себя асли-кипчаками, т. е. коренными кипчаками. Членов родов кара-моюн, кара-кесек, кара-бойир они считают своими родственниками: «бир ота боласы» (дети одного отца — предка). Роды кара-найман, туяклы, по рассказам старожилов, примкнули к кипчакам значительно позже.

Этноним «кара-кесек» имеется и у казахов. Согласно С. А. Аманжолову, кара-кесек были одним из основных племен Средней Орды¹¹⁴. По другим данным, они входили в состав племен аргын той же Средней Орды¹¹⁵. Кара-кесек были и в составе Младшего жуза, являясь подразделением племени алчин.¹¹⁶ У киргизов было племя кесек и жоокесек.¹¹⁷ Роды молло-кесек и мярзо-кесек имелись и в составе узбекского племени туякли.¹¹⁸ Возможно, киргизский этноним «кесек» и «кара-кесек» казахов и узбеков-кипчаков были в прошлом генетически связаны.

Кара-моюн, кроме кара-кипчаков, входили еще в состав сары-кипчаков каракалпакского племени кипчак, жившего на террито-

¹¹² Полевые записи автора, V, 1966 г.

¹¹³ Н. Ситняковский. Генеалогическая таблица полукочевого узбекского рода кунград, Известия Туркестанского сддела РГО, т. VII, Ташкент, 1907 (см. таблицу).

¹¹⁴ С. А. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, Алма-Ата, 1959, стр. 16.

¹¹⁵ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, «Живая старина», вып. III, IV, стр. 393, 394; В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 75, 81; Кара-кисек казахов насчитывает шесть родов: чекли, кара-кисек, чю-мекей, дюрткара, каракете, карасакал (см.: В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 81). В 60-х г. XIX в. каракисеки среди казахов Омской и Семипалатинской областей имели в своем составе следующие родовые подразделения: чанчар, чекчек, кара-айтымбет, тюртаул-жайбулы, джаман-кара, коджасаркара, ескене, джалыкпас, аман, кутумбет, байбура, тобукты, тарақты, кирей, камбар, караул, альтеке, сарым-токсан, карсон, кирней, куянчи, тагай, калмак, мамадаир и кусчи (см.: Н. А. Аристов. Указ. соч., стр. 378).

¹¹⁶ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 81.

¹¹⁷ Я. Р. Винников. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 165, 168. Жоокесек выделился в самостоятельное племя из состава кесек. (См.: Я. Р. Винников. Указ. соч., стр. 166).

¹¹⁸ А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 69, 70.

рии Бухарской области.¹¹⁹ Значительная группа (250 хозяйств) кара-моюн входила в состав кипчаков Ферганской долины. Этноним «кара-моюн» встречается и у других тюрко-язычных народов — у каракалпаков в форме «кара-мойын»,¹²⁰ у киргизов племени нойгут¹²¹ и жетеген¹²², и др.

За неимением достоверных данных исторических источников трудно сказать что-либо определенное о происхождении рода кара-моюн. Однако, учитывая, что группы с этнонимом «кара-моюн» находились в прошлом в составе как ферганских, так и зарафшанских групп кипчаков, а также в составе каракалпакского племени кипчак, можно предполагать, что он был одним из родовых подразделений средневековых кипчаков.

Этноним «кара-бойир», помимо кара-кипчаков, встречался у мангытов долины Зарафшана.¹²³ Трудно сказать, к какому из этих двух родоплеменных объединений узбеков относился в прошлом род кара-бойир.

Кара-найман — один из основных родов узбеков-найман,¹²⁴ а также группы найман-киргизов.¹²⁵ Часть этого рода вошла в родовое объединение кара-кипчак, видимо, в первой четверти XIX в., т. е. когда зарафшанские кипчаки в союзе с племенем ктай восстали против бухарского правителя эмира Хайдара.

С ары (к)-к и п ч а к. Родовые подразделения сары-кипчаков: алты-ата (или алтивой), чиркиравук, чувуллок, болтали, бешсары, черик, элатан, канжигалы, сары.

Прежде всего об этническом названии «алты-ата» (шесть отцов). «Алты-ата» имелись в составе каракалпакского племени кипчак.¹²⁶ Казахское племя алимулы также называют еще алты-ата.¹²⁷

Названия родовых подразделений алты-ата у каракалпакских кипчаков и алты-ата у казахов алимулы отличаются от названий родов алты-ата узбекского племени кипчаков. Но, несмотря на это,

¹¹⁹ Л. С. Толстова. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса, стр. 41.

¹²⁰ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, См. табл. 6 (родоплеменная структура каракалпаков); Л. С. Толстова. Указ. соч., стр. 41.

¹²¹ Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 167.

¹²² С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 118.

¹²³ А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 87.

¹²⁴ Там же, стр. 82. Полевые записи автора, V, 1966.

¹²⁵ Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 163, рис. 15.

¹²⁶ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 45, 46. Роды алты-ата племени кипчак каракалпаков: сангмурын, естек, канжигалы, шунак, басар, толыс (См.: Т. А. Жданко. Указ. соч., стр. 46).

¹²⁷ У Х. Шалекенов. Казахи низовьев Аму-Дарьи, стр. 64; Казахское племя алты-ата (алимулы) делилось на роды: карасакал, кара-кесек, кете, торт-кара, шекты, шоменей.

у двух первых — каракалпакских и казахских кипчаков — имеется ряд родовых подразделений (канжигалы у каракалпакских кипчаков и кара-кесек, шекты — у казахов), которые исторически связаны со средневековыми кипчакскими родами и входили в состав других кипчакских родовых объединений долины Зарафшана.

Исходя из общности этнических элементов указанных племен, следует полагать, что в прошлом алты-ата было родовым объединением кипчаков¹²⁸ и после его распада под тем же названием вновь объединились роды как кипчакского, так и некипчакского происхождения.

Алты-ата сары-кипчаков имели в своем составе следующие шесть родовых подразделений: джагалбайлы, кара-моюн, кара-упа, сарывош, синчи, бешбала.

Родовое подразделение джагалбайлы имелось еще в составе узбекского племени пайман долины Зарафшана и курама Ташкентского оазиса. Джагалбайлы — один из родов джетыуру казахов Младшего жуза¹²⁹. Некоторая часть их вошла и в состав киргизов. На наш взгляд, джагалбайлы было одним из древних тюркоязычных племен, входивших в средние века в объединения кипчаков. Такое предположение делается на основе следующих данных.

Во-первых, основная масса джагалбайлы в изучаемый нами период (конец XIX — начало XX в.) находилась в кипчакской среде. Они имелись в составе кипчаков долины Зарафшана и узбеков Ташкентской области. Сюда они, видимо, пришли вместе с кипчаками в период нашествия джунгар (XVII — начало XVIII в.). Джагалбайлы входили и в состав родового объединения джетыуру (жетиру) казахов, которые также имеют некоторые исторические связи с кипчаками.

Во-вторых, наши собеседники, старожилы селения Джагалбайлы¹³⁰, Пастдаргомского района, говорили, что их предки с давних

¹²⁸ Этнические группы под названием алты-ата (или олти-ота) встречаются в составе ряда других родо-племенных объединений. Такое объединение в прошлом имело место и в составе племени кунграт у казахов (см. Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, и сведениях об их численности, «Живая старина», III, IV (стр. 370). Казахи-кунграт делились на двенадцать родов, из которых шесть назывались алты-ата — Коктынг-улы (шесть сыновей отца Кока), а остальные шесть — алты-ата Коктонгчу (шесть сыновей Коктонгчу). Племенное объединение «йигирма торт ота» нура-тинских туркмен делилось на четыре племени, каждое из которых называлось алты-ата: алты-ата канжигалы, алты-ата газаяклы, алты-ата богажилю и алты-ата айтамгалы. (См.: В. Г. Мошкова. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпак и туркмен. Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 148).

Многие из названных этнических групп (кроме канжигалы) в родоплеменном составе кипчаков не встречаются. Но канжигалы еще в XIII—XIV вв. входили в кипчакское объединение, о чем было сказано выше.

¹²⁹ В. В. Востров, М. С. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов, стр. 81.

¹³⁰ Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 152, рис. 7; С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 100.

времен связывали свое происхождение с сары-кипчаками джагалбайлы. Согласно их рассказу, в прошлом они жили вместе с кипчаками в Балхе (Афганистане). В долину Зарафшана переселились приблизительно в конце XVIII в. О переселившихся из Афганистана кипчаках имеются сведения, относящиеся к 70-м годам XIX в.¹³¹ Таким образом, джагалбайлы входили в прошлом в состав той группы кипчаков, которая проникла в культурные области Средней Азии еще в эпоху Тимура и Тимуридов. Видимо, еще в XIV—XV вв. некоторая часть джагалбайлы в составе кипчаков была переселена в Афганистан.

Из родовых подразделений алты-ата у сары-кипчаков род бешбала был зафиксирован в составе узбекского племени кунграт¹³² и каракалпаков, расселившихся на территории среднего Зарафшана¹³³. Очевидно, род бешбала некипчакского происхождения. В какое из указанных выше родоплеменных объединений он входил, сказать трудно.

Этноним «черик» (сары-кипчакского объединения) имеется у ферганских кипчаков. Черик — самостоятельное племя киргизов. Как родовое подразделение оно входило и в состав киргизского племени багыш¹³⁴. Под названием черикли зафиксированы группы в составе нуратинских туркмен¹³⁵.

Таким образом, основная масса черик вошла в состав киргизов. Однако в составе киргизского племени черик имелись дешт-и кипчакские и кипчакские элементы: уч-тамгалы, тору и куба¹³⁶. Как этническое название черик известно еще с VIII в. н. э.¹³⁷. По всей вероятности, черик являлось одним из древних тюркоязычных племен, вошедших впоследствии (в средневековый и позднесредневековый периоды) в состав различных племенных объединений и народностей (узбеков, киргизов и др.).

Подразделение бешсары, возможно, было одним из основных родов сары-кипчаков. Как и сарывош, бешсары могли быть в прошлом связаны со средневековым племенем сары, частицы которого, вероятно, переселились в культурные области Мавераннахра в составе кипчаков и других узбекских племен.

Чиркиравук, чувулдук, видимо, названия найманских родов, большая часть их находилась в составе найманов долины Зараф-

¹³¹ ЗРГО, т. IV. СПб., 1874, Список населенных мест Зарафшанского округа.

¹³² Н. Ситняковский. Генеалогическая таблица полукочевого узбекского рода кунграт, Известия Туркестанского отдела РГО, т. VII (см. таблицу).

¹³³ А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 99.

¹³⁴ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 49—52, 132.

¹³⁵ В. Г. Мошкова. Некоторые общие элементы в родо-племенном составе узбеков, каракалпаков и туркмен, стр. 150.

¹³⁶ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 50.

¹³⁷ С. М. Абрамзон. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи, стр. 50.

шана¹³⁸ и Каршинской степи¹³⁹. Болтали, один из родов найман-казахов, по мнению С. А. Аманжолова считались основным племенем Среднего жуза¹⁴⁰.

Мелкие родовые подразделения в составе элатан (бурлай орай, сокмон, чугмон), как мы полагаем, были образованы сравнительно недавно, обнаружить такие же названия среди других родо-племенных делений нам не удалось.

Таким образом, из указанных выше сары-кипчакских родов кипчакскими по происхождению являются, по-видимому, бешсары, сарывош, кара-упа, элатан, канжигалы, возможно, джагалбайлы. Найманские роды чиркиравук, чувуллок и болтали вошли в состав кипчаков уже в период пребывания их в долине Зарафшана в XVIII—XIX вв.

Тугузурув, тогуз (токуз), или тогузбай (девятиродные) — одна из родо-племенных групп кипчаков. Имест в своем составе следующие девять родов: карауз, чураш, чалмоюн, чалногай, уразтай, крымхожа, жагалбайлы, туяклы, аючи.

Тогузбай, помимо узбекских групп кипчаков встречаются у кипчак-каракалпаков Бухарской области¹⁴¹. В Кашгарском округе Синьцзяна живет значительная группа тогуз-кипчаков¹⁴². Некоторая часть их была расселена на территории Баткентского района Киргизской ССР. Согласно преданиям, они пришли сюда из Кашгара¹⁴³. На Алтае в конце XIX в. жил род (сеок) тогус¹⁴⁴. Некоторые группы тогузбаев зафиксированы в составе киргизских племен Северной Киргизии, в частности, в составе подразделений белек племени бугу и подразделений ай тамга племени саруу киргизов¹⁴⁵. Этноним тогуз встречается и в составе узбекского племени кунграт¹⁴⁶. У башкирского племени ай имелось родовое подразделение тугыз¹⁴⁷. «Токуз» встречается также в топонимии Южной

¹³⁸ Х. Ташев. Культура и быт животноводов Зарафшанской долины, стр. 14.

¹³⁹ Полевые записи автора, IV, 1966; V, 1969 г.

¹⁴⁰ С. А. Аманжолов. Указ. соч., стр. 9, 14, 16.

¹⁴¹ Л. С. Толстова. Некоторые сведения о бухарских каракалпаках, Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР, 1961, № 1, стр. 36 (см. схему родо-племенного подразделения).

¹⁴² С. М. Абрамзон. Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики, стр. 339.

¹⁴³ Полевые записи автора, V, 1961 г.

¹⁴⁴ В. В. Радлов. Средняя Зарафшанская долина, ЗРГО, т. VI СПб., 1880, стр. 61. Он же. Этнический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии, Томск, 1887, стр. 18. О роде тогус в составе алтайцев см. Л. Н. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 23, 24, 27.

¹⁴⁵ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 130. Этническое название «тогуз уул» (или уулу) зафиксировано среди киргизских подразделений улукыйра (племена монголдор) и чоро (племена чекир саяк), см.: С. М. Абрамзон. Указ. соч., стр. 130.

¹⁴⁶ Н. Ситняковский. Генеалогическая таблица полукочевого узбекского рода кунграт (см. табл.).

¹⁴⁷ Р. Кузеев. Указ. соч., стр. 55.

Молдавии, где жили некоторые группы кипчаков¹⁴⁸. Нам представляется, что этнонимы «тогузбай» и «тогуз» (или тогус) в прошлом служили названиями одного и того же тюркоязычного племени. Этноним «тогус», как указывает Н. А. Баскаков, сближается с «Тогуз-Огуз» орхонских надписей¹⁴⁹. Л. П. Потапов, разделяя мнение Н. А. Баскакова, пишет: «Название тогус невольно ассоциируется с именем Тогуз-Огуз, под которым было известно объединение ряда племен теле в VII—VIII вв.»¹⁵⁰.

По всей вероятности, некоторые группы из конфедерации теле (тогуз-огузов) переселились в Дешт-и Кипчак и вошли в состав кипчаков и других племенных союзов под этническим названием «тогус» или «тогуз». Отдельные группы тогуз вместе с кипчаками и другими узбекскими племенами в разное время, видимо, откочевывали в культурные области Мавераннахра и Хорезма, а оставшаяся в Дешт-и Кипчаке группа тогуз-кипчаков продолжала жить в составе кипчаков Среднего жуза вплоть до XVII—XVIII вв. В этот период, в связи с вновь возникшими политическими событиями, произошло очередное раздробление племен Южно-Казахской степи. Большие их группы вместе с кипчаками переселялись в долину Зарафшана, а некоторые проникли в Восточный Туркестан и осели в Кашгарии. Частицы их вошли в состав группы каракалпаков, переселившихся в пределы Бухарского оазиса.

Происхождение этнонима «карауз» связано с наименованием одного из древних тюркоязычных племен — уз. Значительная часть последних еще в IX—X вв. вошла в состав кипчаков, о чем было сказано выше. Караузы как крупный род или племя в составе узов существовали, видимо, еще в раннем средневековье. После нашествия монголов на южнорусские степи некоторая часть узов вместе с кипчаками была переселена на Балканы и вошла в состав османских турков¹⁵¹. Другая часть их в составе кипчаков продолжала кочевать в Дешт-и Кипчаке, а затем переселилась в долину Зарафшана.

Этноним «аю», помимо кипчаков долины Зарафшана, имеется еще у башкирских племен усерген (в форме «айу»), кипчак и ктай¹⁵², а также киргизского племени адигине и черик-саяк (у последних в форме «аюу»). Можно предположить, что все эти группы (аю, аюу, айу, аючи) генетически связаны. Разделение их произошло, видимо, еще в Дешт-и Кипчаке, в период вхождения их в состав погайского союза. В культурные области

¹⁴⁸ Н. А. Баскаков. Родоплеменное название кипчаков в топонимии Южной Молдавии, в сб. «Топонимика Востока» «Новые исследования», М., 1964, стр. 49, 50.

¹⁴⁹ Н. А. Баскаков. Алтайский язык, М., 1958, стр. 28.

¹⁵⁰ Л. П. Потапов. Этнический состав и происхождение алтайцев, стр. 50.

¹⁵¹ Д. Е. Еремеев. Проникновение тюркских племен в Малую Азию (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук), М., 1964, стр. 9.

¹⁵² Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 49, 54.

Средней Азии они, вероятно, пришли вместе с кипчаками. В дальнейшем некоторая часть их вошла и в состав киргизского народа¹⁵³.

Этнонимы «чал-моюн» и «чал-ногай» — названия ранних кипчакских родов. Этническое название «чал» встречалось среди подразделений киргизского племени чекир-саяк, а «чал-жуит» у казахов, а также у узбеков юз¹⁵⁴ и локай¹⁵⁵.

Термин «чал» на древнетюркском языке означает серовато-белый, пепельно-белый¹⁵⁶, а «моюн» (или «муйин», «буйин») — букв. шея. Не исключена возможность, что термин «моюн» применялся в значении «поколения», «подразделения». Среди кипчаков и каракалпаков, как уже указывалось выше, были родовые названия кара-моюн — черная шея, кок-моюн — синяя шея. Можно полагать, что указанные этнонимы также, как и «чал-моюн», некогда являлись подразделениями какого-либо рода или племени, входившего в прошлом в конфедерации кипчаков, а после их распада вместе с группами кипчаков разошлись по разным областям и районам Мавераннахра.

Таким же образом можно объяснить и этноним «чал-ногай». Чал-ногай, видимо, являлся в прошлом одним из родов или племен в составе ногайского союза, частицы которого затем попали в состав кипчаков. Что касается этнонима «чал» в составе киргизов, узбекского племени локай или чал-жуит¹⁵⁷ в составе юз (или жуз), то по происхождению они могли быть не связаны с кипчаками и образоваться в другой этнической среде, ибо термин «чал», означающий определенный цвет, мог быть приставкой к названию любого рода или племени.

Об этнониме «жагалбайлы» мы уже говорили. Этноним «торт-тамгалы», кроме кипчаков Зарафшана, встречается у узбекского племени юз¹⁵⁸ и племени сергали казахов Среднего жуза¹⁵⁹. К какому из указанных родо-племенных объединений относился в прошлом этноним «торт-тамгалы», ввиду отсутствия данных, сказать трудно.

Этнонимы чураш, уразтай, крымхожа образовались, видимо, в недалеком прошлом (возможно, в позднем средневековье). Указанные этнонимы отсутствуют у других родо-племенных объединений.

Исследование истории родовых групп тогузбай-кипчак, показало, во-первых, что в его состав входили как древние (напри-

¹⁵³ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 108.

¹⁵⁴ А. И. Макшеев. Указ. соч., стр. 39.

¹⁵⁵ Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, см. табл. 2.

¹⁵⁶ Древнетюркский словарь, Л., 1969, стр. 137.

¹⁵⁷ Вернее, «чуит» или «чуют» — наименование одного из узбекских племен.

¹⁵⁸ А. И. Макшеев. Указ. соч., стр. 39.

¹⁵⁹ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 53.

мер, карауз, торы-айгыр), так и средневековые (чал-моюн, чал-ногай, канжигалы) и позднесредневековые (чураш, уразтай, крымхожа) роды. Во-вторых, что эти роды были по происхождению в основной своей массе кипчацкими. Родовые группы, такие как карауз, «чалногай» не кипчацкие по происхождению, находясь длительный период в составе кипчаков, по всей вероятности, вообрали в себя кипчацкие этнические элементы. В-третьих, тогузбай-кипчак, видимо, являлся одним из крупных родовых объединений присырдарьинских кипчаков. Но после распада их политического союза образовалось несколько групп тогузбаев, расселившихся в различных районах Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири. Эти отдельные группы впоследствии стали самостоятельными родами как в кипчацкой, так и в некипчацкой среде. В-четвертых, находясь на различной территории, группы тогузбай, наряду с кипчацкими включали в свой состав и местные, некипчацские элементы.

Джети-урув (уру) кипчак — один из крупных кипчацких родов среднего Зарафшана конца XIX — начала XX в. Этноним джети-урув зафиксирован еще в составе узбеков-курама, башкирского племени кипчак,¹⁶⁰ казахов Младшего жуза¹⁶¹ и киргизских (в форме «жети уруу») племен ктай, сарыбагыш, саруу¹⁶². В составе жетыру казахов и киргизов имеются кипчацские элементы¹⁶³. Но тем не менее названия родов в составе джети-урув у узбекских кипчаков, у казахов и киргизов не совпадают, т. е. названия родовых подразделений, имеющих в одних группах, на названия родовых подразделений других групп джети-урув, нет конкретных данных, свидетельствующих о принадлежности джети-урув в прошлом к определенному объединению. Можно лишь полагать, что этноним «джети урув» мог быть образован в составе тех или иных племенных союзов самостоятельно. Могло быть и другое. «Джети-урув», являвшийся в прошлом крупным родовым объединением в составе одного из племен Дешт-и Кипчака, подвергся затем распаду на несколько самостоятельных групп под этим же названием. Последние включали в свой состав уже другие (как кипчацкие, так и некипчацские) роды или частицы этих родов. Наконец, их роды могли быть образованы вновь (с новыми наименованиями) в результате естественного прироста населения или же при распаде прежних родов и др.

¹⁶⁰ Р. Г. Кузеев. Этнический состав, история расселения и происхождения башкирского народа, Автореферат докт. дисс., стр. 21.

¹⁶¹ В. В. Востров, М. С. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов, стр. 81.

¹⁶² С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 37, 66—67 (рис. 16), 77 (рис. 14), 114; Я. Р. Винников. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Северной Киргизии, стр. 154—155 (рис. 8).

¹⁶³ Кипчацкими родами в составе джети-урув казахов являлись род жагал-байлы, а киргизов — байбича, токал (см.: С. М. Абрамзон. Указ. соч., стр. 37, 66—67; Я. Р. Винников. Указ. соч., стр. 154).

Джети-урув кипчаков, входивших в состав узбеков, делились на следующие семь родовых подразделений: айтамгалы, коштамгалы, сыргалы, камчилы, жуwonлы, саманотлы, чумучлы. Происхождение этих родов, носящих тамговые названия, видимо, связано с племенами узбеков Дешт-и Кипчака.

Этноним «айтамгалы» (означающий «тамга, изображающая полумесяц») существовал у родов узбекских племенных объединений кунграт¹⁶⁴, туркмен¹⁶⁵, дурман¹⁶⁶, курама¹⁶⁷. Айтамгалы были и в составе киргизского племени саруу¹⁶⁸ и телес¹⁶⁹. Основная масса айтамгалы находилась в составе узбекских родо-племенных объединений, поэтому можно полагать, что в прошлом они представляли собой род (или родовое объединение) в составе одного из указанных узбекских племен, какого именно, сказать трудно.

Коштамгалы (с двойной тамгой), кроме кипчаков, встречаются еще у каракалпаков¹⁷⁰, у узбекских племен ктай, пайман, туркмен, а также киргизского племени тейлес и чонг багыш¹⁷¹. Возможно, раньше этноним «коштамгалы», как и «учтамгалы»¹⁷² (с тремя тамговыми знаками) и «тортамгалы»¹⁷³ (с четырьмя тамговыми знаками), являлись родовыми названиями узбеков дештикипчакского происхождения. Как известно, тамговым знаком кипчаков Казахстана был / или //, т. е. одна или две прямые черты¹⁷⁴. Племя (или крупный род) коштамгалы в составе арыса кунграт каракалпаков¹⁷⁵ имело тамговый знак //, который в прошлом служил тамгой одного из кипчакских объединений. Основная масса вышеуказанных этнонимов («коштамгалы», «учтамгалы» и «тортамгалы»)¹⁷⁶ относится к кипчакам долины Зарафшана.

¹⁶⁴ Н. Ситняковский. Указ. соч. (см. генеалогическую таблицу узбеков — кунграт).

¹⁶⁵ В. Г. Мошкова. Указ соч., стр. 148.

¹⁶⁶ А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 108.

¹⁶⁷ Т. Файзиев. Узбеки-курама, стр. 8.

¹⁶⁸ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 105.

¹⁶⁹ Я. Р. Винников. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 166—167 (рис. 19).

¹⁷⁰ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков (см. табл. 6).

¹⁷¹ Я. Р. Винников. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 166—167, рис. 19; С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 84.

¹⁷² Об учтамгалы см. ниже.

¹⁷³ Об этом роде было сказано выше.

¹⁷⁴ Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды, стр. 415, 417.

¹⁷⁵ С. А. Аманжолов. Указ. соч., стр. 12; Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 45.

¹⁷⁶ Из них лишь этноним «коштамгалы», (в форме — кос-тамгалы) обозначал племя в составе каракалпаков (Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса, стр. 511).

Этнонимы «сергалы» (или «сиргали») и «чумучлы», видимо, некипчакского происхождения. Первый из них в форме «сргели» являлся названием одного из племен Старшего жуза казахов¹⁷⁷. Этноним «сергалы» (в форме «серкли») имелся и в родо-племенном делении ногайцев¹⁷⁸. Его происхождение, вероятно, связано с наименованием одного из древнетюркских племен¹⁷⁹.

Этноним «чумучлы» (тамговый знак «чумуч» — половник), помимо кипчаков, имеется еще у узбекских племен ктай, кырк, найман, кунграт, а также каракалпаков¹⁸⁰ и казахского племени табын¹⁸¹. К какому из названных родо-племенных объединений относился этноним «чумучлы» первоначально, сказать трудно. Трудно пояснить также, к каким родо-племенным объединениям в прошлом относились этнонимы «камчилы»¹⁸², «жувонлы»¹⁸³, и «саманотли»¹⁸⁴.

Из вышесказанного видно, что родовые объединения джети-урув включали в свой состав различные по происхождению (как кипчакские, так и некипчакские) роды. Вероятно, указанные семь родов вошли в объединения джети-урув значительно позже, уже в бытность их в бассейне Зарафшана (XVIII—XIX вв.).

Парча-кипчака — название одного из крупных родовых объединений кипчаков долины Зарафшана. В его составе (в конце XIX—начале XX в.) имелись следующие роды: уч-тамгалы, тор-айгыр или торы-айгыр (торт-тамгалы), канжигалы, чап-рашлы, кара-кесек, билтынг, токал.

Термин «парча» встречается и в наименованиях ряда узбекских племен, как их составная часть. Например, парча-буркут, локай-парча, парча-митан, парча-карамангыт и др. Отсюда следует, что термин «парча»¹⁸⁵ означает частицы различных ро-

¹⁷⁷ В. В. Востров, М. С. Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов, стр. 52—53.

¹⁷⁸ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и диалекты, М.—Л., 1940, стр. 139—140.

¹⁷⁹ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 52.

¹⁸⁰ У каракалпаков этноним «чумучлы» встречается в форме «шомышты» или «шомышты». См. Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, табл. 6 (родоплеменная структура каракалпаков); Л. С. Толстова. Некоторые сведения о бухарских каракалпаках, стр. 36.

¹⁸¹ Этноним «чумучлы» узбеков-кипчаков соответствует казахскому этнониму «чомыш» (См. В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 96).

¹⁸² Термин «камчи» означает «нагайка». Видимо, этноним «камчилы» получил свое наименование (как и многие другие) от тамгового знака в виде нагайки — «камчи».

¹⁸³ «Жува» (на узбекском яз.) — небольшая толстая скалка. Видимо, тамга данного рода в прошлом имела вид жува — (жува (н)ли).

¹⁸⁴ Саман — буланый, саврасый. Этим термином обозначена масть лошадей. Следовательно, саманотли — имеющий буланого (саврасого) коня. Название ряда кипчакских родов связано с лошадьми (торы-айгыр, торт-тай, жеты-кашка, карабайыр). Возможно, что и этноним «саманотли» также являлся в прошлом кипчакским, но это лишь наше предположение.

¹⁸⁵ Парча (уменьшит. от персид. «пора»), кусочек, осколок, малая часть чего-либо. Парча означает также ткань, наряд (См.: А. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, ч. 1, СПб., 1869, стр. 308; Узбекско-русский словарь, М., 1959, стр. 321).

дов и племен, объединенные под названием крупного в прошлом племени или племенного объединения. Он может означать также малую часть или частицы большого в прошлом племени или родоплеменного союза. Нам кажется более вероятным первое предположение. Если это так, то парча-кипчак представлял собой объединение частиц ряда кипчакских и некипчакских родов и племен. Об этом свидетельствуют состав и названия родов, входивших в объединение парча-кипчак.

Об этнониме «кара-кесек» говорилось выше. Этнонимы «канжигалы», «уч-тамгалы» являются названиями племен или родов, входивших в состав кипчакского объединения еще в XIII—XVII вв.

В составе 11 кипчакских родов, перечисленных арабскими авторами эл-Нувейри¹⁸⁶ и Ибн Холдуном¹⁸⁷ (XIII—XIV вв.), имеется один с этническим названием «анжоглы», которое Н. А. Аристовым¹⁸⁸, а вслед за ним и Т. А. Жданко¹⁸⁹ и К. Л. Задыхиной¹⁹⁰ отождествлялось с позднейшим «канжигалы». Эта племенная группа, расселившаяся в прошлом в восточной части Дешт-и Кипчака (к востоку от р. Волги), вошла в ногайский союз вместе с проживавшими здесь кипчаками. После распада союза кипчаки и канжигалы разделились на мелкие группы, впоследствии вошли в состав ряда узбекских племен: кипчаков, юз, ктай, кунграт, а также каракалпаков¹⁹¹ и казахов Среднего жуза¹⁹².

Этноним «канжигалы» имеется почти у всех кипчакских групп: кипчаков долины Зарафшана, узбеков дельты Амударьи¹⁹³, кипчак-сараев и каракалпак-кипчаков¹⁹⁴. Следовательно, в конце XIX — начале XX в. основная масса канжигалы находилась вместе с кипчаками, а в других родо-племенных объединениях они составляли лишь незначительное число.

Торы-айгыр или тор-айгыр — крупный кипчакский род, происхождение которого связано с присырдарьинскими кипчаками. Торы-айгыр, или туру-айгыр (в переводе означает «гнедой жеребец»)¹⁹⁵ до XVIII в. жили в Южном Казахстане, в местности Карабулак. В связи с политическими событиями XVIII в. (нашествие джунгар) произошло раздробление торы-айгыр на несколько мелких групп. Одна из них переселилась в долину Зарафшана, а другая — в Ферганскую долину, где они находились

¹⁸⁶ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884, стр. 540—541.

¹⁸⁷ Там же, стр. 541.

¹⁸⁸ Заметка об этническом составе тюркских племен и народностей, стр. 367.

¹⁸⁹ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 113.

¹⁹⁰ К. Л. Задыхина. Культура и быт узбеков Кипчакского района, стр. 770.

¹⁹¹ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса, стр. 509.

¹⁹² В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 70—72.

¹⁹³ К. Л. Задыхина. Указ. соч., стр. 341.

¹⁹⁴ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса, стр. 509.

¹⁹⁵ В. В. Бартольд. Киргизы. Сочинения, т. II, ч. I, стр. 528.

в составе узбекских групп кипчаков. Значительная группа, переселившись в северные районы Киргизии, жила в нескольких селениях Чуйской долины (Ороо, Чонг-Арык) и в селении Тош-Булак на Тянь-Шане¹⁹⁶. Часть торы-айгыр обосновалась в местности Ташбалык¹⁹⁷ (к юго-западу от г. Кашгара), а другая, видимо, дошла до Хотана¹⁹⁸. Некоторые группы торы-айгыр продолжали оставаться в казахских степях среди кипчаков¹⁹⁹. Торы-айгыр имеются и в составе киргиз-кипчаков²⁰⁰ и курама Ташкентской области²⁰¹.

У киргизских племен адигин и черик имеется этноним «тори»²⁰². Этот этноним еще в конце XIX в. был зафиксирован у кипчаков Казахстана²⁰³ и узбекского племени кипчак-сарай²⁰⁴. По всей вероятности, торы (или тору) являлись частицей рода торы-айгыр, входившего впоследствии в состав различных родоплеменных объединений.

Из указанных выше данных видно, что основная масса торы-айгыр находилась в составе кипчаков, хотя территориально они были разобщены и жили отдельными группами в различных областях Средней Азии.

Об этнониме «уч-тамгалы» говорилось выше. Отметим лишь, что, кроме узбеков-кипчаков, он встречается у узбекских родоплеменных объединений юз и курама. Некоторые группы уч-тамгалы также вошли в состав каракалпаков²⁰⁵ и киргизского племени чонг багыш²⁰⁶, казахов Старшего жуза²⁰⁷ и ногайцев²⁰⁸. Уч-тамгалы, вместе с большой группой кипчаков еще в XV—XVI вв. находились в составе Ногайской Орды. С распадом ее на больших и малых ногаев²⁰⁹ в середине XVI в. некоторая часть

¹⁹⁶ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 86.

¹⁹⁷ Н. А. Аристов. Тошмалык. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и каракиргизов, стр. 429.

¹⁹⁸ В. В. Бартольд. Киргизы. Сочинения, т. II, ч. I, стр. 527.

¹⁹⁹ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 75.

²⁰⁰ Я. Р. Винников. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 160.

²⁰¹ Т. Файзиев. Узбеки-курама, стр. 7.

²⁰² С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 131.

²⁰³ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, стр. 417.

²⁰⁴ Род туры в составе кипчак-сараев в свою очередь имел мелкие подразделения: жаша, руда, киртмиш (См.: Б. Жұраев. Юқори Қашқадарьё ўзбек шевалари, Тошкент, 1969, 3, 162 бет).

²⁰⁵ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса, стр. 508, рис. 3.

²⁰⁶ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 69, 105.

²⁰⁷ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 53.

²⁰⁸ Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты, стр. 138—139.

²⁰⁹ Центром расселения «больших ногаев» в XVI в. была местность по нижнему течению Яика (р. Урал). Центром «малых ногаев» была область между нижними течениями Дона и Кубани (см. В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов, Л., 1928, стр. 18).

уч-тамгалы вместе с группой ногайцев была, видимо, переселена в степь, лежавшую к востоку от Азовского моря. Оставшиеся в Дешт-и Кипчаке уч-тамгалы вошли в состав казахов, каракалпаков и узбеков. Позднее (XVII—XVIII вв.) они вместе с кипчаками и каракалпаками были переселены в культурные области Средней Азии.

Род туяклы вошел в состав кипчаков, видимо, в первой четверти XIX в. Большая часть его, как уже указывалось выше, была переселена сюда из Афганистана. Туяклы — одно из племен узбеков, расселившихся в верховьях Зарафшана²¹⁰. Они имелись и в составе узбеков Хорезма. Некоторая часть их вошла в состав каракалпаков Бухарского оазиса²¹¹.

Происхождение этнонимов «узун» и «бултунг», видимо, также связано с кипчаками. Кроме кипчаков долины Зарафшана, это название носили группы из племени кипчак-казахов Среднего жуза²¹², киргизского племени багыш (у последних в форме «узун-чекли») ²¹³. Чекли имелись в составе родовых групп кипчаков Зарафшанской и Ферганской долины. Кроме того, под названием чекли известны крупный род казахов Младшего жуза и род племени аргын казахов Среднего жуза²¹⁴.

С какими из указанных выше родо-племенных объединений был генетически связан род чекли, сказать трудно. Как предполагает Н. А. Аристов, род чекли происходил от народа чик, упоминаемого в орхонских каменных памятниках²¹⁵. Если это так, то чик в прошлом, очевидно, были самостоятельным племенем, разделившимся позднее на несколько небольших групп, вошедших в состав ряда родо-племенных (в том числе и кипчакских) объединений.

Этноним «токал», видимо, также обозначал один из кипчакских родов, образовавшихся в недалеком прошлом. Он встречается и в составе киргизского племени саруу²¹⁶ и казахского племени аргын²¹⁷. Кипчаки, так же как и казахи, старшую жену называли «байбиче», а детей от нее «байбиче баласы», младшую жену — «токал», детей от последней — «токал баласы»²¹⁸. Можно полагать, что подразделение токал образовалось в составе кип-

²¹⁰ А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 69, 70.

²¹¹ Л. С. Толстова. Каракалпаки за пределами Хорезмского оазиса, стр. 42 (Родо-племенная структура бухарских каракалпаков).

²¹² В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 75.

²¹³ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 132.

²¹⁴ У казахов этноним «чекли» встречается еще в форме «чекты», «шекты» (см. В. В. Востров, С. М. Муканов. Указ. соч., стр. 72, 104; У. Х. Шалекенов. Указ. соч., стр. 64).

²¹⁵ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей в сведениях об их численности, стр. 383—384.

²¹⁶ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 130.

²¹⁷ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 70.

²¹⁸ Полевые записи автора, IV, 1969 г.

чаков, как и казахов, самостоятельно, и в состав киргизов, возможно, попало вместе с кипчаками. У киргизов «токал» — это род подразделения жети-урув племени саруу, его родовое подразделение, как уже говорили выше, является кипчакским. Не исключено, что часть токал вместе с жети-урув или с другими родо-племенными группами кипчаков двигались в верховья Сырдарьи и вошли в состав киргизского народа.

Чапрашлы — одно из племен казахов Старшего жуза²¹⁹. Часть чапрашлы вошла в состав двух родо-племенных объединений узбеков — кипчак и кырк. Вместе с частью указанных племен они, видимо, переселились (в XVII—XVIII вв.) в культурные области Средней Азии.

Ферганская группа кипчаков имела в своем составе, как говорилось выше, множество родовых названий (см. выше разд. «Родо-племенное деление кипчаков»). Из перечисленных наиболее крупными были роды жети-кашка, улмас, кулан, элатан, яшик. Все указанные роды играли важную роль в политической жизни Кокандского ханства в XVIII—XIX вв. Каждый из них в отдельности имел своего предводителя²²⁰.

Этнонимы «кугай», «бугаз», «бугач», «кумушой», «пучугой», «огим», «сирмок», «турт-той», «товулди», «циял», «ак-буйро», «тикан», «кары-тикан», «кара-бовур» не встречаются ни у других (кроме кипчаков) родо-племенных объединений узбеков, ни у казахов, киргизов, каракалпаков и др. Они, видимо, образовались в недалеком прошлом и являются подразделениями жети-кашка, улмас, кулоп, яшик, элатан, которые, как мы полагаем, были в прошлом крупными родами, имевшими в своем составе по несколько мелких, что подтверждается и историческими сведениями.

Жети-кашка²²¹ до переселения в Ферганскую долину жили в

²¹⁹ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 50.

²²⁰ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 155.

²²¹ Жети-кашка — этноним тюркского происхождения. «Жети» — числительное семь, а термин «кашка», как пишет В. В. Бартольд (Соч., т. II, ч. I, стр. 517—518, примеч. 17), применялся у киргизов в значении «бек», а в поздних версиях эпоса «Манас» — в значении «военачальник». Согласно В. В. Радлову («Опыт словаря тюркских наречий», т. II, ч. I, стр. 394—395) термин «кашка» имеет в тюркском языке ряд значений, среди которых более распространенным (например, у узбеков. — К. Ш.) является «белое пятно на лбу у лошади». По высказываниям Ахсикенди, автора «Маджму-ат таварих» (см. «Маджму-ат таварих»). Фотографическая репродукция отрывков рукописного текста. Подготовил к изданию А. Т. Тагирджанов, Л., 1960, вып. II, стр. 346, 35а, 37а, 38а, 56б, 61а), род жети-кашка получил свое название следующим образом. У кипчакского военачальника Ак-Тимура было семь сыновей: Давлатяр, Худояр, Бериу, Алияр, Мусаяр, Исаяр, Гуллаяр. Они выезжали на серых лошадях с белыми пятнами на лбу. Такие выезды, видимо, повторялись в нескольких парадных случаях, ввиду чего название жети-кашка постепенно закреплялось за родичами, потомками Ак-Тимура, местопребыванием которого указывается Кулан. В районах Южного Казахстана, поблизости от жети-кашка, жил другой род кипчаков, называемый «каркара» или «кара-кара» (может быть просто «кара»). Согласно данным того же Ахсикенди, жети-кашка и род каракара были одного происхождения.

Южном Казахстане, в местностях Кара-кара и Кулан²²². Со второй половины XVII в. в связи с нашествием джунгар значительная часть кипчаков, в том числе и жети-кашка, вынуждена была оставить прежние места жительства и двигаться по Сырдарье, остановившись в пределах Ферганской долины.

В составе кипчаков имелся ряд родовых названий, связанных с лошастью: торы-айгыр (четыре жеребца), саманотлы (букв. имеющий буланого коня), жети-кашка (семь лошадей с белой отметкой на лбу)²²³, торы-сары (конь гнедой масти), кулан (дикий конь или осел), кара-байтал (черная кобыла) и др. Кара-байтал, по рассказам Н. Аристов, является древним родом, «которому прочие киргизы оказывают большой почет»²²⁴. В этом нельзя не видеть отголосков тотемизма. Возможно, в древности лошадь представлялась кипчакам (или некоторым из их родов) предком рода. В дальнейшем с лошастью-тотемом, видимо, были генетически связаны ритуальные жертвоприношения, погребальные обряды кипчаков-половцев, о которых уже говорилось выше. Частицы жети-кашка вошли и в состав киргизского народа. Они зафиксированы Я. Р. Винниковым и у рода керкитамга группы басыз²²⁵ и С. М. Абрамзон у северного киргизского племени солто²²⁶.

Происхождение этнонима «кулан» также связано с Южным Казахстаном. В тюркских языках «кулан» означает дикий конь или дикий осел²²⁷. Под названием Кулан известен средневековый город в Южном Казахстане, близ которого до середины XVII в. расселялись кипчаки. Трудно сказать, как произошло название кипчакского рода кулан: от наименования города Кулан или от названия животных. Этот род, переселившись в Ферганскую долину (в конце XVII — начале XVIII в.), стал одним из главнейших у кипчаков Ферганы. Кипчаки-кулан во главе со своим предводителем Мусульманкулом принимали активное участие в политической жизни Кокандского ханства. Некоторая часть их продолжала оставаться в Казахстане в составе племени кипчак²²⁸. Этноним «кулан», или «кулан сарык», имелся и в составе киргизского племени чонг багыш²²⁹.

²²² Кулан — средневековый город, находился на месте железнодорожной станции Луговая (быв. Тарты).

²²³ Ахсикенди. Маджму-ат таварих, стр. 566, 576 и след.

²²⁴ Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и каракиргизов..., стр. 435.

²²⁵ Я. Р. Винников. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 155, рис. 10.

²²⁶ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 31.

²²⁷ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. II, ч. I, стр. 974; Аттухфатуз. Закияту филдугатит туркия, стр. 46.

²²⁸ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 75.

²²⁹ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 88.

Этноним «таз» являлся в прошлом названием одного из ранне-средневековых кипчакских родов; он упоминается в Ипатьевской летописи в числе половецких личных и родовых имен²³⁰. В дальнейшем, в связи с нашествием монголов и распадом половецких союзов, находившихся на территории южнорусской степи, род таз, очевидно, разделился на несколько самостоятельных групп. Одна из таких групп, вместе с частью кипчаков переселилась на нынешнюю территорию Башкирии и вошла в состав башкирского народа²³¹. Другие их группы, продвигаясь к восточной части Дешт-и Кипчака, впоследствии вошли в состав ряда народностей — казахов²³², узбеков²³³, каракалпаков²³⁴. Значительная группа вошла в состав киргизского народа²³⁵.

Упомянутый выше этноним «бачкыр» является названием одного из древних тюркоязычных народов — башкир²³⁶. Часть этого народа в составе кипчаков оказалась (в XVII—XVIII вв.) в Ферганской долине и жила недалеко от г. Коканда, в селении Бачкыр.

Кипчакские роды улмас и элатан так же, как и жети-кашка и кулан в прошлом обитали в Южном Казахстане²³⁷, в XVII—XVIII вв., видимо, переселились в Ферганскую долину, поскольку среди других родо-племенных групп узбеков, а также казахов и других тюркоязычных народов эти роды не упоминаются.

Этноним «кутук-саид» (или кутлук сеит) имеется не только у кипчаков, но и у киргизских племен солто, сары-багыш²³⁸ и багыш²³⁹. Несомненно, что кутук в прошлом являлся крупным ро-

²³⁰ Таз — имя половецкого князя, брата Боняка, убитого в 1107 г. (см. Полное собрание русских летописей, т. I, М., 1962, стр. 282). Возможно, что род, к которому принадлежал князь Таз, носил впоследствии его имя, или этот род был образован из потомков князя Таз и носил его имя. В таком случае Таз являлся родоначальником вновь образовавшегося рода. Однако, не исключено, что таз — это одно из тюркоязычных племен раннесредневекового периода (См.: В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 98).

²³¹ Об этом свидетельствует тот факт, что в составе башкир имелось племя таз (тазлар). Кроме того, таз в качестве рода входили и в состав башкирских племен кыпсак, минг, табык. См.: Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 52—57.

²³² В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 82, 98.

²³³ Этноним «таз» имелся, например, у узбеков-курама (см.: Т. Файзиев. Узбеки-курама, стр. 8), у узбеков-туркмен (В. Г. Мошкова. Указ. соч., стр. 149), узбеков-катаган, узбеков-мангит (см.: А. Гребенкин. Узбеки, стр. 87), а также в составе узбеков низовьев Амударьи (см.: К. Л. Задыкина. Узбеки дельты Амударьи, стр. 339).

²³⁴ Здесь они имеются в составе племени балгалы (тазбалгалы). Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, табл. 6.

²³⁵ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 129; Я. Р. Винников. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 167.

²³⁶ Подробно о происхождении башкир см.: Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения, М., 1974.

²³⁷ Ахсикенди. Маджмуд-ат таварих, 335.

²³⁸ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 122.

²³⁹ Я. Р. Винников. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 144.

дом. Однако за неимением конкретных данных, нельзя выяснить, в какое родо-племенное объединение он входил.

Этнонимом «кизил-аяк» (букв. «красноногий») назван крупный род киргиз-кипчаков Ферганы²⁴⁰ и Каратегина²⁴¹. Часть его входила в состав киргизов-ичкилик, населяющих Каратегин²⁴². Родовые группы кизил-аяк были зафиксированы также в составе киргизских племен кесек²⁴³, долос и саруу²⁴⁴. В каракалпакском племени колдаулы²⁴⁵ также имелся род кизил-аяк, группы кизил-аяк отмечены и в составе туркмен²⁴⁶. Видимо, в прошлом кизил-аяк был значительным родо-племенным объединением.

По данным В. В. Бартольда, кизил-аяк являлись отделением туркмен племени эрсаринцев и жили они на полуострове Мангышлак, откуда в 1630 г. были вытеснены калмыками²⁴⁷. Эрсаринцы ушли в верховья Амударьи и расселились на территории, расположенной между гг. Чарджоу и Мукры²⁴⁸. Вместе с ними пришла сюда и некоторая часть кизил-аяк, которые, видимо, жили к югу от реки Керки, где находится крупный населенный пункт Кизил-аяк.

Если кизил-аяк были туркменами, то каким образом большая часть их оказалась в составе киргиз-кипчаков и других киргизских племен? Ответить на этот вопрос трудно. Можно предположить, что в далеком прошлом кизил-аяк являлись одним из тюркоязычных племен Дешт-и Кипчака. Дробление их на отдельные группы, вероятно, началось еще задолго до нашествия джунгар на казахские степи. В результате этого разделения часть их вошла в состав племен эрсары и расселилась на полуострове Мангышлак, а другая примкнула к присырдарьинским кипчакам. В период нашествия джунгар группа кизил-аяк вместе с кипчаками могла двинуться в верховья Сырдарьи. Здесь произошло дальнейшее дробление кизил-аяк на мелкие группы, которые вошли в состав вышеуказанных киргиз-кипчаков. Только так можно объяснить появление значительной группы кизил-аяк в пределах Киргизии и в Фергане.

²⁴⁰ Я. Р. Винников. Указ. соч., стр. 159, 160. Наши полевые записи, V, 1962 г.

²⁴¹ А. Абышкаев. Каратегинские киргизы в конце XIX—начале XX в., Фрунзе, 1965, стр. 15.

²⁴² А. Абышкаев. Указ. соч., стр. 15.

²⁴³ Я. Р. Винников. Родоплеменной состав и расселения киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 168.

²⁴⁴ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 123.

²⁴⁵ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, табл. 6.

²⁴⁶ Я. Р. Винников. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, стр. 23 (рис. 2).

²⁴⁷ В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа, Сочинения, т. II, ч. I, стр. 609.

²⁴⁸ Я. Р. Винников. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР (см. рис. 3).

Этноним «кармыш» кроме киргиз-кипчаков, зафиксирован среди киргизских племен адигине и долос²⁴⁹, казахов Старшего жуза²⁵⁰ и узбекского племени локай²⁵¹. Род кармыш имеется и в составе башкирских племен юрматы²⁵² и кипчак²⁵³. На основе этих данных можно полагать, что кармыш своим происхождением связаны с Дешт-и Кипчаком. Возможно, кармыш и являлись в прошлом одним из родов или племен, входивших в состав кипчаков Дешт-и Кипчака. Впоследствии большая группа их вместе с кипчаками и другими узбекскими племенами переселилась в культурные области Средней Азии и вошла в состав киргизского народа.

Род хидирша (или кыдырша) имелся также в составе киргизского племени тейит²⁵⁴. Небольшая его группа переселилась в Северную Киргизию, в селения Дюртбельджин и Ничке-Суу Ак-Талинского района Тяньшанской области. Род джамононг входил в состав киргизского племени саруу²⁵⁵.

О таз и торы-айгыр уже говорилось выше. Остальные этнонимы киргиз-кипчакских родов (ходжамшукур, шердон, омононг, ахтачи, жартывош, овот, алтика) в прочих родо-племенных делениях киргизов (кроме киргиз-кипчаков), узбеков, казахов и других тюркоязычных народов не встречаются. Вероятно, указанные роды, а также хидирша, жамононг относятся к той категории родов, их групп, которые образовались в недалеком прошлом путем разрастания больших патриархальных семей.

Приведенные данные позволяют сделать следующие выводы о родо-племенном составе киргиз-кипчаков. Во-первых, у них имеются такие родовые деления как таз, торы-айгыр, кармыш, кизил-аяк и мелкие родовые подразделения элатан (в составе жамононг), канди или канглы (в составе хидирша), казах (в составе торы-айгыр), которые исторически связаны с дештикипчакскими родо-племенными объединениями узбеков, казахов и средневековых кипчаков. Из названных этнонимов таз, торы-айгыр, элатан — кипчакские по происхождению. Родовые группы кармыш и кизил-аяк, не связаны с кипчакскими родовыми названиями, но можно предполагать, что они жили среди кипчаков продолжительный период времени и слились с ними, хотя некоторые продолжали сохранять свое прежнее родовое имя. Родовой состав киргиз-кипча-

²⁴⁹ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 118.

²⁵⁰ Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана (см. табл. 2).

²⁵¹ Там же.

²⁵² Р. Г. Кузеев. Этнический состав, история расселения и происхождения башкирского народа, стр. 52.

²⁵³ Р. Г. Кузеев. Указ. соч., стр. 51.

²⁵⁴ Я. Р. Винников. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии, стр. 113—115 (см. рис. 16).

²⁵⁵ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 87.

ков свидетельствует о том, что они своим происхождением генетически связаны с узбек-кипчаками. На это указывают и их некоторые общие этнические элементы. Например, род торы-айгыр киргиз-кипчаков имелся также в составе кипчаков Ферганы и долины Зарафшана. То же можно сказать и о роде таз и родовом подразделении элатан.

По всей вероятности, значительная часть киргиз-кипчаков и входившие в состав узбеков-кипчаков пришла в Ферганскую долину одновременно (в конце XVII — начале XVIII в.) из степей Южного Казахстана. Однако пути их проникновения в пределы Киргизии были, видимо, не одинаковыми. Большая часть кипчаков, как уже было сказано выше, попала в Фергану, передвигаясь вверх по Сырдарье. Отсюда отдельные группы их переселились в районы Южной Киргизии и жили по соседству, а в ряде случаев смешанно с киргизами, образовав таким образом группу киргиз-кипчаков. Некоторая часть кипчаков Ферганы попала к киргиз-кипчакам в 50—60-е гг. XIX в., когда кокандский хан Худаяр подверг их гонениям. Другая группа киргиз-кипчаков переселилась (в XVII—XVIII в.) из казахских степей в Северную Киргизию, двигаясь вверх по р. Чу, обосновалась в ее верховьях и в Прииссыккулье, а часть ушла в Кашгарию. В Кашгарию пришла и часть таких крупных родов кипчаков, как торы-айгыр, тогыз-кипчак, кара-кипчак (он же, видимо, кара-байтал) и др.²⁵⁶ Несомненно, данная группа кара-кипчаков, или кара-байтал, по происхождению связана с раннесредневековыми кара-кипчаками, о которых шла речь выше. Не исключено, что в их состав вошли и древнекипчакские элементы, которые появились здесь одновременно с киргизами.

Об общности происхождения киргиз-кипчаков и кипчаков Узбекистана свидетельствуют антропологические данные. В 1877 г. Е. Уйфальви произвел антропологические измерения 14 киргиз-кипчаков и 17 кипчаков Ферганской долины. Результаты измерения оказались настолько близкими, что давали право предполагать принадлежность указанных двух групп кипчаков к одному подразделению или племени²⁵⁷.

Кипчаки Хорезма подразделялись на следующие родо-племенные группы: канжигалы, кара-кипчак, канглы, тама, уйшун, болгалы, ойрат, шункарлы, асс (о первых двух этнонимах — «канжигалы» и «кара-кипчак» — было сказано выше).

Канглы — название древнетюркского племени или племенного союза, обитавшего на территории Средней Азии и Казахстана.

В XII — начале XIII в. канглы принимали активное участие в политической жизни Хорезма. Как видно из сообщения Абу-л Гази, хорезмшах Текеш-хан женился на дочери одного из канг-

²⁵⁶ Н. А. Аристов, Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды..., стр. 42, 436; С. М. Абрамзон, Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики, стр. 138.

²⁵⁷ Н. А. Аристов, Указ. соч., стр. 474.

лийских вельмож — Туркан-хатун²⁵⁸. Она имела большое влияние на своего сына Мухаммеда, который привлек в Хорезм многих канглийских военачальников и одарил их почетными должностями. В первую очередь в Хорезм переселились родственники Туркан-хатун.

С берегов Таласа и Чу хорезмшаху Мухаммеду удалось переселить в Хорезм 60 тысяч канглы²⁵⁹. Постепенно их число увеличилось и к моменту вторжения монголов в Хорезм войска, составленные из канглы²⁶⁰, насчитывали 90 тысяч.

Хотя значительная часть переселившихся в Хорезм канглы ассимилировалась с местными оседлыми земледельцами, однако довольно большая группа их продолжала вести кочевое и полукочевое хозяйство. Некоторая часть канглы вошла в состав башкирского²⁶¹ и каракалпакского народов²⁶². Немало их оказалось и в составе узбекского народа²⁶³. Они как самостоятельная родоплеменная группа жили в бассейне Зарафшана, в Ферганской долине и Ташкентском оазисе.

«Уйшун» (или «уйсун») — название одного из тюркоязычных племен, происхождение которого связано с древним народом усун, обитавшим в Семиречье²⁶⁴. Уйшун входил в состав узбеков как отдельное племя, а в состав узбеков-курама²⁶⁵ и митан-каракалпаков бассейна Зарафшана²⁶⁶ как род. Однако основная масса уйшун вошла в состав казахского народа. Имеются они и в составе киргизов²⁶⁷. Группа уйшун, переселившаяся некогда в Хорезм, вошла в состав узбеков-кипчаков Хорезма, составляя вместе с ойратами парное родовое подразделение²⁶⁸. Упомянутый род ойрат был частицей тех ойратов (или джунгар), которые совершили ряд опустошительных набегов на Дешт-и Кипчак. Видимо, небольшая группа их, оторвавшись от основной массы, присоединилась затем к кипчакам Хорезма.

О происхождении этнонима «тама» пока не имеется конкретных данных. Но упомянутые Рашид-ад Дин в составе монголь-

²⁵⁸ Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков, стр. 34.

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей, т. I, кн. 2, М.—Л., 1952, стр. 214.

²⁶¹ Р. Кузеев. Очерки исторической этнографии башкир, стр. 56.

²⁶² Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, см. табл. 6.

²⁶³ Интересно отметить, что узбеки-канглы вплоть до начала XX в. сохраняли следующее родо-племенное деление: сары-канглы, его родовые подразделения — куш-канглы, оришлы, жай-тамгалы, балгалы; кара-канглы — иргаклы, тарахлы, куюшканлы, куралы; ак-канглы, как-канглы, кизил-канглы, джилкаш-канглы, бобо-канглы, олтымыш-канглы, пишкакы-канглы, бука-канглы, урманчи-канглы. Некоторые из этих родовых делений канглы зафиксированы К. Л. Задыхиной в Хорезме. (К. Л. Задыхина. Культура и быт узбеков Кипчакского района КК АССР, ТХАЭЭ, т. II, М., 1954, стр. 769, 773).

²⁶⁴ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 27—34.

²⁶⁵ Т. Файзиев. Узбеки-курама, стр. 8.

²⁶⁶ А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 99.

²⁶⁷ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 31.

²⁶⁸ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, стр. 341.

ских племен тама предположительно отождествляются с потомками рода тама²⁶⁹. Возможно, что они еще в раннем средневековье входили в состав кипчакского союза. В XIV—XV вв. тама играли большую роль в политической жизни Казахского ханства и Ногайского союза²⁷⁰. Впоследствии тама разделились на ряд самостоятельных групп. Одни вошли в состав узбеков Дешт-и Кипчака²⁷¹ и вместе с ними в XV—XVI вв. переселились в культурные районы Мавераннахра (главным образом в бассейн Зарафшана), другие в составе кипчаков поселились в Хорезме. Значительная группа тама осталась в степях Казахстана и вошла в состав родового объединения жетыру казахов Среднего жуза²⁷².

Балгалы, видимо, в прошлом были одним из родов узбекского племени кунграт, ибо в составе последних представляют значительную группу²⁷³. Балгалы являлись и племенем арыса конграт каракалпаков²⁷⁴. Группа балгалы, оторвавшаяся от своей основной массы, вошла также в состав узбеков-кипчаков дельты Аму-дарьи, узбекских родо-племенных объединений курама и ктай.

Род асс кипчаков Хорезма, по всей вероятности, имеет этническую связь с ираноязычным народом аланы-ассы, о котором упоминает Беруни²⁷⁵.

Этноним «шункарлы», кроме кипчаков Хорезма, ни в каких других группах узбеков (как родо-племенных, так и территориальных) пока не обнаружен. Нет его и в составе казахов, киргизов, каракалпаков и других тюркоязычных народов.

Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что не все родовые деления кипчаков Хорезма по происхождению кипчакские. Однако все этнонимы в составе хорезмских кипчаков, кроме «ойрат» и «асс», были названиями древнетюркских племен, частицы которых в разные периоды времени входили в состав дешт-кипчакского и присырдарьинского объединений кипчаков. Находясь в течение длительного периода времени в составе последних, частицы инородных (некипчакских) племен в значительной степени смешались с кипчаками. Более ранние переселенцы-кипчаки давно осели и смешались с земледельческим населением Хорезма. Некоторая часть их, а также переселившиеся сюда в XVII—XVIII вв. группы продолжали сохранять самоназвание кипчак вплоть до начала XX в.

²⁶⁹ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 100.

²⁷⁰ Там же.

²⁷¹ Ахсикенди. Маджму-ат таварих, стр. 116.

²⁷² В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 81, 100.

²⁷³ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, стр. 338; Н. Ситняковский. Генеалогическая таблица полукочевого узбекского рода кунград. ИТОРГО, т. VII, Ташкент, 1907, стр. 23—29.

²⁷⁴ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, см. табл. 6.

²⁷⁵ Абу Райхан Беруни. Избранные произведения, т. III, стр. 96; см. также: В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, ч. I, стр. 866—867.

Тамга и уран кипчаков. В памяти старожиллов из кипчаков Ферганской долины и бассейна Зарафшана сохранилось воспоминание о том, что тамговым знаком их племени (кипчак) в прошлом была одна прямая черта — «алиф»²⁷⁶ (название начальной буквы в арабском алфавите)²⁷⁷. Этот же знак являлся и общеплеменной тамгой кипчак-каракалпаков²⁷⁸. Тамга / была зафиксирована и у некоторой группы кипчаков Дешт-и Кипчака (например, у кипчаков Оренбургской губернии)²⁷⁹, кипчаки Зарафшана²⁸⁰, так же как и кипчаки-каракалпаки²⁸¹, имели уран (боевой клич) «токсоба». Последний являлся также ураном у восточно-башкирского племени кипчак²⁸². «Токсоба» как уран кипчаков упоминается Бердахом²⁸³. Все эти данные подтверждают, что указанные выше группы кипчаков в прошлом входили в один племенной союз.

По другим данным, знак / есть тамга племени канглы, а кипчакская тамга изображалась его удвоением, т. е. // (кош-алип)²⁸⁴.

Поскольку большая группа канглы в период средневековья входила в объединение кипчаков Дешт-и Кипчака, их тамга могла быть сходна с алифом. Впоследствии, видимо, какая-то часть племен, входивших в союз кипчаков, выделилась как самостоятельное объединение или полунезависимая группа и получила тамгу // (кош-алип). В новом объединении могли быть различные (как кипчакские, так и некипчакские) племена и родо-племенные группы.

Возможно, из бывшего дештикипчакского объединения кипчаков были образованы два крупных родо-племенных союза. В одном из них господствующее место занимало племя канглы, которое продолжало носить прежнюю (основную) тамгу /, а в

²⁷⁶ Полевые записи автора, V, 1961, и 1964; V, 1967 и VI 1969 гг.

²⁷⁷ Тамговым знаком / называется еще термином «кесау» («касау») — «кочерга». Полевые записи автора, V, 1962 и 1967 гг. См. также: Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды, стр. 414.

²⁷⁸ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 45, 113, См. также табл. 6.

²⁷⁹ А. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, СПб., ч. III, 1834, стр. 135.

²⁸⁰ В. В. Радлов. Средняя Зарафшанская долина, ЗРГО, т. VI, СПб., 1880, стр. 61.

²⁸¹ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 46, 113.

²⁸² Р. Кузеев. Указ. соч., стр. 79.

²⁸³ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 46.

²⁸⁴ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области, т. I, Ташкент, 1889, прилож. стр. 4; Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей..., стр. 309. Он же. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды и кара-киргизов..., стр. 417; С. А. Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка, Алма-Ата, 1959, стр. 12; В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 75.

другом — кипчаки, принявшие тамговый знак // ²⁸⁵. Поскольку вновь образованное объединение было смешанным в этническом отношении, входившие в него племена и роды (или части их) имели общеплеменную тамгу. Поэтому в родо-племенном объединении, где гегемония принадлежала канглы, кипчаки могли иметь тамговый знак объединения канглы, т. е. /. После распада родо-племенного союза канглы, входившие в него племена, видимо, продолжали употреблять бывшую тамгу (/), хотя уже и составляли новые родо-племенные объединения. Этот процесс более отчетливо виден на примере кипчаков Хорезма, бассейна Зарафшана, Ферганы, кипчаков-каракалпаков, а также кипчаков Оренбургского уезда, которые вплоть до конца XIX — начала XX в. сохраняли тамгу/. Эта же тамга, как говорилось выше, бытовала у канглы-казахов Старшего жуза. Все они, вероятно, в прошлом входили в крупный племенной союз, где канглы занимали господствующее положение.

Тамговый знак // кроме кипчаков, имели еще и казахские племена табын, часть племени керейт ²⁸⁶ и аргынский род канжигалы ²⁸⁷. Такую же тамгу имело и каракалпакское племя кош-тамгалы из арыса конграт ²⁸⁸. Все эти родо-племенные группы, вероятно, были объединены в прошлом в один племенной союз, где господствующее положение занимали кипчаки.

Каждое племя или древний род, входивший в данный союз племен, имел свою племенную или родовую тамгу. При этом, видимо, за основу бралась общеплеменная тамга или тамга, господствующая в данном союзе племен. Таким племенем в Дешт-и Кипчаке с середины X до 30-40-х гг. XIII в. и с XV в. до середины XVII в. были кипчаки. Следовательно, основой тамговых знаков, входивших в кипчакские союзы племен, являлась кипчакская тамга /. Выделившись из кипчакского союза, племена или новые племенные союзы, вероятно, брали за основу прежнюю тамгу, внося в нее некоторые изменения.

²⁸⁵ Согласно Абу-л-Гази (См.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази хана хивинского, стр. 53), тамговый знак огузского племени каркин был такой же — две вертикальные черты (II). Рашид-ад-Дин указывал (См. Сборник рукописей, т. I, кн. первая, стр. 89) на тамгу те же каркин в несколько иной форме — VI. Знаки других огузских племен, приведенные Махмудом Кашгарским (см. его соч. «Девону лугатит турк», т. I, стр. 89—90), а также Рашид-ад-дином не совпадают с тамговыми знаками одноименных огузских племен, приведенными Абу-л-Гази. Последний при описании тамги пользовался сведениями, записанными со слов народных певцов (бахши), а также туркменской знати (см. А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази хана хивинского, стр. 52), которые не всегда могли передавать их точно.

²⁸⁶ С. А. Аманжолов. Указ. соч., стр. 12; В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 100.

²⁸⁷ Согласно Н. А. Аристову, канжигалы — род в составе объединения момун (см.: Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей..., стр. 366, примеч. 4).

²⁸⁸ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков табл. 6.

Следует также указать, что принятие тамгового знака господствующего племени надо рассматривать как признание его власти.

Некоторые исследователи (С. А. Аманжолов, В. В. Востров) придаю большое значение тамгам в этногенетических исследованиях. По их заключению, один из крупных родов казахов Младшего жуза — берш являлся по происхождению кипчацким родом²⁸⁹. С помощью тамги выяснилась генетическая связь казахского родо-племенного объединения байбакты²⁹⁰, его рода токсоба с кипчаками.

Тамга рода берш I²⁹¹. Один из тамговых знаков байбакты был б. Точно такую же тамгу имел род Младшего жуза кзыл-курт²⁹². Другим тамговым знаком последнего был /, т. е. такой же, как у кипчаков-канглы. Родо-племенные объединения Младшего жуза-адай, телеу, кете и торткара, а также племена Среднего жуза — керей и сергали имели тамговый знак в виде +²⁹³. Такой же тамговый знак носила группа кипчаков Северной Киргизии²⁹⁴. Во всех этих тамговых знаках основой являлся /; вероятно, указанные родо-племенные группы или отдельные роды входили в прошлом в состав кипчацкого союза племен.

Роды, находившиеся в составе отдельных племен и родо-племенных объединений, метили тамгой определенную часть тела животных. Например, кипчацкий род торы накладывал тамгу на шею, а род узун — на переднюю ногу животного²⁹⁵.

Ураном (боевым кличем) кипчаков долины Зарафшана²⁹⁶ и кипчаков-каракалпаков²⁹⁷ был «токсаба». Единство их тамги (/) и урана свидетельствует о том, что обе эти группы в прошлом принадлежали к одному родо-племенному объединению.

Ураном казахского племени кипчаков было «айбас», а тамгой // (кос-алип)²⁹⁸. Следовательно, эта группа кипчаков в определенный период времени (вероятно, в XVII—XVIII вв., возможно,

²⁸⁹ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 102, 103.

²⁹⁰ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 94, 95, 103.

²⁹¹ С. А. Аманжолов. Указ. соч., стр. 12; В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 104.

²⁹² В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 99.

²⁹³ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 54, 88; С. А. Аманжолов. Указ. соч., стр. 13—14.

²⁹⁴ С. М. Абрамзон. Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии, стр. 104.

²⁹⁵ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области, Ташкент, 1889, Приложение.

²⁹⁶ В. В. Радлов. Средняя Зарафшанская долина, ЗРГО, т. 6, 1880, стр. 61.

²⁹⁷ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 46, 113.

²⁹⁸ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей..., стр. 367, примеч. 2; С. А. Аманжолов. Указ. соч., стр. 12; В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 75.

и раньше) составляла самостоятельное родо-племенное объединение кипчаков. Такие же тамга (//) и уран «айбас» нами были зафиксированы у некоторой части кипчаков Ферганской долины (например, у родов торы-айгыр, кулан)²⁹⁹ и сары-кипчак Булунгурского района Самаркандской области. Этот факт свидетельствует о том, что определенная группа ферганских и зарафшанских кипчаков до переселения сюда входила вместе с кипчаками-казахами в одно родо-племенное объединение.

Многие родо-племенные объединения Дешт-и Кипчака, а также отдельные племена, входившие в определенные объединения, имели свои ураны. Боевой клич в прошлом объединял воинов, служил для созыва на военные походы, конно-спортивные состязания. Ураном могли быть имена храбрейших вождей, особенно военачальников³⁰⁰, или названия местности, где жил род и его предки. Например, ураном казахского племени кипчак и некоторой части кипчаков Ферганы являлось имя одного из храбрейших предков (вероятно, реального) — Айбас-батыра; ураном каракалпакского племени ктай — Уллытау.

Ураном могло служить и название одного из древних или средневековых родов или племен. Названный выше уран «токсаба», являющийся ураном кипчаков Зарафшана и кипчак-каракалпаков, есть не что иное как наименование раннесредневекового кипчакского племени токсоба³⁰¹. Последнее в числе других кипчакских племен упоминается арабоязычными авторами Рукнеддин Бейбарсом (умер в 1325 г.), Эн-Нувеири (умер в 1333 г.) и Ибн Халдуном³⁰² (умер в 1406 г.).

«Токсобичи» как родовое название кипчаков-половцев упоминается в Ипатьевской летописи³⁰³, название «токсаба» встречается и в русских источниках XV в.³⁰⁴. Этноним «токсаба» вплоть до конца XIX — начала XX в. сохранялся как название родового подразделения³⁰⁵ казахского рода байбакты. Основная масса раннесредневекового племени токсаба, видимо, растворилась в составе ряда родо-племенных объединений казахов, кипчаков Узбекистана и кипчаков Каракалпакии, а у последних двух этнографических групп «токсаба» сохранилось как название урана, что напоминает об их генетической связи со средневековым кипчакским племенем токсаба³⁰⁶.

²⁹⁹ Полевые записи автора, V, 1961; VI, 1970 г.

³⁰⁰ Н. А. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды..., стр. 408.

³⁰¹ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 113.

³⁰² В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, СПб., 1884, стр. 540—542.

³⁰³ Т. А. Жданко. Указ. соч., стр. 113.

³⁰⁴ В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 95.

³⁰⁵ Там же.

³⁰⁶ Термин «токсаба» мог произойти от имени родоначальника (сравнит. «токсобичи», в русской летописи), он мог возникнуть и путем одновременного произношения (объединения) двух родовых названий «ток» и «саба». У кунд-

На основе этих данных можно полагать, что «токсаба» в раннем средневековье являлось названием одного из кипчакских племен. Впоследствии, в процессе возникновения различных политических и экономических ситуаций, племя токсаба распалось на мелкие частицы и вошло в состав различных родо-племенных объединений и народностей. У кипчакских групп долины Зарафшана и кипчак-каракалпаков термин «токсаба» сохранился в качестве боевого клича (уран) как память о былом племени.

Группа кипчаков тогуз-уру, живших на территории Баткентского района (КиргССР), применяла в качестве урана родо-племенное название «ктай-кипчак». При сборах на войну их предводители бросали клич: «Исми киргиз бекзодаси ктай-кипчак колбай кел»³⁰⁷ — «Ктай-кипчаки бекского рода киргизов, приходите до единого!».

Группа кипчаков (кугай, кумушой) Балыкчинского района Андижанской области имела символический уран — «куч-ярок» (сила-оружие). В селении Дам Чустского района Наманганской области жил небольшой кипчакский род, носящий наименование «куч-ярок».

Таким образом, ураны, как и тамги, пережиточно сохранявшиеся у ряда родо-племенных групп кипчаков, дореволюционного Узбекистана, нередко дают ключ к выяснению их исторических и генетических связей с племенами или родо-племенными объединениями раннего и позднего средневековья.

* *
*

Мы привели данные о родо-племенном делении и локальных группах узбекского племени кипчаков исследовали вопрос о наличии кипчакских этнических элементов в составе других народностей, племен и родов. Выяснялся также вопрос о включении различных иноплеменных компонентов в состав кипчаков, живших в пределах Узбекистана.

Анализ их родо-племенного состава конца XIX — начала XX в. и выявление сходных этнических компонентов в составе других

ровских татар (в низовьях Волги) в середине XIX в. был зафиксирован род ток (См.: Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей..., стр. 367; прим. 3). Один из крупных родов узбекского племени мангыт также назывался ток (ток-мангыт). В составе казахского рода Младшего жуза кызылкурт имелось подразделение (подрод) суба или саба (см.: Н. А. Аристов. Указ. соч., стр. 367, 368, прим. 3; В. В. Востров, М. С. Муканов. Указ. соч., стр. 99).

Термин «токсаба» объясняется также и народной этимологией как сочетание «ток» — полный, сытый и «саба» — бурдюк для кумыса (см.: Т. А. Жданко. Очерки истории каракалпаков, стр. 45, 46, 113). Термин «ток» означает и темный цвет, например, ток-кизил (темно-красный, бордовый), ток-яшил (темно-зеленый).

³⁰⁷ Полевые записи автора, V, 1961 г.

родо-племенных объединений и народностей дали нам возможность сделать следующие выводы.

Кипчаки указанного периода являлись конгломератом частиц различных родов, племен и племенных объединений. В их составе прослеживаются древние и средневековые элементы, принадлежащие различным этническим общностям.

К раннему слою древнекипчакского этноса, видимо, относятся этнонимы ак-кипчак, кара-кипчак, сары-кипчак, возможно, и аю, таз. В X—XII вв. группы под этими названиями составляли основное ядро западных кипчаков. Такие родовые названия, как «парча-кипчак», жеты-кашка», «торы-айгыр», «кулан», «улмас», «илатан», «яшик» своим происхождением были связаны со средневековыми присырдарьинскими кипчаками. Отдельные кипчакские роды: кара-упа, бурлай, орай, сокмон, чугмон, ураз-той, бугаз, тикан, кугай, кара-бавур, шердон, олтика, омононг, жамононг, жартывош, и другие, видимо, образовались в недалеком прошлом в процессе распада и переселения отдельных групп бывших кипчакских родов и племен.

В составе кипчаков обнаруживается включение ряда пришлых этнических элементов: выходцы из алтай-саянской этнической среды — кипчак, куба, возможно, чекты, усунский элемент (уйшун); приаральский сармато-аланский элемент (ас); печенежско-канлийский (канглы), западно-тюркский — уз (кара-уз); огузский (кизил-аяк) и др. Многие родовые названия узбеков-кипчаков связаны с дештикипчакской (как кипчакской, так и некипчакской) этнической средой: бури, кара-байир, алти-ата, кара-моюн, чал-моюн, кук-моюн, жеты-урув, узун, бултунг, токал, уч-тамгалы, куш-тамгалы, ай-тамгалы и др. Эти роды и родовые объединения образовались, видимо, в XV—XVII вв. из частиц различных родов и племен тюрко-монгольского происхождения.

Трудно сказать что-либо о происхождении таких этнонимов, как черик, сары, тогуз, жеты-урув, сергели. Можно лишь предполагать, что племена и роды с этими названиями в прошлом находились в составе различных этно-политических объединений Южной Сибири и казахских степей.

В этнической среде кипчаков были родовые группы с этнонимами, идентичными названиями родо-племенных подразделений найманов, туяклы, ктай, юз, канглы и др. Выявляются также и отюреченные монгольские элементы (тама, ойрат). Наличие кипчакских элементов в свою очередь зафиксировано в составе ряда узбекских племен и родо-племенных объединений (катаган, сарай, кунграт, курама, мангыт, юз, и др.); они обнаруживаются также в составе соседних с узбеками народов (каракалпаков, казахов, туркмен и киргизов). Некоторые кипчакские этнонимы встречаются и в родо-племенных названиях алтайцев, башкир и других народов, о чем неоднократно говорилось выше.

Все эти данные свидетельствуют об исторической и этнокультурной связи кипчаков в прошлом со многими родо-племенными объединениями и народностями Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Южной Сибири. Как уже отмечалось, они вобрали в себя частицы многих родов и племен и в то же время кипчакские этнические элементы участвовали в формировании многих народов и племенных объединений Евразии. Следовательно, кипчаки принимали активное участие в этнической истории Средней Азии и соседних с ней регионов.

Кипчаки, поселившиеся в бассейне Зарафшана и в Ферганской долине, по историческим и этнографическим данным, являются поздними и наиболее смешанными в этническом отношении компонентами в составе узбекского народа. Однако, как показывают наши материалы, и в их составе можно проследить остатки того этнического ядра кипчакского средневекового родо-племенного объединения, которое сложилось в домонгольский период. В последующих главах мы приведем этнографические факты, свидетельствующие о том, что эта историческая традиция преемственности нашла отражение и в некоторых восходящих к глубокой древности бытовых пережитках, обнаруженных нами у изучаемой этнической группы узбеков.

Глава третья

ХОЗЯЙСТВО

ЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СИСТЕМА НАЛОГОВОГО ГНЕТА

Для характеристики хозяйства, а в дальнейшем — материальной культуры, семьи и семейного быта основным объектом мы избрали две большие, компактные группы (ферганскую и зарафшанскую) кипчаков. Быт и культура кипчаков Хорезма в некоторой степени отражены в работах К. Л. Задыхиной¹.

Кочевые кипчаки, перейдя на новые места расселения, в частности в культурные области Мавераннахра, столкнулись с некоторыми трудностями. Прежде всего остро сказывался недостаток пастбищных угодий в новых районах кочевья. Пастбища, расположенные близ оазисов, давно были распределены между полуоседлыми и оседлыми скотоводами. Переселившиеся кипчаки вынуждены были занимать пастбища с бедной растительностью или же насильственно захватывать лучшие пастбища и места водопоя, находившиеся в пользовании других родо-племенных групп. Это приводило к межплеменным войнам и разорению маломощных хозяйств.

Феодальная эксплуатация² и стихийные бедствия способствовали еще большему разорению скотоводов. Бывшие скотоводы, лишившись движимого и отчасти недвижимого имущества, вынуждены были переходить к оседлости и заниматься земледелием. Однако при этом они не оставляли своего традиционного занятия — животноводства. О ферганских кипчаках и каракалпаках В. И. Кушелевский писал: «Они составляют так называемое полукочевое население. Они имеют постоянные запашки, но по старым традициям держат возможно большее количество скота, с которым летом уходят в горы, на исконно определенные летние пастбища (жайлау)»³. «Не имея влечения к горам, упорно держась среднего и нижнего пояса долины, они (кипчаки кара-

¹ К. Л. Задыхина. Культура и быт узбеков Кипчакского района Каракалпакской АССР, ТХАЭЭ, т. II, М., 1958, стр. 761—808.

² См. ниже, гл. V.

³ В. И. Кушелевский. Материалы медицинской географии и санитарного описания Ферганской области, т. 1, Новый Маргелан, 1890, стр. 364.

калпаки, — К. Ш.) давно уже завели здесь культурные, искусственно орошаемые поля и соединили таким образом земледелие со скотоводством. Стали строить обширные курганчи (хутора), в которых зимуют со своим скотом и, упрочив таким образом свое материальное благосостояние, сделались наиболее сильными в политическом отношении»⁴.

Согласно данным В. Наливкина, обработка земли у кипчаков и каракалпаков поручалась «работникам и младшим членам семьи (сыновья и младшие братья), а главы семей продолжали оставаться скотоводами, проводившими большую половину года со скотом на пастбищах»⁵. Полуоседлое хозяйство среди определенной части кипчаков Ферганской долины продолжало сохраняться вплоть до начала XX в. Что касается кипчаков Зарафшана, то в течение XIX в. основная их масса перешла к оседлости и занималась земледелием: полукочевых кипчаков здесь уже в конце XIX — начале XX в. почти не было.

Таким образом, кипчаки Ферганской и Зарафшанской долин еще в XVIII в. полностью переключились на полуоседлое хозяйство, сочетавшее земледелие с животноводством.

В XIX — начале XX в. в хозяйстве полуоседлых кипчаков Ферганской долины животноводство и земледелие имели примерно одинаковое значение. У зарафшанских же кипчаков в это время уже преобладало земледелие. Кипчаки Ферганской долины занимались исключительно поливным земледелием; а кипчаки бассейна Зарафшана — как поливным (сувли), так и богарным (лялми).

Полуоседлые кипчаки Ферганской долины расселились на окраинах земледельческого оазиса, главным образом на территории северных предгорных районов долины. Лишь отдельные группы их жили в зоне орошаемого земледелия, в бассейнах Карадарьи и Нарына. В процессе интенсивного оседания в 50-х годах XIX в. ферганские кипчаки из-за острой нехватки поливных земель вынуждены были осваивать залежные земли, проводя на них оросительные работы. Так, в период регентства кипчакского предводителя Мусульманкула в Кокандском ханстве (1848—1852 гг.) было начато освоение новых земель, лежавших в северо-восточной части Центральной Ферганы, куда был проведен канал из Карадарьи (канал «Мусульманкул»). Земли, орошаемые этим каналом, естественно, стали собственностью кипчакской родовой аристократии.

Вскоре политическая ситуация в Кокандском ханстве изменилась не в пользу кипчаков. В 1852 г. Худояр-хан, окончательно разгромив ферганских кипчаков, конфисковал принадлежавшие им земли и велел продать их по половинной цене оседлым жи-

⁴ В. И. Кушелевский. Указ. соч., т. II, Новый Маргелан, 1891, стр. 191.

⁵ В. Наливкин. Указ. соч., стр. 19.

телям долины⁶. Разбитые и преследуемые Худояр-ханом кипчаки бежали в горы, ища защиты у кочевых киргизов. Лишь после присоединения Туркестана к России и установления нового административного управления в Фергане (1876 г.) кипчаки стали спускаться с гор.

Не все возвратившиеся кипчаки смогли снова занять прежние места расселения и вернуть принадлежавшие им прежде культурные земли. Многие вынуждены были поселиться на целинных пустынных землях на окраинах долины. Места, где они вновь осели, находились в предгорьях и были значительно выше окружающей местности и потому ранее эти земли никем не орошались и не обрабатывались.

Кипчаки Ферганской долины использовали для земледелия даже участки на склонах горных ущелий, лежащих на путях их летних кочевий, в частности, на склонах ущелий Камишекская, Резакская, Чадакская и др. Размеры этих земельных участков были небольшие: в пределах одного танапа. Для полива кипчаки использовали родниковые воды. Так как почва на склонах ущелий была каменистой, для освоения ее требовались большие затраты труда. Обрабатывали эти участки ручным способом⁷. Сеяли на них главным образом просо⁸, жасмык (вид чечевицы), маккаи (кукуруза).

Большая часть обрабатываемых земель находилась в руках богатых феодалов — баев, которые владели десятками и сотнями танапов земель. Кипчаки средних слоев имели до 10—15 танапов, а менее состоятельные 1—2 танапа земли. Многие кипчакские семьи и вовсе не имели земли (подробнее см. главу V).

Формы землевладения у кипчаков до присоединения Средней Азии к России были такими же, как у издавна оседлого местного узбекского населения. И в Бухарском, и в Кокандском ханствах земли делились на государственные (амляк), частновладельческие (мульк) и земли духовных учреждений (вакф). Этими видами земель пользовались наряду с оседлым узбекским населением и кипчаки. Они вносили в казну все виды податей, и сборы, а также выполняли различного рода феодальные повинности.

Мы не останавливаемся подробно на описании форм землевладения и размерах податей, которыми облагались крестьяне в среднеазиатских ханствах. Эти вопросы достаточно полно разработаны и освещены в ряде исследований⁹, к тому же эта тема

⁶ В. Наливкин. Указ. соч., стр. 179.

⁷ Неровности рельефа местности и малые размеры земельных участков не позволяли здесь использовать при пахоте животных (лошадей, волов).

⁸ Здесь сеяли просо двух сортов: тарик (*panicum miliacum*) и кунак (*panicum italicum*).

⁹ А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, СПб., 1882, стр. 420—425; А. А. Семенов. Очерки поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства. Труды САГУ, сер. II, вып. 1, Ташкент, 1924; П. П. Иванов. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., М. Л., 1954; Б. И. Искан-

выходит за рамки нашей работы. В данной главе мы коснемся указанных вопросов лишь в общих чертах, чтобы показать основные политические и экономические факторы, определяющие систему феодального гнета, земельные отношения и хозяйственный уклад изучаемой нами группы населения в условиях Бухарского эмирата, Кокандского ханства и после присоединения Средней Азии к России.

Основной доход казны поступал с амляковых земель. Размеры подати «харадж» в Бухарском, Кокандском и в Хивинском ханствах были различными. Даже в пределах одного ханства они разнились. Харадж с амляковых земель в Бухарском ханстве составлял от $\frac{2}{10}$ до $\frac{1}{2}$ части урожая с поливных земель, $\frac{1}{10}$ — с богарных¹⁰. В Кокандском ханстве харадж составлял от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{3}$ ¹¹, и в отдельных случаях до $\frac{1}{2}$ урожая с поливных¹² и $\frac{1}{10}$ с богарных земель.

С земель, занятых под фруктовые сады, виноградники и бахчи, харадж взимался деньгами (танап-пули). Размеры его также были не везде одинаковыми. Величина танапного сбора зависела от того, какой культурой была занята земля, а также от близости к рынку сбыта. Например, по данным 70-х годов XIX в., в местности, расположенной ближе к Самарканду, платили танап-пули с одного танапа огородных культур 2 руб., винограда и фруктов — 3 руб. 60 коп.¹³; в более отдаленных от города местах с огородных культур — 1 руб. 60 коп. с винограда и фруктов — до 2 руб. 40 коп., с обрабатываемых земель, орошаемых горными ключевыми водами, независимо от вида культуры танапный сбор составлял 1 руб. 20 коп.

даров. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России, М., 1960; Н. А. Кисляков. Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX—начале XX в., М.—Л., 1962; А. Жуvonмaрдиев. XVI—XIX асирларда Фаргонада ер-сув масалаларига доир, Ташкент, 1965; М. А. Абдураимов. Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве, т. I, Ташкент, 1966; т. II, Ташкент, 1970.

¹⁰ К. Шаниязов. Об основных видах земельной собственности и размерах хараджа в Бухарском ханстве в конце XIX—начале XX в., «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1962, № 3, стр. 54, 55.

¹¹ ТВ, 1876, № 16—17; ТВ, 1882, № 12, А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, СПб., 1876, стр. 48; А. Ф. Мидендорф, Очерки Ферганской долины, СПб., 1882, стр. 421—425; В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 29; А. Жуvonмaрдиев. XVI—XIX асирларда Фаргонада ер-сув масалаларига доир, Ташкент, 1965, стр. 36, 37.

¹² А. П. Савицкий. Поземельный вопрос в Туркестане, Ташкент, 1963, стр. 39.

¹³ А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 172. О размере танап-пули см. также: А. А. Семейов. Очерки поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства, Труды САГУ, Серия II, вып. 1, стр. 52. Размеры танапного сбора в указанном сборнике А. П. Хорошхина даны в русских рублях и копейках. В ханствах же их определяли тенгами. Одна бухарская тенга равнялась 20 коп. серебром по курсу русской валюты конца XIX—начала XX в.

Размеры хараджа обычно, очевидно, определялись, прежде всего степенью плодородия земельных участков, обеспеченностью их водой, а также экономической политикой государства. В некоторых случаях различия в размерах хараджа были вызваны теми привилегиями, которые получили отдельные лица или селения от эмира за оказанные ему услуги¹⁴. Но подобные случаи были лишь исключениями. Невыносимые поборы тяжелым бременем ложились на широкие массы трудового дехканства, эксплуатируемого феодалами и феодальным государством. К тому же не следует забывать и о многочисленных злоупотреблениях и неограниченном произволе ханских чиновников, светских и духовных феодалов, еще более ухудшавших и без того тяжелое положение народа.

Кипчаки, расселившиеся в пределах Кокандского ханства и занимавшиеся отгонным скотоводством¹⁵ (сочетая это занятие с земледелием), вносили в казну, помимо земледельческих податей, закят, размер которого определялся по шариату в 1/40 поголовья скота. Со скотоводов долины Зарафшана, в том числе кипчаков, бухарские правители также взимали закят по одной овце или козе («один закят»), натурой или деньгами — 16 тенег (3 руб. 20 коп. в русской валюте) с каждых 100 овец или коз. Закят взимался и с поголовья верблюдов: имевшие от 5 до 9 верблюдов вносили один закят (одну овцу или 16 тенег), владельцы 10—14 верблюдов — два заката, а владельцы 15—19 — три заката¹⁶ и т. д. Закят с крупного рогатого скота и лошадей, видимо, не взимался¹⁷.

В Кокандском ханстве, кроме вышеуказанных податей, крестьяне платили налог с мелкого рогатого скота (овец и коз), называемый туяк пули (букв. «плата за копыто»), размер которого нам установить не удалось. Помимо этого, бытовал еще один вид подати, взимавшийся со скотоводов, который был известен под названием чуповуз (плата за пастбище). Он взимался со скотовладельцев за то, что они пасли скот на лучших ханских пастбищах, считавшихся своеобразным «заповедником». В одном из документов архива Кокандского ханства ханский объездчик (курукчи) пишет правителю (в виде донесения) следующее: «По еже-

¹⁴ Например, бухарские эмиры практиковали систему «танхо» — временного ленного пожалования дохода с определенного земельного участка особо отличившимся военным, — светским и духовным лицам. Танхо жаловалось из амляковых земель, находившихся до этого в распоряжении дехкан или в пользовании самого получателя (танходора, танхохура). Если прежде дехкане или сам получатель танхо выделял часть урожая с обработанных амляковых земель в пользу государства в виде хараджа (скажем, 3/10 урожая), пожалования, танхо, то после танхо часть этой доли (чаще всего 1/10 урожая) шла в пользу танхохура, а остальной харадж сдавался государству в виде налога.

¹⁵ А. Дмоховский. О колонизации Ферганы, ТВ, 1885, № 20.

¹⁶ А. П. Хоррошкин. Кизил-Кум, ТВ, 1873, № 18; Он же. Сб. статей, касающихся Туркестанского края, стр. 172, 466, 467.

¹⁷ М. С. Бичурин. Туркестанская область, Казань, 1872, стр. 33, 34.

годному обычаю [кочевники] из некоторых обществ тюрков, кипчаков и киргизов прикочевали и поселились в тугае, чтобы пасти скот. По милости величества государя моего и с согласия помянутых обществ я собрал с них деньги, взяв с них по 4 танга с каждой сотни баранов»¹⁸. На наш взгляд, упомянутое в данном документе обложение есть не что иное, как чуповуз. Он взимался и в тех случаях, когда скот одного рода выпасался на пастбищах, принадлежащих другим родам. В таких случаях чуповуз поступал не в государственную казну, а в распоряжение главы рода (аксакала, бия). Взимался чуповуз по договоренности между старшинами (в зависимости от срока, сезона и количества поголовья) и составлял 10—15 овец с каждой тысячи голов мелкого скота¹⁹. Эти данные свидетельствуют о том, что хотя пастбищная территория рода использовалась всеми его членами, однако основными хозяевами родовых пастбищ являлись представители феодальной верхушки рода — аксакалы, бии.

Здесь идет речь лишь о главных податях. Но в ханствах существовало и множество других видов податей, которыми облагались земледельцы. По документальным данным, в Бухарском ханстве насчитывалось 55 видов налога²⁰, а в Фергане (XVI—XIX вв.) — более 90 податей и штрафов²¹.

После присоединения Туркестана к России земли оседлого населения (амляковые, мильковые) были объявлены государственными, но при этом за земледельцами оставалось право наследственно-подворного владения. Вакуфные земли по-прежнему сохранялись за духовными учреждениями (мечети, медресе). Однако та их часть, которая на правах аренды находилась в пользовании отдельных лиц или группы людей, была закреплена за ними с выделением части дохода в пользу вакуфного учреждения. До присоединения Туркестана к России крупные землевладельцы сдавали свои земли издольщикам в аренду. С присоединением Средней Азии к России указанные земли перешли в наследственное владение к арендаторам.

Внешне эти мероприятия царского правительства выглядели как бы уступкой в пользу земледельческого населения; на самом же деле они были направлены на ограничение экономической мощи местной феодальной аристократии. Однако по-прежнему в руках феодалов оставалось большое количество обрабатываемых земель в качестве мильков, которые, как и прежде, отдавались в аренду малоземельным и безземельным издольщикам.

¹⁸ А. Л. Троицкая. Заповедники — курук Кокандского хана Худояра, Сборник ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, вып. III, Л., 1955, стр. 150.

¹⁹ Полевые записи автора за 1961 г.

²⁰ Б. И. Искандаров. Из истории Бухарского эмирата, М., 1958, стр. 45—46.

²¹ А. Жуков и Мардиев. XVI—XIX асирларда, Фарғонада ер-сув масалаларига доир, 71 бет.

После присоединения Средней Азии к России из среды людей, поставленных на должности старшин, сборщиков податей, народных судей и т. п., а также купцов стали выделяться крупные землевладельцы. «Одни пользовались влиянием, другие богатством и либо захватывали самовольно, либо скупали за бесценок у мнимых владельцев земли²². Состояние в 100—300 и даже 1000 танапов теперь не редкость»²³, — констатировал М. А. Терентьев.

В первый период после присоединения Средней Азии к России царская колониальная администрация взимала с населения те же основные поземельные налоги, что взимались прежде в Кокандском и Бухарском ханствах, но с некоторыми изменениями в размерах: харадж (поземельная подать) — в размере 1/10 урожая, танап — приблизительно 1/6 доли урожая, сбор с торговцев (закет) — в размере 1/40 оборотного капитала. В 1869 г. харадж и танапные сборы были объединены в единую поземельную подать²⁴. Положением 1886 г. был введен термин «государственный поземельный налог» в размере 1/10 среднего налогового дохода и установлен более сложный порядок определения размера и взимания податей²⁵. Этот налог среди населения известен под названием «улпон». Установление царским правительством определенного размера подати несколько не облегчало положения трудового народа. Эта мера скорее всего шла на пользу более состоятельным землевладельцам, что вынуждены были признать сами царские чиновники.

В отчете ревизии Туркестанского края сенатор Гирс писал: «Вся тяжесть поземельных налогов ложилась на менее имущее население, именно на тех лиц, земля которых признавалась государственной и отданной в их постоянное пользование. Земля же, состоящая на праве полной собственности, т. е. более зажиточных лиц, облагалась значительно менее, а именно только в размере 10% обложения земель государственных»²⁶.

Оседлое население платило еще так называемые земские, или дорожные, сборы для строительства дорог, мостов, дорожных помещений, будок и различного типа административных помещений.

Кочевое население (в том числе и полукочевые скотоводы) поначалу платили царской казне, как и при ханах, подать со стада скота — закет. Размер ее был установлен в 1% против 2,5% в ханствах. Однако «Временным положением» 1868 г. подать со скота, ввиду невозможности определить его действительное коли-

²² Т. е. у тех, которые не имели никаких документов, дающих право на владение пахотной землей.

²³ М. А. Терентьев. Статистические очерки среднеазиатской России, ЗРГО, По отделению статистики, т. IV, СПб., 1874, стр. 92.

²⁴ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Сочинения, II, ч. 1, стр. 359, 367.

²⁵ Там же, стр. 367.

²⁶ Отчет о состоянии Туркестанского края, составленный сенатором, тайным советником Гирсом, командированным для ревизии края..., СПб., 1882, стр. 36.

Таблица 1

Поземельно-податное обложение жителей Ишим-Аксакской волости Самаркандской области*, руб.

Наименование сельских обществ	Число земле- владельческих дворов	Общее коли- чество земель, подлежащих обложению	Размеры ранее взимавшего посе- дельного налога (с дачи, двора)	Размеры нало- гов, причитаю- щихся на деся- тину по ново- му обложению	Общая сумма на- лога, причитаю- щаяся на всю землю	Повышение размера посе- дельной пода- ти по сравне- нию с прежним, %	Размеры земского сбора—25% с сум- мы поземельного налога
Ривачское	202	578	1799-29	4-93	2854 5	58-63	713-51
Буйрачинское	241	905	2816-62	5-16	4867-27	69-78	1216-81
Ирназар-Курган	261	1113	2622-09	6-24	6952-77	165,16	1738-19
Ишим-Аксакское	246	1200	2862-10	5-88	7057-32	146,58	1764-33
Джиянбекское	290	966	2891-59	5-22	5050-45	74,8	7262-61
Утабское	268	654	1721-20	5-13	3361-30	95,29	840-32
Тупаласское	280	869	1854-90	7	6085-51	228	1521-37
Ходжа-Измайльское**	216	813	29799-7	5-70	4635-84	86,9	1158-96
ИТОГО	2004	7103	19047—76	—	40864—51	—	10276—12

* Справочная книжка Самаркандской области, вып. IV, Самарканд, 1896, стр. 110, 111. Из таблицы выборочно взяты данные, относящиеся к теме нашего исследования.

** Около 90% жителей этих селений составляли кипчаки. Основная часть пахотных земель в указанных сельских обществах принадлежала оседлым кипчацким хозяйствам, лишь 408 землевладельцев были из других волостей и из г. Самарканда. Эти землевладельцы не жили в Ишим-Аксакской волости, но часть обрабатываемой здесь земли принадлежала им.

чество, была заменена «кибиточной податью»²⁷ (дуд пули) за право пользования зимними стойбищами и летовками²⁸. Размер кибиточной подати в 1881 г. был установлен единый — 2 руб. 75 коп.

В «Положении 1886 г.» эта подать была определена в размере 4 руб. с кибитки. Кроме закета, кочевое население, подобно оседлым землевладельцам, платило также дорожные (земские) сборы.

Следует указать, что полuosедлое хозяйство облагалось (как земледельческое) поземельной податью (ўлпон) и, кроме того, было обязано платить кибиточный сбор (дуд пули), размер которого приравнивался к размерам такого вида сбора у кочевников (главным образом киргизов), т. е. 4 руб. При таком порядке общая сумма податей на хозяйство кипчаков Ферганской области, занимавшихся наряду с земледелием отгонным скотоводством, была значительно выше, чем у оседлого населения.

Размеры поземельного налога в конце XIX в. резко увеличались по сравнению с 80-ми годами того же столетия. Если в 80-х годах XIX в. дехкане облагались поземельным налогом подворно, то в 90-х годах этим налогом облагалась каждая пригодная для пользования десятина земли. Эта новая налоговая политика колониальной администрации дала возможность резко повысить размеры поземельной подати. Из приведенных данных (табл. 1) видно, что в кипчакских селениях Ишим-Аксацкой волости поземельный налог в 1893/94 г. увеличился по сравнению с прежним (1882 г.) с 58,63% до 228%. Вся тяжесть налогового бремени, несомненно, лежала на плечах трудящихся дехкан, которые подвергались жестокой эксплуатации со стороны крупных землевладельцев и царской администрации.

Помимо указанных выше податей, население Туркестанского генерал-губернаторства платило ежегодные сборы на содержание местной царской администрации (аксакалов, эликбашей, юзбашей, мингбашей, начальников уездов, писарей и др.), число которых постоянно росло.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Обрабатываемая земля, согласно классификации местных крестьян, делилась на «лалми» и на «сувли-ер» (или «тугай-ер»). К «лялми» относились земли, лежавшие на возвышенности, в предгорных и горных районах, где посевы выращивались главным образом на атмосферной влаге. Засевали неполивные земли весной (бахор) и потому называли их еще и таджикским термином «бахорикор» или «бахори» (богарная).

²⁷ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Сочинения т. II, ч. 1, стр. 371.

²⁸ А. П. Савицкий. Поземельный вопрос в Туркестане, Ташкент, 1963, стр. 107.

На «сувли-ер» (искусственно орошаемых землях) сеяли два раза: первый раз осенью (куз), второй — весной (бахор). Осенью сеяли на поливных землях главным образом пшеницу, ячмень. Эти посевы ферганские кипчаки называли «кузги эгин» (озимые), а узбекское и таджикское население бассейна Зарафшана — «трамой»²⁹.

Те же культуры, которые высевают весной на богарных полях, называют «бахори». Отметим, что для обозначения посевов на искусственно орошаемых землях («туғай ер» и «трамой») у кипчаков принят и таджикский термин «оби».

На своих пахотных землях кипчаки сеяли почти все виды культур, которые с древнейших времен производились на узбекской земле³⁰.

Не останавливаясь подробно на описании всех видов земледельческих культур, распространенных у кипчаков, опишем кратко лишь способы возделывания и уборки основных видов: пшеницы, ячменя, риса, джугары.

Джугара преобладала в земледельческих хозяйствах бедных дехкан. Кипчаки Ферганы, как и другие земледельцы этой долины, сеяли в основном озимую пшеницу (кузги бугдай), а кипчаки Зарафшана — яровую (бахори бугдай). Озимую пшеницу и ячмень сеяли в сентябре (в Зарафшанской долине) и в октябре (в Ферганской долине), а при благоприятной погоде до ноября и декабря. Яровую сеяли в марте. На один танап высевали до 2 пудов пшеницы или ячменя³¹ и получали урожай с поливных земель в среднем от 20—30 (у ферганских кипчаков) до 50 пудов (у кипчаков Зарафшана). Как рассказывали наши собеседники — старики из Пайарыкского района Самаркандской области³², с хорошо обработанной, получившей достаточное количество удобрений

²⁹ Посевы «трамой» делятся на: «ак» (белый), что соответствует понятию раннего, и «кок» (зеленый) — позднего урожая. К посевам «ак» относятся озимая пшеница и ячмень, а также маш, горох и другие виды зерновых, к посевам «кок» — все поздно поспевающие культуры: просо, джугара, кунжут и др. Их убирали осенью. Стебли культур, относящихся к «кок», в период уборки бывают все еще зелеными, а «ак» — пожелтевшими. Видимо, на основе этих признаков местные крестьяне делили посевные культуры на «ак» и «кок». Подробно о посевах «ак» и «кок» см.: П. П. Иванов. Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии, «Известия АН СССР», Отделение общественных наук, 1935, № 8.

³⁰ М. Бродовский, Заметки о земледелии в Самаркандском районе, Сб. «Русский Туркестан», вып. 1, М., 1872; А. И. Шахназаров. Сельское хозяйство в Туркестанском крае, стр. 114—119.

³¹ Для засева одного танапа неполивных земель требовалось значительно меньше зерна, чем для поливных: 1—1,5 пуда пшеницы или ячменя. Естественно, что урожай с неполивных земель также был меньше, так как он зависел здесь от количества атмосферной влаги. При благоприятной погоде с неполивных земель можно было получить до 20-25 пудов с одного танапа; средний же урожай составлял 10-15 пудов с одного танапа.

³² Нашими собеседниками были старые кипчаки Мардонов, 1885 г. рожд., Исхаков Кадиркуль, 1890 г. рожд., Каршиев Хамро, 1895 г. рожд.

и воды земли иногда удавалось получать до 160 пудов пшеницы или ячменя.

Вспахать и засеять неполивную (богарную) землю было легче, чем поливную. Обычно богарный посев производился там, где осенью вспахивали пар (шудгар). Поэтому весной перед посевом земля вспахивалась только один раз, затем разбрасывали зерно и бороновали. Кипчаки бассейна Зарафшана, даже не вспахивая пар, сразу же разбрасывали зерно и затем проходили по полю зубчатой стороной деревянной бороны («сих мола») или бороной, сделанной из веток («шохмола»).

Техника обработки поливных земель была сложнее. Число вспашек под пшеницу и ячмень, в зависимости от свойств почвы, доходило до 8—12 раз. Земледельцы-кипчаки говорили: «Чем больше землю пашешь, тем больше будет и урожай».

Обработка земли под озимые начиналась летом (в июле — августе); землю вспахивали сразу же после уборки урожая и оставляли под пар. Весной поле поливалось и затем вспахивалось несколько раз. Эту пашню (пар) кипчаки бассейна Зарафшана называли заимствованным у таджиков термином «лола оби шудгор». Затем спустя некоторое время, еще до посева, снова производили пахоту несколько раз подряд. После каждой пахоты пашня подвергалась боронованию вдоль и поперек, также несколько раз. Перед посевом, в конце сентября, вспаханную до этого землю поливали и, когда она подсыхала, бороновали зубчатой стороной деревянной бороны («сих мола») и разбрасывали зерно. Затем той же бороной прикрывали зерно.

Поливали озимую пшеницу два раза, а ячмень — один. Первый раз пшеницу поливали перед тем, как она начинала колоситься; второй раз — за несколько дней до уборки. Пшеницу, посеянную весной на поливных землях, поливали (если была вода) три раза: первый полив проводили вскоре после всхода, а второй и третий проходили, как и поливы яровых, — перед колосованием и созревaniem. Наши собеседники-старики говорили, что пшеницу и ячмень ни в коем случае нельзя поливать в период цветения, ибо могут опасть цветы, что приведет к резкому снижению урожайности. Нельзя поливать также и в период, когда зерно (пшеница или ячмень) наливается молочным соком. Полив в это время способствует сильному разрастанию стеблей растений, что также отрицательно сказывается на урожайности.

Хлеб (лепешки) из муки озимой пшеницы считались наиболее питательными. Народная пословица гласит: «Съесть одну лепешку из муки озимой пшеницы все равно, что три лепешки из яровой». Кроме того, озимый посев, выращиваемый на поливной земле, был более надежным и давал значительно больший урожай, чем на богаре; поэтому крестьяне уделяли больше внимания озимым посевам, а яровых засевали очень мало.

На озимой пашне сеяли пшеницу преимущественно красно-бу-

рую («кизил бугдай»), а на богаре — белую («ақ бугдай»)³³. Пшеница созревала в начале июня.

После уборки озимых часть земли обычно засевали такими культурами, как маш, кунжут, джугара. Площадь вторичных посевов была сравнительно небольшой. Основную часть земли после уборки озимых культур поливали и затем вспахивали 2—3 раза, а в конце ноября и в декабре обильно поливали водой («кав-соб» или «яхоб») и оставляли под пар до весны следующего года, а с наступлением весны засевали яровыми. В земледельческих хозяйствах кипчаки придерживались в основном трехпольной системы севооборота, которую с древних времен практиковали земледельцы Средней Азии. Пашню делили на три участка: часть оставляли ежегодно под пар, другую часть засевали озимой пшеницей и ячменем, а после уборки сеяли маш, просо, кунжут, джугару, а третью часть отводили под яровые культуры, главным образом пшеницу и ячмень.

Следующей важной сельскохозяйственной культурой являлся рис. Рисоводством занимались все кипчацкие селения ненышнего Пайарыкского района Самаркандской области, расположенные вдоль оросительных каналов. Ферганские кипчаки, за исключением тех, которые жили в низовьях Карадарьи и Нарына, рисоводством не занимались.

Кипчаки Пайарыкского района культивировали несколько сортов риса (шоли): кок-шоли (зеленый рис, — его сеют очень рано, с конца апреля до начала мая); қизил-шоли (красный рис) — зерно у него круглое, красовато-розового цвета; марғали-шоли-круглый, желтоватого цвета; арпа шоли (буквально «ячменный рис») — зерно белое крупное и несколько удлиненное. Этот сорт сеют позже других и он считается лучшим³⁴. Рис, который производили зарафшанские кипчаки, в основном шел на рынок.

Рисоводство требовало больших затрат труда. Обработка земли под рис начиналась осенью. После уборки урожая поля расчищали от сорняков, стеблей и затем их распахивали не менее двух раз. Ранней весной снова пахали несколько раз подряд (не менее 6 раз)³⁵, после каждой пахоты поле тщательно бороновали. Проведя последнюю вспашку под рис, поле заливали водой, чтобы выявить рельеф и уклон поверхности земли. Поле разбивали на множество квадратов (пал)³⁶. Первый квадрат располагался

³³ Кипчаки, как и окружающее их узбекское население, культивировали несколько сортов озимой пшеницы: «қизил-бугдай» (красно-бурая), «ақ-бугдай» (белая), «қара-қилтик» (желтозерная пшеница) и др.

³⁴ Сев раннего сорта риса начинался по старому крестьянскому календарю в пятый день хамали (27 марта) и продолжался до пятого дня месяца савр (27 апреля), поэтому его иначе называли «хамали».

³⁵ Количество вспашек зависело и от качества обрабатываемой почвы. Порой число весенних вспашек под рис достигало 8—12.

³⁶ Пал — небольшой (примерно 15—20 сотых га) участок земельной площади, а более мелкие участки (4—5 сотых) назывались това или товача, исходя из количества семян, идущих на посев отдельных участков. Рисоводы приме-

на более возвышенном месте, а затем ступенью ниже шли другие квадратные участки. Первые квадраты — палы делали глубже (в виде небольших резервуаров), чтобы отстаивать в них воду для полива; их называли «құмпал». Арычная вода, находившаяся в них в течение нескольких дней, под воздействием солнечных лучей нагревалась, после чего ею поливали остальные участки. Рисовые поля, политые теплой водой, давали дружные ранние всходы. Кроме того, на дне резервуара оседало большое количество ила, и когда воду спускали из резервуара в другие палы, ее слегка мутили, чтобы лессовый ил вместе с теплой водой попал в остальные палы.

При посеве на каждый танап поля затрачивали 2 пуда семян риса. Урожай получали до 15 батманов, а в отдельных случаях — 20—25 батманов³⁷. Однако средний урожай с танапа считался 8—10 батманов.

После разбивки поля на отдельные квадраты, разделенные валиками (увот, чел, пал), туда напускали воду и, гоня по воде воллов, боронили малой с зубьями палы два раза³⁸, чтобы взмутить воду, и затем руками разбрасывали семена риса. Перед посевом семена риса выдерживали в воде в течение 4—5 дней; размокая, они набухали и после посева быстро давали всходы. Вода стояла на полях в течение 6—7 дней после посева, и только после появления всходов ее спускали.

В течение четырех дней воду не напускали, чтобы дать возможность согреться почве и способствовать росту семян. По истечении указанного срока опять пускали воду и затем держали ее постоянно, до периода созревания риса. В общей сложности рисовые поля стояли в воде в течение 80—90 дней. За 7—8 дней до уборки воду спускали с полей и высушивали почву, а затем уже приступали к жатве.

Снимали рис серпом (уроқ). Сжатые рисовые стебли сушили в течение 7—8 дней, раскладывая на возвышенных участках поля. Затем вязали снопы. Снопы собирали в небольшие кучи — ганаки и переносили на гумно (хирман жай), там их рассыпали и обмолачивали с помощью лошадей или быков³⁹. После молотбы зер-

няли к ним еще терминны «бирпудлик» (пудовый), «ярим пудлик» (полупудовый), «икки чайраклик» (один самаркандский чайрак — 2 кг). Самыми крупными считались однопудовые и редко двухпудовые палы. Несомненно, что величина участков (квадратов) зависела от рельефа местности (пахотного поля) и площади земли в данном землевладельца, отведенной под посев риса. Если поле было ровное и большое, то палы делались также большими, но не более одного танапа, ибо на участках размером более танапа удержать в квадрате воду на необходимом уровне трудно.

³⁷ Один батман в долине Зарафшана равнялся 8 пудам, а в Ферганской — 5,5 пудам. См. А. И. Шахназаров. Сельское хозяйство в Туркестанском крае. СПб., 1908, стр. 118.

³⁸ Этот полив называется лойоб (тадж. термин, букв. «мутная вода»).

³⁹ Если у хозяина была большая скирда снопов (гарам), то обмолот производился по частям. Недалеко от большого гарам делали еще две небольшие скирды, и там стебли риса раскладывали на очищенных площадках так.

но риса очищали с помощью решета. Измятые стебли риса (они не измельчаются при молотье, как стебли пшеницы или ячменя, а остаются лишь измятыми) шли на корм скоту. Рисовую солому давали в зимний период лишь в размоченном виде, главным образом крупному рогатому скоту. Те хозяйства, которые собирали небольшое количество риса, привозили снопы к своему двору и молотили, выбивая зерно палкой.

Еще одной важной культурой, возделываемой кипчаками, являлась джугара (сорго). Ее сеяли кипчаки Ферганы и Зарафшана. Зерно джугары большей частью употреблялось в пищу. Оно служило и кормом для скота (рабочих волов, лошадей и мелкого откормочного скота, домашней птицы). Стебли джугары также являлись ценным кормом для скота.

Существовало несколько (в зависимости от периода вегетации) сортов джугары: шести-, четырех-, и трехмесячная. Последние два вида считались скороспелыми; их можно было сеять вторым посевом после уборки ячменя. Трехмесячные сорта культивировались у узбеков (в том числе у кипчаков) бассейна Зарафшана. Ферганские кипчаки эти виды джугары не сеяли, поскольку в климатических условиях Ферганы они не всегда созревали.

Кипчаки Зарафшанской и Ферганской долин чаще всего сеяли джугару шестимесячную. Она была самой высокоурожайной и наиболее неприхотливой. Посев производили в апреле, а убирали в октябре. При высокой урожайности с одного танапа посевов этого сорта можно было получить до 200 пудов зерна, а средний урожай составлял 40—50 пудов, тогда как средний урожай четырехмесячных — всего 15—20 пудов.

Шестимесячный вид джугары подразделяется на несколько подвидов: 1) с короткими толстыми стеблями (калта-пая) и крупными зернистыми головками (катта бош); 2) стебли толстые (ёгон пая), но почти в 2—4 раза выше, чем калта-пая, зернистые головки крупные и шейка головки сильно согнута; 3) стебли тонкие, длинные, сочно-сахаристые (узн-пая или ширин-пая), зернистые головки несколько удлиненные.

Когда созревали первые головки джугары, хозяин снимал их и из зерна готовил кушанье «гўжа-ош» для всех жителей селения. Ритуальное «гўжа-ош» из первого урожая называется «ошолди»⁴⁰.

чтобы по ним свободно могли ходить волаы или лошади. Каждая большая скирда называлась аяк (аеқ солма). Вначале обмолот производился на одном хирмане. Когда здесь кончали молотить, волов или лошадей переводили на другое гумно. Тем временем дехканни убирал солому, поднимая нижние слои обмолачиваемого риса, подкидывал из основной скирды снопы и разбрасывал их поверх уже размельченных стеблей. После работы на втором гумне волов или лошадей, с помощью которых производился обмолот, перегоняли снова на первое гумно и продолжали молотьбу. С второй скирдой продельвается то же самое, что и с первой. И так постепенно, путем чередования молотьбы на двух хирманах и подкидывания снопов из гарама производили обмолот всего урожая.
⁴⁰ «Ошолди» — от слов «ош олди» — начальное (или первое) кушанье, т. е. первое кушанье из джугары урожая этого года.

Этот обряд бытовал у кипчаков Зарафшана, которые заимствовали его, видимо, у окружающего населения. Смысл этого обряда заключается в том, как объясняли нам старые люди, что джугара занимала важное место в пище местного населения, из нее готовили разнообразные блюда (см. раздел «Пища»). Основными потребителями пищи из джугары были беднейшие и средние слои дехкан. Когда созревала джугара, дехкане беспрдельно радовались, что благополучно дожили до нового урожая и что их семья будет обеспечена на зиму пищей. Эту радость дехкане делили с односельчанами, угощая друг друга «гўжа-ошем». На наш взгляд, обычай ошолди имеет глубокие исторические истоки и является пережитком обычаев распределения пищи или продуктов питания и коллективных трапез, существовавших при общинно-родовом строе.

Из зерновых культур кипчаки, особенно ферганские, сеяли еще просо. На одном танапе высевали около полпуда (вернее 10 кг). Средний урожай составлял 20—25 пудов. Просо засевали обычно вторым посевом на небольших площадях. Зерно проса в основном шло в пищу.

Кипчаки, как и другие земледельцы-узбеки, сеяли и хлопок⁴¹ (гуза). До присоединения к России яровое поле, выделяемое под хлопок, было обычно небольшим. Гузу после созревания собирали вместе с коробочками и затем уже волокно выбирали из коробочек ручным способом. Труд затрачивался на выращивание этого сорта хлопка большой, а урожай был низким.

Американский сорт хлопка стали разводить в Ферганской долине (в Андижане) с 1879 г.⁴² В последующие годы он быстро распространился среди местного населения. Этот сорт более урожайный, и уборка его менее трудоемкая⁴³. Если в 1885 г. был посеян (в Ферганской области) местный сорт хлопка на 52 052 десятинах, а американский лишь на 106 десятинах, то в 1889 г. посевы американского сорта составили уже 27 840 десятин, а местного — 22 855⁴⁴ десятин.

Кипчаки возделывали и бахчевые культуры (дыни, арбузы, тыкву), а также морковь, лук и др., для которых отводились не-

⁴¹ А. Д. Гребенкин. (Узбеки, Сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 101), говоря о кипчаках, живущих в районах Челека и Турткуля, писал, что они в большом количестве сеют хлопок.

⁴² Семена американского хлопка появились в Бухарском эмирате раньше, чем в Фергане (в 1859 г.), а посев его производился уже в 1860 г. Однако местное население не сразу разобралось в преимуществах этого сорта и потому он не получил там широкого распространения (См. А. Мухтаров. Очерки истории Ура-Тюбинского владения в XIX в., Душанбе, 1964, стр. 124).

⁴³ В. И. Кушелевский. Указ. соч., т. I, стр. 255. В среднем с одного танапа получали 12—15 пудов гузы или 50—60 кг очищенного от коробочек хлопка. А с одного танапа земли, засеянного американским хлопком, в среднем можно было получить 1120 кг хлопка.

⁴⁴ В. И. Кушелевский. Указ. соч., 1, стр. 255, См. также ТВ, 1887. № 35.

большие участки ярового поля. Значительная часть урожая этих культур употреблялась в хозяйстве самого дехканина. Кипчаки, проживавшие близ Самарканда, значительную долю продукции бахчевых вывозили на городской рынок. Ферганские кипчаки, основная масса которых вела полуоседлое хозяйство, сеяли бахчевые культуры в сравнительно малом количестве.

Несомненно, высокий урожай любой культуры крестьянин мог получить лишь при хорошем знании техники земледелия и использования народного опыта по выращиванию различных сельскохозяйственных культур.

Важным условием получения хорошего урожая с поливных земель было применение удобрений и правильное орошение полей (об орошении см. ниже).

Удобрения (навоз) собирали в течение зимы и лета, сушили и вывозили на поле лишь осенью или весной следующего года. При отсутствии навоза крестьяне вывозили на поле сухую землю, которую они брали с близлежащих холмов и с развалин старых глинобитных построек. Удобрения вывозили в плетеных из стеблей водяного растения (лух) корзинах, называемых кошик (у кипчаков Зарафшана), которые вмещали до 150 кг удобрений.

Вывозили удобрения также на тачке, единственное колесо которой было сделано из деревянного круга (галтак). Кузов галтака (куда клали удобрение или землю) плели из тонких тутовых прутьев. Навоз вывозили на арбе (обычно на кутяк арбе), на которой устанавливался специальный ящик (соги) или плетеные (одна большая или 2—3 меньшего размера) корзины. На одной арбе умещалось до 10 пудов удобрений. 35—40 арб (350—400 пудов) удобрений на один танап считались нормой.

Обработка почвы производилась местными сельскохозяйственными орудиями. Пахотное орудие — деревянный омач, ярмо (буюнтурук), деревянная борона (мола), а также такие их части, как дышло (мола-поя), ремни из сыромятной кожи (тиркиш), цепь (занжир), длинная палка для вождения волов (гаврон чўп) и чугунный лемех (тиш) изготовлялись в сельских мастерских или приобретались на базарах. Сельскохозяйственный инвентарь, использовавшийся кипчаками-земледельцами, ничем не отличался от такого же инвентаря окружающего населения.

Теперь коротко остановимся на пахоте, посеве и уборке урожая основных зерновых культур.

К весеннему севу готовились в зимние месяцы (январь, февраль). За этот период земледельцы приобретали сельскохозяйственный инвентарь, вывозили удобрения, подготавливали семена к посеву. Бедные земледельцы заключали соглашения по совместному использованию рабочего скота. Хозяйства, имевшие лишь одну рабочую скотину (вола или лошадь), в кипчакских селениях бассейна Зарафшана составляли больше половины всех хозяйств. В таких случаях две семьи объединялись в период

пахоты в «шерик» или «олгов»⁴⁵; пара рабочего скота в упряжке составляла кош.

Весенний пахотный сезон начинался в конце марта, после того, как отпразднуют Новый год — навруз⁴⁶, приходившийся на дни весеннего равноденствия.

В дни навруза, накануне пахоты, рога гола смазывали маслом, в котором жарили лепешки⁴⁷. Делалось это, как объясняют старики, для того, чтобы рога были крепкими, а сам бык — неутомимым. Этим же маслом мазали и ярмо (буюнтурук).

В первый день пахоты проводилось лишь несколько борозд, а затем нагрузка постепенно увеличивалась. Это делалось для того, чтобы предотвратить переутомление волов. После окончания пахоты волам не давали стоять на одном месте продолжительное время, водили их по полю, не снимая ярма. Это называлось у земледельцев «совутиш» (букв. «охладждение»).

Пахари выходили на поле на рассвете и работали по 11—12 часов. За это время с помощью пары волов (одного коша) они могли распахать и 2—3 раза пробороновать один, редко полтора танапа яровой пашни, а на богаре — до 3—4 танаров.

Семена, предназначенные для посева, крестьянин насыпал в полы халата. Прежде чем разбросать семена, он молился, затем три раза дул на зерна, которые держал в руке, и только после этого начинал сеять; бросая первую горсть семян, он говорил: «Қуш, қурт қумұсқалар ҳақи» (Доля птиц, червей, муравьев). В рисоло земледельцев указывалось, что «хотя грехи земледельца подобны песчаным волнам, птицы замолят все грехи его...»⁴⁸. По всей вероятности, в этом обряде земледельцев есть какая-то связь с древними поверьями. Обряд ритуального посвящения первой горсти семян повторяли каждый раз перед началом очередной пахоты.

На яровом поле семена разбрасывали после распашки и боронования. После сева поле опять бороновали: вначале бороной с зубьями (сих-мола), а затем гладкой ее стороной (пас-мола).

⁴⁵ О значении терминов «шерик» и «олгов» см. Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вохно-Боло, М.—Л., 1936, стр. 30.

⁴⁶ Навруз в древности был широко распространен среди земледельческого населения Средней Азии. В средневековой Бухаре этот праздник назывался «Наврузи кишварзон» — деханским праздником. См. Абу Бакр Мухаммад Ибн Жаъфар Наршахий. Бухоро тарихи. форс — тожик тилидан таржима А. Расулевники, Ташкент, 1966, стр. 24. См. также Н. А. Кисляков. Сочинение Абу Бакра Мухаммеда Наршахи «История Бухары» как этнографический источник, Труды АН Таджикской ССР, т. XXVII, Душанбе, 1958 г.

⁴⁷ Обычай мазать рога волов маслом был широко распространен на всей территории Узбекистана и Таджикистана. См. М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, т. II, Известия АН ТаджССР, 1958, стр. 62; Н. А. Кисляков. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием у таджиков бассейна р. Хингау, «СЭ», 1947, № 1, стр. 114—115. Этот же обычай нами был зафиксирован у узбеков-карлуков (К. Шанниязов. Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964, стр. 51).

⁴⁸ В. И. Кушелевский. Указ. соч., т. II, стр. 186.

При посеве пшеницы и ячменя на яровом поле кипчаки Зарафшана примсняли борону-волокушу, сделанную из зеток⁴⁹, а борону-доску они использовали при посеве хлопка, кунжута, джугары, проса и др. На богарном поле вначале разбрасывали семена, а затем уже пахали поле, оставляя его неборонованным.

При разбрасывании семян пахарь произносил молитву. Он молил бога, чтобы каждое посеянное им зерно умножилось в стократном размере, а каждые сто зерен — в тысячу раз («бири жуз, жузи минг бўлсин»).

Как уже было сказано выше, кипчаки бассейна Зарафшана, расселившиеся на границе со степью или в предгорных районах, занимались (наряду с поливным) богарным земледелием, важным условием для которого было достаточное количество осадков. В засушливые годы дехкане совершали различные обряды, с помощью которых надеялись вызвать дождь. Весьма распространенным среди жителей Зарафшана, в том числе и кипчаков, было проведение обрядов «сус-хотин», жертвоприношение («худойи») и сбор «дарвишона». Отметим, что указанные обряды проводились не только в Зарафшанской долине, но были распространены и в зонах богарного и полубогарного земледелия в Южном Узбекистане и Таджикистане⁵⁰.

Основным орудием земледельца на жатве урожая служил серп (ўроқ) местного кустарного производства. Обычно каждая семья убирала свой хлеб самостоятельно. Богатые же землевладельцы нанимали временных рабочих-жнецов, либо прибегали к помощи односельчан, созывая их на хашар⁵¹.

Сжатые стебли складывали в кучу и затем вязали в снопы. Полная горсть колосьев называлась «тутам», восемь «тутамов» составляли «даста», восемь «даста» — «бов»⁵². Несколько десят-

⁴⁹ Борона-волокуша (шоҳ-мола, или чопар), видимо, в прошлом была широко распространена на территории Узбекистана. Шоҳ-мола нами зафиксирована не только в бассейне Зарафшана, но и на территории нынешней Сурхандарьинской области (см. К. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 49). Она была распространена и на юге Таджикистана. (См. М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период, Историко-этнографический очерк, Изд-во АН ТаджССР, 1957).

⁵⁰ Об обрядах вызывания дождя магическими способами см. Г. Арандаренко. О метеорологических познаниях туземцев Зарафшанского округа, ТВ, 1877, № 22; К. А. Богомолова. Следы древнего культа у таджиков. ОИИРН ТаджССР, 1952, № 2; М. Р. Рахимов. Указ. соч., стр. 209—211; К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 51—53.

⁵¹ Хашар как временное объединение группы людей (односельчан) при проведении трудоемких работ является весьма распространенным обычаем у народов Средней Азии. В хашар объединялись не только во время уборки урожая, но и при рытье оросительных каналов, строительстве домов и т. д. Нередко этот народный обычай использовался эксплуататорской верхушкой в своих корыстных целях.

⁵² Снопы вязали крупными. Один жнец в день мог убрать 4 снопа (бов), а иногда 6. В четырех снопах содержалось до 50 кг зерна. С одного батмана (4 танапа) земли можно было собрать в среднем до 100 бов, в которых содержалось, приблизительно, 8 батманов зерна пшеницы или ячменя.

ков «бов», складывали в скирду — «гарам». Снопы вязали в день два раза: перед выходом на обед и в конце дня. Связкой служили сорные травы.

В конце жатвы снопы перевозили на заранее приготовленное место «хирман жай» и складывали в большую кучу. Если «хирман жай» находился недалеко, то снопы переносили сами жнецы или члены их семей. Несли их на спине, связав веревкой по два-три снопа. А если «хирман жай» находился далеко от

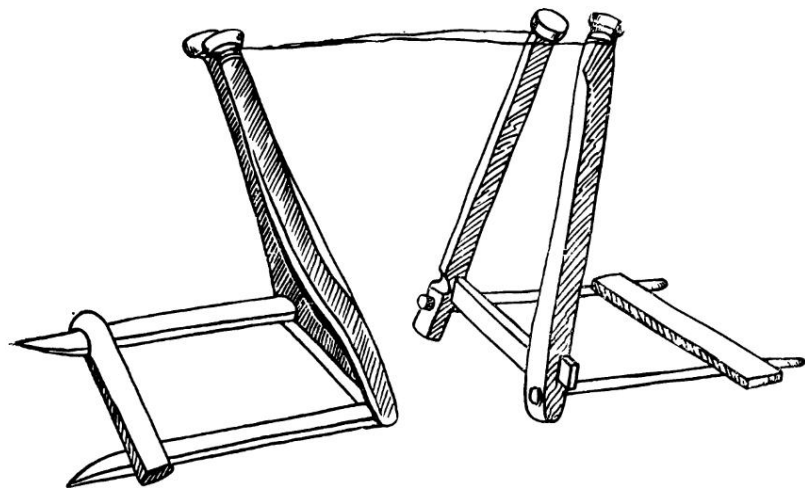

Рис. 1. Приспособление для перевозки снопов вьючным способом, сел. Сарыкипчак, Булунгурский р-н Самаркандской обл.

места уборки, то снопы перевозили вьюком на лошади или на осле, при этом на седло устанавливали специальное приспособление «чигана» (рис. 1). После перевозки на «хирман жай» снопы развязывали и раскладывали на заготовленной площадке для молотьбы⁵³.

Обмолот производился лошадьми и волами. Бедняки, у которых урожай был невелик, использовали для молотьбы и ослов. Весь процесс обмолота животными назывался «хўп».

В процессе «хўпа» человек, руководящий им, вооружался железными или деревянными вилами («шоха»)⁵⁴ и периодически поднимал нижнюю, неразмельченную часть стеблей с колосьями.

⁵³ Куча обмолоченного, но еще не просеянного зерна называлась «хирман», а куча очищенного от соломы зерна — «чаш».

⁵⁴ Деревянные вилы в зависимости от числа зубьев делились на икки-шох (двухзубые), уч-шоха (трехзубые), тўрт-шоха (четырёхзубые), беш-шоха (пятизубые).

Часто, особенно у зарафшанских кипчаков, для этого применялось специальное приспособление — «увал»⁵⁵.

Обмолоченную пшеницу провеивали при помощи деревянных вил и лопаты («курак»). Куча зерна после первого провеивания называлась «пойхин»⁵⁶. В ней еще оставалось много неразмеленных колосьев («чори»), для окончательного обмолота их опять гоняли животных. После этого провеивали зерно при помощи деревянной лопаты, а затем просеивали его через решето с широкими глазками («чаш-галвир», или «катта кўз-галвир» у кипчаков Зарафшана)⁵⁷. На этом заканчивался первый этап операции по очищению зерна от соломы. Окончательно завершалась очистка зерна после того, как его просеивали через частое решето (кичик кўз-галвир)⁵⁸.

После того, как зерно очищалось и ссыпалось в кучу, проводился обряд «опоясывания». Дехканин набирал полное решето зерна (пшеницы, ячменя) и обходил вокруг тока, высыпая по пути приблизительно 1/3 зерна; остальную часть он высыпал в стороне от чаш, на расстеленный мешок или халат. Этот обряд назывался «чашни белини боғлаш» (опоясывание чаши). Проводился он, как нам объясняли, для того, чтобы патрон земледельцев — «бобо-дехқан» умножил количество зерна в куче, чтобы она была весомей («хирман баракали бўлсин»), а также для охраны чаш от дурного глаза.

Та часть зерна, которая насыпалась в стороне от чаш, называлась у крестьян термином «ҳақулло» (божья доля). «Ҳақулло» служило как бы средством очищения находившегося в чаш зерна от загрязнения его животными при молотье; после его раздачи зерно считалось пригодным для употребления. «Ҳақулло» раздавалось как милостыня самым бедным (жинщинам, оставшим-

⁵⁵ Увал (плетенка) — волокуша типа чопар (см. К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки стр. 55) применялась для поднятия нижнего необмолоченного слоя колосьев. Увал делали из ветвей крепкого дерева (чаще всего из карагача и туты), он состоял из нескольких перекрещивающихся поперечных и продольных прутьев; в промежутках между ними прикреплялись заостренные колья, при помощи которых приподнимались на поверхность обмолоченные стебли. Длина увала достигала 2 м, ширина — 1—1,5 м.

⁵⁶ В некоторых селениях бассейна Зарафшана (в его низовьях), а также на Кашкадарье она называется «пойхоб». См. К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 55. По всей вероятности термины «пойхин» и «пойхоб» соответствуют таджикскому термину «пойхом» (см. Н. А. Ершов. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией, Труды АН ТаджССР, т. XXVIII, 1960).

⁵⁷ У кипчаков Ферганской долины так же, как и у оседлого населения, решето с широкими глазками называется «пароқ».

⁵⁸ Кипчаки бассейна Зарафшана называли его «даст-галвир» — букв. «ручное решето» (тадж. «даст» — рука).

ся без родных, детям-сиротам, нищим). Но очень часто «хакулло» доставалось имаму⁵⁹ местной мечети или ишану⁶⁰.

Кроме обряда опоясывания, у кипчаков бытовал и ряд других обрядов, которые также были связаны с хирманом.

Кипчаки, как и окружающее их земледельческое население, выделяли определенную долю своего урожая в виде кафсана в пользу духовенства и представителей местной администрации (аксакала, мираба). Кафсан получали также цирюльник (сартарош), кузнец (темирчи), сапожник, занимающийся починкой обуви семьи (кўнадўз) и пастухи (подачи).

Размеры выделяемого кафсана зависели не только от урожая данного года и социального положения дехкан, но и от чинов должностных лиц и важности работы обслуживающих общину ремесленников. Например, семьи ряда кипчакских селений (Джувозхона, Тупалос, Хийра и др.) Пайарыкского района Самаркандской области выделяли мирабу и аксакалу по два решета зерна пшеницы и ячменя, имаму местной мечети — четыре решета⁶¹. Цирюльник получал с каждого бреющего у него мужчины по одному решету. Если в семье было четверо мужчин, то он получал с хирмана данной семьи четыре решета зерна (пшеницы, ячменя). Кузнецу выделяли одно решето; сапожнику (в зависимости от количества душ в семье) от 0,5 до 1 решета; пастуху за выпас каждой коровы в течение года — 1,5 решета⁶². Из этих данных видно, что небольшая (среднего состояния) семья выделяла для уплаты кафсана из урожая пшеницы и ячменя до 16—20 пудов. Кафсан давался и из урожая джугары, риса, а также технических культур: льна, кунжута, хлопка. Кафсан с урожая технических культур получали лишь сельские аксакалы и мирабы.

День, когда зерно засыпалось в мешки⁶³ для отправки в дом, назывался днем поднятия хирмана (хирман кутариш куни).

⁵⁹ Имам — главный служитель мечети. Он руководил чтением намазов (молитв), его приглашали в дома жителей селения для чтения молитв при похоронах, поминальных, свадебных и других обрядах, за что он получал с крестьян плату — кафсан, а хакулло являлось его дополнительным вознаграждением.

⁶⁰ Ишанами называли руководителей суфийских орденов и общин.

⁶¹ Такое же количество (два решета) зерна выделяли и кипчаки Ферганской долины. В одно большое решето вмещался в среднем пуд зерна. Кипчаки Ферганской долины выделяли имаму местной мечети по одному решету пшеницы и ячменя.

⁶² Размер кафсана, выделяемого кузнецу, зависел от размера хозяйства земледельца. Если в данном хозяйстве имелось несколько рабочих волов и арб и требовалось много металлических сельскохозяйственных орудий (кети, лопаты, серпы и др.), которые делал кузнец, то размер кафсана по договоренности доходил до 6—8 решет пшеницы и ячменя.

⁶³ Эти мешки делались из грубой шерстяной ткани. Существовало несколько размеров и соответственно с этим названий мешков: катта кап (большой мешок) или просто кап, в который вмещалось до 10 пудов зерна; кўшулок кап — мешок меньшего размера, куда вмещалось до 5 пудов зерна; турба — мешок небольшого размера, в который вмещалось до 3 пудов зерна.

Способы хранения зерна были различны. Полуоседлые кипчаки в прошлом хранили зерно в земле. Для этого заранее рыли яму (ура) глубиной 2—2,5 м и шириной внизу до 1,5 м. По форме яма напоминала усеченный конус, в верхней части ее диаметр составлял 60 см. Дно ямы засыпали толстым слоем размельченной соломы (саман), а стены обкладывали сухими стеблями льна или кустами полыни (шувок). В зерно клали комки красной соли. Это делалось для того, чтобы сохранить зерно от насекомых, главным образом от муравьев. Сверху зерно закрывали толстым слоем соломы, затем засыпали землей, сделав небольшим бугорок и обмазав его глиной, смешанной с измельченной соломой. В таких ямах зерно могло храниться в течение 3-х лет. Оседлые кипчаки, как и все оседлые узбеки, хранили зерно в специальных зернохранилищах (амбарах)⁶⁴.

ВОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Оседлое население на территории Узбекистана занималось орошаемым земледелием с древнейших времен. Здесь накопился богатый опыт народных приемов и методов по сооружению ирригационных каналов и водопользованию⁶⁵. Кипчаки и другие в прошлом полуоседлые узбеки, находясь в непосредственном контакте с окружающим их земледельческим населением, восприняли от последнего и успешно начали применять многие приемы орошения и водопользования.

В пределах среднеазиатских ханств вода в отличие от земли находилась в общественном пользовании⁶⁶. Это было вызвано трудностями, связанными с проведением и устройством ирригационных систем, содержания каналов в исправности, периодической очистки их и т. д. Все эти работы проводились коллективно жителями нескольких селений и даже целых районов и областей. Велись и ежегодные общественные работы — хашар — по очистке маги-

⁶⁴ Пшеницу, семена льна, кунжута, маша хранили в глиняных сосудах различной величины (хум). В таких сосудах из жженой глины зерно хранилось длительное время. Для хранения некоторых зерновых (риса, маша и др.) использовались и большие тыквенные сосуды (донкади).

⁶⁵ О водопользовании в дореволюционном Узбекистане см. подробно: Н. Дингельштедт. Опыт изучения ирригации Туркестанского края, Сырдарьинская область, ч. 1—2, СПб., 1898; К. К. Пален. Орошение в Туркестане (Отчет по ревизии Туркестанского края), СПб., 1910; Н. Г. Малицкий. Обычное право водопользования в Ташкентском районе и отношение его к шарияту, «Вестник ирригации», 1925, № 4; И. Дембо. Земельный строй Востока, Л., 1927, стр. 89—98; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма, Ташкент, 1957; А. Мухаммаджанов. Куйи Зарафшон водийсининг сугоришлиш тарихи, Ташкент, 1972, и др.

⁶⁶ Но были нередкостью и такие случаи, когда (особенно в пределах Кокандского ханства) в частной собственности крупного узбекского (в том числе и кипчакского) феодала находился целый арык или отдельные его участки. См. ЗРГО, по отделению статистики, т. IV, СПб., 1874, стр. 92; ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 14, д. 455, л. 5; оп. 15, д. 647, л. И-19. д. 3460, л. 2.

стральных и отводных каналов (о них см. ниже). Кроме того, население вносило известную плату (сув пули) на содержание крупных каналов, а также выполняло трудовую повинность по строительству дамб, проведению новых каналов, заготовке дерна и т. п.

В Бухарском и Кокандском ханствах контроль за очисткой арыков и за порядком водопользования осуществляли мирабы, арыкамины и баш-мирабы. Мираб⁶⁷ заведовал отдельными оросительными каналами, обеспечивающими водой селение данной местности⁶⁸. В крупных кишлаках, которые получали воду из двух арыков, имелось несколько мирабов⁶⁹.

Арык-амин — смотритель над арыками⁷⁰. До присоединения восточной части Зарафшанской долины к России эта должность существовала в пределах нынешнего Пайарыкского, Пастдаргомского и других районов. Эта должность была широко распространена и в низовьях Зарафшана. Баш-мираб (главный мираб) вел контроль над пользованием водой из магистрального канала, от которого отходили отводные каналы, несущие воду в десятки и сотни селений определенного административного района. Он же контролировал работу сельских мирабов и арык-аминов⁷¹.

Все указанные выше водные надзиратели — мираб (включая мирабча и пал-мираб), арык-амин, баш-мираб — получали от земледельцев за свой труд натуральную оплату в виде кафсана.

После присоединения Средней Азии к России и издания 2 августа 1888 г. инструкции о правах и обязанностях заведующих ирригацией⁷² произошли некоторые изменения в системе водной администрации. Мирабы оставались по-прежнему на своих местах и выполняли прежние функции. Баш-мираб был заменен арык-аксака-

⁶⁷ Слово «мираб» образовано от арабского «амир» — повелитель, правитель (см. А. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I, СПб., 1869, стр. 95, т. II, 1871, стр. 272). В данном случае «мираб» — управляющий (или заведующий) водой для орошения.

⁶⁸ В кипчакских селениях нынешнего Папского и Чустского районов Ферганской области в период существования Кокандского ханства контроль над отдельными сельскими оросительными каналами вели так называемые дехкан-аксакалы (крестьянские старосты). Такая же должность в 70-х годах XIX в. имела и в Ташкентском оазисе (См. ЗРГО, т. IV, СПб., 1874, стр. 90).

⁶⁹ В этих селениях имелось еще несколько мирабча и пал-мирабов, которые по уровню занимаемых должностей стояли значительно ниже мирабов и подчинялись им (мирабча — букв. малый мираб, пал-мираб — межевой мираб). Последний контролировал мелкую оросительную сеть (шоходча), обеспечивающую водой 2—3 дехканских хозяйства (которые условно будем называть хозяйственной группой). Мирабча осуществлял контроль над одним из оросительных каналов (шох), на которые делился основной арык селения. Шох обеспечивал водой землю нескольких хозяйственных групп.

⁷⁰ Арык (узб.) — канал, амин (араб.) — инспектор, смотритель, управитель и т. д. (см. А. З. Будагов. Указ. соч., т. I, стр. 96), арык-амин — смотритель над арыками.

⁷¹ В низовьях Зарафшана (главным образом в Бухарском оазисе) — лицо, контролирующее водопользование из магистрального канала; мираб-арбоб или арбоб по своему должностному уровню был равнозначен с баш-мирабом.

⁷² А. И. Шахназаров. Сельское хозяйство в Туркестанском крае, стр. 93.

дом (старостой над арыками), который заведовал оросительной системой волости. Он назначался уездным начальством и получал определенное жалование за свой труд.

В обязанности арык-аксакала входило наблюдение за очередностью водопользования и разрешение связанных с ним споров. Ему же было поручено заведование дорогами и мостами. Арык-аксакалу были известны площади посевов в каждом хозяйстве. Поэтому на него возлагался также контроль за деятельностью местной администрации при составлении ею списков хозяйств для распределения подати.

На головной части арыка устраивалось головное сооружение, а там, где арык разветвлялся на два и более рукава, устанавливались примитивные плотины (тўгон). В обследованных нами районах наиболее распространены два типа плотин: первый — плотины, сооружавшиеся из наложенных друг на друга десятков слоев и рядов дерна (чим-тўгон); второй — деревянное сооружение, известное в бассейне Зарафшана под названием даргот. Снимая ряды дерна или несколько рядов досок, бревен и прочего, наложенных на плотине, пускали в арык необходимое количество воды. Опытному мирабу было известно, какой приблизительно объем воды будет пущен в арык при снятии каждого ряда наложенных на плотину водозаграждающих материалов.

С организацией царской водной администрации в 80—90-х годах XIX в. появились водоизмерительные приборы (главным образом, деревянные мерки с делениями, указывающими на объем пропускаемой воды), которые устанавливались у плотин главного магистрального канала. Однако на арыках меньшей категории такие приборы отсутствовали и объем воды по-прежнему определялся на глаз.

При определении объема воды в арыках использовались особые единицы мер: «тегирмон»⁷³ — количество воды, приводящее в движение одну мельницу, «таш»⁷⁴ — половина воды одного тегирмона, «кулок» — количество воды, необходимой для полива в течение суток от 10 до 15 танапов земли⁷⁵, «батман» — количество воды, необходимое для орошения участка земли, засеянной батма-

⁷³ Этот термин применялся главным образом на территории Бухарского ханства.

⁷⁴ Таш — букв. камень. Этот термин принят в народе для определения количества воды в арыках. В таком случае под таш подразумевали движение воды, способное привести в действие механизм водяной мельницы. Один таш составлял приблизительно около 7,2 куб. фута воды в сек. См. Справочная книжка Самаркандской области, вып. IV, стр. 100.

⁷⁵ В научной литературе нет единого мнения о величине меры «кулок». См. Н. Дингельштедт. Указ. соч., стр. 204, 300; К. К. Пален. Орошение в Туркестане, стр. 83; А. И. Шахназаров. Указ. соч., стр. 97. В период наших этнографических исследований в Зарафшанской долине выяснилось, что величина «кулок» зависит от размера канала. В сельских арыках кулок воды мог оросить до 30—40 танапов земельной площади. В мелкой же оросительной сети (шохабча), из которой вода шла непосредственно на орошение полей дехкан, кулок воды мог оросить лишь 10—15 танапов за сутки.

ном⁷⁶ пшеницы, ячменя и др. «Батман» как мера воды был широко распространен среди населения бассейна Зарафшана. В Фергане этот термин не применялся.

На территории Бухарского и Кокандского ханств для обозначения объема воды широко употреблялся также термин «чорак» (или «чайрак»). Кроме этого, в Фергане часто использовали термин «чакса».

Чорак (тадж. «чор-як») как мера воды обозначал количество ее, достаточное для орошения земельной площади, засеянной $\frac{1}{4}$ батмана зерна. Этого количества семян зерновых (пшеницы, ячменя, сорго) обычно хватало, чтоб высеять один танап пашни.

В Кокандском ханстве одним чораком воды орошали 4—5 танапов земельной площади⁷⁷. Чакса составляла $\frac{1}{4}$ чорака, этой воды хватало для полива за сутки 1 танапа пахотного участка⁷⁸.

Для примера приведем описание системы водопользования в нескольких кипчакских селениях Ферганской долины и в бассейне Зарафшана.

Селение Бачкыр. Многие оросительные каналы селений юго-восточной части Ферганской долины питались водой Сох-сая. От него брали начало 366 больших и малых арыков. Один из крупных (головных) каналов этой системы носил название Сары-курбан. Он разветвлялся на два крупных канала: Кара-курпа и Бачкыр. Последний разветвлялся на 83 канала. В нижнем течении Бачкыр-арыка находилось крупное селение Бачкыр (наименование одного из кипчакских родов, закрепленное в топонимике местности). В период половодья в Бачкыр-арыке вмещалось до 200—250 ташей⁷⁹ воды, из которых 50—55 ташей брали земледельцы селения Бачкыр.

На подступах к этому селению нижняя часть Бачкыр-арыка разветвлялась на семь оросительных каналов. Каждый из них орошал одну из частей селения Бачкыр, т. е. каждая седьмая часть или квартал селения имел свой оросительный канал, название которого соответствовало названию квартала: Ханабад, Башир, Олтин-курбан, Чумушик, Кара-тепа, Шур-кишлок, Пешагар. В каждом таком канале вмещалось до 7—8 ташей воды.

Контроль за водопользованием на оросительных каналах осуществлял мираб. Каждое из семи территориальных делений селения Бачкыр имело своего выборного мираба, который подчинялся

⁷⁶ Батман как мера веса равнялся в бассейне Зарафшана 8 пудам (в Коканде 5,5 пудам), а как мера посевной площади — 4—5 танапам (исходя из того, что 1,5—2 пуда зерна пшеницы, ячменя засевали на одном танапе пахотной земли). Таким образом, батман как мера воды равнялся количеству воды, необходимой для полива до 5 танапов земельной площади.

⁷⁷ В Кокандском ханстве размер танапа был значительно меньше, он составлял 400 кв. саж. (1800 кв. м), а в Бухаре 60 кв. саж. (2700 кв. м) (См. Б. И. Искандаров. Из истории Бухарского эмирата, М., 1958, стр. 37, примеч. 5).

⁷⁸ Чакса как мера веса равнялась 11,5 фунта, 16 чакса равнялись одному кокандскому чораку, 3,5 чакса — одному русскому пуду (См. ТВ, 1874, № 33).

⁷⁹ Полевые записи автора, V, 1962.

главному миру — арык-аксакалу арыка Бачкыр. Ему, кроме семи мирабов указанного селения, подчинялись также мирабы 15 селений, которые тоже брали воду из Бачкыр-арыка⁸⁰. Арык-аксакал в свою очередь подчинялся овандсз-баши (видимо, от тадж. «абандоз» — водораспределитель), который обычно являлся представителем колониальной администрации.

Арык-аксакал находился на головной части Бачкыр-арыка. Летом, в период поливов он ездил вдоль арыка и распределял воду по оросительным каналам.

Мирабы, контролировавшие каналы, отведенные от Бачкыр-арыка, жили в своих селениях. Однако в период поливов и хашаров (1,5—2 месяца) они направлялись к головной части арыка и, получив необходимое количество воды от баш-мираба, возвращались в свои селения и распределяли воду среди земледельцев участка.

Распределение воды по каналам проводилось в установленном порядке. Очередь на воду селения Бачкыр приходилась через каждые семь суток. Эта вода распределялась по семи распределительным каналам (сутки на каждый канал). От распределительного канала на каждое территориальное деление (квартал) селения Бачкыр отходило множество мелких оросительных сетей (шох), обеспечивающих водой одно или несколько хозяйств. В головной части каждого шоха была закопана труба (кувур) определенного диаметра. У этой трубы устанавливалась вертикально водоизмерительная доска, на которой имелись соответствующие деления, показывающие уровень воды. С помощью специального приспособления регулировали воду, проходящую через трубу.

Значительная доля воды, предназначенной для селения Бачкыр, доставалась состоятельным земледельцам. Так, крупный бай Усман-бай имел право на получение $\frac{1}{7}$ доли воды (т. е. в каждые семь суток одни сутки вода текла на его поля), мулло Эсавай — $\frac{1}{10}$ долю, три бая этого селения — Артык-бай, Ахун-бай, Исхок-бай — вместе имели право на $\frac{1}{10}$ долю воды. Таким образом, пять состоятельных землевладельцев имели право получать более $\frac{3}{10}$ нормы воды, выделявшейся селению Бачкыр, где в конце XIX — начале XX в. жило около 500 семей.

Селение Дам (Чустский район). Дам-арык брал воду непосредственно из Сумсор-сая и обеспечивал водой только селение Дам. Арык пропускал 15 чораков воды. Через каждые 18 суток по установленной очередности Дам получал воду.

Воду распределяли между землепользователями с учетом количества поливных земель. Малоземельные жители селения, имевшие от одного до пяти танапов поливных площадей, объединялись в своеобразное общество водопользователей («сув шерик») и вместе получали один чорак воды. Таких «сув шериков» в селении

⁸⁰ Эти селения следующие: Тол-қишлоқ, Ингирчоқ, Янги-қишлоқ, Кал-қишлоқ, Қатта-ховуз, Қум-қишлоқ, Равот-йўли, Чийда-йўли, Қарақум, Олти увул, Ҳазрат-шоҳ, Беговат, Муғшахар.

Дам было более пятнадцати. Земледельцы, имевшие пять танапов земли и более, получали воды от 1 до 2—3 чораков. Но большая доля воды доставалась крупным землевладельцам. Такие кипчакские баи селения Дам, как Низам-бай, Мирзарип-бай, Турсункул-бай, владевшие 200—300 танапами поливных земель, имели право на $\frac{1}{18}$ долю воды, каждый в отдельности (т. е. каждый бай через каждые 18 дней получал воду целые сутки, а Азизхан-бай из крупного селения Чуст, имевший в селении Дам 500 танапов поливных земель, имел право на $\frac{1}{9}$ долю воды (т. е. в течение 18 дней он получал воду дважды). Итак, пять крупных землевладельцев получали вместе $\frac{5}{18}$ всего количества воды, выделявшейся для селения Дам, а оставшаяся часть воды в течение 13 дней подавалась по очереди на поля других землевладельцев селения.

Из арыка Дам вода распределялась по семи (различным по величине) распределительным каналам, каждый из которых вмещал от 3 до 5 чораков воды. От этих каналов отходили еще более мелкие оросительные ветви, которые несли воду непосредственно на поля дехкан.

Надзор за получением положенной доли воды из Сумсор-сая в Дам-арык, а также за распределением ее между семью оросительными каналами осуществлял сельский мираб⁸¹. Получение воды из мелких оросительных каналов (қулоқ) контролировал пятидесятник (эллик-боши) селения.

Время получения воды каждым хозяйством или группой земледельцев определялось по солнцу. Для этого выбирали прямое и гладкое бревно высотой в человеческий рост и устанавливали его вертикально на открытой солнечной площадке. Приблизительно через час после восхода солнца, когда четко выделялась тень от столба, делалась первая отметка на земле. Наблюдение за линией тени длилось почти до захода солнца. По всей линии, где проходила тень от восхода до захода солнца, делалась углубленная черта (3—5 см), и это расстояние разделялось на четыре равные части. Каждая часть отделялась от другой поперечными (по отношению к линии тени) отметками. По этим четырем частям линии тени определялось время, в течение которого хозяйство или группа хозяйств данного селения получала положенную норму воды⁸².

Приведем для ясности пример: водораспределительная сеть за сутки получила шесть чораков воды для орошения 30 танапов земли четырех хозяйств. Два хозяйства за сутки должны были полить по 5 танапов земли, а два других — по 10. Эти хозяйства договаривались между собой об очередности пользования водой. Хозяйство, владевшее пятью танапами земли, получало воду утром и поливало до тех пор, пока тень столба не подходила ко второй разграни-

⁸¹ Дам-арык был сравнительно небольшим (как по объему вмещаемой им воды, так и по протяженности и орошал лишь земли данного селения, поэтому здесь отсутствовала должность арык-аксакала.

⁸² Полевые записи автора, VI, 1971 г.

чительной отметке; затем очередь переходила ко второму хозяйству, которое также поливало 5 танапов. Последнее получало воду до того времени, когда солнце становилось в зенит. Затем очередь переходила к третьему землевладельцу, который должен был полить 10 танапов до вечера. Ночью (поскольку она короче дня) поливало только одно хозяйство, которое имело 10 танапов посевов. В следующий раз хозяйства, получавшие воду из этого оросительного канала, менялись очередями: тот, кто поливал ночью, переходил теперь на дневной полив и наоборот.

Селение Арык-буйи (Чустский район) пользовалось водой из арыка Акча. Канал Акча брал начало из горной речки Говасай⁸³. При изобилии воды в Говасае, очередь Акча-арыка приходила через каждые 10 суток, а при маловодье — через 20—25 суток. В последнем случае земледельцы могли поливать за сезон лишь один или редко два раза.

Когда по Акча-арыку в течение 10 дней шла вода, то из них 5 дней она непрерывно текла в селение Арык-буйи, а другие 5 суток — в селение Акча. В самом селении Арык-буйи также происходило распределение воды среди дехкан по очереди. В течение дня брали воду 5—6 малоземельных дехкан, имевших каждый по 1—3 танапа поливных земель, или 1—2 хозяйства состоятельных землевладельцев, владевших 15—20 танапами. Ночью поливали лишь 2—3 малоземельных хозяйства или один состоятельный землевладелец. В течение суток обеспечивался полив нескольких хозяйств (5—7) селения. За это время хозяйства успевали (все вместе) полить до 30—40 танзлов посевов.

Получение воды в срок на Акча-арыке контролировал арык-акал, а в самом селении Арык-буйи — сельский мираб при помощи эллик-боши.

Кипчаки, расселившиеся на территории нынешнего Пайарыкского района Самаркандской области, пользовались водой таких крупных каналов, как Пай-арык, Хоса (которые брали воду из головного канала Булунгур), горной родниковой речки Карасу и др. От указанных каналов отходило несколько крупных и малых каналов. Например, от Пай-арыка отходило 11 арыков, от Хоса-арыка — 8 и т. д.

Один из крупнейших арыков, отводившихся от Пай-арыка, был Чураш. До 60-х годов XIX в. водой этого арыка пользовались 100 селений (многие из них были кипчакскими) урочища Тахир-шейх⁸⁴, с общей земельной площадью около 15000 танапов⁸⁵.

Воды в Чураш-арыке было очень мало, и его часто перекрывали, ограничивая доступ воды в те или другие населенные пункты, располагавшиеся вдоль по этому каналу. В связи с этим многие дех-

⁸³ Кроме канала Акча, из Говасая брали воду также арыки следующих населенных пунктов: Гова, Чуст, Пап, Алмос, Коплон, Каркидон.

⁸⁴ Урочище Тахир-шейх находилось в северо-западной части нынешнего Нарайского района.

⁸⁵ ЦГА УзССР, ф. И-1, оп. 27, д. 1819, л. 100—101.

канские семьи стали покидать свои кишлаки, в результате население урочища Тахир-шейх значительно сократилось. К 1868 г. из ста населенных пунктов здесь не осталось и десяти. У оставшихся семей земледелие теперь было лишь одним подспорьем, ибо на их земли не поступала вода. Только весной 1882 г. администрация Зарафшанского округа дала распоряжение о пропуске воды в Чураш.

От Хос-арыка отходило, как указывалось выше, несколько оросительных каналов, обеспечивавших водой десятки кипчакских селений: 1) Курган-арык орошал поля селения Чапрашлы; 2) Жугрук — селений Поник, Чивич, Бузой, Хурми, Ак-курган, Тупалос, Ойтамгали; 3) Булог-арык — поля селения Жул-тева; 4) Бури-арык — селения Бури; 5) Куйи-арык — селения Кампирўлди⁸⁶; Урта-арык — селения Жигирма-тева⁸⁷; 7) Мойчи-арык — селения Ялок-тева; 8) Иза — селений Жувоз-хона и Ок-челак.

Каждый из этих оросительных каналов вмещал от 1 до 6 кулоков воды. Например, в период половодья (весной и до середины лета) в Жугрук-арыке текло 6, в Иза — 2, в Мой-чи — 1 кулок воды.

Селение Сары-кипчак нынешнего Булунгурского района, которое в дореволюционный период вело полуоседлое хозяйство, пользовалось водой из Ходжа-арыка. Из этого арыка брали воду также селения Жети-урув, Сумон, Навруз-тепа и Ходжа-кишлак. От Ходжа-арыка было отведено множество боковых ответвлений — кулок-арыков, а от последних — ён-арыков, которые несли воду непосредственно на поля водопользователей.

Каждое селение (исходя из наличия орошаемых полей) получало воду из двух-трех кулок-арыков и более. Например, селение Сары-кипчак, которое ввиду полуоседлости его жителей имело сравнительно малое количество орошаемых земель, получало воду непосредственно из трех кулок-арыков, а именно: Акташ, Нишаб, Караул-тепа. Каждый из них вмещал по одному кулоку воды, а в целом в Ходжа-арыке пропусклось 28—30 кулоков (или 4 таша) воды.

Раздел воды между водопользователями, получавшими воду из Ходжа-арыка, производился следующим образом. Каждые 10 хозяйств водопользователей составляли общину («сув шерик»), которая получала воду один раз в 10 дней, т. е. очередность наступала через каждые 10 дней. В селении Сары-кипчак насчитывалось (в конце XIX — начале XX в.) 80 хозяйств, из них лишь 60 хозяйств имели орошаемые земли, которые составляли шесть общин водопользователей.

Когда подходила очередь полива, община распределяла воду между хозяйствами. Согласно договоренности, каждые 10 танапов земли получали необходимую для их орошения долю воды (хак),

⁸⁶ Это селение брало воду также из Челак-арыка.

⁸⁷ Селение Жигирма-тева получало воду еще и из Ярим-арыка.

и владельцы этой земли пользовались водой в течение $\frac{1}{3}$ суток. 2—3 малосемейных хозяйства и более, объединяя свои участки (до 10 танапов), также получали одну долю воды и поливали сообща свои участки в течение $\frac{1}{3}$ суток.

Описанная система была выгодна крупным землевладельцам. Воду получала община, состоявшая из 10 хозяйств. Среди этих хозяйств всегда имелись одно или два, владевших значительным количеством орошаемых земель. Они орошали свои поля и фактически пользовались почти всей водой, получаемой общиной. Следовательно, община водопользователей в селениях служила лишь ширмой, за которой стояли крупные землевладельцы, использовавшие ее права в своих интересах.

Здесь шла речь о водопользовании в селении Сары-кипчак, жители которого в прошлом вели полуоседлое хозяйство. У них было сравнительно мало орошаемых земель, поэтому они получали не большое количество оросительной воды. В оседлых кипчакских селениях бассейна Зарафшана количество орошаемых земель и доля получаемой ими воды были значительно больше.

Более ясное представление о водопользовании оседлых кипчаков можно получить по данным Ишим-Аксацкой волости (нынешнего Пайарыкского района) (табл. 2).

Из приведенных данных видно, что некоторые кипчакские селения получали воду из двух и более арыков. В каждый из указанных оросительных каналов (в зависимости от их ширины и глубины) в период полноводья вмещалось от 2—3 до 30 ташей воды. Вода каждого арыка распределялась между селениями. Например, 14,5 таша воды из арыка Джадгарбая распределялись следующим образом: селения Джадгарбай, Фан, Чаштепа, Буйрачи, Ирназар-курган вместе получали $\frac{3}{5}$ всей воды арыка Джадгарбай (8,7 таша), а селения Ирназар-курган, Бакалчок и Шейхим-сарай — $\frac{2}{5}$ части воды (или 5,8 таша) из того же арыка. Кроме того, селения Бакалчок и Ирназар-курган пользовались водой из арыка Бакалчок (по 1 ташу) и Сарысу (по 2,5 таша). Из арыка Сарысу получало воду и селение Шейхим-сарай (около 2 ташей).

Контроль за оросительными каналами вели сельские мирабы, а над крупными каналами Хоса, Пай-арык, Мирза-арык — арык-аксакалы. В головной части каналов Пай-арык, Хоса делалось перекрытие — плотина из нескольких слоев шириной в 4—5 рядов дерна. Приток воды увеличивался в зависимости от того, на сколько слоев дерна снижалась плотина. К каждой такой плотине были приставлены два человека, называвшиеся бандбон, которые и следили за пропуском воды. По приказанию арык-аксакала они то увеличивали (снимая слои дерна), то уменьшали (накладывая слои дерна) уровень воды в канале. У головной части арыка всегда имелись в запасе дерн, деревянные треноги (сепоя) и несколько

⁸⁸ Справочная книжка Самаркандской области, вып. IV, Самарканд, 1896, стр. 96—98.

крупных, туго сплетенных связок из веток и бордонов (циновок) — қара бура⁸⁹ для перекрытия воды. Как отмечалось выше, в вер-

Т а б л и ц а 2

Водопользование жителей Ишим-Аксакской волости Самаркандской области

Название основного арыка	Откуда берет начало	Земли каких селений орошает	Количество воды, в ташах
Туталхаким	Из Курбан-абада, выведенного из р. Акдарьи	Туталхаким, Раудан, Джар и Каландар	6
Ривач	•	Ривач и Кош-тепа Джадгар, бай, Фан, Чош-тепа, Буйрачи, Киргичи, Ирناзар-курган, Бакалчак и Шейхим-Сарой	6,5
Джадгарбай	•	Кутуркент	14,5
Тогуз-арык	Из р. Заравшан	Бакалчак и Ирناзар-курган	3
Карауз (шох) арык	Из завуров		2
Сарысу	Из завуров	Ишим-аксак, Джугарак-Калян, Джугарак, Курт, Ирназар-курган, Шейхим-сарай, Бакалчак, Тупалос, Айтамгалы-Боло, Айтамгалы-Паян, Беш-капа, Казах-ходжа	30
Янги-арык 1	Из Мирза-арыка, выведенного из р. Зарафшан	Тупалас, Айтамгалы-Боло, Айтамгалы-Паян, Беш-капа, Казах-ходжа	22
Джугрук	Из Мирза-арыка, выведенного из р. Зарафшан	Тупалас, Айтамгалы-Боло, Айтамгалы-Паян, Беш-капа и Казах-ходжа	
Таворук	Из Булунгура, берущего начало из р. Зарафшан	Айтамгалы-паян и Джугарак-хурд	4
Утаб 1	Из Булунгура	Утаб и Уразтай	5
Утаб 2	Из р. Акдарьи	Карры, Ак-курган, Уразтой и Утаб	3
Кутурбулок	Из р. Акдарьи	Джиян-бек, Карры, Кутурбулак, Утаб и Уразтай	6,5
Янги-арык 2	Из р. Акдарьи	Чаштепа, Уклан, Дегрез, Ишим-аксак и Урта-буз	9
Паст-арык	Из р. Акдарьи	Уклан, Дегрез, Ишим-аксак, Джиян-бек, Чумучлы, Тамуйрат и Кутур-булак.	6
Ак-курган	Из р. Акдарьи	Карры, Ак-курган, Джиян-бек	2

ховьях многих оросительных каналов были сооружены примитивные деревянные плотины («даргот») ⁹⁰.

⁸⁹ Об устройстве «сепоя» и «қара бура» см. подробно: А. Мухаммаджанов. Куйи Зарафшан водийсининг сугорилиш тарихи, стр. 287—292.

⁹⁰ А. Мухаммаджанов. Указ. соч., стр. 294—295.

Очистка оросительных каналов производилась ежегодно ранней весной путем хашара. На очистку канала обязаны были выходить одновременно в назначенный день все взрослые мужчины со своим инвентарем. Однако крупные землевладельцы сами не работали, а нанимали рабочих — мардикеров. Определенной нормы при очистке средней и мелкой оросительной сети на каждое хозяйство не было. Но на очистке магистральных каналов устанавливалась норма для работников, выходивших на хашар (хашарчи). Во многих обследованных нами кипчакских селениях бассейна Зарафшана с 10 танапов орошаемой земли выставлялся один человек, с 20 — два, с 30 — три и т. д. Двое-трое малоземельных, объединяясь, также выставляли одного человека.

Хашарным способом проводилось и рытье новых каналов. В Фергане на строительстве каналов в начале XIX в. по приказу кокандского хана Умархана с каждого двора брали одного рабочего с орудиями труда (хашарчи) на 15 дней. Каждое селение выделяло людей для хашаров по ремонту головных арыков, строительству или исправлению плотин. На строительство плотин в восточных районах Ферганы население привлекалось из расчета один человек от хозяйства, имевшего 10 танапов орошаемой земли, на один день, от имевшего свыше 30 танапов — на весь сезон⁹¹. Путем организации хашара заготавливались также и строительные материалы (дерн, камыш, жерди, бревна, сепоя, кара бура и др.) для плотин и ремонта дамб.

Тяжесть земледельческого труда, страх перед силами природы породили среди дехкан различного рода суеверия и религиозные предрассудки. Например, у земледельческого населения (в том числе и кипчаков) Ферганской и Зарафшанской долин бытовал обычай жертвоприношений (худои), которые устраивались как при наводнении, так и при маловодье. Весной, когда река переполнялась водой и заливала пахотные земли, принося страшное бедствие, говорили, что река разгневалась и требует крови («дарё қонсирабти»). Народ верил, что, если принести в жертву реке овцу, то она перестанет гневаться. В таких случаях собирали жертвенные деньги у населения («садоқа пули»), покупали овцу и резали ее на берегу реки, чтобы капли крови попали в воду. Тушу бросали в реку, произнося при этом молитву, чтобы бог принял жертву и помог успокоить разгневанную стихию.

При маловодье также приносили в жертву овцу. Купив ее на жертвенные деньги, мужчины выезжали на головную часть арыка. Здесь овцу резали и из ее мяса варили шурпу (суп). Шурпу ели на берегу реки, угощая также нищих и путников, проходивших поблизости. После трапезы мулла произносил молитву, прося бога, чтобы тот ниспослал дожди и прибавил воды в реках и арыках.

⁹¹ С. Жалилов. Из истории освоения земель восточных районов Ферганской долины (XIX — начало XX в.). Автореферат канд. дисс., стр. 39.

Описанный здесь обряд жертвоприношения связан с первобытными представлениями людей, пережитки которых (тесно переплетаясь с исламом) продолжали сохраняться у узбеков и других народов Средней Азии вплоть до начала нынешнего столетия⁹².

Из всего вышеизложенного видно, что кипчаки восприняли у оседлого населения богатый опыт народных приемов и методов по сооружению ирригационных каналов и систему водопользования. Ирригационные сооружения дооктябрьского периода были примитивными, и уход за ними требовал огромной затраты человеческого труда. Все это делало труд земледельца весьма тяжелым и малопродуктивным.

СКОТОВОДСТВО

В хозяйстве кипчаков в дореволюционном прошлом скотоводство занимало важное место. Как отмечалось выше, у полуоседлых кипчаков Ферганской долины, расселившихся в предгорных районах, в конце XIX — начале XX в. скотоводство и земледелие имели одинаково важное значение; у кипчаков равнинных районов Ферганской долины, а также бассейна Зарафшана в хозяйстве преобладало земледелие.

Основной отраслью животноводческого хозяйства полуоседлых кипчаков было овцеводство. Они занимались также разведением крупного рогатого скота и породистых (карабаирских) лошадей, использовавшихся как для верховой езды, так и в качестве тягловой силы.

Преобладающая часть выращиваемого крупного рогатого скота продавалась на внутренних рынках, меньшая использовалась для хозяйственных нужд: коровы обеспечивали семьи молоком и молочными продуктами, волы использовались для обработки земли. Крупный рогатый скот шел на мясо, а также давал сырье — кожу.

Другие виды скота кипчаки держали в незначительном количестве. Верблюды имелись лишь у отдельных баев, у которых было большое количество (1—2 тыс. и более) мелкого рогатого скота. В таких хозяйствах имелось до 5—6 вьючных верблюдов для перевозки грузов, юрт, домашней утвари семей бая и чабанов во время летних перекочевков. У полукошевых кипчаков Ферганской долины ослов почти не было. Но в хозяйстве оседлых кипчаков ослы играли немаловажную роль. Они использовались как для верховой езды, так и для различных хозяйственных работ.

Большая часть поголовья скота находилась в руках баев и феодальной знати. В составе почти каждой родовой группы полуоседлых кипчаков имелись бай, у которых насчитывалось до 3—4 отар

⁹² Обряд жертвоприношения в прошлом бытовал и у узбеков Хорезма. См. Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969, стр. 238—239. Он же. По следам Анахиты, СЭ, 1971, № 4, стр. 153—165.

(қўра) овец, по несколько десятков голов крупного рогатого скота и лошадей. Были и такие феодалы, которые имели десятки тысяч голов овец, большие табуны лошадей. Так, феодал из Ферганской долины Яркул Мингбоши из кипчацкого рода Тавулди имел (в конце XIX в.) одних лишь овец более 50 тыс., лошадей — более тысячи. Рядовые же скотоводы имели лишь по несколько голов скота, преимущественно мелкого (овец, коз), многие совсем не имели скота и работали пастухами и подсобными рабочими у своих богатых сородичей, которые их жестоко эксплуатировали.

Большую часть года скот содержался на подножном корму на сезонных пастбищах. Летом его выпасали на степных, предгорных и горных пастбищах, а зимой — вблизи селения.

Пастбища полуоседлых кипчаков Ферганской долины можно было подразделить в основном на два типа: прикишлячные выгоны (дала) и летние отгонные пастбища (жайлов).

На прикишлячных пастбищах скот содержали с ноября и до первой половины марта. На «дала» пасли свой скот главным образом бедняки.

Баи отгоняли скот на отдаленные (3—5 км и более) пастбища, богатые травяным покровом и водой. Здесь скот мог находиться круглый год, даже зимой.

У кипчаков Ферганской долины, как и у ряда других узбекских племен⁹³, с давних времен практиковался выпас скота зимой с использованием тебеневки. Перегоняя скот к месту выпаса, первыми пускали лошадей, которые растапывали снег, открывая доступ к сухой траве. За ними шел крупный рогатый скот, а затем уже овцы. Совершенно оголив, таким образом, пастбище на одном участке, скот переходил на другой.

Тебеневкой могли пользоваться лишь богатые скотоводы, у которых было значительное количество лошадей, мелкого и крупного рогатого скота. На зимних стойбищах баи строили полуткрытые помещения — загоны для мелкого рогатого скота (қўра, қўйхона) и закрытые помещения для крупного рогатого скота (молхона) и лошадей (отхона). Здесь же имелись глинобитные помещения или юрты для пастухов и табунщиков. Иногда пастухи жили на зимних становищах со своими семьями.

Только в самые сильные морозы и гололедицу скот находился на временном стойловом содержании. Бедные и среднесостоятельные семьи держали его в этот период в своих дворах. Богатые же пригоняли овец на окраину селения (на расстояние не более 500 м) в заранее построенные полуткрытые помещения (қўра); крупный рогатый скот и лошадей они также держали в хлевах при усадьбе.

Когда наступало потепление и снег начинал таять, скот выгоняли со двора на прикишлячные пастбища, во дворе оставался лишь откормочный, молочный скот и лошади, которых старались держать только на стойловом корму.

⁹³ ЗРГО по отделению статистики, т. IV, СПб., 1874, стр. 82—83.

Хорошие, удобные прикишлачные пастбища находились в горных ущельях, по берегам рек, каналов, поблизости от селений. Однако этих пастбищ было недостаточно, и скот целый день проводил в поисках корма. Недостаток корма, плохие условия содержания, зимние холода, гололедица (ют), отсутствие зоотехнической и ветеринарно-профилактической помощи нередко приводили к массовому падежу скота.

Большой падеж скота наблюдался в конце XIX в. В течение 10 лет (1878—1888 гг.) в Ферганской долине его поголовье уменьшилось почти наполовину⁹⁴.

Из вышеуказанного нельзя, однако, делать вывод о том, что кипчаки в прошлом вообще не заготавливали кормов на зиму. Хотя и в небольшом количестве, они все же имели некоторые запасы для сурового зимнего периода. Например, для поддержания мелкого скота (овец, коз) заготавливали грубые корма — верблюжью колючку, полынь и др. Запасы кормов были необходимыми и для содержания молочного скота (главным образом коров), рабочего и откормочного. Для этой цели в летние месяцы заготавливали сено из различных однолетних трав, а также солому зерновых культур, стебли джугары, клевер и др. Питательным кормом (особенно для откормочного скота) являлись отруби, получаемые при просеивании муки, жмых от кустарных маслобоек. Однако запасы этих кормов были весьма скудными, их едва хватало до наступления весны.

Летние отгонные пастбища полуоседлых кипчаков Ферганской долины располагались в горных местностях юго-восточной части Кураминского, в южной и юго-восточной части Чаткальского хребтов⁹⁵. Некоторая часть кипчаков занимала на лето предгорные и горные районы Баубашата. Использовались эти пастбища весной, летом и осенью.

Все горные пастбища, в зависимости от их расположения можно было подразделить на две категории: невысокогорные (до 1—1,5 тыс. м) и высокогорные (2—3 тыс. м над уровнем моря).

Невысокогорные пастбища («адир» или «адир-тав») находились на расстоянии от 5—6 км до 30—40 км и более. Здесь в долинах горных рек, в ущельях весной сравнительно рано вырастали зеленые кормовые травы. На эти пастбища кипчаки откочевывали в первой половине апреля. Невысокогорные пастбища не были разделены между отдельными скотовладельцами и находились в общем пользовании определенных родовых групп или части нескольких родо-

⁹⁴ В. И. Кушелевский. Материалы для медицинской географии и статистического описания Ферганской области, т. I, стр. 367.

⁹⁵ Юго-восточную часть Кураминского хребта кипчаки называли Каратау (букв. «Черные горы»), а Чаткальский хребет — Актау (букв. «Белые горы»). Последнее название связано с тем, что на вершинах Чаткала почти все лето лежал снег.

вых групп. Например, кипчаки рода ткан, зимнее поселение которых находилось в местности Кум-Кияли, на летний период переселялись в Кемишек-сай. Сюда же переселялись и их сородичи (ткан и кара-ткан), жившие в Ханабаде (Папский район). В селении Ханабад, а также в местностях, лежащих к юго-востоку от него до р. Сырдарьи (включая селение Гурум-сарай), жили несколько кипчакских родовых групп: улмас, богач, карабовур, ак-буйро, пучугой, кумушой и кулон. Первые четыре на летний период переселялись на горные пастбища, лежащие по обе стороны Резак-сая, а остальные выпасали скот по Чадак-саю. Некоторые семьи кипчаков, кугай, улмас и кумушой, зимовавших в прошлом в местностях к западу от Чуста и к северо-западу от Папа (в селениях Балыкчи, Джар-кутан, Мазар и прилегающих к ним местностях), на лето перекочевывали в горные районы, лежащие по правобережью Гава-сая и к северо-западу от указанных выше горных селений — Джар-кутан и Мазар, вплоть до восточной оконечности Кураминского хребта. Кипчаки яшик, черик, огим, кумушой, пучугой, элатан, джайдак, жившие в местностях, лежащих к северу и северо-востоку от Чуста (Ворзык, Дам, Шурбулок и др.) занимали летом горные пастбища, располагавшиеся по обе стороны горной речки Кок-Серек-сай. Родовые группы кок-моюн, кутлуг-сайд и частично кумушой, пучугой, расселившиеся в низовьях Сумсар-сая, занимали летом горную местность, лежащую в среднем течении указанных речек, а родовые группы, состоявшие из значительной части яшиков и кугай, занимали летние пастбища, лежащие в горных местностях к северу от населенного пункта Касан-сай (по левобережью Касан-сая). Часть родовых групп яшик, богач, кумушой, огим, элатан, казак, жившая к северу от центра Янгикурган (Гавозан, Булог-баши, Сангистон, Кизил-равот и др.), занимала летом горные пастбища, лежащие в районе селений Исковот, Заркан, Нанай и Мамай.

Большая группа кипчаков, состоявшая из части родовых подразделений: улмас, пучугой, яшик, жети-кашка, товулди, сирмок, жайдоак, кугай, элатан, гунграт-кипчок, турт-той, туры-айгы, расселившаяся в прошлом в междуречьи Карадарьи и Нарына (в их низовьях), занимала на лето обширные пастбища, лежавшие, приблизительно, к северо-востоку от теперешнего Большого Ферганского канала до юго-западной части горы Баубаштау, вплоть до Арслан-бапа.

В июне с наступлением жары однолетние кормовые травы на невысокогорных пастбищах постепенно высыхали и подножный корм значительно уменьшался. Тогда настоятельные скотовладельцы перегоняли свой скот на высокогорные пастбища (баланд тав жайлави) Кураминского и Чаткальского хребтов и горы Баубаштау, где его содержали до октября.

Летние высокогорные пастбища кипчаков, расселившихся в прошлом на территории нынешнего Папского и Чустского районов,

находились на Актау⁹⁶, в урочище Бетагали (Верховье Ангrena). Эта пастбищная территория, в отличие от невысокогорных, находилась в общем пользовании всех крупных скотовладельцев-кипчаков и некоторых других узбекских племен.

На высокогорные пастбища отправлялись пастухи и табунщики со своими семьями. Сами же бай и их семьи с незначительным количеством скота (в основном молочного) оставались на невысокогорных пастбищах.

Каждая родовая группа на невысокогорных пастбищах имела условно закрепленную за нею территорию, которая в свою очередь была распределена между семейно-родственными группами в составе каждой родовой группы.

Семейно-родственные группы, включавшие от 3—4 до 10—15 семей, устанавливали свои юрты в определенном месте, образуя поселение — аул. Эти семейно-родственные группы сохраняли некоторые пережитки общинных традиций. Они проявлялись в совместном жителстве рода на летних кочевьях, в общем пользовании пастбищами и местами водопоя, во временном объединении малоскотных семей для пастбы скота и др. Консервация некоторых черт общинных традиций была выгодна прежде всего богатым сородичам. Имея большое количество скота, они использовали лучшие общинные земли, не считаясь с интересами других общинников, а также эксплуатировали своих бедных сородичей, нанимая из их среды пастухов, табунщиков и др.

Следует указать, что в долинах горных рек некоторые семьи (в основном маломощные) занимались на небольших клочках каменистых земель земледелием, используя для орошения ключевые воды и воды истоков горных рек. Они сеяли здесь чечевичу (жасмык), просо (тариқ), просо итальянское (қўноқ), кукурузу (маккай). После уборки урожая (в сентябре — октябре) кипчаки возвращались со скотом на свои зимние становища или в селения. Семьи состоятельных кипчаков возвращались раньше (еще в августе — начале сентября), но не в селения, а устанавливали юрты у своих бахчей и огородов. И только после уборки урожая бахчевых они перевозили свои юрты в селения, устанавливая их в своем дворе или на местах зимнего поселения.

Одной из основных отраслей животноводства у кипчаков было овцеводство мясосального направления. Они разводили различные породы курдючных овец.

Кипчаки, селившиеся на северо-западных склонах Ферганской долины (на территории нынешнего Папского и Чустского районов), а также в нынешнем Баткентском районе Киргизской ССР, разводили в прошлом курдючных овец местных пород жайдари (иначе

⁹⁶ Весной и летом Актау представлял собой оживленное отгонное пастбище. Этот район отличался изобилием трав и множеством горных ручьев. Сюда на летний период выходили со своим скотом узбеки-курамины, юзы, киргизы, а также кипчаки из Ферганской долины (См. ЗРГО, т. IV, 1874, стр. 69).

туркона)⁹⁷ и «қазақи»⁹⁸ (казахская овца). Кипчаки, проживавшие в северных районах Ферганской долины (Учкурганском, Янгикурганском), держали в основном курдючных овец породы «ҳисори» (гиссарская)⁹⁹. В небольшом количестве овец этой породы держали также кипчаки, жившие в восточных районах Андижанской области (в основном, в нынешнем Курган-Тюбинском районе). Кипчаки, расселившиеся в северо-восточных районах Ферганской долины (в Избаскентском и, отчасти, в Учкурганском), разводили в основном овец породы «чували» или «қирғиз-қўй» (киргизская овца)¹⁰⁰. Эта порода овец считалась выносливой и хорошо приспособленной для содержания и пастбы в условиях высокогорных пастбищ.

Кипчаки бассейна Зарафшана разводили в основном овец местных пород (жайдари или қазақи), и в незначительном количестве овец породы «ҳисори» и «ғулуми» (хулмская овца)¹⁰¹, происходивших из Северного Афганистана.

Таким образом, кипчаки Ферганской долины и бассейна Зарафшана помимо местных пород курдючных овец (туркона, жайдари) разводили и породы, заимствованные у других народов (гиссарская, хулмская, казахская, киргизская). Эти факты свидетельствуют о том, что кипчакские животноводы поддерживали тесные хозяйственные связи со своими соседями — киргизами, казахами и другими, а также с населением Южного Таджикистана и отчасти Северного Афганистана.

Овцеводство в хозяйстве кипчаков играло важную роль, оно служило источником для производства многих пищевых продуктов и для получения ценного сырья. Изготовленные из шерсти и кожи вещи (паласы, кошмы, различные виды сумок, кожаные мешки, шубы и др.) не только использовались для нужд семьи, но и шли на рынок.

Потребность населения оазисов, особенно городов, расположенных на территории нынешнего Узбекистана, в мясе и сале была велика. Дополнительно к тому, что могли поставлять ежегодно на

⁹⁷ Местную породу жайдари или туркона (тюркская овца), видимо, с давних времен разводили узбекские группы тюрк, проживавшие в Ферганской долине. Преобладающая часть овец породы жайдари была черной или темно-бурой масти.

⁹⁸ Овец породы «қазақи» называли иначе «қизил қўй» за их красно-бурую масть. Но среди «қазақи» встречалось немало овец темно-бурой масти.

⁹⁹ Большая часть овец гиссарской породы была черно-бурой масти, но имелись и светло-бурой и черной масти. Живой вес матки этой породы овец составлял в среднем 80—100 кг. Настриг шерсти от одной овцы этой породы за год достигал 2—2,5 кг. Местная порода «жайдари» по своей продуктивности несколько уступает гиссарской овце, но по качеству шерсти превосходит гиссарскую.

¹⁰⁰ Чували или «қирғиз-қўй» бывают бело-черной (редко черно-белой) пятнистой масти и имеют длинный (нежирный) хвост. Матки этой породы имеют небольшие короткие рожки.

¹⁰¹ Преобладающая часть овец хулмской породы была черной масти, живой вес их доходил до 90—100 кг.

рынок жители оазисов, скот также перегоняли на продажу из других, соседних областей.

Для Самарканда, Бухары и других городов и селений Зарафшанской долины скот перегоняли в основном из Гиссарской долины, где карлуки, локайцы¹⁰² и другие группы узбеков разводили в большом количестве гиссарских овец. Стада овец перегоняли также из Северного Афганистана. Для городов Ферганской долины скот (в основном курдючных овец) перегоняли из районов Аулие-аты, Токмака, Пишпека, Верного, Кызыл-Орды, где овец разводили киргизы и казахи. Овец покупали также на ежегодной ярмарке в местности Куянды, в долине реки Каркары, куда приезжали купцы из России и различных областей Средней Азии. Основными покупателями овец на этой ярмарке были купцы из Ферганской долины. В 1879 г. скотопромышленники вывезли только в Наманганский уезд 58 тыс. голов овец¹⁰³. По официальным данным, в 1885 г. только в Ферганскую долину было пригнано на продажу 276 983 голов овец¹⁰⁴. В 80-е годы XIX в. из Северного Афганистана и Гиссарской долины на самаркандский и другие базары бассейна Зарафшана пригоняли ежегодно не менее 100 тыс. овец¹⁰⁵.

Перегоном овец занимались крупные баи-скотопромышленники как из оседлых жителей городов и крупных населенных пунктов оазисов, так и из среды полукочевого населения части кипчаков Ферганской долины.

Закупка овец у киргизов или казахов производилась либо за наличные деньги (но в ограниченном количестве), либо в счет аванса, который выдавался осенью, когда кочевые киргизы и казахи больше всего нуждались в деньгах: в этих случаях купцы платили скотоводам меньше рыночной цены и продавец обязывался содержать купленный скот до весны. Киргизы и казахи отдавали свой скот и в обмен на товары. Торговля носила в таком случае меновой характер; в некоторых районах она составляла около $\frac{3}{4}$ всех оборотов торговли скотом¹⁰⁶. Так закупали овец в Гиссарской долине и Северном Афганистане. Перед тем как отправиться за овцами, торговцы набирали ходкий товар (мануфактуру, готовую одежду, обувь, краски и др.) и снаряжали караван. В среднем караван насчитывал 5—6 верблюдов; богатые же скотопромышленники отправляли караваны, состоявшие из 20—30 верблюдов.

¹⁰² См. Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, стр. 55—56 и след.

¹⁰³ В. Наливкин. Торговля пригонными баранами в Наманганском уезде, ТВ, 1880, № 41.

¹⁰⁴ В. И. Кушелевский. Указ. соч., т. I, стр. 387.

¹⁰⁵ Г. Арандаренко. Скотоводство в Зарафшанской долине, ТВ, 1880, № 46. См. также А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 75; Он же. Минг, Ежегодник Туркестанского края, вып. 3, СПб., 1874, стр. 333; А. П. Хорошкин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края, стр. 174; Е. Труссов. О торговле баранами в Семиречье, ТВ, 1880, № 1; В. Наливкин. Указ. статья, ТВ, 1880, № 41.

¹⁰⁶ Е. Труссов. Указ. работа, ТВ, 1880, № 1.

С товарами отправлялись еще осенью, а закупка и перегон овец производились с наступлением весны (в марте). Богатые скотопромышленники покупали на местах до 4 тысяч овец, а отдельные из них по 6 тысяч и более, а также несколько козлов—вожаков стада. Из купленных овец составляли отары, в среднем по 500—600 голов каждая.

Овец, предназначенных для продажи, отправляли на базар, небольшими партиями или продавали оптом прямо на пастбищах. Туда в назначенный день приезжали скупщики из числа наиболее зажиточных городских и сельских жителей.

Полуоседлые кипчаки в прошлом разводили и коз, в основном, местной породы — жайдары, преимущественно черной масти. Коз держали в небольшом количестве бедняцкие и середняцкие хозяйства, используя их мясо, молоко, шерсть и кожу. Большую часть скота забивали, так как бедняцкие и середняцкие семьи питались главным образом козым мясом. Об этом говорится даже в одной из кипчакских пословиц: «Эчки юзга етса, кузга етмайди») («Число коз, хотя и до сотни дойдет, но до осени не сохранится»).

У кипчаков, как и у других узбеков, была выработана богатая терминология для обозначения овец и коз. Ягненок до 6 месяцев называли «кўзи», от 6 месяцев до 1 года — «тўқли»; овцу от 1 года до 2 лет — «шишак» («ишак»), 2—3 лет — «ғунон», 3—4 лет — «дунон»¹⁰⁷, и 4—5 лет — «қўй», 5—6 лет — «майиз-қўй». Здоровая овцематка, способная принести приплод, называлась «совли», овца, приносившая приплод раньше времени, т. е. не достигнув гулевого возраста (2-х лет), называлась «тусов», баран-производитель — «қўчқор», а кастрированный — «ахта қўчқор».

Коз возраста до 1 года называли «улоқ», козу второго года — «шишак» («ишак»), третьего года — «ғунон», четвертого года — «дўнон», пятого года — «эчки» (т. е. просто коза) или «пянджи». Дойная коза называлась «соғим эчки», коза, дававшая приплод впервые — «чивич». Козла-производителя называли «така», кастрированного козла — «пичма така».

Овец пасли, разбив на отдельные отары (қўра) по 500—700 голов. Отара обслуживалась двумя пастухами. Один из них, наиболее опытный, считался старшим чабаном (қўйчивон), а другой был его помощником (жардамчи). Чабанами и их помощниками нанимались чаще всего бедные родственники бая. Если у крупного скотовладельца было 2—3 отары овец и более, он держал еще одного надсмотрщика¹⁰⁸, в обязанность которого входил контроль над всеми пастухами и выпасом всего скота бая.

При каждой отаре имелись 1—2 лошади (реже ослы), один

¹⁰⁷ У кипчаков Кургантепинского района Андижанской области и кипчаков Баткентского района КиргССР овца четвертого года называлась «чори», пятого — «пянжи» и шестого года — «шашин» (тадж. термин).

¹⁰⁸ Кипчаки бассейна Зарафшана, как и другие в прошлом полуоседлые группы узбеков, называли такого надсмотрщика «диван-беги», старшего чабана — «сардор», а его помощника — «чокар».

верблюды (у более состоятельных скотовладельцев) для перевозки имущества пастуха и его семьи, 2—3 собаки для охраны отары.

Малоимущие овцеводы, у которых имелось не более 5—6 голов овец и коз, на период летнего кочевья объединяли свой скот в одну отару. Несколько зажиточных хозяев, имевших до 100—200 овец и коз, также объединяли свой скот в одну отару и сообща нанимали чабана.

Крупные овцеводы нанимали чабана на полгода — год. Размер оплаты труда чабана зависел от многих условий: от района выпаса, от количества овец в отаре, от степени его опытности и т. п. Чабаны из кипчаков Ферганской долины за 6 месяцев получали до 4 голов овец, помощники чабана вдвое меньше. Обязательным условием было сохранить отару полностью, без потерь.

Владельцы отар обеспечивали чабана и его помощника питанием и одеждой. В комплект одежды входили рубаха и штаны из домотканной материи, тибетейка или меховая шапка, ватный халат, обувь (летом — тош табак¹⁰⁹, зимой — сапоги).

Два раза в год производилась стрижка овец (қирқим): весной (с конца апреля до первой половины мая) и осенью (в середине сентября). Перед стрижкой овец мыли, загоняя в горную речку, затем стригли «на голодный желудок», длинными ножницами — «қирқлық». Крупные скотовладельцы (баи) нанимали для стрижки овец специальных стригалей — «қирқимчи»¹¹⁰. Хороший мастер мог остричь до 80—100 овец в день. Первый настриг шерсти кипчаки называли «жовоги» или «ўлик-жуи». Эта шерсть была низкого качества. Самой лучшей считалась шерсть осеннего настрига, она отличалась мягкостью. Однако качество шерсти (в том числе и осеннего настрига) во многом зависело от упитанности овец.

Полуседлые кипчаки разводили в основном курдючных овец. Зимой их содержали поблизости от селения. Однако для большого количества овец подножного корма не хватало; баи, имевшие две отары и более, держали их зимой и летом в отдаленных от селения местностях, в невысокогорных ущельях.

На зимнем пастбище овцы содержались около 4-х месяцев (с ноября до первой половины марта), из них более двух месяцев — в загоне¹¹¹. Окот овец проводился в основном во время пребывания их на зимнем пастбище¹¹².

¹⁰⁹ О тоштабане см. гл. IV.

¹¹⁰ Плата за стрижку овец была сдельная: за 100 стриженных овец қирқимчи получал до 3 руб. в день.

¹¹¹ На зимнем стойбище, как уже отмечалось, строились открытые (құра) и полужакрытые (бестирма) помещения. Стены загонov делались глинобитными (дувал) или из вепок (шоx). Рядом с загонem стояли скирды (гарам) грубого корма, заготовленного в течение лета. Эти корма давались овцам в самые суровые зимние дни, когда их нельзя было выводить.

¹¹² От удачного окота зависело благополучие скотовладельца. Поэтому во время окота, помимо чабанов, постоянно находились у отар и члены семьи скотовладельца. Они ухаживали за ягнятами и овцематками. Если окот приходился на холодные дни, то ягнят сразу же отделяли от общего стада и помещали в специально подготовленные закрытые помещения или землянку.

В конце февраля — начале марта овец уже пасли на подножном корму в предгорных равнинах, но ночью они возвращались в загон. В конце марта (когда окот близился к концу), овец старались держать на предгорных пастбищах, где к этому времени разрастались зеленые побеги однолетних трав, и пасли круглые сутки. Водопой производился один раз в сутки, в горных речках и родниках.

Во второй половине марта — в начале апреля овец постепенно выводили на невысокогорные пастбища, в ушелья, где лучше разрастались кормовые травы. Здесь их также пасли круглые сутки, давая лишь короткие передышки. На местах дневного и ночного кратковременного отдыха в деревянные желоба насыпали кормовую соль, которую овцы с большой охотой лижут.

На невысокогорных пастбищах подрастали и крепили ягнята; теперь их можно было вместе со взрослыми овцами вести на дальние пастбища. После первой стрижки (в середине и в конце мая), с наступлением жары овец постепенно перегоняли на высокогорные пастбища Чаткальского и Кураминского хребтов. За летний сезон курдючные овцы пагуливались. Проведя здесь вторую стрижку (в середине сентября), овец постепенно спускали теми же путями на невысокогорные пастбища, где к этому времени снова вырастали кормовые травы. Отсюда (в начале октября) перегоняли в предгорья и на равнины. Здесь же проводилась случка овец и коз.

Зимой крупные скотовладельцы отводили свои стада в места зимовок, расположенные в предгорных оврагах. Менее состоятельные скоговладельцы держали их всю зиму на равнинных пастбищах, расположенных в окрестностях селения. Овцеводство, как можно судить по вышесказанному, являлось одной из самых трудоемких отраслей хозяйства. Чабан должен был иметь большой опыт, хорошо знать технику разведения и пастбы овец.

Чабаны, нанимавшиеся большей частью из среды маломощных бедных семей, пасли не только скот своих богатых сородичей, но служили также «пастухами для скота оседлых жителей, отправляющих с ними на пастбу весь свой скот, за исключением дойных коров и ездовых лошадей»¹¹³. Почти все чабаны были семейными и их семьи постоянно находились при них. Они двигались вслед за скотом, устанавливая свои юрты на местах временных стоянок.

Члены семьи постоянно помогали чабану в работе, поэтому во многих случаях помощник ему не требовался. Жена разделяла все тяготы труда мужа: готовила пищу, доила коз, коров (если этот скот был у них), сбивала масло, пряла шерсть, дубила кожу, шила, чинила одежду, помогала мужу при пастбе олар. Особенно необходима была ее помощь в период окота.

Быт чабанов-кипчаков Ферганской долины резко отличался от быта чабанов полукочевых узбеков южных районов Узбекистана,

¹¹³ В. И. Кушелевский. Указ. соч., т. 1, стр. 364.

которые находились одни при отаре, будучи оторванными на многие месяцы от своих семей.

Чабан, находившийся при отаре на дальнем участке, имел при себе нож (в ножнах), деревянную или глиняную чашку в кожаном чехле («таркаш»), небольшой глиняный сосуд для воды и медный сосуд для кипячения ее и заварки чая (кумган), кожаный мешок «чаноч» для хранения лепешек. Все эти предметы складывались в переметную суму («хурджун»), а во время перекочевок их везли на лошади или ишаке. Семейные чабаны, если пасли скот поблизости от своей юрты, обычно не брали с собой суму, пищу и чай им доставляли члены семьи.

Постоянным спутником чабана был его посох («таяк»), к которому полагалось относиться почтительно. Обычаем запрещалось перешагивать через лежащий посох или наступать на него. Если кто-либо нечаянно наступал на посох, или перешагивал через него, то должен был поднять его с земли, взять обеими руками и трижды поцеловать.

Существовало поверье, что тот, кто перешагнет через посох, зачахнет¹¹⁴. Считалось также, что перешагивание через посох приводит к болезни овец. Кипчаки говорили, что от удачно выбранного посоха зависит многое. Народная пословица гласила: благополучие дома зависит от удачной невестки, а благополучие чабана — от удачного посоха («қуйчининг тоғиден, келиннинг аёғиден»). Поэтому подбор посоха считался делом серьезным.

Существовали также другие обряды и поверья, связанные с овцеводством. В частности, бывовал обряд очищения овец от нечистой силы перед выгоном на весенние и летние пастбища. Он заключался в том, что один из чабанов с зажженным факелом в руке обегал овец, находившихся в загоне. Перед выходом овец из загона их окуривали травой исрик (*raganum harmala*), что также должно было оградить овец от нечистой силы и сохранить их от сглаза («қўз»). Владельцы отар перед отгоном овец на пастбище резали барана и устраивали жертвенное угощение, на которое приглашались почетные лица селения, и мулла читал рисола, посвященное патрону овцеводов (Чўпон-ота). Когда отара возвращалась на зимовку, перед вводом овец в загон, чабаны зажигали в нем большой костер, чтобы изгнать нечистую силу, а потом окуривали овец травой (исриқ). Хозяин снова устраивал угощение, мулла читал рисола и благодарил бога, который якобы способствовал умножению овец в отаре и благополучному возвращению их на зимовку.

Курдючных овец кипчаки не доили, ибо у них ягнята не забивались, как это делалось у овец каракульской породы. Они использовали для пищи козье и коровье молоко. Корову (после

¹¹⁴ Такое же поверье нами было зафиксировано и у карлуков (См. К. Шанпязов. Узбеки-карлуки, стр. 76—77). О значении посоха чабана см.: Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, стр. 114.

отела) могли доить как на зимних стоянках, так и на летних пастбищах, а коз доили весной и летом после окота. Даже крупные скотоводы специально держали коз для получения молока и молочных продуктов. Для пастбы этих коз бай нанимали либо специальных пастухов, либо отдавали их на пастбу и дойку (савум) своим бедным родичам. Чаще всего практиковалось последнее. В таких случаях бай получал весь приплод и третью часть шерсти, молочные продукты (масло, сыр и т. д.), а $\frac{1}{4}$ часть этих продуктов получал тот, кто брал коз на савум (за исключением приплода, из которого ему доставалось лишь несколько голов).

Дойка коз и сбивание масла производилась на летних пастбищах. Собранное молоко кипятили и разливали в сосуды (тыквенные). Когда молоко остывало, туда добавляли для брожения немного кислого молока (уютқи) и давали отстояться. Кислое молоко вливали в мешок (последний называется сузма халта или ирkit), сделанный из грубой шерстяной материи (предпочтительно из верблюжьей шерсти) — «шол». В такие мешки вмещалось до двух пудов сузмы. Небольшие мешки, вмещавшие 5—10 кг сузмы, делались из хлопчатобумажной ткани как фабричного, так и местного производства. Сыворotka стекала и в мешке оставалась густая, тестообразная масса. Когда мешок наполнялся до краев, все его содержимое (сузма) перекладывали в другую посуду, чаще всего в котел, и разбавляли теплой водой. Небольшими дозами (5—8 л) эту жидкость вливали в цилиндрическую маслобойку (куви), сделанную из цельного ствола дерева, высота которой достигала 70—80 см. Сбивали масло при помощи мутовки (пишкак) (рис. 2). Каждая доза сбивалась в течение 25—30 мин. В процессе сбивания, если молочная масса, находившаяся в куве, сильно нагревалась, в нее добавляли немного холодной воды, в противном случае плохо выделялось масло — оно расплывалось. Если же при сбивании молочная масса сильно остывала, то масло тоже плохо сбивалось. В таких случаях добавляли немного теплой воды.

Когда процесс сбивания каждой дозы подходил к концу, молочную массу сбрызгивали холодной водой, при этом масло, выплывавшее на поверхность, остывало (свертывалось) и его вылавливали и перекладывали в другую посуду. Масло, полученное при сбивании в куву, называлось у кипчаков «сары мой». Последнее вскоре перетапливали и таким образом получали топленое масло (тунг мой). В большинстве случаев такое масло хранили в специальных мешках, сделанных из желудка овцы или козы (қорин халта), засыпали солью и, выдавливая оттуда воздух, крепко завязывали отверстие. В таком виде масло сохраняли в течение года, периодически извлекая определенную часть для употребления. Иногда топленое масло хранили в глиняном сосуде (хум, гүза).

Следует отметить, что описанный способ сбивания масла применялся в тех случаях, когда в хозяйстве было мало молочного скота. В крупных хозяйствах, где получали большое количество молока за один надой, его кипятили и затем квасили, а на второй день (не

вливая предварительно в мешок, как это делалось в первом случае) **сбивали молоко.**

Кроме масла, из молска изготовляли и сыр (құрт). Для этого жидкость (пахтанье), которая оставалась после сбивания масла в кувн, выливали в мешок (иркит). После того, как вода вытекала из мешка, там оставалась густая молочная масса. Когда эта масса собиралась в значительном количестве, ее клали в котел и, разбав-

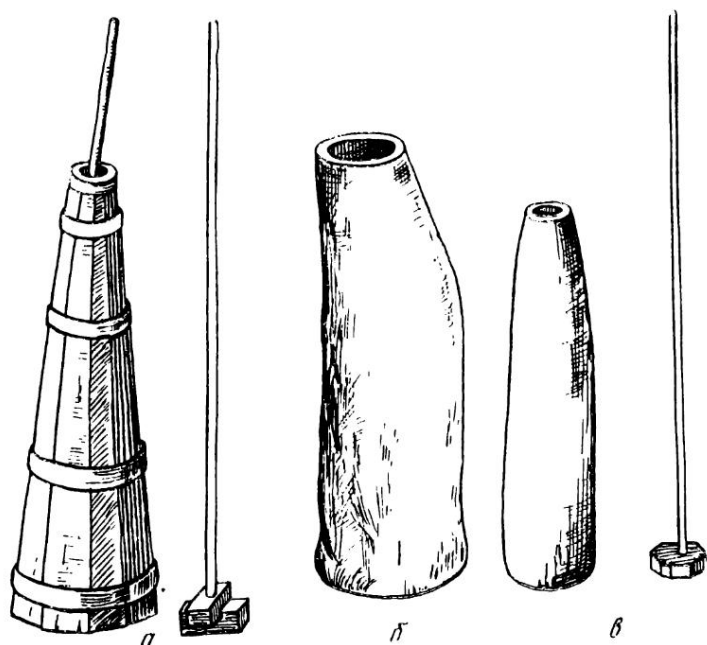

Рис. 2. Типы деревянных сосудов для сбивания масла (куви и деревянная мутовка (справа): а—из сел. Адыл Иштиханского района; б—из сел. Элаган Булунгурского района; в—из сел. Карабуйун Пастдаргомского района Самаркандской области.

ляя теплой водой, делали кашницу, затем кипятили и опять вливали в мешок, где держали 2—3 дня. За этот период вода вытекала из молочной массы и она опять сгущалась. Затем молочную массу (сузьма) перекладывали в большую деревянную посуду (қарсан) и месили в ней как месят тесто. Из этой густой массы делали небольшие круглые шарики и затем сушили их на солнце. Приготавливаемый таким способом сыр (құрт) заготавливали в основном на зиму. Излишки продавали на базаре.

Второе место после овцеводства в хозяйстве полуоседлых кипчаков занимало разведение крупного рогатого скота. Отдельные крупные землевладельцы держали до 300 и более голов скота. Например, у Керимбая из селения Урта-Сайдам (нынешнего Пай-

арыцкого района) насчитывалось 200 рабочих волов и более 100 коров. Бедные хозяйства, как правило, не имели крупного рогатого скота.

Недостаток корма ограничивал возможности разведения крупного рогатого скота кипчаками, занимавшимися земледелием. Выращивать молодняк в течение 3—4 лет, т. е. до рабочего возраста или до возраста дойных коров, из-за недостатка корма, было трудно. Ввиду этого многие кипчаки-земледельцы, как и другие оседлые узбекские крестьяне Ферганской долины и бассейна Зарафшана, после окончания полевых работ продавали волов, а весной, с началом земледельческих работ, опять покупали их¹¹⁵.

В земледельческом хозяйстве высоко ценился рабочий вол. От упитанности и силы вола зависел успех многих видов полевых работ. Особенно тщательно крестьяне ухаживали за волами весной, в разгар полевых работ, когда они несли основную нагрузку в хозяйстве. Еще за месяц до начала пахоты волам давали дополнительные питательные корма: жмых (кунжара), отруби (кепак), смешанные с мелкой пшеничной соломой (қипиқ), и др. В летний период хозяин снова усиленно кормил волов, чтобы они к осени поправились и могли работать на уборке урожая и осенней пахоте.

Оседлые кипчаки старались держать свой скот (особенно, коров и молодняк) как можно дольше на выгоне. Лишь в самый холодный период зимы они их ставили в хлев (молхона).

Выгоны и пустоши, находившиеся близ селений и в более отдаленных местах, как уже говорилось, были общественной собственностью жителей данного селения. Помимо общественных, у отдельных хозяев имелись небольшие участки пустоши, которыми мог пользоваться сам владелец этой земли. Чаще всего эти пустоши находились между засеянными полями, — участки, которые по своей непригодности к обработке не засеивались. Эти пустоши использовались их владельцами как сенокосные угодья, здесь же держали на привязи ездовых лошадей и дойных коров.

Богатые хозяйства, имевшие большое поголовье крупного рогатого скота, пасли его разделяя на отдельные стада (пода). В сельскохозяйственных районах в стадо входило в среднем 30—35 голов, а на пастбищах предгорных и горных районов — до 150 голов. Рабочих волов, быков-производителей и бычков держали в одном стаде, а коров и весь маточный молодняк — в другом. При каждом стаде были один—два пастуха. Богатые скотовладельцы для пастбы крупного рогатого скота нанимали обычно работников — етимов (см. ниже, глава V). Оплата их труда производилась либо деньгами, либо натурой.

Бедные жители селения объединяли свой скот в одно стадо и сообщество нанимали пастуха, который пас это стадо в течение восьми месяцев (с марта по октябрь включительно).

¹¹⁵ А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины, СПб., 1882, стр. 289, Справочная книжка Самаркандской области за 1895 г., Самарканд, 1895, стр. 82.

Кипчаки, как оседлые, так и полукошачевые, в основном выращивали местную породу (жайдари) крупного рогатого скота, которая составляет в настоящее время значительную часть поголовья Узбекистана. Она хорошо приспособлена к местным природным условиям, отличается устойчивостью к заболеваниям, неприхотливостью к кормам и способностью к быстрому нагулу. Эта порода коровы мелкая, молочная продуктивность ее низкая (в среднем 2—3 литра в день), но молоко отличается высоким содержанием жира (4%).

Полукошачевые кипчаки не уделяли особого внимания отбору производителей и подбору маток. Случка была вольная, в общем стаде. Оседлые же кипчаки под влиянием узбекского земледельческого населения тщательно подбирали маток и производителей.

После отела теленок 3—4 дня находился при матери, затем его отделяли. Коров доили два раза в день, утром и вечером, подпуская теленка. Первое надоенное молоко (молозиво) называлось «увуз». Увуз кипятили и получалось сгущенное, киселеобразное кушанье — «гелагай», или же, добавляя туда немного риса и муки, варили жидкую похлебку — атала.

Кипчаки не продавали молоко своим односельчанам и сородичам, а, по существующему обычаю, систематически посылали его безвозмездно. Давали также тем, у кого корова еще не отелилась. Каждый мог попросить молока у хозяйки, которая никогда не отказывала в такой просьбе. Эта традиционная взаимная поддержка, бытовавшая как у полуоседлых, так и у оседлых узбеков, была генетически связана с первобытными родовыми обычаями взаимопомощи.

Молоко ни в коем случае (даже соседям) не давали вечером, после захода солнца. Считалось, что если вечером, после захода солнца, выносить из дома «белое», олицетворяющее благополучие, то это может принести несчастье дому. Не отдавали молоко также в горячем виде. По поверью, это приводило к тому, что у теленка обжигался рот, и он не брал вымя, а у коровы становилось меньше молока или оно совсем исчезало.

С дойкой коровы были связаны и другие поверья. В частности, после отела корову сразу же окуривали дымом травы ириш, чтобы отогнать от нее и от места отела злых духов. Впервые отелившуюся корову доила, обычно, старшая по возрасту женщина. (Так было, например, у кипчаков Ханабада, Гагазана, Арикбуини других селений Ферганской долины). При этом один конец большого куска ткани (5—6 м) она подвязывала себе на пояс, а другой волочила за ней по земле. В таком виде женщина подходила к корове. Это делалось, согласно поверию кипчаков для того, чтобы «удлинить» продолжительность дойности коровы («савуми узун бўлсин»).

Если по каким-либо причинам корова заболела, то животное ввели в «святые» места, по которым, якобы, «ступала нога патрона

скотоводства — Занги-ота или Занги-бобо (Занги-бува қадам жайлари)¹¹⁶.

Немалую роль в хозяйстве кипчаков играло и коневодство. Лошади использовались как для верховой езды, так и для перевозки груза. В хозяйстве полуседлых кипчаков лошадь была необходима для переездов, а в земледельческих кипчакских хозяйствах — для пахоты и уборки хлебов, молотбы, доставки продуктов на базар и т. д.

Табунного коневодства в широких масштабах у кипчаков не было. В зажиточных хозяйствах полуседлых узбеков Ферганской долины в среднем насчитывалось по 10—15 дойных кобыл, а у богатых баев значительно больше. Например, Яркул мингбоши из селения Тавулди (Чинабадского района) владел в конце XIX — начале XX в. 100 кобылами. Богатые семьи кипчаков Ферганской и Зарафшанской долины держали до 4—5 ездовых и беговых лошадей и столько же рабочих лошадей. Во многих бедных хозяйствах лошадей вовсе не было. Основным средством передвижения и их рабочим скотом являлся осел.

Как уже говорилось, кипчаки разводили в основном карабаирскую породу лошадей. Для выведения ее, помимо местной лошади, были использованы туркменская, арабская и монгольская породы¹¹⁷. Свое название эта порода получила, по-видимому, от кипчакского рода «карабайир». Не исключена возможность, что именно род «карабайир» в прошлом был одним из основных поставщиков указанной породы лошадей (или их разновидности) на рынке.

Путем скрещивания был создан ряд разновидностей этой породы лошадей: узбекская, мианкальская, ургутская и др. Особенно выделялись среди них рабочие лошади узбекской породы (узбек оти)—помесь карабаира с казахской лошастью. Это самые сильные лошади, их использовали во всех больших городах центральной части Средней Азии для перевозки тяжестей.

Кипчаки, как и все узбеки, знали цену коню, умели выбрать его и ухаживать за ним. Считалось, что каждый молодой кипчак, особенно полуседлый, должен иметь хорошего коня. В народе говорились, что если у молодого человека нет коня, то он не джигит.

При выведении коней хороших пород большое внимание уделяли случке, которая проводилась как массовая на отгонных пастбищах, так и в селениях — индивидуальная. Последняя практиковалась для получения высокопородистых лошадей.

За жеребыми кобылами тщательно ухаживали. В холодные осенние дни кобыл не выводили со двора, чтобы предотвратить

¹¹⁶ «Святые места», куда водили лечить скот, находились обычно недалеко от селения или на стыке двух-трех селений и даже в степи.

¹¹⁷ В. И. Калинин, А. А. Яковлев. Коневодство, М., «Сельхозгиз», 1956, стр. 263.

выкидыш. Зимой их держали в теплых конюшнях (отхона). Много внимания уделяли жеребятam, особенно в первые годы их жизни. На втором году на жеребят грузили небольшие тяжести для укрепления хребта, а с 3-летнего возраста их использовали для верховой езды и различных сельскохозяйственных работ. Жеребята, в зависимости от возраста, носили следующие названия: однолетний жеребенок — «қулоп» (у кипчаков Зарафшана — «той»), двухлетний — «жовоғи-той», трехлетний — «ғунон», четырехлетний — «пишти» (у кипчаков Зарафшанской долины — «дунон»), пятилетний — «азы» и шестилетний — «от» (лошадь). Кобыл называли «жилки» или «бия», жеребца-производителя — «айгыр-от», ездовую и беговую лошадь — «бедов-от».

В прошлом у кипчаков существовало поверье, согласно которому лошадь отождествлялась с демоном («дев»), поэтому ночью заходить в конюшню запрещалось. При покупке коня, когда его приводили домой, брали серп и постукивали по земле и по копыту, чтобы копыта коня были крепкие, как железо, и чтобы он был всегда привязан к хозяину, как серп к крестьянину.

Все эти поверья свидетельствуют о том, что в быту кипчаков, вплоть до первой четверти XX в., сохранялись пережитки доисламских верований, тесно переплетавшиеся с исламом. Эти пережитки были более живучи у оседлых, чем у полuosедлых кипчаков. Можно полагать, что кипчаки восприняли многие описанные нами поверья, связанные с содержанием мелкого и крупного рогатого скота и лошадей, у древнего земледельческого населения оазисов.

ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА

В исследуемый период хозяйство кипчаков имело полунатуральный характер. Связь с рынком была болсе оживленной у кипчаков бассейна Зарафшана. Первое место среди поставляемой ими на рынок продукции домашнего производства занимали изделия из шерсти и хлопчатобумажная пряжа. А. Д. Гребенкин, обследовавший Зарафшанский округ, писал: «Они (кипчаки— *К. Ш.*) готовят разного рода изделия из шерсти, а женщины в большом количестве прядут нитки (четырёх сортов) для продажи на рынке»¹¹⁸.

Большое место в домашнем промысле кипчаков занимала выделка тканей для одежды из шерсти (шол), ковров (гилам) и валяные кошм (кигиз). Изделия последних двух видов домашних промыслов были широко распространены среди кипчаков Ферганской долины, а тканьем шола занимались обе группы кипчаков. Выделка же тканей из шерсти была распространена у той части кипчаков Зарафшана, которые жили на границе оазиса со степью и у которых сохранилось вплоть до революции отгонное животноводство.

¹¹⁸ А. Д. Гребенкин. *Узбеки*, стр. 161.

Из разного рода шерстяных тканей и ковровых дорожек, сотканных на узконовойном ручном станке, делали многие виды бытовых предметов: безворсовые ковры — паласы (шолгилам или алача-гилам), покрывала для заворачивания в них одежды (бугжом), сумки различной величины и назначения, переметные сумы (хурджун), мешки для хранения одежды, утвари, продуктов (напрамач, пои-кап, чумуч-к-п, айна-кап, айрап-турва)¹¹⁹ и др., попоны для лошадей (жул), мешки (кап) различной величины, широкие и узкие тесьмы для укрепления и обтягивания различных деталей юрты и др. Из шерстяных тканей шили и верхнюю одежду: халаты (чакман), шаровары и др.

Для производства указанных выше предметов употребляли главным образом овечью шерсть и в меньшем количестве козью. Последняя чаще всего использовалась для ковроткачества. Из козьего пуха кипчаки Зарафшана изготавливали пуховую ткань, для мужских чалм (тивит салла), а также для теплых портянок (тивит пайтава). Использовалась, хотя и в незначительном количестве, верблюжья шерсть. Из нее ткали материал высокого качества, который шел на шитье верхних мужских халатов, делали скатерти (дастурхан) и молитвенные коврики (жайнамаз).

Предназначенную для выделки войлока или для прядения шерсть предварительно сортировали и затем тщательно обрабатывали: мыли, перебирали, теребили руками или взбивали двумя пучками прутьев (савоғич), а затем красили.

Если шерсть предназначалась для пряжи, то из нее после взбивания вытягивали круглые в сечении, удлиненные (50—60 см) валлики (туйнак). Туйнак наматывали на левую руку до локтя и затем уже пряли нитки на ручном, примитивном веретене (урчук); по мере прядения туйнак постепенно вытягивался и превращался в пряжу.

Веретено состояло из двух частей: деревянного стержня (тутгич) длиной 35—40 см, толщиной с мизинец, и пряслица (урчук-баши). Последнее представляло собой круглый, деревянный или керамический диск диаметром 9—10 см, в центре которого было просверлено отверстие; через него пропускался стержень и крепко закреплялся. На одном конце стержня имелись винтообразные нарезы (тиш), сделанные специально для зацепления нити. Сверху вниз стержень постепенно суживался, а нижний кончик его был заострен.

Описанный нами тип веретена в прошлом был широко распространен среди кипчаков Зарафшана и Ферганы. Он схож с веретеном южных¹²⁰ и джержгальских (Каратегин) киргизов¹²¹.

¹¹⁹ Об этих предметах см. подробно в главе «Материальная культура».

¹²⁰ К. И. Антипина. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, Фрунзе, 1962, стр. 52.

¹²¹ Таджики Каратегина и Дарвоза, вып. 1, под ред. Н. А. Кислякова, и А. К. Писарчик, Душанбе, 1966, стр. 218—221, рис. 43, 6.

Ткали на примитивном узконавойном горизонтальном станке (ўрмак), который также хорошо известен у многих групп узбеков. У кипчаков Ферганской долины урмак имел некоторое сходство с ткацким станком южных киргизов¹²², отличаясь от него лишь формой и названиями отдельных деталей. Поскольку узконавойный станок народов Средней Азии многократно описан в литературе, приведем лишь записанные нами названия его частей, употреблявшиеся кипчаками.

Урмак имел следующее устройство: «кутарма» — доска (длина 60—70, ширина 8—10 см) укреплялась в горизонтальном положении на двух стойках—палках, поставленных на землю или вкопанных в нее. При помощи множества кольцеобразных ниточек — «серув» (ремизка)¹²³ с снова закреплялась на котарме и последняя держала (при посредстве серув) основу в приподнятом положении. «Агдарги» — так называлась доска-зевобразователь¹²⁴, которая помещалась за ремизками между двумя рядами основы (верхним и нижним); «қоққич» или «қилич» — мечевидная доска, при помощи которой прибавалась нить утка к ткани; «гузак» (расширитель), предохранявший нити основы от спутывания; «киндик-чўп» (букв. палочка-пуговина) — устанавливалась на том месте основы, откуда начиналось тканье; она не давала возможности распускаться сотканной части материи.

Основа, подготовленная путем навивания пряжи, натягивалась при помощи трех вбитых в землю кольев (қозик): один спереди и два сзади, т. е. там, откуда начинали ткать. В этом конце между двумя рядами основы продевалась гладкая палка длиной 60—70 см; на ней расправлялась во всю ширину основа, а затем уже сотканная полоса. Палка при помощи веревок прочно укреплялась на двух упомянутых кольях. Все процессы работы, связанные с навиванием пряжи и установкой станка, выполнялись женщинами. Они же занимались ткачеством.

Кипчаки Ферганской долины производили два типа узорных шерстяных тканей, вырабатывавшихся на узконавойном станке (урмак): «терма алача» и «тутум алача». Последняя называлась у них также «бухори алача». Оба вида ткани были богато орнаментированы. Ткались они в прошлом исключительно из шерсти. В настоящее время их делают и из хлопчатобумажной пряжи (пахта ип). «Терма алача» была распространена и у полуоседлых кипчаков Зарафшана.

«Терма» — прием тканья, широко распространенный среди тюркоязычных народов Средней Азии; он подробно описан в рабо-

¹²² М. Гаврилов. Ткацкое искусство узбекской женщины, «Народное хозяйство Средней Азии», 1927, № 1—2; К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 51—53.

¹²³ Серув делили исходя из количества нитей в основе. Пряжа, которая шла на серув, делалась обычно из хлопка и была несколько грубее шерстяной нитки.

¹²⁴ К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 53.

те К. И. Антипиной¹²⁵. Ткань «тутум алача» по всем признакам аналогична паласному тканью типа «гаджары» (или «каджары») ¹²⁶, получившему широкое распространение среди родо-племенных групп узбеков (в том числе кипчаков) бассейна Зарафшана. Тканьем паласов типа «каджары» занимались и южные киргизы¹²⁷.

Ткань «тутум алача»¹²⁸ также, как и «каджары», представляла собой узкие орнаментированные полосы (шириной 30 см)¹²⁹, из которых затем шили главным образом паласы, предназначенные для развешивания на внутренних стенах юрты; палас входил и в комплект приданого невесты. Очень редко палас из «тутум алача» стелили на пол.

Кипчаки бассейна Зарафшана ткали также ткань, орнаментированную разноцветными (преимущественно красными, бордовыми, синими, желтыми) полосами, называемую «қоқма алача». Такая полосатая ткань шла главным образом на изготовление паласов («қоқма шол»), которые стелили на пол. Из них делали также мешки и сумы различной величины. Очень часто такая материя ткалась из шерсти естественного цвета: паласы получались тогда с серыми, черными и белыми полосами. Ткали также, как отмечалось выше, одноцветную ткань без полос и узоров, которая использовалась для шитья верхних шерстяных халатов (чакман) и шароваров, а более грубые сорта — для мешков, сумок и других изделий.

Отдельные кипчакские группы бассейна Зарафшана производили ткань «босма шол» или «босма алача». Ее ткали так же, как и другие виды шерстяной материи. Однако в процессе тканья «босма алача» между нитями ее основы вставляли в небольшом количестве пряди мягкой шерсти и затем ровно и очень низко обрезали ножницами; в результате получалась ткань с ворсом, которая пользовалась на рынке большим спросом. Ткань «босма шол» отличалась мягкостью и из нее шили дорогие халаты.

¹²⁵ К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 57—59.

¹²⁶ Об особенностях этой ткани см.: М. Ф. Гаврилов. Ткацкое искусство (узбекской женщины, «Народное хозяйство Средней Азии», Ташкент, 1927, № 1—2, стр. 4 и след.; В. Г. Мошкова. Ковры, Народное декоративное искусство Советского Узбекистана, Ташкент, 1954, стр. 71; Она же. Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX в., Ташкент, 1970, стр. 62—63, (см. табл. VII—VIII); стр. 102 (табл. XXVIII), К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 60—62.

¹²⁷ К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 60—61.

¹²⁸ Свое название «тутум алача» эта ткань получила, видимо, потому, что сделанные из нее паласы вешали на стены, а не стелили на пол. Слово «тутум» (от узбекского «тутмоқ — держать) понималось как предмет, предназначенный для развешивания на стене или отгораживания им части помещения.

¹²⁹ При определении ширины сшитой из узких дорожек вещи кипчаки употребляли термин «эн». Он встречался и у других групп узбеков, в частности у узбеков-карлуков (см.: К. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 99). Один эн равнялся ширине тканей дорожки, составляя около 30 см. Палас, который стелили на пол или «тутум алача», вывешиваемый на внутренней стене юрты, сшивался из 8—10 дорожек, соответственно их ширина равнялась 8—10 эн.

У кипчаков Ферганской долины было распространено и ковроткачество — выделка цельнотканых широких ворсовых ковров и безворсовых (паласов). Этим домашним промыслом занимались, в частности, кипчаки, расселившиеся по Кемешек-саю, Ризак-саю, в селениях Ханабад, Чоркесар и других — на территории нынешнего Папского района; в селениях Арык-буйи, Ворзык, Кизил-тош Чустского района, а также узбеки-кипчаки, проживавшие в Баткентском районе на территории Киргизской ССР. Известно, что ковроделие было особенно развито в Киргизии у киргиз-кипчаков рода кидырша¹³⁰, расселившихся в восточной части Ферганской долины. Их ковры высоко ценились и пользовались большим спросом у населения.

Как было сказано, кипчаки тоже производили ворсовые и безворсовые ковры. Первые назывались «патли гилам» (пушистый ворсовый ковер), а безворсовые — «қоқма гилам». Ворсовый ковер с определенным орнаментом назывался у зарафшанских кипчаков «холли гилам»¹³¹. Кипчаки Ферганы ткали и безворсовые ковры типа «араби гилам» (арабский ковер). Эти ковры издавна производились (и теперь производятся) жителями селений Дженау и Камаша нынешней Кашкадарьинской области. В конце XIX — начале XX в. этот вид безворсового ковра был широко распространен среди узбеков Кашкадарьи. Через них он, видимо, был заимствован киргизами и кипчаками Ферганской долины.

Вышеуказанные виды ковров (ворсовые и безворсовые) богато орнаментировались. Ткали их на широком горизонтальном ковровом станке («гилам дўкон»), который в прошлом применялся у узбеков и других народов Средней Азии.

Кипчаки Ферганской долины производили и войлок. Они, как и южные киргизы¹³², изготавливали орнаментированные (турлуқ) и неорнаментированные (ура) кошмы. Первые предназначались для постилки на пол, а также использовались вместо одеяла; вторые — для покрытия верхней и боковой частей юрты, но их стелили также и на пол. Орнаментированные кошмы кипчаки производили и для продажи.

Войлок орнаментировали двумя способами. На разложенную шерстяную основу поверх рыхлой (еще не раскатанной шерсти) накладывали узор из заранее приготовленных и окрашенных прядей шерсти или же вырезанные узоры из тонкого лентообразного цветного войлока и после этого шерсть закатывали в рулон для дальнейшей обработки¹³³. Войлок с вырезанным узором назывался «ўйма кигиз».

¹³⁰ А. А. Боголюбов. Ковровые изделия Средней Азии, из собрания составленного А. А. Богомоловым, вып. 1, СПб., 1908, стр. XVII; В. Г. Мошкова. Ковры народов Средней Азии конца XIX начала XX в., стр. 86.

¹³¹ У нуратинских и закаспийских туркмен он назывался халы (см. В. Г. Мошкова. Указ. работа, стр. 68); С. Мурадова. О терминологии туркменского ковроткачества, «Тюркская лексикология и лексикография», М., 1971, стр. 246.

¹³² К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 23.

Ткачеством из хлопчатобумажной пряжи занимались лишь отдельные хозяйства оседлых кипчаков бассейна Зарафшана, которые наряду с другими земледельческими культурами сеяли и хлопок. По данным 70-х годов XIX в. в кипчацком селении Ривоч Сугутского тумана ткачеством занимались 14 человек, а в другом селении того же тумана — Каляндар — 5 человек. Ткачи имелись и в других кипчацких селениях¹³⁴. Ткачами у кипчаков являлись женщины. Ткали «алача» — полосатую хлопчатобумажную ткань (синие или красные полосы с белым утком), идущую на мужские халаты, верхнюю одежду; «калами» — хлопчатобумажную ткань, которая отличалась от «алачи» грубостью отделки; «бязь» (бўз) — гладкая, белая с желтым оттенком (или бледножелтого цвета), «карбос» — мягкая ткань, идущая на нижнее белье и как подкладочный материал для одеял и др. Изготавливали ее на вертикально установленном станке «дўкон»¹³⁵.

Очистка хлопка от семян производилась при помощи ручных деревянных вальцов, называемых кипчаками, как и другим узбекским населением Зарафшана, «халожи»¹³⁶; у узбеков Ферганы они известны под названием «чигрык». Нитки для ткани пряли на ручной прялке (чарх), весьма распространенной в Средней Азии¹³⁷. Часть кипчацких женщин еще в 70-х годах специализировалась на производстве пряжи, которую продавали на рынке.

Мастеров, умевших шить добротную обувь, среди кипчаков было немного. В 1874 г. в четырех кипчацких селениях (Буйрачи, Киргичи, Уклан, Сарыча) Сугутского тумана насчитывалось всего четыре сапожника и один в селении Рахим Турткульского тумана Самаркандского отдела¹³⁸. Сапожных мастеров было мало и среди

¹³³ Мы здесь не будем описывать способ изготовления войлока у кипчаков, ибо он мало чем отличается от способа изготовления войлока у других узбекских групп (например, у узбеков Хорезма или карлуков), а также соседних народов — киргизов, казахов, туркмен. (См.: Материалы обследования кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области, вып. 1, Ташкент, 1915, стр. 195, 295; Г. П. Васильев а. Туркмены нохурлы, СЭС, т. I, 1954, стр. 122—123; К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 83—84; К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 23—27 и след.).

¹³⁴ Записки РГО, т. VI, 1874, см. приложение № 15.

¹³⁵ Об устройстве ткацкого станка см.: В. В. Радлов. Средняя Зарафшанская долина..., стр. 44.

¹³⁶ «Халожи» (вальцы) — одно из распространенных приспособлений для очистки хлопка в дореволюционном Узбекистане и Таджикистане. (См. о нем подробно в кн.: Таджики Каратеги́на и Дарваза, вып. 1, стр. 214—215).

¹³⁷ Таджики Каратеги́на и Дарваза, вып. 1, стр. 215—217; В. Наливкин, М. Наливкина. Указ. соч., стр. 113.

¹³⁸ На рынке покупали в основном добротную мужскую обувь: мужские сапоги (этик) и кожаные мужские и женские галоши (кавуш). Покупную обувь носили главным образом состоятельные люди, а менее состоятельные покупали ее в особо торжественных случаях (свадьба, праздник). Такую обувь называли «сепоя». К «сепоя» относились сапоги «ногайн», «булгори», «қизил этих», или «қалхасани», «уюртма этик» и др.; кожаные галоши — «ногайн кавуш», «хаккори», «тиктирма-кавуш» и др. (описание указанных видов обуви см. в разделе «Материальная культура»).

ферганских кипчаков. Здесь покупали праздничную обувь на рынке, а повседневную и рабочую обувь шили сами почти в каждой семье.

В домашних условиях кипчаки изготавливали такие виды обуви, как «чорик», «мўкки», «тош-тавон», «ултарма-этик»¹³⁹. Из названных видов обуви «чорик», «мўкки», «тош-тавон» встречались у кипчаков Ферганы и бассейна Зарафшана, а «ултирма-этик» — лишь у кипчаков Ферганской долины. Носили эту обувь преимущественно бедные кипчаки, земледельцы (дехкане) и скотоводы (чабаны, табунщики). Кипчаки-скотоводы вытачивали также деревянные башмаки («товолдырык»), носили их в горных и предгорных местностях. Эта обувь считалась более прочной и удобной, чем кожаная с тонкой подошвой типа «чорик», «тош-тавон».

Ремесленное производство у кипчаков вообще было развито очень слабо. В 73 селениях, обследованных в 70-е годы XIX в. насчитывалось маслобок 109, мельниц — 92, толчей (обжувоз) — 54, кузнечных мастерских — 16¹⁴⁰. В отдельных кипчакских селениях имелись мастера по производству деревянных частей юрты. Например, в селении Деверак нынешнего Пайарыкского района Самаркандской области жила группа кипчаков, специализировавшихся на выделке деревянных частей юрт. Та часть селения, где они жили, называлась «чангарок»¹⁴¹ (по названию верхнего круга купола юрты), что свидетельствует об их занятии в прошлом. Следует отметить, что занятие ремеслами вплоть до конца XIX — начала XX в. сочеталось с земледелием, т. е. ремесленник одновременно был и земледельцем. Только кузнецы занимались исключительно своим ремеслом.

Одна кузнечная мастерская обслуживала обычно несколько селений. Кузнецы получали за свой труд долю урожая с дехкан в виде кафсана. Полученное зерно они собирали и затем делили между собой, соответственно положению. Мастер получал три доли, помощник мастера — две, подручный работник, который выполнял всю черновую работу в кузнечной мастерской¹⁴², — одну долю.

В быту ферганских кипчаков широко использовались шкуры домашнего скота (овец, коз, коров, лошадей) и диких животных (куницы, лисы, косули и др.).

Обрабатывали кожу примитивным способом. После освежевания шкуру животного солили и сушили на солнце. Затем (когда очередь доходила до обработки) приготавливали из ячменной муки кислую, густую массу, которой смазывали толстым слоем обрабатываемую сторону шкуры. Спустя 6—7 дней (в летний период достаточно было и 3-х дней) массу, которая к этому времени подсы-

¹³⁹ Подробно об обуви см. раздел «Материальная культура».

¹⁴⁰ ЗРГО, т. IV, СПб., 1874, см. прилож. № 15.

¹⁴¹ Полевые записи автора, IV, 1966 г.

¹⁴² Там же.

¹⁴² Там же.

хала, счищали, мыли в воде, и затем, высушив на солнце, очищали от мездры, протирая шершавым камнем или жженым кирпичом. Если шкура предназначалась для шитья обуви или бытовых предметов, то с нее счищали шерсть при помощи острого ножа или ножниц и затем красили краской, приготовленной из корня растения «таран».

Из выделанной и очищенной кожи кипчаки шили (ручным способом) различные виды обуви, шаровары (тери чолвор). Из обработанных шкур изготавливали также различные предметы домашнего обихода: чано (кожаный мешок для хранения лепешек и айрана), сабо (сосуды для кумыса или айрана)¹⁴³, мешки для воды. Из кожи (преимущественно козьей, коровьей) делали конскую сбрую (от-абзал), использовали ее также для обшивки седел.

Овечьи и козьи шкуры кипчаки использовали для изготовления подстилки (супра) для просеивания муки, разделки теста, меховых ковриков (пўстак) и теплых меховых одеял (пўстак курпа) на войлочной или матерчатой подкладке. Из шкур диких животных (куницы, лисицы, косули) шили теплые шапки (телпак) мужские и женские.

Из приведенных материалов видно, что ремесленное производство у кипчаков в XIX — начале XX в. не получило широкого развития, у них преобладали домашние промыслы. Большая часть предметов быта производилась в домашних условиях. Кипчаки делали сами остоны и войлочные покровы юрт, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, тесьмы различной ширины, ворсовые и безворсовые ковры, кошмы и др. Остальные необходимые в быту и хозяйстве вещи они приобретали на местных рынках или заказывали мастерам-ремесленникам, жившим в городах и крупных населенных пунктах. Домашние промыслы обеспечивали не только потребности самих кипчаков, значительная часть продукции предназначалась для продажи.

* *

*

Анализ материалов, характеризующих хозяйство кипчаков в конце XIX — начале XX в., позволяет сделать следующие выводы.

Кипчаки в основной своей массе в рассматриваемый период были уже оседлыми земледельцами. Они освоили технику и способы возделывания всех видов сельскохозяйственных культур. Крестьяне-кипчаки среднего Зарафшана считались опытными рисоводами в Самаркандской области и являлись поставщиками риса на местные рынки. Они хорошо освоили и виноградар-

¹⁴³ Кожаный сосуд под названием «сабо» бытовал у алтайцев (см. Л. П. Потапов. Очерки по истории алтайцев, стр. 211) и у киргизов (К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 125).

ство. С развитием хлопководства многие кипчакские семьи успешно выращивали эту ценную техническую культуру.

Хлопок в основном поступал на рынок. Таким образом, земледельческое хозяйство кипчаков в определенной степени было связано с рынком. Однако в целом их хозяйство, как и всего окружающего их узбекского населения, продолжало сохранять полунатуральный характер: основная часть производимой продукции шла на личное потребление семей производителей, а на рынок поступали только излишки. Хозяйства, занимавшиеся хлопководством, были более тесно связаны с рынком.

Переход в прошлом кочевых и полuosедлых кипчаков к оседлости, изменения в направлении хозяйства привели к изменениям производственного, общественного и семейного быта, а также и духовной культуры кипчаков. Замена одного уклада хозяйства другим происходила постепенно, под влиянием и в процессе тесного взаимодействия с оседлым земледельческим населением оазисов, от которого кипчаки переняли не только технику и приемы возделывания земледельческих культур, но и различного рода обычаи и обряды, связанные с земледелием и орошением. Эти факты свидетельствуют о значительном влиянии культуры оседлых узбекских земледельцев на кипчаков.

Этнический процесс консолидации был связан с хозяйственной деятельностью отдельных групп узбекского народа. С проникновением капиталистических отношений процессы консолидации узбекской нации несколько ускорились, однако до Октябрьской революции они не были завершены. Этому препятствовала, наряду с другими причинами, экономическая отсталость дореволюционного Узбекистана и, в частности, незавершенность перехода всех групп узбеков к оседлости.

Значительная часть кипчаков (главным образом кипчаки Ферганской долины) вплоть до Октябрьской революции и начала сплошной коллективизации сельского хозяйства оставалась полuosедлой. Они продолжали заниматься традиционной отраслью хозяйства — животноводством, сочетая его с земледелием. Основное место в их хозяйстве занимало овцеводство, коневодство и разведение крупного рогатого скота.

Кипчаки разводили в основном местные породы овец («жайдарй», которые назывались еще «тюрк қўйи» или «туркона қўй»). Однако наряду с этим у них имелись также овцы «казахской», «киргизской» и «гиссарской» пород мясосального направления. Новые породы овец, крупного рогатого скота и лошадей создавались узбеками, в том числе и кипчаками, путем скрещивания местных пород с казахскими, киргизскими, таджикскими и другими породами.

Эти факты свидетельствуют о том, что хозяйственная жизнь народов Средней Азии и Казахстана развивалась не изолированно, а в их тесном взаимном контакте. С другой стороны, это говорит о существенном вкладе бывших кочевников-скотоводов кипчаков в

хозяйственно-культурные традиции узбекского народа, выразившемся в использовании многовекового опыта ведения скотоводства.

Овцеводство давало хозяйству кипчаков такое ценное сырье, как шерсть и кожа. На основе этого сырья продолжали бытовать домашние промыслы, являвшиеся одним из традиционных занятий кипчаков. В конце XIX — начале XX в., с проникновением в быт населения фабричных тканей, домашние промыслы несколько сократились. Однако производство шерстяных тканей и ковров, хотя и уменьшилось, но не прекратилось, поскольку спрос на них у населения по-прежнему был большой.

В хозяйстве полуоседлых кипчаков в указанный период сохранялись некоторые черты их прошлых кочевнических традиций. Они проявлялись, в частности, во многих трудовых навыках отгонного содержания скота, в перекочевках семей скотоводов вместе со скотом на весенние и летние пастбища, в участии членов семей (в частности жен) в пастьбе и содержании скота; в сохранении обычаев взаимопомощи внутри семейно-родственных групп, помощи бедным сородичам путем бесплатного снабжения их молоком и т. д. Однако эти пережитки кочевнических традиций и патриархального быта сохранялись не в той форме, в какой они существовали со времени средневековья, а в значительной степени видоизмененных формах, приспособленных к изменившимся социально-экономическим условиям и к полуоседлой жизни кипчаков.

Влияние культуры оседлого узбекского населения было весьма значительным не только в области земледелия, но и в скотоводческом хозяйстве кипчаков. Это влияние было заметно, в частности, в обычаях и обрядах кипчаков, связанных с отгоном скота на летние пастбища, в устройстве загонов, построенных на местах зимних стоянок; в объединении хозяйств для пастьбы крупного рогатого скота, для доения молочного скота и др.

Приведенные данные, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о том, что на протяжении XVIII—XIX вв. происходило упрочение экономических производственных связей полуоседлых этнографических групп кипчаков с оседлыми земледельцами, составлявшими основную часть узбекской народности. Кипчаки заимствовали от последних не только трудовой опыт и достижения хозяйственной жизни, но и многие стороны быта и культуры. Это явление, характерное и для других родо-племенных групп узбеков, было неразрывно связано с процессом этнической консолидации и в значительной степени обуславливало этот процесс.

Глава четвертая

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

ПОСЕЛЕНИЯ

Ферганская долина и долина Зарафшана — две историко-этнографические области. Культурно-исторические традиции их населения складывались несколько различными путями. Это отразилось и на материальной культуре: меньше на типах поселений и жилищах, больше на типах одежды.

Кипчаки, переселившиеся в Ферганскую долину в начале XVIII в., как уже говорилось выше, до определенного периода оставались кочевыми скотоводами. Их зимовки (кишлов) располагались обычно в горной местности, защищенной от зимних ветров и богатой топливом и подножным кормом. Такие удобные для зимовки участки располагались на южном и юго-восточном склонах Кураминского и Чаткальского хребтов, а также в юго-западной части оконечности Ферганского хребта. Большими группами, в отдельных случаях до 300 юрт, кипчаки собирались на зимовку в урочищах Каракчикум, Язы, Грум-Сарай¹ и др. По мере перехода их к полuosедлости на месте зимовок возникали постоянные поселения.

В конце XIX — начале XX в. основная масса кипчаков уже была оседлой. Однако имелись еще и такие группы, у которых шел процесс перехода от полuosедлости к оседлости. Они обрабатывали некоторое количество земель, но не оставляли своего традиционного занятия — скотоводства.

Полuosедлые кипчаки, в хозяйстве которых земледелие сочеталось со скотоводством, были расселены главным образом в горных ущельях и предгорных равнинах. В оазисах же жили оседлые кипчаки-земледельцы. Таким образом, в исследуемый нами период существовали три типа кипчакских поселений, сложившихся в разных условиях рельефа местности: горные, поселения предгорных равнин и поселения оазисов.

Основным видом поселения у всех групп кипчаков в конце XIX — начале XX в. являлся кишлак, состоявший из усадеб. В Зарафшанской долине в 1874 г. было зафиксировано 160 селений кипчаков,

¹ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 22, 31, 32.

в которых насчитывалось 3950 дворов²; на одно селение в среднем приходилось 24 двора. Селений, имевших более 50 дворов, здесь было всего 13. Самыми крупными из них считались Джагалбайлы (96 дворов), Сорыбиш (78 дворов), Рахим (72 двора), Айтамгалы (70 дворов), Аючи (61 двор).

В Ферганской долине, по данным переписи 1917 г.³, было зафиксировано 84 селения⁴, где жили исключительно кипчаки. В них насчитывалось 9541 хозяйство. Число селений, имевших до 50 хозяйств, составляло 50, до 100 хозяйств — 17, свыше 100 — 22, свыше 200 — 15. Крупными кипчацкими селениями были Мархамат (826 хозяйств), Чоркесар (328 хозяйств), Гучак (262 хозяйства), Аксу-Говозон (252 хозяйства), входившие в состав Наманганской волости. В Андижанской волости крупными кипчацкими селениями являлись Яшик (361 хозяйство), Туячи (292), Ханабад (287), Бой-авул (270), Шейит-мазар (256), Кизил-тукай (208), Илатан (207 хозяйств).

Кроме поселений постоянного оседлого типа, существовали еще и временные (летние) поселения полuosедлых кипчаков. Кипчаки, занимавшиеся традиционным животноводством, весной вместе с семьей и скотом отправлялись на горные пастбища (жайлов), где в определенном месте устанавливали переносные жилища — юрты. Число их составляло от 3—4 до 10—15. Такое поселение, называемое «аул», являлось первой и главной формой временного летнего поселения.

Летом пастухи перегоняли скот на высокогорные пастбища. Там они устанавливали одну-две юрты, где в свободное время отдыхали, готовили пищу и хранили личные вещи. Место, где устанавливалась юрта пастухов, называлось «құш жай». «Құш-жай» можно назвать второй формой временного поселения, где пастухи жили без семей.

К концу лета, когда наступала пора обратной перекочевки, многие семьи, имевшие бахчевые посевы, не сразу возвращались в кишлак, а некоторое время жили в юртах вблизи бахчей (полиз). Здесь они оставались до глубокой осени, и только после сбора урожая, возвращались в места зимнего поселения. Местонахождение кипчацких семей осенью у бахчевых полей (полиз боши) можно считать третьей формой временного поселения.

² ЗРГО, т. IV, СПб., 1874, см. прилож. № 15.

³ Более ранних данных о числе селений кипчаков в Ферганской долине мы не обнаружили.

⁴ Материалы Всероссийской переписи 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике, вып. IV. Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г., см. приложение, табл. 1. Перепись 1917 г. брала на учет число хозяйств, что не совсем соответствовало понятию двора или дома-усады. В одном дворе могла жить одна большая семья, имеющая общее хозяйство или несколько (2—3) малых семей, ведущих хозяйство самостоятельно. Учитывая это, мы все-таки приводим данные переписи, чтобы дать некоторое представление о размере кипчацких селений в Ферганской долине.

Постоянные поселения первого типа, которые мы называли горными, были расположены в долинах горных рек, при выходе их на предгорную равнину и на самой равнине. Например, в Ферганской долине они располагались по Сумсар-саю, Резак-саю, Чадак-саю и др. В горных ущельях также находились зимовки крупных кипчакских баев, где жили нанятые ими пастухи семьями; некоторые из этих зимовок сохранились вплоть до 20-х годов нынешнего столетия.

Глинобитные жилища в оседлых горных поселениях первого типа возникли в основном в конце XIX — начале XX в. В после-революционные годы число их постепенно увеличивалось. На месте бывших зимних становищ возникали поселения сельского типа. В них насчитывалось от 3—4 до 10—15 дворов, а в отдельных случаях до 20 дворов и более. В таких поселениях жили одна—две семейно-родственные группы или же частица одного из кипчакских родов.

Кипчакские усадьбы в поселениях первого типа вначале (т. е. до возникновения здесь постоянных глинобитных жилищ) состояли из войлочных юрт и хозяйственных построек для скота. Число юрт в одном дворе зависело от состава семьи: большая неразделенная семья, состоящая из нескольких малых семей, могла иметь 2—3 юрты и более. Ограды и древонасаждения отсутствовали.

Второй тип поселения предгорных равнин был наиболее распространенным. Такие поселения возникали у кипчаков Ферганской долины, видимо, уже в конце XVIII в.⁵, а у зарафшанских еще раньше. Первые поселения имели вид отдельных огороженных стенами усадеб (курганча). По всей вероятности, они возникали в период перехода кипчаков к полuosедлости. В. Наливкин отмечает, что они расселялись отдельными, нередко разбросанными хуторами⁶.

В бассейне Зарафшана кипчаки и другие племенные группы узбеков (кырк, минг) возводили более крупные крепости (кургон, кала), имевшие оборонительное значение. Они являлись резиденциями кипчакских знатных феодалов и баев. Наличие укрепленных крепостей не только обеспечивало оборону от нападения врагов, но и служило гарантией благополучного исхода грабительских набегов на поселения соседей⁷.

По рассказам стариков, курганчи сохранялись в ряде селений Ферганской долины вплоть до 20—30-х годов XX в. Они были огорожены высокими стенами. Внутри курганчи находились жилые и хозяйственные постройки, однако постоянным жильем продолжала служить войлочная юрта, которая устанавливалась внутри ограды. Летом юрту перевозили на летние пастбища. Со второй половины XIX в. по мере перехода к оседлости в Ферганской до-

⁵ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства, стр. 6.

⁶ Там же, стр. 36, 62.

⁷ А. Гребенкин. Узбеки, ТВ, 1871, № 30.

лине вокруг курганчи возникают отдельные глинобитные жилища и хозяйственные постройки; к концу XIX в. число их значительно увеличивается, а уже в начале XX в. возникают не укрепленные стенами поселения, многие из которых сохранились до наших дней. С возникновением постоянного жилища на летние пастбища стали уходить лишь отдельные семьи, имевшие значительное количество скота.

Во многих поселениях указанного типа жили обособленно как отдельные кипчакские роды, так и их части или родовые подразделения. Селения часто носили названия того рода, который проживал в нем. Например, названия таких селений в Ферганской долине, как Жети-кашка, Улмас, Кугай, Пучугой, Яшик, Жайдок, Элатан; в долине Зарафшана — Аючи, Богач, Жагал-байлы, Каракесак и многие другие — соответствуют наименованиям кипчакских родов. В ряде селений жили представители нескольких родовых групп.

Поселения второго типа обычно располагались вдоль рек, орошительных каналов или проезжих дорог. По внешнему облику эти поселения можно подразделить на три вида:

1) поселения, где дома (усадыбы) располагались довольно компактно в одну или две линии и тянулись вдоль берега или дороги в одном направлении. Этот вид селений (кишлаков) условно назовем «линейным». Однако линейность не всегда строго соблюдалась: одни дома (усадыбы) располагались ближе к источникам воды или проезжей дороге, другие находились вдали от них. Усадыбы не огораживались стенами.

2) аульное поселение. Здесь несколько усадеб (от 3—5 до 7—10) располагались отдельными компактными группами на расстоянии 100—200 м друг от друга и более. Каждая такая группа усадеб в отдельности называлась аулом, а несколько аулов составляли кишлак. Кишлаки обычно не имели улиц. От одной группы домов к другой вела дорожка или тропинка.

В каждом ауле в прошлом жила одна семейно-родственная группа. Примером аульного поселения дореволюционного типа могут служить следующие старые селения Пайарыкского района Самаркандской области: Пасхийра, которое делилось на шесть аулов (Эски аул, Урал аул, Бой аул, Гишли аул, Мачатли аул, Олди аул); Эмалаж — на три аула (Паст аул, Урта аул, Юкори аул); Джиянбек — на три кипчакских аула (Кара аул, Миришкор аул, Кипчак аул), и один аул состоял из ходжей. Селение Сарыкипчак Булунгурского района делилось на Джугары аул (или Дашт аул), Урта аул и Куйи аул. Селение Элатан того же района также делилось на Джугары аул (или Казак аул, где до революции жила небольшая группа — 14—16 семей казахов), Урта аул и Куйи аул. В двух поселениях — аулах жили исключительно кипчаки из рода элатан.

3) поселение одиночно-разбросанного вида. В таком поселении каждая усадьба располагалась на значительном расстоянии (100—

200 м и более) от другой. Эти поселения занимали огромную площадь. Каждая усадьба имела сравнительно невысокую глинобитную ограду. Материалом для ограды чаще всего служили ветки деревьев или колючая растительность (жангал и др.).

Усадьба поселения равнинного типа состояла из юрты и хозяйственных построек: помещения для скота (молхона, отхона и др.), для хранения кормов (самонхона), для топлива (ўтинхона). На усадьбах отдельных состоятельных кипчаков можно было увидеть (в конце XIX — начале XX в.) глинобитные постройки, предназначенные для гостей (мехмонхона), а во дворах бедных семей — и жилые глинобитные дома. Последние, однако, широко вошли в обиход уже после Октябрьской революции.

Таким образом, основным жилищем полуоседлых кипчаков до начала XX в. оставалась войлочная юрта. Во всех формах поселений, за небольшим исключением, в прошлом отсутствовали глинобитные жилые дома, а также древнонасаждения. Они стали возникать лишь в конце XIX в. По словам старожилов селения Бешкапа (на реке Нарын), первые посадки фруктовых деревьев и виноградников были произведены жителем этого селения Маткасим-бобо в 90-е годы прошлого столетия. Фруктовый сад, выращенный им, сохранился и в настоящее время.

Третий тип поселений кипчаков, характерный для оазисов, получил наибольшее распространение в зоне орошаемого земледелия. Такого типа поселения располагались в основном у оросительных каналов. В них жили кипчаки, занимавшиеся земледелием и перешедшие к оседлости еще в XVIII — середине XIX в.

Во многих кишлаках кипчаки располагались смешанно с осевшими узбеками других групп, с таджиками и т. д. Больше всего таких селений встречалось в бассейне Зарафшана. Например, в селении Янги-кишлак из 8 дворов кипчакам принадлежали 4, таджикам — 4; в Токмак-Дау из 11 дворов — 7 было кипчакских, в остальных жили арабы, мангиты; в Галя-Тупе — 43 двора, в которых кипчаки (15 дворов) жили совместно с таджиками, ирони и найман. В кишлаке Пирмон (20 дворов) соседствовали кипчаки и кырки; в Аузеке — из 83 дворов кипчакам принадлежало 20, а в остальных жили найман, мангит и туркмены⁸.

По своему расположению усадьбы этих поселений кипчаков почти не отличались от усадеб окружавших их оседлых узбеков. Этот факт является еще одним подтверждением того, что кипчаки, переходя к оседлости, воспринимали многие черты материальной культуры оседлого земледельческого населения.

При третьем оазисном типе поселений, в отличие от первых двух, усадьбы располагались вплотную друг к другу по сторонам одной, двух или трех не совсем прямых, улиц. Последние разделяли одни компактные группы домов от других. Каждая такая группа называлась «туп» или «тупе» (у кипчаков) и имела свое особое

⁸ ЗРГО, т. IV, СПб., 1874, приложение № 15:

наименование. В тех случаях, когда жители селения состояли исключительно из кипчаков, в каждом тупе жила одна (редко две) семейно-родственная группа. Примером могут служить следующие селения кипчаков: а) с. Джувозхона делилось на четыре тупе: Кулок-тупе⁹, Чигир-тупе¹⁰, Тезакчи-тупе и Тентак-тупе¹¹. В первых двух жили в каждом по две, а в последних — по одной семейно-родственной группе; б) с. Ак-курган — тоже делилось на четыре тупе — Амин-тупе, Анна-тупе, Тури-тупе, Барат-авлод. В каждом из этих тупе жили семейно-родственные группы, которые носили имя одного из ближайших предков данного авлода (поколения); в) с. Деварак — состояло из семи тупе: Чангарокчи¹², Эшмат-авлод, Кози-авлод, Маман-авлод, Бешбола, Майдон, Куприк-огзи. В каждом из этих тупе (кроме первого) жила одна семейно-родственная группа. В тупе Чанга-рокчи жили кипчаки-тама. Все эти селения находились на территории нынешнего Пайарыкского района. Вышеназванные селения Пастдаргомского района также, по воспоминаниям жителей, делились на тупе, однако структура последних была иной. Например, селение Туяклы делилось на Мойчи-тупе, Бойвичча-тупе, Бекляр-тупе, Гала-тупе. Селение Джагалбойли делилось на шесть тупе: Кара-буйин, Сарывош, Караупо, Синчи, Бешбола, Черик. В каждом из этих тупе жили семьи, составившие частицы разных родовых групп, именем которых и было названо каждое тупе.

Как было сказано выше, в некоторых селениях кипчаки расселились вместе с представителями других народов и этнических групп узбеков. Например, в селении Чал-моюн указанного выше Пайарыкского района было четыре тупе: Кипчак-тупе (состоявшее из кипчаков), Бек-тупе (тоже из кипчаков), Кырк-тупе (группа узбекского племени кырк) и Туяклы-тупе (группа узбекского племени туяклы); в селении Ривоч три тупе: Фалгари (таджики из Фалгара), Бухорлик (из Бухары) и Кипчак-тупе (кипчаки); в селении Гузай два тупе: Каракалпак-тупе и Кипчак-тупе и др. Характерно, что каждое тупе имело свою мечеть и своего старейшину (тупе-баши). Но всей общественной жизнью селения руководил сельский староста (аксакал).

В описываемом оазисном типе поселений у оседлых кипчаков выделяются две формы усадеб. Первая (распространенная главным образом в долине Зарафшана) усадьба с оградой бывает трех

⁹ Это тупе получило такое название потому, что было расположено у головной части оросительного канала, из которого получало воду селение Джувозхона. Термин «кулок» (букв. «ухо») имеет много значений, но в данном случае под этим термином понимается головная часть арыка.

¹⁰ Чигир — водоподъемное сооружение. Тупе получило это название поскольку располагалось в той части канала, где находился чигир.

¹¹ Тезакчи (букв. собиратель скотского помета-кизяка); тентак (глупый, придурковатый, буйный); названия указанных селений являются прозвищами жителей.

¹² Жители этого тупе делали деревянные части юрты, верхняя часть которой называлась «чангарок».

видов: 1) усадьба замкнутая, обносились высокими глинобитными стенами и имела главный вход — ворота (дарвоза)¹³. Внутренняя планировка такой усадьбы была различной. В некоторых усадьбах двор делился на две части: внутреннюю (ичкари хавли) и внешнюю (ташкари хавли). Во внешнем дворе обычно находилось глинобитное помещение, предназначенное для приема гостей, и конюшни (закрытые или полузакрытые). Во внутренней части двора — жилые помещения и хозяйственные постройки различного назначения. У некоторых усадеб позади двора был участок с бахчевыми посевами, виноградниками и фруктовый сад с выходом через калитку (арқа эшик). Однако такие дома-дворы с приусадебными участками имели лишь баи. В настоящее время замкнутая усадьба с разделением двора на ичкари и ташкари почти нигде не встречается; 2) замкнутая усадьба, но без деления двора на ичкари и ташкари и без участка сада, виноградника, огорода. Все жилые и хозяйственные постройки здесь размещались в одном небольшом дворе (хавли). В большинстве случаев все постройки находились под сплошным перекрытием, открытой оставалась только середина усадьбы — двор, где росли одно—два фруктовых дерева (чаще всего тутовник). При круговой застройке задние стены этих помещений служили одновременно и стенами для замкнутых форм усадьбы. В таких усадьбах жили в прошлом богатые кипчаки.

В послереволюционные годы число замкнутых дворов-усадеб без деления двора на две части резко уменьшилось. В настоящее время они встречаются крайне редко. Такая форма усадьбы обнаружена нами в 1966 г. (в период экспедиционных работ) в кипчакском селении Джар совхоза «Дагбет», у жителя этого селения Нематова Худайберды (1900 г. рождения). Усадьба перешла к нему от деда.

Описываемая усадьба в плане почти квадратная и имеет единственный вход — широкие двухстворчатые ворота. В усадьбе несколько жилых и хозяйственных построек, которые размещены по стенам двора. Вправо от входа — гостиная (меҳмонхона), а дальше вдоль стены несколько строений: помещения для хранения дров (ўтинхона), полузакрытый навес хозяйственного назначения (ошхона), где имеется очаг для приготовления пищи, печь (тандыр) для выпечки лепешек, кладовая (амбар). Слева от ворот располагаются два закрытых помещения, одно из них служило для хранения кормов для скота (сомонхона), а другое — коровником (молхона); дальше вдоль стены находился навес (бостирма), где держали на привязи коров и рабочих волов. Против ворот в глубине двора — два жилых дома, состоящих из двух отдельных комнат окнами и дверями обращенных во двор, в сторону ворот. Все помещения описываемого двора (как жилые, так и хозяйственные) находились под одной кровлей;

¹³ Замкнутую усадьбу узбеки-кипчаки долины среднего Зарафшана, так же как и окружающее их население, называли термином «кургош» или «равот». См. Этнографические очерки узбекского сельского населения, М., 1969, стр. 134.

3) усадьба, где жилые и хозяйственные помещения, а также приусадебные участки находились за одной общей оградой. Стены ограды были невысокими. В этих усадьбах в прошлом жили семьи менее состоятельных земледельцев. Такие усадьбы бытуют у населения Зарафшана и Ферганской долины и в настоящее время.

Вторая форма — усадьбы без ограды. Они широко были распространены у узбеков, в том числе и у кипчаков, бытуют и теперь, встречаются они и у киргизов¹⁴. Наблюдаются несколько видов расположения жилых домов и хозяйственных построек:

1) усадьба, в которой жилой дом и хозяйственные постройки сосредоточены под одной крышей, а в плане расположены: а) на одной прямой линии; б) «П»-образно; в) «Г»-образно.

2) усадьба, где жилое помещение и хозяйственные постройки расположены раздельно. Перед домом такой усадьбы обычно имелся небольшой двор и приусадебный участок — огород, сад (май-дан, боғ). Хотя усадьбы этого типа строились без ограды, во многих из них вход осуществлялся через ворота, которые обычно устанавливались либо между двумя рядом стоящими жилыми домами, либо между жилым домом и хозяйственной постройкой. Таких усадеб в прошлом было довольно много, что объясняется лучшей приспособленностью их к быту.

Следует указать, что многие нынешние индивидуальные дома-усадьбы колхозников имеют значительное сходство с описываемым нами типом усадьбы. Однако при планировке двора сейчас в основном придерживаются линейного (в один ряд) расположения жилых и хозяйственных помещений. Очень редко строят дома Г-образной формы. Застройки «П»-образной формы давно не практикуются. В прошлом такая планировка вызывалась необходимостью проживания в одном доме многочисленной неразделенной семьи. Хозяйственные помещения, особенно помещения для скота, теперь строятся изолированно от жилых помещений.

В период социалистического строительства в районах орошаемого и богарного земледелия возникли новые колхозные и совхозные поселки со строгой планировкой, с широкими озелененными улицами и построенными по типовым проектам домами. Строительство таких поселков принимает все более широкий размах, что свидетельствует о заботе партии и правительства об улучшении быта сельского населения.

ЖИЛИЩЕ И ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА

В конце XIX — начале XX в. у кипчаков бытовали следующие типы жилищ: войлочная юрта (уй), глинобитные жилища (том уй), жилища типа шалаша (капа) и жилища типа землянок (дўла или жер-дўла). О бытовании указанных типов жилищ свидетельствуют этнографические данные, собранные нами опросным

¹⁴ К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 209—210.

путем во многих кипчакских селениях Ферганской долины и в бассейне Зарафшана¹⁵.

Юрта как основной тип жилища сохранялась у кипчаков вплоть до конца XIX — начала XX в., а в отдельных случаях и до 30-х годов (рис. 3). Она стала исчезать из быта, прежде всего у оседлых земледельцев. У бедных семей в дореволюционный период юрта служила основным жилищем до тех пор, пока, ввиду своей ветхости, не становилась не пригодной для жилья. Лишившись

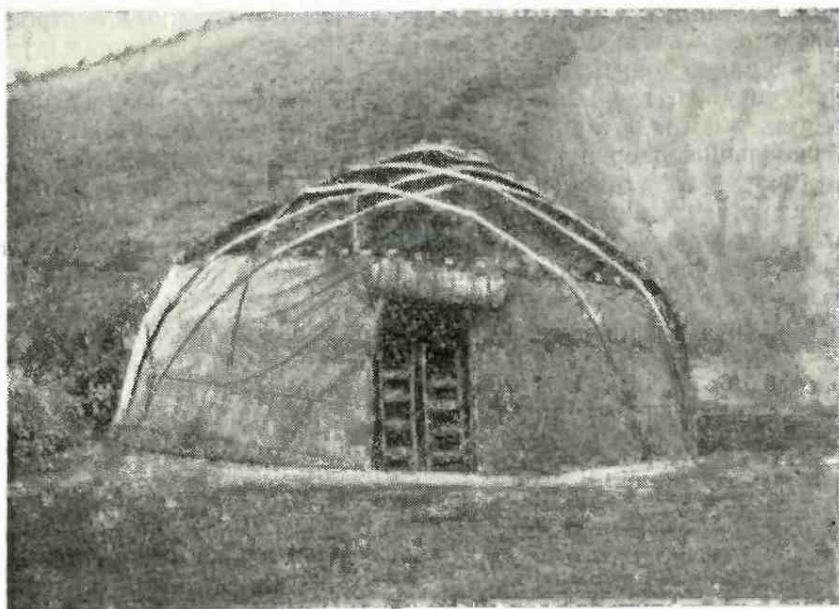

Рис. 3. Юрта (yii) кипчаков. Кемешек сай, Ферганская долина.

своего традиционного жилища и не имея возможности приобрести новое, они вынуждены были рыть землянку или строить шалаш. Состоятельные семьи строили глинобитные дома, которые широко вошли в быт полуоседлых кипчаков в первой четверти нашего столетия. Войлочная юрта как традиционное жилище также продолжала бытовать у состоятельных семей.

В начале XX в. глинобитные дома строили и байские семьи. Однако в них жили подсобные работники бая, а сам хозяин семьей предпочитал жить в юрте. М. С. Андреев, совершивший этнографическую экспедицию в Самаркандскую область в 1921 г. и побывавший в Челекской волости, где жила большая группа кипчаков, зафиксировал факт постепенного исчезновения юрты. Он

¹⁵ Полевые записи, VI, 1961 г., V, 1960; VI, 1965; V, 1966, IV—V, 1969; V, 1970.

отмечал, что юрта во многих местах сохранилась лишь у самых богатых. Он писал: «Характерным является то, что самый богатый узбек, которого мы встретили на пространстве всех трех уездов (Джизакский, Самаркандский и Каттакурганский.— К. Ш.), был в то же время единственным, который не имел до сих пор, помимо юрты, глинобитной постройки и предпочитал до сих пор жить исключительно в юрте»¹⁶. М. С. Андреев в той же поездке зафиксировал также производство деревянных частей юрты в Челекской волости Самаркандского уезда.

В конце 30-х годов нынешнего столетия юрта окончательно исчезла из быта кипчаков бассейна Зарафшана; у ферганских кипчаков она оставалась основным видом жилища вплоть до 30-х годов нынешнего столетия. У отдельных семей она сохранилась и до настоящего времени, например у кипчаков, работающих на животноводческих фермах, которые летом вместе со скотом уходят на пастбища. В летний период юрты можно увидеть и в горах Кураминского хребта (особенно в его восточной части) и поблизости от магистральной дороги Ташкент — Коканд.

Кипчакская юрта, особенно юрта молодоженов, подобно юртам полуоседлых узбеков, а также казахов, киргизов, каракалпаков, была богато украшена. Все предметы убранства и крепления юрты изготовлялись искусными руками кипчакских женщин.

Войлочная юрта у кипчаков, как и у всех узбеков, называлась «уй»; старая, уже обжитая юрта — «қара-уй» (букв. черная, закопченная юрта), а новая, свадебная — «ўтов» или «ак-уй» (букв. «белая юрта») ¹⁷

Утов приобреталась и устанавливалась при женитьбе сына. Деревянные части покупали на рынке, а покров, крепления и предметы внутреннего декора хозяева изготовляли сами. Внутри юрту убрали орнаментированными украшениями из шерстяной или хлопчатобумажной ткани, завешивали новыми специально сотканными (тутум) коврами, кромки которых украшались бахромой. Все стенные украшения юрты были темно-красного или бордового цвета в сочетании с белыми полосками или орнаментом. Исходя из цветовой гаммы красно-бордового тона, процесс убранства новой юрты называли «уйни қизил қилиш». Покров юрты новобрачных, по традиции, должен был кроиться из белого войлока. Однако иногда вместо этого поверх войлочного покрова нашивалась белая (хлопчатобумажная) ткань ручного или фабричного производства, благодаря чему юрта становилась белой — «ак-уй».

Белый матерчатый покров юрты сохранялся в течение одного—двух лет, затем он постепенно изнашивался и оставался только войлочный. В дальнейшем в течение десяти лет и более покров

¹⁶ М. С. Андреев. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г., ИТОРГО, т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 124.

¹⁷ Киргиз-кипчаки Кургантепинского района Андижанской области свадебную юрту называют «ўргов».

юрты постепенно терял былой вид, темнел и тогда ее называли «қара-уй» (букв. «черная юрта»).

Кипчакская юрта отличалась четкой округлой формой и специфическим сводом¹⁸, которые достигались путем значительной изогнутости нижней части жердей (увуғ), составляющих каркас купола, что давало возможность поднять несколько выше потолок юрты (вершину ее купола).

Кипчакские юрты по своей конструкции и названию деталей мало отличались от юрт других узбекских племен¹⁹ и соседних ими народов²⁰ — казахов²¹, каракалпаков²², туркмен²³.

У кипчаков, как и у других групп узбеков, юрта состояла из деревянной части — остова (уйнинг сунаги), кусков войлока определенного покроя для покрытия остова и средств крепления — тесьмы различной ширины и назначения, веревок, шнурков и др.

Остов юрты составлялся из нескольких отдельных частей. Основанием его служила складная решетка (керага), которая образовывала стенки юрты. Керагу устанавливали, соединяя несколько отдельных решеток (у кипчаков Ферганы — 4—6). Каждая решетка в отдельности называлась «қанат» (крыло). Решетка делалась из узких деревянных планок, скрепленных крест на крест

¹⁸ А. Х. Маргулан. Казахская юрта и ее убранство. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, М., 1964, стр. 4.

¹⁹ К. Л. Задыкина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, стр. 355—359; Б. Х. Кармышева. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, стр. 133—135; Она же. Жилища узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана. Известия отделения общественных наук АН ТаджССР, вып. 10—11, 1956, стр. 15—16 и след.; К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 95—100; Н. Г. Борозна. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана. МКНСК, М., 1966, стр. 94—102.

²⁰ К. И. Антипина. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, стр. 154—164.

²¹ Б. А. Куфтин. Киргиз-казахи, Этнологические очерки, М., 1926; Л. П. Потапов. Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни, Сб. Музея антропологии и этнографии, т. XII, М.—Л., 1946; В. В. Востров. Казахи Джаннбекского района Западно-Казахстанской области (историко-этнографический очерк), Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 3, Этнография, Алма-Ата, 1956, стр. 25—28; У. Х. Шалекенов. Казахи низовьев Аму-Дарьи, стр. 206, 210 и след.

²² Т. А. Жданко. Быт каракалпакского колхозного аула, СЭ, 1949, № 2, стр. 51; Она же. Каракалпаки Хорезмского оазиса, Труды ХАЭЭ, т. I, М., стр. 520, 521 и след.

²³ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурлы, СЭС, т. I, 1954, стр. 134—136; Она же. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане, М., 1969; Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР, СЭС, т. I, стр. 44—48; Он же. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969, стр. 149; А. Оразов. Поселения и жилища прибалханских туркмен в конце XIX — начале XX в., ТИИЭАА ТуркССР, VII, Ашхабад, 1963, стр. 38—41.

с помощью сыромятных ремней из верблюжьей кожи, называемых «күк». Высота нормально установленной решетки достигала 1,3 м.

Отдельные части кераги (қанат) при установке юрты прикреплялись друг к другу при помощи узкой (2 см) орнаментированной шерстяной тесьмы — тангич. Верхнюю кромку кераги снаружи обтягивали узорным поясом шириной 15 см (бош-тортгич или бош-кур), чтобы придать кераге необходимую устойчивость.

Верхнюю часть остова — купол юрты образовывали «чанғароқ» и множество выгнутых жердей («увуқ»). «Чанғароқ» представлял собой круглый деревянный обод диаметром 2,5—3 м, связанный из двух дуг. Он играл роль окна и одновременно служил дымовым отверстием (түйнук). «Чанғароқ» скреплялся двумя перекрещивающимися дугами, выгнутыми вверх и образующими сферическую верхушку остова юрты. Каждая дуга состояла из 4—5 жердей или нескольких связанных таловых прутьев. По окружности обода имелось множество отверстий, куда вставляли острые концы жердей-увук («увуғ» перекрытия юрты, служивший каркасом). Количество увуков зависело от величины юрты и составляло от 41 до 71 шт. В юрте среднего размера их насчитывалось 55. Длина увука — 2,5—3 м, диаметр—2,5—3,2 см. Нижняя, выгнутая и плоско обтесанная часть увука устанавливалась на развилке (чинок) верхней части кераги и крепко привязывалась узкой узорчатой (или полосатой: белой с красным или вообще однотонной окраски) лентой, называемой «увуғ-бов». По изгибу жердей протягивалась широкая (30—35 см) богато орнаментированная шерстяная дорожка — «боғиш». Несколько выше ее проходила длинная узорчатая лента шириной 3—4 см (тизма), которая оплетала каждый увук. Крепко обтягивая жерди, «тизма» придавала куполу юрты необходимую устойчивость.

В богато украшенной юрте имелись одна—две орнаментированные дорожки (бов) различной ширины (от 10—15 до 30 см). Ими обычно обтягивали купол тизмы. Концы всех дорожек, опоясывающих юрту, прикрепляли к боковым стенкам дверного косяка.

Снаружи стенки юрты (керага) обтягивали камышовыми циновками (чий), стебли которых скреплялись оплетавшими их цветными шерстяными нитками в несколько рядов. Поверх чия протягивался узорчатый пояс (бов) шириной 10 см, концы которого также привязывались к боковым косякам двери. При помощи бов чий крепко прижимался к стенкам юрты.

Входное отверстие юрты обрамлялось двумя боковыми косяками (ён егоч), верхней перекладиной (маглай чўп) и нижней (бўсога). Во входном проеме устанавливалась двухстворчатая дверь (эрганак), прикреплявшаяся к боковым косякам при помощи веревочных петель. Дверной проем, кроме решетчатой двери, закрывался снаружи еще кошменным полотнищем (эшик). Обе стороны «эшик» орнаментировались или на них нашивались (поверх обычной кошмы) орнаментированные ковровые дорожки.

Покрытие боков (стенок) юрты осуществлялось при помощи че-

тырех кусков войлока (тутум)²⁴, имевших форму удлиненного четырехугольника. Поверх тутума натягивали толстый шерстяной аркан (белдав), оба конца его крепко привязывали к боковым дверным косякам. Двумя большими кусками войлока, вырезанными в форме широкого полукруга (узук), покрывали купол юрты. «Узук», находившийся спереди, назывался «олд узук», а сзади — «орқа узук». К краям обоих кусков войлочной кровли были пришиты шесть (по три с каждой стороны) длинных тесем (узук бов).

«Узук бов» переднего войлока обычно были однотонными, их ткали из темно-красных или бордовых шерстяных ниток. Поэтому такую тесьму называли «қизил узук бов» или «қизил бов». Концы ее пропускали внутрь жилища, здесь их натягивали под куполом юрты (прямо против входа) и переплетали. Образовавшиеся пересечением красных лент узоры, прекрасно сочетаясь с другими предметами декоративного убранства, украшали внутреннюю часть юрты.

«Узук бов» заднего куска войлока (орқа узук) ткали из белых шерстяных ниток²⁵ и называли «ак бов». Они укрепляли войлочный покров юрты снаружи; их натягивали поверх купола юрты следующим образом: три «ак бов», находившиеся на правой стороне купола, проводились влево от двери, а следующие три тесьмы, лежавшие на левой стороне купола, — направо от двери. При таком способе натягивания шесть «ак бов» взаимно перекрещивались на лобовой части купола (выше верхнего дверного косяка), образуя четыре широкие клетки.

Свободные концы длинной тесьмы «ак бов» пропускали то под толстую веревку (белдов), опоясывающую снаружи остов юрты, то через петли, имеющиеся в нижней кромке «узуков», и в результате (путем перекрещивания концов «ак бов») спереди и по бокам юрты получался своеобразный узор в виде крупных крестов. Белая тесьма (ак бов), как и многие другие крепления юрты, выполняла две функции: при ее помощи прочно закрепляли кошмовой покров юрты, в то же время она служила декоративным элементом, украшавшим купольную и боковые части юрты. Нижняя кромка «орқа узук» прикреплялась к верхним кромкам кошмы «тутум» при помощи неширокой (3—4 см) тесьмы.

²⁴ Боковые кошмы, покрывавшие остов юрты, у узбеков-карлуков назывались «тувалик» или «ён кигиз» (см. К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 96); у узбеков-дурман — «турлук» (см. Н. Г. Борозна. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана, МКНСК, стр. 95); у казахов они назывались «туурлык» (см. Б. А. Куфтин. Киргиз-казахи, стр. 25); у туркмен Марыйской области — «дурлук» (см. Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дехкан Марыйской области Туркменской ССР, СЭС, т. I, стр. 44—48); у южных киргизов — «туурдук», а у киргизов юго-западных районов Киргизии — «тутуу» (см. К. И. Антипина. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, стр. 162).

²⁵ В конце XIX — начале XX в. их делали уже из хлопковой пряжи. Одна-ко состоятельные семьи продолжали ткать «узук бов» из шерстяных ниток.

Для покрытия макушки юрты (чангароқ) использовалась квадратная кошма (тўйнуқ), к четырем углам которой прикреплялись толстые шерстяные веревки (тўйнуқ бов); три из них всегда были привязаны к «белдов», а с помощью четвертой откидывался назад один из углов туйнука и тем самым открывалось дымовое (или световое) отверстие. Во время сильных ветров концы «тўйнуқ бов» крепко привязывали к колям, вбитым рядом с юртой. Изнутри юрта во время бури также укреплялась при помощи специальных шерстяных веревок (элбов). Верхний конец «элбов» крепко привязывали в центре чангарока, другой, нижний, натягивали и привязывали к колу, вбитому около очага. В тихую погоду концы «элбов» опускали с чангарока внутрь юрты. Их украшали множеством кистей красного или бордового цвета, а также большой кистью из пучка волос конского хвоста. Последняя одновременно служила украшением и оберегом от «сглаза». Установкой, сбором и разбором юрты занимались в основном женщины. Они кроили войлочный покров и ткали тесьмы различных видов и функций.

Многие узбекские племена (карлуки, найман, каучин и др.) устанавливали юрту дверью на юг, кипчаки же Ферганской долины ориентировали дверь по восходу солнца — на восток.

Площадь внутри юрты кипчаки Ферганы по традиции делили на четыре части: 1) «тур», или «тур-жай» — место прямо против входа, в глубине юрты; 2) «жук-жай» — часть помещения, расположенная справа от двери; 3) «эшик—олди» — место, находившееся справа и слева при входе в юрту; «ўчоғ-олди» (или «ўчоғ боши») — место у очага.

«Тўр-жай» — место, где хозяева отдыхали, ели и спали. Здесь же принимали гостей; при этом самый почетный гость должен был сидеть у стены, а остальные — справа и слева от него. В отсутствие гостей это место занимал глава семейства. На тур-жай стелили кошмы. Зимой вниз под кошму на земляной пол укладывали толстый слой камыша или камышовые циновки (бордон, бўйра)²⁶. Поверх кошмы расстилали ковры, а бедные семьи ограничивались кошмой. Для гостей стелили также ватные одеяльца (тўшак), а для себя подстилки (пўстак)²⁷, сделанные из овечьих или козьих шкур.

По рассказам наших осведомителей, в прошлом подстилки для сидения делались исключительно из шкурок, а ватные «тўшак», чехлы для которых шили из фабричной или кустарной материи, встречались лишь в более состоятельных семьях.

На решетчатой стенке юрты, там где находился «тўр-жай», вешивали один-два ковра. Летом в сильную жару ковры снимали со стены. Убирали также боковые куски войлока, которыми по-

²⁶ Буйра в прошлом применялась для перекрытия шалаша-капа, а также для покрытия крыши глинобитных жилищ и др.

²⁷ «Тўшак» — узкий тюфяк на вате; «пўстак» — подстилка из хорошо отделанной шкуры домашних животных (преимущественно из овечьей и козьей шкур).

крывался 'остов с внешней стороны. Раздвигали и находившиеся под «тутум» циновки. Это делалось для того, чтобы создать сквозняк; благодаря доступу свежего воздуха в юрте было прохладно даже в сильную жару. На верхней части стенок юрты, на развилках керага, вешали квадратные и прямоугольные сумки для хранения в них зеркала (ойна тўрва) и различной мелочи (гребешки, пуговицы, нитки — «қуроқ тўрва»). Лицевая сторона этих сумок была вышита ручным способом и богато орнаментирована. Нередко сумки изготовлялись из разноцветных лоскутков бумажной материи: эта техника называлась «қуроқ».

«Жук-жай»²⁸ — место справа от входа, примыкающее непосредственно к «тўру». Сюда вдоль стенки, на самодельной деревянной подставке «чукичак»²⁹ в определенном порядке складывали постельные принадлежности (ватные одеяла, подстилки, сделанные из шкур овец и коз, тюфяки и подушки). При этом предметы, которыми пользовались повседневно, покрывали вышитым покрывалом, а новые постельные принадлежности складывали отдельно, заворачивая их в ковровое покрывало. Этот большой тюк, наминавший конверт, назывался «бўғжом»³⁰. Рядом с «бугжом» у стенки юрты ставился большой «напрамач», в котором хранили новую одежду, шелковые, шерстяные или хлопчатобумажные ткани, украшения и др. Задняя часть «напрамача» делалась из шерстяной ткани, а передняя — из ворсового ковра.

«Напрамач», как и «бўғжом», — один из необходимых предметов имущества каждой семейной пары, служил основным элементом внутреннего убранства кипчакской юрты. Он бытовал и у

²⁸ Джук — букв. груз, под этим словом понимается всякий транспортируемый груз. Но в данном случае в понятие «джук» входят сложенные на подставке постельные принадлежности, большие мешки (напрамач), где хранились одежда и другие вещи. Название «джук» применяют также к мешкам с зерном, сложенным у стенки юрты.

²⁹ Подставкой для джука в летний период служил и сандал — четырехугольный табурет (80×80 см). Подставкой могли быть также деревянные сундуки. Однако кипчаки, подобно другим полукучевым узбекам, старались не приобретать их, чтобы не загромождать жилище.

³⁰ «Бўғжом» — покрывало из полосатой ткани, предназначавшееся специально для хранения в нем постельных принадлежностей. Оно делалось из 6—8 энов ткани, ширина каждого эна 30—32 см. Один из углов «бўғжомы» кроился длиннее, чем два другие. По углам его пришивали узкие плетеные шерстяные ленты (қур). После того, как постель укладывали в «бўғжом» при помощи «қуров» два коротких угла «бўғжом» затыгивали навстречу друг другу и крепко связывали в узел, а тем «қуров», который был прикреплен к длинному углу, сверток несколько раз обертывали и затыгивали посередине «бўғжом». Вышитый узором и окаймленный бахромой угол «бўғжом» оставляли на виду, как украшение.

«Бўғжом» до настоящего времени является одной из основных принадлежностей внутреннего убранства жилища потомков кипчаков Зарафшана. В прошлом «бўғжом» использовалась и ферганскими кипчаками, но в настоящее время оно вышло из употребления. Бытовало оно в прошлом (встречается еще и теперь) у многих групп узбеков, в частности у узбеков-карлуков, кунграт, дурмен, каучин, катаганов Кашкадарьинской области и др.

многих других, в прошлом полуоседлых узбеков³¹ дештикипчакского происхождения и являлся специфической чертой их материальной культуры.

В правой части у стенки ставили мешки с зерном. На этой же стороне юрты, за дверью (эшик олди), складывали сбрую лошади и хозяйственные предметы (веревки, ведра, серп и др.). В левой части, за дверью (эшик олди), устанавливали ручную мельницу (жаргичок).

В центре юрты, чуть влево от входа, устраивали очаг. У кипчаков он имел вид неглубокой ямы (8—10 см). При варке пищи над очагом ставили железный треножник (уч-аяк). Интересно отметить, что у кипчаков Ферганы в прошлом бытовал обычай, по которому постоянно (зимой и летом) тлел огонь в очаге. В период этнографической экспедиции 1961 г. автор посетил юрту пожилого кипчака (ему было тогда 70 лет) Суярова Абдураима в Кемешек-сае. В очаге его юрты днем и ночью слабым язычком пламени горел огонь. При этом пищу хозяева варили в очаге, установленном у юрты. Лишь в непогоду они использовали очаг для приготовления пищи, подкладывая в тлеющий огонь побольше дров. На наш вопрос: «Почему у вас постоянно тлеет огонь в юрте, в очаге? Ведь вы его не тушите ни днем ни ночью?», — Суяров ответил: «Держать постоянно огонь в очаге юрты — это обычай наших предков. Очаг без огня — дом без хозяина, без радости. Огонь в очаге — в доме всегда благополучие. Поэтому мы постоянно поддерживаем огонь в очаге». Сообщение Суярова об этом обычае подтверждалось высказываниями других наших собеседников.

В указанном обычае кипчаков нельзя не заметить пережитков культа огня, проявляющихся в сохранении неугасимого «вечного огня». В то же время огонь у них связан с верой в его сверхъестественную силу, способную охранять жителей юрты от неудач, т. е. в данном случае огонь выступает в роли оберега.

Площадь вокруг очага (очаг-боши) — это место, где большую часть времени проводила хозяйка юрты: здесь она разводила и поддерживала огонь, варила пищу, кипятила чай и др. Позади очага, на степях юрты, вешали мешки для продуктов различных

³¹ «Напрамач» имелся почти во всех юртах полуоседлых узбеков. У отдельных групп узбеков, например, у канглы, каучин он, как и у кипчаков, назывался «напрамач», а у других групп — кунграт, локайцев, дурмен известен под названием «мапрамач» (см. Б. Х. Кармышева. Локайские мапрамачи и илгичи, Сообщения республиканского историко-краеведческого музея, вып. 2. История и этнография, 1955, стр. 145—147; Н. Г. Борозна. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана, стр. 97). Узбеки-карлуки указанный мешок называли «карчин» (см. К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 99).

«Напрамач» под названием «мафрач» встречается у туркмен (см. Н. Г. Борозна. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана, стр. 97). Такой же мешок, но несколько иной формы, имеется у армян Инджевана (АрмССР), у последних он называется «мапраш» (см. СЭ, 1959, № 4, стр. 121—122).

размеров, сделанные из шерстяной ткани. В них хранили лепешки (нон тўрва или нон халта), пищевую соль (тузлуқ). Были также мешки для хранения кухонной утвари: ложек (қошиқ тўрва), черпаков, шумовки (чўмуч тўрва) и т. д.

Влево от очага размещались котел, блюда и различные сосуды для воды, молока и др. Здесь же находились такие виды домашней утвари как «кели» — деревянная ступа для толчения зерна, пест, который называется «кели соп», «қуви» — сосуд цилиндрической формы для сбивания масла; «чаноч» (или «саноч») — кожаный мешок для хранения в нем мяса, кислого молока, а иногда и воды; «меш» — кожаный сосуд, сделанный из шкур домашних животных, в котором хранились кислое или пресное молоко и вода.

В юртах многих кипчакских семей Ферганской долины для домашней утвари отводилось место внутри специальной перегородки из циновки — «уроча», установленной влево от очага (между очагом и стеной юрты), близ двери³².

Юрта освещалась огнем, поддерживаемым в очаге, а также маленьким масляным светильником с ватным фитилем (қарачи-роқ), сделанным из обожженной глины или чугуна. Светильники приобретались на базаре. У кипчаков бассейна Зарафшана, как и окружавших их других групп узбеков, жилище освещалось также своеобразным глиняным светильником, называемым «чўлоқ-хотин», а у узбеков-карлуков Кашкадарьи — «хумай»³³. Он представлял собой круглодонный сосуд с отверстиями по бокам и сверху, жгли в нем верблюжий помет.

Традиционный порядок размещения предметов внутри юрты устойчиво сохранялся вплоть до наших дней. В период экспедиционных поездок (1961—1962 гг.) мы побывали у овцеводов — потомков кипчаков Ферганской долины, которые по сей день устанавливают юрты на летних кочевьях. Убранство этих юрт почти одинаковое. Для примера опишем юрту упомянутого нами Суярова Абдураима. Эта юрта с невысоким сферическим куполом состоит из шести «канат». В центре ее имеется неглубокий очаг, над которым установлен железный треножник (уч-аяк), служащий подставкой для котла. Напротив входа, в глубине юрты, расстелены две (простых) кошмы, а поверх два шерстяных паласа из полосатой ткани. На паласах (на полу) в несколько слоев лежали ватные одеяльца (тўшак). Под прямым углом к ним по обе стороны — два ряда тушаков. Таким образом, расположение тушаков на полу имело П-образную форму; середина оставалась открытой — для скатерти (дастурхон). Так стелили тушаки для гостей, обычно же пользовались лишь подстилками (пўстак) из овечьих и козьих шкур.

³² Высота «уроча» от пола 1,3—1,5 м. Делалась уроча из плетеной камышовой циновки, для украшения использовались разноцветные шерстяные шнурки, в процессе плетения на стеблях уроча образовывались несложные узоры.

³³ К. Ш а н и я з о в. Узбеки-карлуки, стр. 100.

У Суярова таких подстилок из шкур было около десяти; аккуратно сложенные, они лежали вместе с другими постельными принадлежностями у стенки юрты.

Над «тўр-жаем» на стенке юрты висели горизонтально два ковра ручного производства с богатым орнаментом: один из них располагался выше — на купольной части, а другой ниже — на стенке «керага». Здесь же, на стенке остова, над ковром висели два мешка (тўрва) небольшого размера (50×30 см), вышитые узором: один из них для хранения зеркала, другой — для хранения мелочей. Левее ковров, прямо за очагом, на верхней части решетки висело несколько мешков из полосатой шерстяной ткани. В одном из них (қошиқ-тўрва) лежали ложки (қошиқ), а в другом (чўмуч-тўрва) — шумовки (железная, деревянная и плетеная), черпак и др. Оба эти мешка почти одного размера (60×40 см). Здесь же рядом с «қошиқ-халта» находился узкий мешок для хранения соли (тузлуқ).

В юрте Суярова у входа, ближе к «тўр-жай», на самодельном деревянном столе установлен радиоприемник, работающий на батарее; далее вдоль стенки на специальных подставках (чўкучак) — два напрамача. Оба набиты вещами. Поверх первого напрамача аккуратно сложены стопкой 12 подушек³⁴ — пуховых и ватных. Пуховые подушки приобретались в магазине, на них имелись белые наволочки. Ватные подушки (самодельные) двух форм: длинные валики (болиш) и плоские (ёстик). На эти подушки наде-ты чехлы, вышитые узором. Поверх второго напрамача аккуратно сложены ватные тюфячки и одеяла. Напрамачи накрыты четырехугольным вышитым покрывалом, называемым у кипчаков Ферганы «жукка солди» или «жойнамоз»³⁵, а у кипчаков Зарафшана (например, нынешнего Булунгурского района) — «жукка солма». Вправо от входа стояли два мешка зерна и мешок муки, подстав-

³⁴ Подушки у кипчаков, как и у окружающего их населения, были двух типов: валикообразные, несколько удлиненные (болиш), и плоские четырехугольные (ёстик). Подушки обоих видов в прошлом набивались верблюжьей или бараньей шерстью, а с конца XIX — начала XX в. для этой цели стали применять и вату. «Болиш» и «ёстик» бытуют и сейчас, однако наряду с ними в быт кипчаков вошли и пуховые подушки промышленного производства (пар ёстик). Интересно отметить, что чехлы для подушек — «болиш» и «ёстик» шились и шьются теперь из различных лоскутков (қуроқ). Согласно народным верованиям «қуроқ» является как бы средством оберега от сглаза. «Қуроқ» на подушке якобы оберегал спящего от всякой нечисти, в том числе и от глаза. Способом «қуроқ» шилась также верхняя одежда, тюбетейки и подушки для маленьких детей, детский матрац и многое другое.

³⁵ «Жойнамоз» — подстилка, служившая для совершения молитвы. В действительности в юрте Суярова это был не «жойнамоз», а покрывало, которое встречается и у других групп узбеков: квадратной формы (1,5×1,5 м или 1,2×1,2; 1,3×1,3 м), шитое узорами ручным способом. В настоящее время узоры делают и на швейной машинке, но больше ценится ручная вышивка. Такие покрывала имеют разное назначение и в зависимости от этого — свое название: «сўзани», «жойпўш», «кашида».

кой для которых служили ящики. Влево от двери находились ступа (кели), маслобойки (куви), два ведра для воды, ближе у очага — «қумған». Далее, позади очага, на земляном полу — предметы кухонной утвари: котел, чашки, железный фабричный таз, «супра» для просеивания муки и разделки теста; на вбитом колу у очага подвешены сосуды: один из тыквы (қовоқ идиш) — для хранения растительного масла (мой идиш), а другой глиняный — для молока (хурма).

Описываемый нами традиционный порядок оформления внутреннего и внешнего декора присущ не только кипчакам, но и почти всем в прошлом полуоседлым узбекам. Их юрты лишь в деталях отличаются от юрт соседних с ними народов — казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен. Кроме того, такие традиционные предметы, как мешки различных размеров, вывешиваемые на стенах юрт, «напрамач», «бўғжом» и другие, под теми или иными названиями имеются и у других групп узбеков, а некоторые и у соседних с ними народов. Все это свидетельствует о том, что узбекские племена прошли одинаковый путь исторического развития, а их культура и быт формировались не изолированно, а при непосредственном контакте с другими народами Средней Азии.

У отдельных групп кипчаков, в частности, у сары-кипчаков Булунгурского района, наряду с обычной войлочной юртой бытовал старинный тип переносного жилища (кўтарма), которое было приспособлено для жилья у семей кочевых скотоводов. Иногда его перевозили в неразобранном виде на повозке. Кутарма относится к типу войлочной юрты. Но в отличие от последней, это было неразборное жилище меньших размеров, состоявшее почти из тех же деталей, что и юрта, однако количество их в кутарме было значительно меньшее, чем у юрты. По рассказам нашего собеседника Батырова Мусурмонкула, остов (керага) кутармы состоял из 3-х канатов, а жердей (увуғ) использовалось лишь 19 или 21, причем они были несколько короче, чем обыкновенные «увуғи». Для кутармы делали специальный легкий «чанғароқ», в который продевали верхние концы жердей, а нижние — прикрепляли к верхней части кераги. Кутарма, как и юрта, покрывалась несколькими кусками одноцветного войлока, а затем обтягивалась шерстяными веревками или лентами. Внешне кутарма выглядела как небольшая юрта, но без особого оформления и украшения.

На внутренние стенки «кўтарма» развешивали ковры, пол застилали кошмами и коврами. Вход завешивали куском войлока или шерстяной тканью (кўтарма эшик). «Кўтарма», устанавливаемая на арбе, не имела очага для разведения огня. Однако в холодную погоду в ней ставили чугунную жаровню на ножках (мангал).

Четырехколесная арба, на которой устанавливали кутарму при перевозке, делалась по специальному заказу. По рассказам наших информаторов, она имела несколько удлиненную форму. Кузов ее соответствовал размерам нижней части кутармы. Дверь кутармы

была обращена в сторону хода упряжки. В такую арбу запрягали пару лошадей или волов.

Наряду с сюртой и кутармой у кипчаков бытовал конический шалаш (капа). В капа в прошлом жили кипчаки селений Эски-Хакулабад и Бешкапа Избаскентского района Андижанской области; Муллотойир, Деварак, Хупаки и другие Пайарыкского района Самаркандской области. Отметим, что в капа жили лишь немущие семьи, а более состоятельные устанавливали войлочную юрту. В летний период капа ставили в поле, у огородов. Осенью, после уборки урожая, некоторые хозяева разбирали шалаш и переезжали в селение. Жерди и предметы перекрытия «капа» хранили до следующего года. Но многим беднякам приходилось и зимовать в капа.

Конструкция и техника строительства шалаша капа была сложная. Для этого требовалось 6—8 (и более)³⁶ жердей (хода)³⁷ длиной до 3-х м, диаметром 4—5 см, а также тростник или циновки (бардон) и войлок. Нижнюю, утолщенную часть жердей втыкали наклонно в землю по кругу: верхние, тонкие концы их связывали в пучок; таким образом, верх капы приобретал конусообразный вид. Затем сравнительно тонкими прутьями (куршав) опоясывали прямые жерди в двух местах: в нижней их части, на высоте около одного метра над полом, и верхней — на 60—70 см ниже верхней точки купола. Куршав связывали с жердями (хода) при помощи бечевки. Жерди, опоясанные куршав, составляли основу капа. На зиму шалаш покрывали толстым слоем камыша. Нижняя часть стеблей тростника, покрывавшего капа, закапывалась в землю на глубину 20—30 см. Более состоятельные семьи покрывали капа поверх камыша или циновки войлоком, а бедные семьи — обмазывали саманной глиной. В летний период нижнюю часть капа устилали тонким слоем тростника, а верх — циновкой. В дверях капы устанавливали две утолщенные вертикальные жерди, игравшие роль боковых косяков.

Дверной проем закрывался при помощи плетеной камышовой занавески (эшик), которая имела вид дорожки. Ее изготовляли, разложив горизонтально не очень длинные, но одинакового размера камышовые стебли. Для их связи использовали разноцветные шнуры, сочетание которых образовывало множество вертикальных узорных полос. В теплую погоду камышовая дверь сворачивалась в рулон и ее поднимали и закрепляли над косяком при помощи веревок. Если нужно было закрыть дверь, дергали за один конец веревки, и связка развязывалась и опускалась вниз, закрывая таким образом дверной проем. Зимой при сильном морозе

³⁶ Количество жердей, употребляемых для устройства шалаша, зависело от его величины. Для шалашей больших размеров необходимо было большое количество жердей.

³⁷ Жерди делали из тальника, тута, карагача и других пород местных деревьев.

дверной проем закрывали войлочной занавеской, покроем которой был такой же, как у юрты.

Внутри капа украшалась коврами, застилалась камышовыми циновками и кошками; вдоль стен, как и в юрте, устанавливались «напрамач», «бўғжом» и другие предметы быта. Однако в отличие от юрты в капа у кипчаков не было очага для разведения огня и варки пищи. Именно этим объясняется и отсутствие в капа дымового отверстия. Однако в центре капа имелось небольшое углубление круглой формы, которое играло роль жаровни; в нем зимой держали горячий древесный уголь. Нередко над жаровней устанавливали широкий деревянный табурет — сандал, покрывали его сверху ватным одеялом и, сидя вокруг него, вытягивали ноги под одеялом и грелись.

Отсутствие в «капа» большого очага, видимо, было связано с опасностью возникновения пожара. Кроме того, описываемая нами «капа» конца XIX — начала XX в. была жилищем кипчаков, перешедших к оседлости. Поэтому она служила исключительно для жилья, а очаг для приготовления пищи строили отдельно, под навесом, огораживая его с трех сторон глинобитными стенами. Крышу навеса смазывали глиной.

Шалаш «капа» являлся одной из древних и наиболее распространенных форм жилища народов Средней Азии. Вплоть до начала XX в. он бывал у некоторых групп узбеков (карлуков, дурмен и др.)³⁸, а также у соседних народов — казахов³⁹, киргизов⁴⁰, туркмен⁴¹, таджиков⁴². Описанный нами шалаш «капа», хотя и сходен с таким же типом жилища у других среднеазиатских народов, но тем не менее кипчакская «капа» имеет и некоторые отличия. Например, карлукская «капа» в плане полусферическая, а таджикская овальная⁴³. Шалаши узбеков и казахов, расселившихся в конце XIX — начале XX в. в пойме Сырдарьи (в пределах нынешнего Сырдарьинского района Ташкентской области), имели круглый обод наверху и дымовое отверстие. Кипчакская «капа» в отличие от них имела острый конический верх без дымового отверстия.

Внешний вид кипчакской «капа» имел некоторое сходство с киргизским «алачык» или «кепе» Наукатского района⁴⁴. По устройству киргизский шалаш во многом отличается от кипчакского.

³⁸ Б. Х. Кармышева. Жилища узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана, стр. 20—23; К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 103—104; Н. Г. Борозна. Материальная культура узбеков Бабатага и долины Кафирнигана, стр. 102—103.

³⁹ Н. Харузин. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России, М., 1896, стр. 16—17.

⁴⁰ К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 166.

⁴¹ Г. П. Васильева. Туркмены-нохурлы, стр. 135.

⁴² Б. Х. Кармышева. Жилища узбекского племени карлук, стр. 21—23.

⁴³ Там же.

⁴⁴ К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 166.

К. И. Антипина описала два типа киргизского «алачык». В первом из них жерди, служащие основой, устанавливали в круг и скрепляли вверху; жерди поддерживали поставленный посередине шест. Во втором купольные жерди (около 20 штук) скреплялись при помощи обода. Деревянная часть киргизского «алачык» состояла в основном из старых частей уже отслужившей юрты⁴⁵. В отличие от киргизской, описанная нами кипчакская «капа» не имеет шеста, поставленного посередине в качестве опоры; не используется также обод для скрепления жердей. Верхняя часть основы кипчакской «капа», как уже указывали выше, соединялась в пучок и крепко связывалась веревкой или прутьями, только что срезанными с тала или тутовника. Для установки «капа» кипчаки не использовали деревянные части старых юрт, а заготавливали жерди из местных пород деревьев, пригодных для этой цели.

Кипчакская капа имеет много общего с коническим шалашом некоторых народностей Сибири (карагасов, алтайских тюрков, якутов и др.)⁴⁶, но отличается от них меньшим числом жердей, служащих основой, а также материалами перекрытия и др.

Кроме юрты и «капа» в отдельных кипчакских селениях были и жилища типа землянки — «жер-дўла». В частности, они имелись в селениях Бури и Жиянбек Пайарыкского района. В них жили неимущие семьи, перешедшие к оседлости сравнительно недавно.

Многие бедняцкие семьи кипчаков, окончательно лишившись скота и земли, оказывались в крайней нищете и были не в состоянии не только строить глинобитное жилище, но и приобрести необходимый материал для перекрытия «капа» (бердан, кошма и др.). Такие семьи строили землянку. Рыли яму несколько удлиненной или круглой формы, глубиной в рост человека. Верхнюю часть ямы, ее края по кругу обкладывали дерном или небольшим слоем пахсы, создавая таким образом невысокую стену высотой 60—70 см. Поверх стенки устанавливали балку-перекладину и поперек (поверх нее) ставили несколько жердей. На жерди беспорядочно набрасывали ветки, затем покрывали камышом или циновкой и после этого крышу смазывали глиной. Таким образом, получалась плоская земляная кровля, имеющая едва заметный уклон для стока дождевой воды.

В перекрытии оставляли дымовое отверстие. Во внутренней части землянки, несколько левее от входа, находился очаг, в котором разводили огонь, на нем готовили пищу.

Кипчаки, жившие на границе со степью, где было много естественных возвышенностей (бугры или обрывы) делали себе землянки путем подкопа (уйма-дўла). В нижней части бугра в горизонтальном направлении выкапывали необходимую для жилья

⁴⁵ К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 167

⁴⁶ Народы Сибири, Серия «Народы мира», М.—Л., 1956, стр. 286, 287, 338.

площадь, затем пробивали отверстие наверх—дымоход; землянки напоминавшие пещеру, держались на естественном перекрытии. В зимний период в таких землянках было сыро и темно. Многие семьи, жившие в них, болели туберкулезом, ревматизмом и др.

Оседлые кипчаки, а также группы, переходившие к оседлости в конце XIX—начале XX в. обитали в глинобитных жилищах (там или там-уй). Планировка кипчакских глинобитных жилищ была разной, но чаще всего встречались однокомнатные, реже двухком-

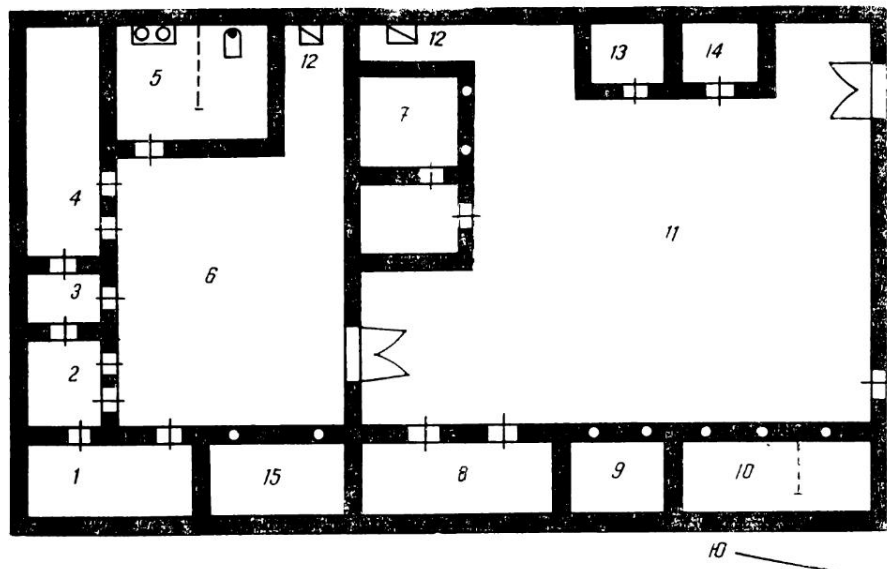

Рис. 4. План дореволюционной усадьбы „кала“ (рабат), сел. Карамуюн Пастдаргомского района Самаркандской области.

1, 2, 4—жилые комнаты (уй); 3—передняя (дахлиз); 5а—кухня (ошхона); 5б—печь для выпечки лепешек (тандыр); 6—внутренний двор (ичкари); 7—хлев (молхона); 8—помещения для гостей (мехмонхона); 9—напес (бостирма); 10—конюшня (отхона); 11—внешний двор (тажкари хавли); 12—туалетная (хожатхона); 13—помещение для хранения корма для скота (сомонхона); 14—помещение для дров (утинхона); 15—терраса (айвон).

натные и многокомнатные дома (рис. 4). Тип конструкций зависел прежде всего от социального положения владельца дома. Богатые кипчаки еще задолго до революции жили в двухкомнатных и многокомнатных домах, с разделением двора на ичкари и ташкари. Но при этом богачи долгое время (вплоть до 20-х годов нашего столетия) не расставались с войлочной юртой, которую устанавливали рядом с глинобитным жилищем, обычно во внутренней половине двора. Следует также отметить, что конструкция глинобитных жилищ всех типов, которые имелись у кипчаков, была заимствована ими у окружающего земледельческого населения.

Однокомнатные жилища у кипчаков появились очень давно, возможно, еще в XVII—XVIII вв., с переходом значительно

части хозяйств к полuosедлости и оседлости. Их строили на местах зимовок, и жили в них чабаны и батраки (етимы), работавшие в хозяйстве бая. Однокомнатные жилища иногда служили для приема гостей (мехмонхона). Но как постоянное жилище однокомнатные строения стали распространяться лишь в конце XIX—начале XX в., когда основная масса кипчаков окончательно осела. Правда, многие семьи не могли так легко расстаться с юртой. В ней продолжали жить некоторые члены семьи, обычно престарелые родители. Однако, когда остов и войлочное перекрытие окончательно изнашивались, новых уже не приобретали, переходили в глинобитное жилище.

Кипчаки, как и многие другие в прошлом полuosедлые группы узбеков, в убранстве внутренней части (интерьера) дома придерживались традиций прошлого: тюки, постельные принадлежности и другие предметы домашнего обихода устанавливались вдоль стены в том порядке, как это делалось при убранстве юрты. В соответствующем месте хранили также зерно, дрова, конскую сбрую. На полу в середине комнаты делали неглубокий очаг, а в крыше — дымовое и световое отверстие (тўйнуk). Над очагом устанавливали железный треножник (уч-аяк) и варили пищу. Стены однокомнатных жилищ первоначально делались гладкими, без ниш, вход осуществлялся через единственную дверь. Все члены семьи, сколько бы их ни было, а также работники-етимы спали в однокомнатном жилом помещении. Размеры таких жилищ составляли 4×3 или 5×2,5 м. Если семья была большая, скажем 8—10 детей, отец и мать, то строили однокомнатное помещение больших размеров 4—5×6—7. Следует указать, что описанное нами однокомнатное глинобитное жилище с сохранением традиционного устройства являлось характерным для тех мест расселения кипчаков, которые находились на окраине оазисов, т. е. на границе со степью (Пайарыкский, Пастдаргомский районы Самаркандской области) или в предгорных районах (Папский, Чустский районы) Ферганской долины.

Однокомнатные жилища кипчаков, переходивших к оседлости, немногим отличались от такого же типа жилищ оседлых узбеков. Кипчаки (в частности бассейна Зарафшана) свои дома строили по форме несколько вытянутыми, с двумя дверями, над которыми оставляли небольшие проемы (приблизительно 50×40 см) для освещения комнаты. На задней стенке имелось окошко — дарча, которым пользовались в основном летом для проветривания комнаты.

Двери устанавливались со стороны двора. Причем, дверь, которая при входе в помещение находилась слева, называлась «тўр эшик» — верхняя дверь, через которую входили в помещение, называлась «тубан эшик» (у ферганских кипчаков) или «куйи эшик» (что означает «нижняя дверь»). Вход в дом и выход из него через верхнюю дверь не разрешались. Согласно обычаю, через «тўр эшик» носили только покойников. Очаг, по ста-

рой традиции, находился в середине комнаты. На потолке делали широкое дымоходное отверстие (тўйну́к), верхняя часть которого, выступая над крышей, перекрывалась глиняной кровлей, а по бокам его оставляли щели для выхода дыма. В дальнейшем, в 20—30 годы, по мере совершенствования жилища и с ростом культуры кипчаков, очаг из однокомнатного жилища стали переносить в отдельное помещение — ошхона.

Почетное место (тўр) в однокомнатных жилых помещениях с двумя дверями было ориентировано несколько иначе, чем в юрте или глинобитных домах с одной дверью.

В жилищах с двумя входными дверями «тўр» располагался влево от входа, а не прямо против него, как это было в юрте или в однокомнатном глинобитном жилище с одной входной дверью. «Тўр» находился против верхней двери (тўр эши́к); как показывается название, эта дверь ставилась в почетной части помещения.

На стене, расположенной слева от входа, имелись две большие ниши (тахмон), где на специальные деревянные подставки или на сундуки складывали постельные принадлежности, «напрамач» и «бўғжом» (рис. 5). Посередине двух больших проемов делали (в два или три ряда) узкие ниши — «токча», в которых хранили дорогую посуду, сладости (конфеты, сахар) и различные мелочи (нитки, иголки и др.). Стена комнаты, находившаяся напротив «нижней» двери, а также справа от входа, тоже была занята двумя или более нишами, в которые ставили чайник, чашки (пиалы) и др. У ферганских кипчаков справа от входа делали очаг — печку в виде камина с дымоходной трубой (мўри), которая выводилась через стену на крышу. На той же стене, где помещался камин, по его бокам имелись две (по одной на каждой стороне) ниши, в которых хранились кухонные принадлежности.

Состоятельные кипчацкие семьи, проживавшие в глубине долины, строили однокомнатные глинобитные жилища с дополнительными постройками. В частности, рядом с основной комнатой строили прихожую (дахлиз), где хранились продукты, повседневная одежда и некоторый хозяйственный инвентарь (серб, кетмени, лопаты, ступа, маслoбойка, конская сбруя и др.). Такие дома обычно имели со стороны двора три двери: две из них вели в основную жилую комнату, а одна в «дахлиз». Между «дахлизом» и жилой комнатой также имелась дверь. Позднее (уже в 20—30-е годы) вместо двух дверей в стене, выходящей во двор, устанавливалась оконная рама, а вход в жилое помещение осуществлялся через «дахлиз».

В отдельных кипчацких селениях (например, в селении Туяк-лы Пайарыкского района) были и такие однокомнатные жилища, в которых две двери находились не со стороны двора или улицы, а со стороны открытого поля (дала). Со стороны двора дверь вела в «дахлиз», а оттуда уже проходили через внутреннюю

дверь в жилое помещение. К «дахлизу» примыкала терраса (айван).

У ферганских кипчаков дахлиз чаще всего служил кухней, где устанавливали камин. На «айване» также имелся очаг, в котором готовили пищу. Летом на айване сбедали, отдыхали,

Рис. 5. Убринство жилища. Внизу—ковровый мешок—напрамач, поверх него—ковровый тук бугжома, сверху—сложенные постельные принадлежности. Сел. Джаркутан Ферганской долины.

укладывались на ночь спать. Земляной пол таких айванов находился несколько выше уровня земли. У зарафшанских кипчаков рядом с однокомнатным жилищем, в один ряд с ним, строили навес (бостирма), где устанавливали несколько очагов, рассчи-

Рис. 6. Мешки для хранения кухонной утвари (ложки, черпаки, шумозги и др.)
а — из сел. Каклик-курган, *б* — из села Джакуган, Ферганская долина.

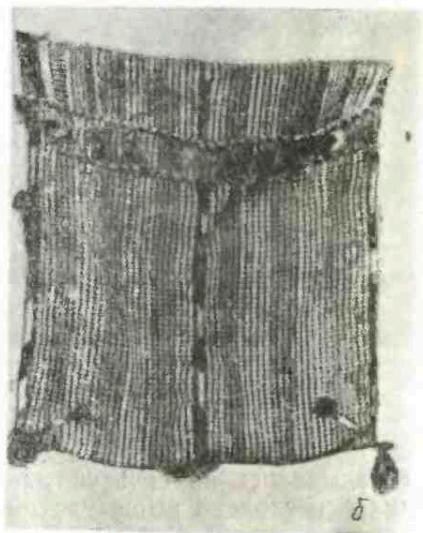
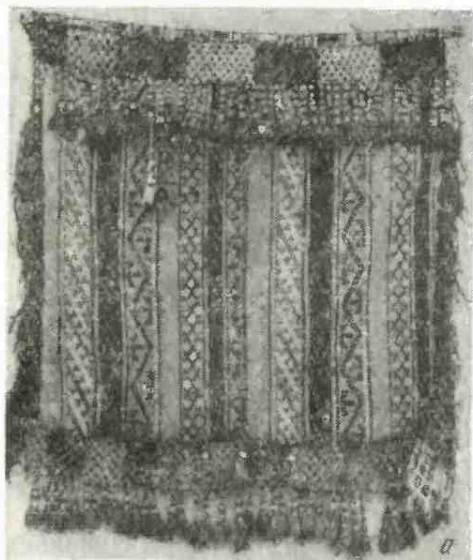

Рис. 7. Переметная сума—хурджун: *а* — из сел. Джаркутан; *б* — из сел. Ханабал Ферганской долины.

танных на котлы различных размеров, а также печь для выпечки лепешек.

Бедные семьи рядом с однокомнатным жилищем строили крытое зимнее помещение (например, в селении Пастхийра Пай-

Рис. 8. Ковер (фрагмент) из сел. Джаркутан Ферганской долины.

арыкского района Самаркандской области) для скота⁴⁷, в которое входили через жилое помещение.

Двух-, трех (и более)-комнатные дома, как рассказывают старики, в дореволюционные годы встречались у кипчаков очень

⁴⁷ У кипчаков бассейна Зарафшана помещение для скота называлось «зинхона», а у ферганских — «молхона».

редко. Ими владели самые богатые кипчакские баи, жившие оседло в оазисах. В бассейне Зарафшана насчитывалось лишь не-

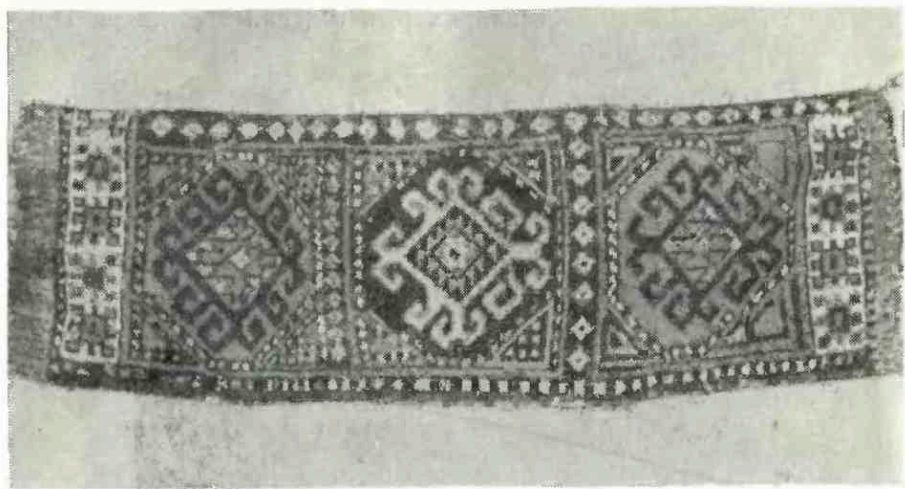

Рис. 9. Ковровая дорожка. Сел. Джаркутан, Ферганской долины.

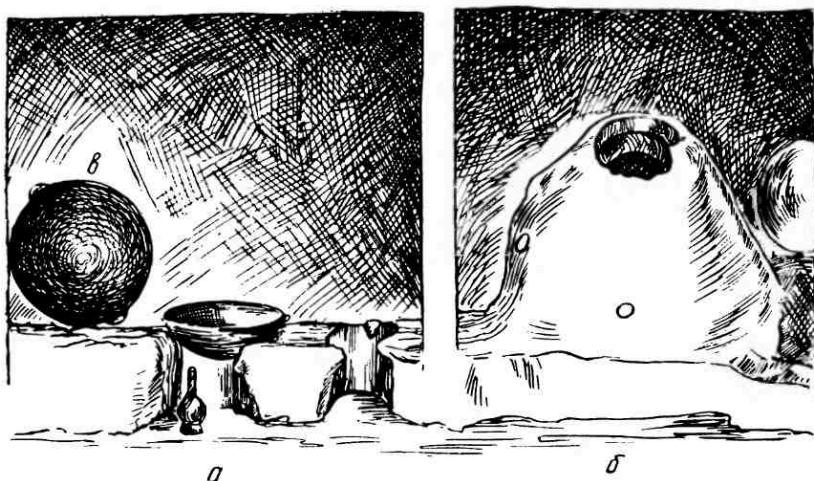

Рис. 10. Летняя кухня. Сел. Сарыкипчак Булунгурского района Самаркандской области. а—очаг с чугунным котлом; б—печь для выпечки лепешек (тандыр), в—крышка котла—тувок.

сколько таких баев. Многокомнатные дома строились таким образом, что все помещения располагались в один ряд. Планировка жилых и нежилых помещений этих домов была различной. Можно

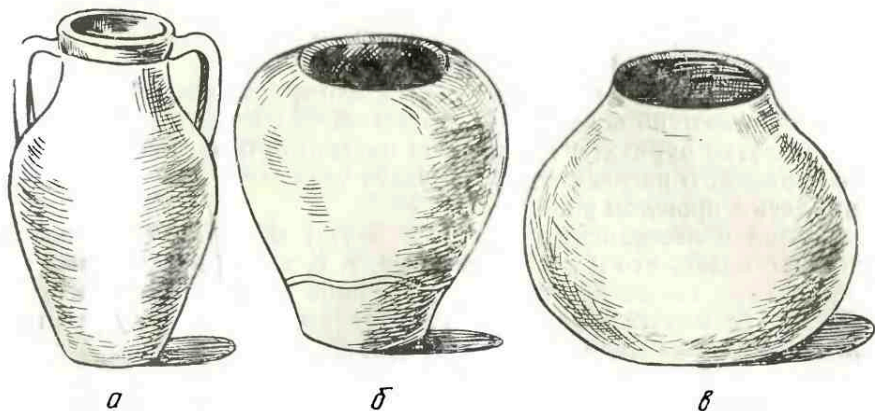

Рис. 11. *а*—бытовые сосуды: глиняный кувшин для масла—құшқулоқ гуза. Сел. Элатан, Булунгурский район, Самаркандская область; *б*—глиняный сосуд для воды и для хранения зерна—хум гуза. Сел. Сарыкипчак, Булунгурский район, Самаркандская область; *в*—тыквенный сосуд—қовоқ идиш—для воды, молока, масла и для хранения зерна. Сел. Элатан, Булунгурский район, Самаркандская область.

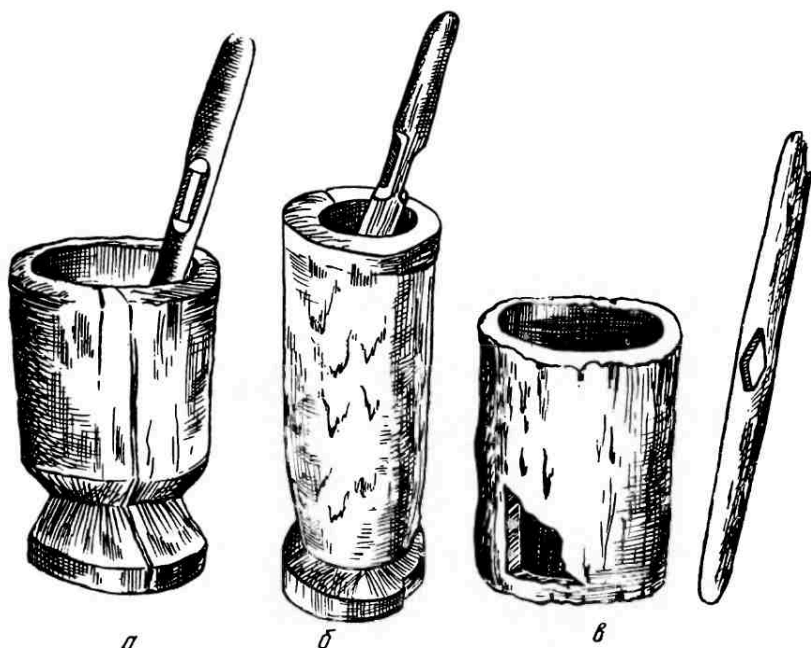

Рис. 12. Типы деревянной ступы: *а*—кели; *б*—нест; *в*—келисоп. Сел. Сары-кипчак, Булунгурский район, Самаркандская область.

выделить следующие разновидности планировок двухкомнатных жилых домов: 1) двухкомнатный дом, имевший посередине прихожую; 2) двухкомнатный дом, имевший посередине террасу; 3) двухкомнатный дом с отдельным входом в каждое помещение, т. е. не имеющий посередине ни прихожей, ни террасы. Встречаются и другие варианты планировок двухкомнатных домов у оседлого узбекского населения, но мы здесь указываем лишь те, которые имелись в прошлом у кипчаков.

Дома с несколькими (три и более) комнатами строились в том же плане, что и двухкомнатные, т. е. здесь жилые и нежилые помещения также были вытянуты в один ряд, иногда между комнатами располагался коридор или терраса; при их отсутствии жилые помещения имели отдельные входы. В таких случаях в жилую комнату вели две двери, как это было в однокомнатных домах. В дальнейшем, уже в советский период, с ростом социалистической культуры произошли значительные изменения в планировке кипчакских жилых домов. Прежде всего исчезли две двери; дома строились теперь с одной прихожей или террасой, через которую входили в жилое помещение. Следует указать, что в кипчакских домах дореволюционного периода отсутствовали айваны. Они вошли в быт кипчаков уже в 30—40-е годы нашего столетия.

С появлением в колхозах и совхозах домов нового типа постепенно нарушался традиционный принцип однолинейности в планировке жилых домов. Появились типовые дома, имеющие в плане квадратную форму. Однако и сейчас можно увидеть дома, построенные в старом стиле, но с некоторыми нарушениями принципа линейности. В частности, рядом с домом старого типа, под углом к нему, строится дополнительное жилое помещение или терраса, кухня и др.

Стены кипчакских домов делались как каркасными («синч уй» или «чўпкори уй»), так и глинобитными («пахса уй» или «пахса деворли уй»). Немало мастеров по строительству каркасных домов было в среде узбеков, в том числе кипчаков, особенно оседлых; иногда приглашали мастеров из среды окружающего населения.

Мы подробно не останавливаемся на технике строительства каркасных домов, конструкции их стен и т. д.— эта тема достаточно освещена в литературе⁴⁸.

Для заполнения стен каркасных домов чаще всего использовался сырцовый кирпич (гишт) или комковая сухая глина (гувала). «Гувалу» использовали главным образом узбеки, в том числе кипчаки Ферганской долины. Она имела неправильную овальную форму, изготавливали ее из глины, смешанной с мелкой соло-

⁴⁸ В. Л. Воронина. Узбекское народное жилище, СЭ, 1949, № 2; Она же. Древняя строительная техника Средней Азии, в сб.: «Архитектурное наследство», т. 3, М., 1953; А. К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—XX вв., СЭС. т. 1, стр. 216—298.

мой (саман). У кипчаков Ферганской долины зафиксировано немало домов и с глинобитными пахсовыми стенами. Например, все дома кипчацкого селения Арык-буйи Чустского района пахсовые. В некоторых селениях, например в селении Бури, Пастхийри и др. Пайарыкского района широко употреблялся для кладки стен дерн (чим), стены из него назывались «чим девор». Внутренние и внешние стены каркасных домов штукатурились глиняным раствором, смешанным с мелкой соломой («сомонли лой»). Внутреннюю часть пахсовых стен и стен, сделанных из «чима», обмазывали саманной штукатуркой. Внешние стены таких домов (пахсовых или из «чима») не обмазывались.

Для каркасных стен в обязательном порядке делали фундамент (пойдевор) из жженого кирпича (пишиқ ғишт), камней (булыжника), а поверх готового фундамента клали бревна (синч), служившие основой для деревянного каркаса.

Глинобитные стены жилых строений состояли из нескольких горизонтальных слоев; высота слоя достигала в среднем 70 см, он назывался «бир пахса». Обычный жилой дом делался в четыре слоя (түрт пахса), а более высокие дома — в пять слоев (беш пахса). Пахсу для стен жилых домов также клали специальные мастера (похсачи), основным орудием которых была узкая лопатка (капча).

Кровля кипчацких жилищ ничем не отличалась от кровли домов другого оседлого населения. Необходимым материалом для устройства кровли служили несколько обтесанных балок (түсин), множество коротких жердей (васса), циновки (бордон), а в отдельных районах вместо циновок применялся камыш. Поверх последовательно уложенного материала⁴⁹ крыша засыпалась толстым слоем земли, а затем смазывалась саманной глиной. Таким образом создавалась плоская земляная кровля с едва заметным уклоном в одну сторону для стока воды. Домов с двухскатными кровлями у кипчаков в прошлом не было.

Со строительством домов, особенно каркасных, связаны некоторые обычаи. Когда мастер (уста) начинал возводить перекрытие, т. е. на балки, соединяющие угловые стойки, сверху накладывал балку перекрытия (заваррав), родственники хозяина дома обязаны были прийти посмотреть, как идет строительство. Они приносили с собой подарки: один — 5 м материи, другие — тюбетейки, третий — поясной платок, четвертые — халат; приносили также большое блюдо плова и т. д. Все подарки вешали на заваррав (поэтому эти подарки назывались «заваррав илув»). После окончания работы мастер и его помощники забирали подарки, а принесенную еду съедали все присутствовавшие.

При возведении крыши хозяин дома созывал на хашар всех родственников и устраивал угощение (уй жавуш зиёфати) в честь покрытия дома крышей.

⁴⁹ См. А. К. Писарчик. Указ. работа, стр. 268—270.

После вселения в новый дом хозяин устраивал угощение (уйтуйи). На угощение созывались родственники и все жители селения, менее состоятельные приглашали только уважаемых стариков. После угощения хозяин преподносил мастеру, строившему дом, подарки: халат, тубетейку, ичиги и кожаные галоши. Затем произносилась благодарственная молитва и гости желали хозяину и его семье счастья в новом доме. По всей вероятности, эти обычаи были заимствованы кипчаками у окружающих их издавна оседлых жителей оазисов — узбеков и таджиков.

ОДЕЖДА

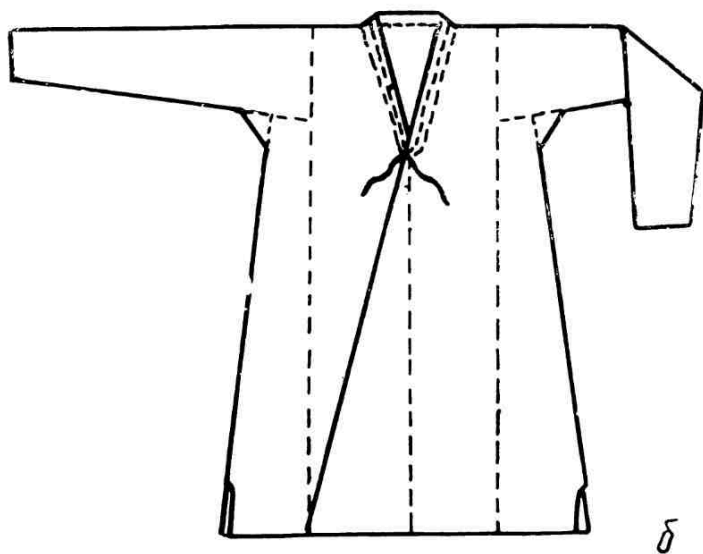
Современная одежда потомков растворившихся в узбекской среде кипчаков ничем не отличается от узбекской национальной одежды. Нынешнее поколение смутно представляет себе специфику кипчакской одежды дореволюционного периода, поэтому выяснение элементов одежды конца XIX — начала XX в. путем этнографического обследования весьма затруднительно. Несмотря на это, в период экспедиционных работ нам удалось выявить многие виды и детали уже исчезнувших мужских и женских костюмов. К сожалению, оказалось весьма не просто установить особенности обрядовой одежды (похоронную), старинный свадебный наряд невест, а также манеру ношения женщинами отдельных видов головных уборов.

Следует отметить, что типы одежды кипчаков конца XIX — начала XX в. формировались в процессе длительного культурного общения и взаимосвязи их с народами и этническими группами, проживавшими в прошлом в Средней Азии и Казахстане. Поэтому не удивительно, что описываемые нами виды мужских и женских костюмов имеют многие черты сходства не только с одеждой других групп узбеков, но и киргизов, казахов, каракалпаков, туркмен и таджиков. В одежде полуоседлых кипчаков продолжали бытовать и некоторые архаические элементы, например, женская чалма (салла бошурови или локи), женские и мужские шерстяные и кожаные шаровары (чолвор), мужские меховые шапки (тумок), мужские орнаментированные пояса (камар) и многое др.

Комплект мужского костюма состоял из нательной рубашки, штанов, верхнего халата, пояса, головного убора (рис. 13, 14) и обуви. Мужская рубашка кипчаков имела туникообразный покрой. Существовало несколько вариантов покроя рубах, которые отличались друг от друга главным образом формой выреза ворота и размерами (длиной, шириной).

У ферганских кипчаков, как и у всего узбекского населения Ферганской долины, была широко распространена распашная мужская рубашка — «джейда», или «ягтак»⁵⁰. Она бытует и по сей

⁵⁰ Широко распространенный среди узбеков Самаркандской, Бухарской, Кашкадарьинской и Сурхандарьинской областей длинный безподкладочный халат также назывался «ягтак».

13. Мужской стеганный халат (тун) традиционного покроя. Сел. Кульджаман, Иштыханский район, Самаркандская область.

день. Шьют ее обычно из тонкой белой ткани (бязь, ситец, шелк), а носят и молодые, и пожилые. Такая рубаша доходила до колен и ниже, ворот ее обшивали несколькими вертикальными стежками с помощью крючка, а теперь застрачивают машинкой плотными швами. На груди пришивалась одна пуговица или самодельная деревянная застежка и петли, а чаще всего — тонкий шнурок (бов), сделанный из той же материи, что и рубаша.

У кипчаков Ферганы бытовала также длинная (до колен, а иногда и до икр ног) широкого покроя рубаша с прямым, верти-

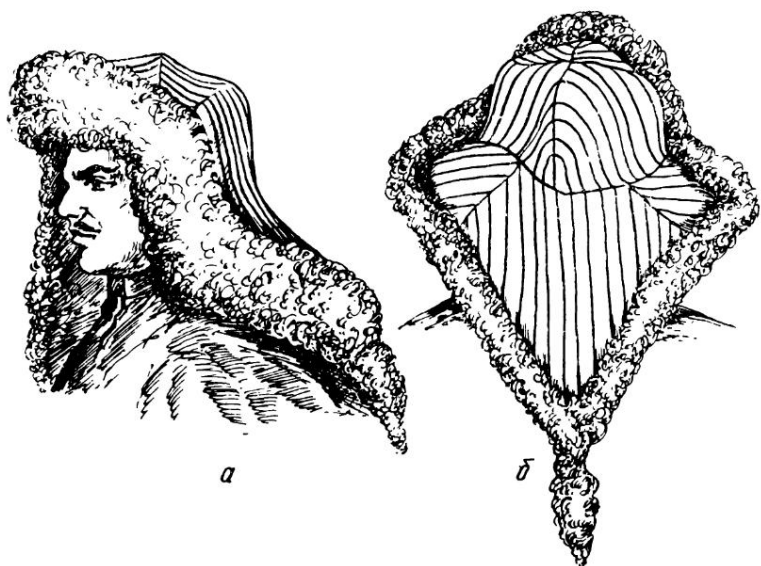

Рис. 14. Головной убор—тумак. Сел. Сарыкипчак, Булунгурский район, Самаркандская область.

кальным разрезом ворота (кўйпак). Носили ее преимущественно мужчины пожилого возраста. Такого же покроя рубахи, но с широким горизонтальным полукруглым вырезом ворота, охватывающим обе ключицы, носили кипчаки и окружающее их население долины Зарафшана. Если разрез ворота кроился слишком широким, то с одной стороны на плече делались шнурки (бов) для завязывания. Ворот рубахи оплетали черными шерстяными нитками, нередко и разноцветными (черной, бордовой, зеленой и др.) шелковыми. Описываемый покрой рубахи, по мнению исследователей, являлся наиболее древней традиционной формой одежды народов Средней Азии.

Широко была распространена также рубаша со стоячим воротом. К разрезу ворота на груди пришивалась вдвое сложенная планка. Эта рубаша была несколько уже и короче, чем предыдущая. Носили ее дети и мужчины средних лет.

У кипчаков бассейна Зарафшана рубаха со стоячим воротом называлась «қазақи кўйнак» (казахская рубаха)⁵¹. По всей вероятности, она была заимствована у казахов, кочевавших в прошлом

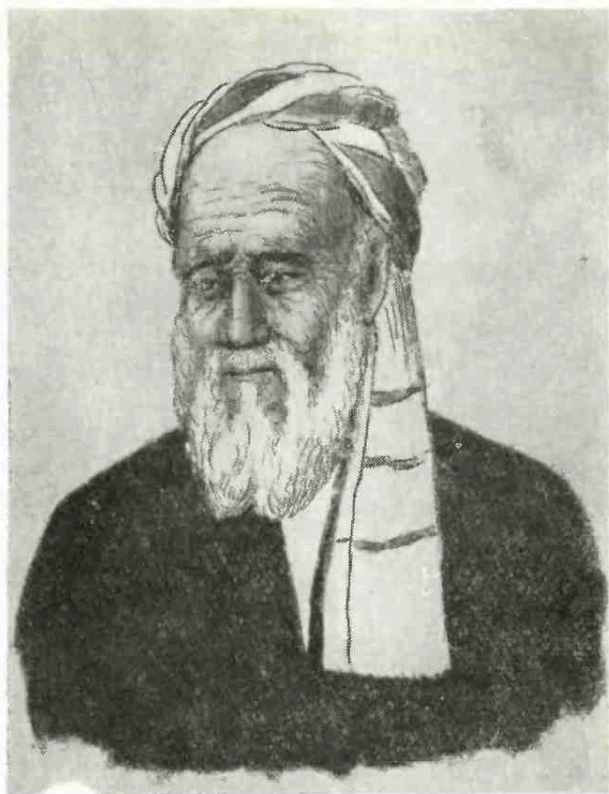

Рис. 15. Старик в традиционном головном уборе—чалме (салла).

в районах северо-восточного склона Нуратинского хребта и в Голодной степи, с которыми кипчаки поддерживали постоянные связи.

У кипчаков Ферганы и Зарафшана бытовал также вариант мужской рубахи с горизонтальным покроем воротника («мулло кўйнак» или «муллача кўйнак»). Вырез ворота этой рубахи округленный. Носили ее пожилые люди, надевал также жених в свадебный вечер. Края ворота рубахи загибали во внутрь и зашивали

⁵¹ Казахи низовьев Амударьи рубаху туникообразного покроя со стоячим воротом и с разрезом спереди называют «татар жага» (См. У. Х. Шахматов. Казахи низовьев Амударьи, стр. 226—227).

ручным способом, а теперь застрачивают в несколько рядов, чтобы придать прочность. Нередко ворот рубахи стариков вышивали петельным швом (йўрма) или же оторачивали узкой тесьмой.

Рис. 16. Мужчина пожилого возраста в летней одежде.
Сел. Джаркутан, Ферганская долина.

(жияк). На рубахе жениха был «жияк», вышитый разноцветными шелковыми нитками.

Мужские нательные рубахи шились в прошлом преимущественно из белой бумажной материи, некрашенного полотна (карбос). Нередко их шили из полосатой ткани (алача) и из темно-коричневой ткани домашнего производства (бўз). В конце XIX — начале XX в. для изготовления мужской, а также многих видов жен

ской одежды применялась ткань фабричного производства, завозимая из России.

Отметим, что вышеуказанные варианты мужской нательной рубахи были распространены и у киргизов Южной Киргизии⁵², а

Рис. 17 Народный певец (шоир) Хайдар-ата Бойчиев, сел. Гавозон, Ферганская долина.

также у оседлых узбеков Ферганской долины. Рубаха типа «мулло кўйнак» бытовала почти на всей территории нынешнего Узбекистана и во многих районах Таджикистана⁵³. По-видимому, «мулло кўйнак» и рубаха со стоячим воротом были заимствованы кипчаками у окружающего их оседлого населения.

Мужские штаны («дамбал» или «иштон») делались широкими, книзу штанины сужались, длина их доходила до щиколоток. На верхней кромке имелся широкий рубец для протягивания завязки. Завязкой служила специально сплетенная хлопчатобумажная неширокая тесьма («учқур» или «иштонбов»). Штаны шили из той же хлопчатобумажной кустарной или фабричной материи, что и рубахи. Кипчаки носили широкие шаровары («чолвор» или «тўқума»), сделанные из домотканной шерстяной материи на войлоч-

⁵² К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 219—221.

⁵³ Н. Е. Ершов, Н. А. Қисляков, Е. М. Пешерова, С. П. Русяйкина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, М.—Л., 1954, стр. 136; С. П. Русяйкина. Народная одежда таджиков Гармской области, СЭС, т. I, стр. 156.

ной подкладке или без нее. Шаровары с войлочной подкладкой надевали в зимний период главным образом чабаны. Носили их и состоятельные люди при верховой езде в холодную погоду. Шаровары без подкладки носили также участники конно-спортивных состязаний. У кипчаков Ферганы в дореволюционные годы бытовали меховые шаровары, сделанные из овчины. Носили такие шаровары поверх нателенных штанов подстриженным мехом во внутрь. У ферганских кипчаков были распространены также шаровары из специально обработанной мягкой кожи — замши («чарм иштан»)⁵⁴, низ, закрывающий икры ног, вышивали яркими узорами.

Меховые и кожаные шаровары, бытовавшие у кипчаков Ферганы и у их соседей — киргизов Южной Киргизии, имеют аналогию в глубокой древности. Этот архаический элемент сдежды, вероятно, восходит к культуре Кенкольского могильника с гуннским захоронением I в. н. э.⁵⁵

Комплект верхней одежды кипчаков состоял из нескольких видов халатов и шуб: стеганого ватного халата («чопон» или «тўн»), шерстяного халата без подкладки (чакман), с подкладкой (теванак) и нагольной шубы из овчины (пўстин). В комплект мужской верхней одежды входил также летний халат (жегде)⁵⁶ без подкладки, который носили не только узбеки-кипчаки, но и соседнее с ними оседлое и полuosедлое население долины Зарафшана. У халата «жегде» были длинные рукава и длинные, доходящие до икр, широкие полы.

Ватный халат ферганских кипчаков ничем не отличался от халатов окружающего их узбекского населения⁵⁷; он делался и делается теперь из гладкого черного сатина. Кроме того, кипчаки Ферганы носили стеганный халат из серой полосатой домотканой материи (алаки) — «алаки чапан». Ватный, а также летний халат кипчаки долины Зарафшана шили из местной, преимущественно полосатой ткани кустарного производства (алача, калами и др.). Свадебный халат жениха делали из шелковой и полуселковой ткани (шойи, адрас, бекасаб и др.).

Стеганные халаты (чапан) у кипчаков Ферганы кроились по местной традиции с узкими рукавами; они плотно облегали тело. У кипчаков долины Зарафшана и окружающего их населения чапаны делались значительно шире, с широкими полами.

⁵⁴ Меховые, кожаные шаровары и другие типы описанной нами одежды бытовали почти у всех в прошлом полuosедлых групп узбеков, а также казахов. См. И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева. Казахская национальная одежда XIX—XX вв., Алма-Ата, 1954, стр. 50—60.

⁵⁵ А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник, Л., 1940, стр. 24.

⁵⁶ У узбеков Хорезма и у каракалпаков «жегде» называли халат, напоминавший паранджу (с ложными рукавами), который набрасывали женщины на голову при выходе из дома (см. К. Л. Задыкина. Узбеки дельты Амударьи, стр. 378; Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса, стр. 556).

⁵⁷ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, стр. 115—116.

Летний и зимний халат подпоясывали поясным платком (бел-боғ). Оседлые кипчаки Ферганы подпоясывались одновременно несколькими платками. В прошлом поясные платки делались из кустарной материи: бязи, карбос, однотонного шелка. Обычно поясные платки молодого мужчины и жениха вышивали разноцветными узорами. Мужчины зрелого возраста носили пояса из однотонной, главным образом белой ткани, а молодые—из бордовой, розовой. В дореволюционные годы у кипчаков Ферганы бытовал еще плетеный, украшенный узорами шерстяной пояс (камар), который кое-где сохранился и по настоящее время, но теперь его не носят. Иногда камар вывешивают на стену, как украшение и семейную реликвию (рис. 18).

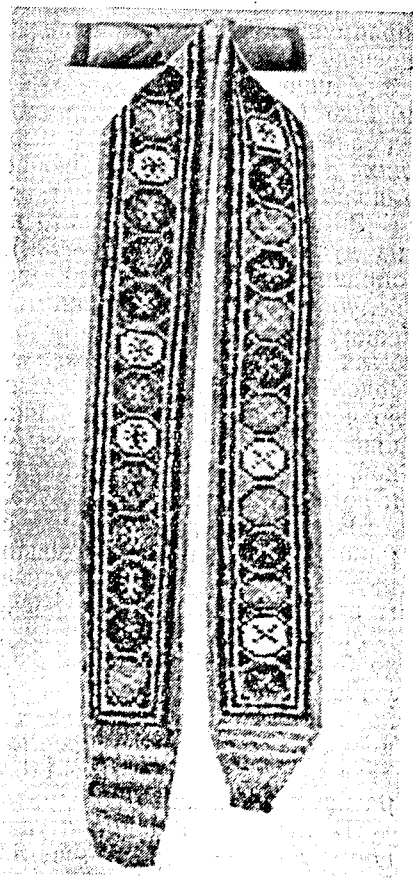

Рис. 18. Старинный шерстяной мужской пояс—камар, украшенный узорами.

«Чакман» — один из основных видов верхней одежды кипчаков. По крою он почти не отличается от халата, но значительно шире и просторнее. Интересно отметить, что «чакман» носили как мужчины, так и женщины. По рассказам старожиллов, у женских «чакман» полы были более прямые и узкие и более узкий ворот. Ворот мужских «чакманов» сзади был стоячий, а впереди, постепенно суживаясь, сходил на нет. Ворот «чакмана» состоятельных людей украшала вышивка, а края бортов и концы рукавов—узкая тесьма (жняк). «Чакман» обычно носили поверх легкого или стеганого халата.

Шили его из домотканной шерстяной материи «шала», вытканной из овечьей и верблюжьей шерсти. Чакман, сшитый из шала, изготовленного из верблюжьей шерсти, называли «малла чакман» («малла»—коричневый или бежевый); из черной овечьей шерсти — «қатиш» или «оқиш чакман» (смешанный или беловатого, серого цвета чакман). Лучшим считался чакман из верблюжьей шерсти, взятой с шен животного («мұйнақ жун»).

Были распространены три вида чакмана: «қоқма-чакман», «босма-чакман» и «баноти-чакман». Қоқма-чакман» делался из гладкой, безворсовой шерстяной ткани домашнего изготовления, «босма-чакман» — из ворсовой шерстяной ткани также домашнего производства; «баноти» (или мавут)-чакман из привозного, преимущественно, темно-синего сукна (мавут). «Баноти-чакман» носили наиболее состоятельные люди, главным образом бай.

У кипчаков бытовал также шерстяной халат на теплой подкладке (кебанак или кеванак)⁵⁸. Носили его в холодную погоду чабаны, особенно часто во время длительных поездок на лошадях. Верх «кебонака», подобно «чакману», делался из ткани «шол», на подкладке из мягкого войлока.

Зимой мужчины среднего и пожилого возраста надевали шубу из дубленой овчины (пўстин), шитой мехом во внутрь. Овчину окрашивали в оранжевый цвет. Носили шубу главным образом полуседлые кипчаки, занимавшиеся отгонным животноводством. Такая шуба часто заменяла одеяло. Шуба кипчаков, как и халат, была двубортной и запахивалась слева направо. Края бортов, подол и обшлага рукавов обшивались узкой полоской меха (обычно черного) молодого барашка, это делало ее нарядной. Бедные кипчаки, в основном чабаны, носили шубу с более грубой отделкой. «Пустин» надевали обычно поверх другой верхней одежды и потому ее кроили несколько шире.

В годы Советской власти с ростом культурно-бытового уровня народа произошли значительные изменения и в одежде. Навсегда вышли из употребления такие виды мужской одежды, как «чакман», «кеванак». Очень редко, главным образом в Ферганской долине, встречаются меховые шубы традиционного покроя. Широко бытует стеганный халат ферганского покроя; его носят и в селениях бассейна Зарафшана. Следует отметить, что ферганский халат, наряду с чустской, андижанской тюбетейкой, бывший в прошлом лишь местной формой одежды, за годы Советской власти стал элементом общеузбекского национального костюма. Теперь он распространен на всей территории Узбекистана.

В настоящее время мужчины всех возрастов носят одежду промышленного производства: нательное белье, костюмы, пальто, плащи, куртки и др. Некоторые виды старой формы покроя как нижней, так и верхней одежды встречаются, хотя и редко, у престарелых людей. Они носят, в частности, традиционного покроя рубашки, штаны, изредка шубу. Пожилые кипчаки бассейна Зарафшана продолжают носить также длинный летний халат (тўн).

Мужские головные уборы у кипчаков были весьма разнообраз-

⁵⁸ «Кебанак», или «кеванак» до революции носили почти все узбеки с родоплеменным делением. Он бытовал и у казахов (См. И. В. Захарова. Р. Д. Ходжаева. Казахская национальная одежда XIX—XX вв., стр. 55. «Кебанак» — одна из древних форм верхней одежды и упоминается еще в X в. у Ибн Фадлана (См. А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., стр. 124—178).

ны. Самым распространенным видом головного убора у кипчаков Ферганской долины являлась тюбетейка (дўппи) нескольких типов: чустского (чуст-дўппи), кокандского (қўқан-дўппи), андижанского (андижан-дўппи). Дуппи носили мужчины всех возрастов. Люди более пожилого возраста в прошлом надевали также круглую тюбетейку, сделанную домашним способом из мягкой материи без подкладки (такая). Такую же тюбетейку носили и кипчаки бассейна Зарафшана. Последние называли ее, как и окружающее их население, таджикским термином «арақчин» (букв. собиратель пота). Эту тюбетейку обычно шили из белой однотонной материи, но нередко и из лоскутов разных цветов (белый, черный, бордовый, желтый и др.). Носили мягкую тюбетейку под чалмой или теплой шапкой. Подростки и молодые кипчаки предпочитали местную тюбетейку типа «қалпоқ», с орнаментом, выполненным вышивальной техникой «пилтадузи»⁵⁹. У кипчаков левобережья Карадарьи (нынешнего Пылдаргомского района) была распространена тюбетейка шахрисабзского типа, вышитая техникой «ироқи»⁶⁰. Кипчаки Булунгурского района называют такую тюбетейку «чумалай қалпоқ». Қалпоқ типа «пилта дўзи» состоял из четырех частей, а «чумалой-қалпоқ» делался из цельного куска вышитой узором материи.

Кипчаки Ферганы летом предпочитали носить шапку киргизского типа (қалпоқ), сделанную из белого войлока. Узбеки-кипчаки сами «калпоқ» не шили, а покупали на местных рынках у киргизов.

Зимой кипчаки Ферганской долины носили меховую шапку (мехом во внутрь) — «тумоқ», аналогичную казахской шапке, называемой также «тумоқ» или «малахай»⁶¹. Кроили и шили тумок женщины. Верх шапки делали из черного или синего бархата, а подкладку — из лисьего меха. Бедняки шили себе «тумоқ» из заячьего и овечьего меха. Самой подходящей для этого считалась шкурка 1—2-месячного ягненка, мех которого был мягким и курчавым. Довольно распространенным видом зимнего головного убора среди кипчаков была конусообразная шапка (телпак), которая шилась также мехом во внутрь. Верх ее делался обычно из кусков темной материи. Нижняя часть телпака обшивалась узкой полоской меха и была несколько округленной формы.

У кипчаков встречалась и одна из древнейших форм головного убора — кула. Делали ее на подкладке с ватой или мягкой шерстью. Верх обычно шили из плотной черной ткани, край окаймляли вышитой тесьмой (чироз).

⁵⁹ О. А. Сухарева. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, СЭС, т. I, стр. 351 (См. также рисунок 176 — тюбетейка из Челака. Именно такая тюбетейка в прошлом широко бытовала у кипчаков бассейна Зарафшана).

⁶⁰ Там же, стр. 350.

⁶¹ Там же, стр. 330—331; У. Х. Шалекенов. Указ. соч., стр. 230—231; И. В. Захарова, Р. Д. Ходжаева, Указ. соч., стр. 70—71.

Одним из видов мужских головных уборов была чалма (салла), получившая широкое распространение у кипчаков бассейна Зарафшана, где ее носили женатые мужчины всех возрастов (у ферганских кипчаков — лишь люди старшего возраста, которые регулярно совершали молитву). Надевал чалму также и жених и носил ее первые месяцы после свадьбы. Люди преклонного возраста носили белую чалму, среднего возраста — серую, а молодые — цветные чалмы (преимущественно розовые и бордовые). Зимняя чалма делалась из бумазейной ткани (кипчаки Зарафшана говорят «гумбази»), а также из козьего пуха (тивит салла) и верблюжьей шерсти (малла салла).

Мужчины носили самых разнообразных видов обувь. «Чорик» — грубая, полуоткрытая обувь без голенищ, сшитая из цельного куска сыромятной кожи. Края «чорик» собирались на узкий кожаный ремешок. Для изготовления «чорик» употреблялась кожа с головы крупного рогатого скота (калла тери), лошади, а также с шен верблюда (муйнақ тери). «Чорик» отличались большой прочностью.

Их делали также из обработанной кожи. В таких случаях ему придавали другую форму. Шили его из трех кусков кожи — отдельно кроились голенище, подошва и передок. Подошвы пришивали, загнывая их края вверх⁶². Такую обувь носили только состоятельные люди. Молодые кипчаки бассейна Зарафшана, мечтая иметь «чорик» из выделанной кожи (чарим), говорили: «Чаримдан чоригинг бўлса, ерда ола-чипор қор бўлса қитир-қитир этиб калликка борсанг», что в переводе означает: «Хотел бы я иметь из чарима чорик, чтобы зимой, когда земля покрывается тонким слоем хрустящего снега, я пошел бы к своей возлюбленной и они приятно поскрипывали».

«Мўкки» — вид обуви с голенищами, длиной ниже колен, со слегка загнутыми вверх носками. Шьют их швами наружу, без каблуков, из мягкой кожи.

«Тоштовон» — обувь, похожая во многом на «мўкки», но шилась швами во внутрь. Носки загнуты вверх. В отличие от «мўкки» «тоштовон» шили из крепкой, хорошо выделанной кожи. Иногда с низким каблуком. Разновидностью «тоштовон» были «уюртма-этик» — без каблуков⁶³ и с загнутыми носками.

«Пойчаки» — вид обуви, сработанной с одного куска сыромятной кожи. Шили ее одним (наружным) швом, начинающимся с носка и проходящим по подошве (с одной ее стороны) и сзади голенища, до его верха; длина голенищ доходила до колен. Обувь эта завязывалась у щиколотки при помощи длинного шну-

⁶² Аналогичный «чорик» шили киргизы Южной Киргизии и памирские киргизы. Однако у киргизских кожаных «чорик» голенище значительно выше, чем у описанных нами кипчакских (См. К. И. Антипина. Указ. соч., стр. 231—232).

⁶³ У кипчаков Зарафшана «уюртма-этик» делались на каблуках, но каблук был невысоким.

рка. О бытовании в прошлом у кипчаков «пойчаки» рассказывали нам старожилы селений Курганча, Пучугай, Товулды и других Янгикурганского района, а также киргиз-кипчаки селений Ходжамшукур, Тошлок и Бешкалтак Кургантининского района Андижанской области⁶⁴.

«Товулдирық» — деревянные башмаки, которые носили главным образом чабаны на отгонных пастбищах (горных и предгорных), где много камней и гальки. Там ходить в обуви с тонкой подошвой типа «муққи», «чориқ» с голенищами было неудобно. В бедных семьях носили «товулдирық» и в домашних условиях. Надевали их после дождя, когда на дворе была вязкая грязь.

Мужчины носили и кожаные галоши — кавуш⁶⁵, сделанные из грубой, окрашенной в коричневый цвет, кожи (малла кавуш) или в синий, голубоватый цвет — «күк кавуш», с широким передком, на низких каблуках, кончики носка слегка приподняты⁶⁶. Состоятельные люди, особенно представители духовенства, носили кожаные галоши, сшитые из черной кожи (сипохи кавуш). Кожаные галоши кипчаки приобретали на местных рынках.

Мужчины носили также сапоги нескольких видов. Наиболее распространенными у кипчаков Ферганы и бассейна Зарафшана были сапоги, называемые «ногаи» (ногайские) или «қара этик» (букв. черные сапоги) — из черной кожи, на высоких каблуках. В прошлом не всем было под силу покупать такие сапоги. У кипчаков, проживавших в урочище Кемешек, в дореволюционные годы такие сапоги имелись лишь у одного человека — у отца нашего информатора Сапарова (Сапар-ота), который приобрел их еще в молодости. Когда кто-либо из молодых парней женился, в день свадьбы брали на время эти сапоги у Сапар-ота.

Другим видом сапог, которые бытовали у кипчаков, были сапоги из красной кожи, называвшиеся «қизил этик» (у кипчаков Ферганы), или «булгори этик» (у кипчаков Зарафшана). Такие сапоги на высоких каблуках, с длинными голенищами носили в основном сынки баев.

Вышеуказанные виды обуви уже давно вышли из употребления. Теперь повсеместно носят обувь современных фасонов промышленного производства.

Традиционную женскую нательную одежду в прошлом составляли платья туникообразного покроя (күйнак) и штаны с широким шагом (иштон). Платья шили свободными и длинными, доходящими почти до щиколоток, рукава их были также широкие и длинные (закрывали кисти рук). Ворот прорезывался вертикально до пояса и обшивался (у среднего и старшего возрастов) черной шерстяной тесьмой, шириной 3—4 см, называемой «жияк».

⁶⁴ Полевые записи автора, V, 1961 г.

⁶⁵ Кипчаки бассейна Зарафшана называли их «калиш», при этом говорили, что название «кавуш» больше применялось среди городских жителей.

⁶⁶ Описываемые нами кожаные галоши у кипчаков Зарафшана назывались «қазақи калиш» (казахские галоши).

На платьях для молодых женщин ворот вышивался тамбурным швом (йўрма). Молодые кипчаки Ферганской долины носили рубаху со стоячим воротником (итжақа), которая среди кипчаков Зарафшана была известна под названием «қазақи жақа» или просто «қазақи куйнак» (казахская рубашка). Эта рубаха более узкая и короткая, чем традиционная рубаха кипчаков.

Молодухи до рождения первого ребенка носили платье также со стоячим воротником, но с несколькими (четырьмя и более) нашивавшимися на платье нарукавниками и подолами. Последние делались из материи различных цветов, это производило такое впечатление, будто женщина одновременно, одно поверх другого, надела несколько платьев. Края стоячих воротников (пар-пара) отделялись зубцеобразной (в виде множества треугольников острием вверх, плиссировкой)⁶⁷ Воротник украшался орнаментом, выстроченным на швейной машинке. Указанный фасон был заимствован кипчаками у городских жителей (в частности города Самарканда) и проник к ним, по всей вероятности, во второй половине XIX в.

В начале XX в. среди кипчаков Ферганской и Зарафшанской долин получило широкое распространение платье с отложным воротником (жақали кўйнак), на кокетке со сборками на груди. Оно, видимо, также заимствовано у окружающего оседлого населения и за годы Советской власти сделалось национальным платьем узбеков.

Женские платья в прошлом шились большей частью из хлопчатобумажной ткани — карбоса, бязи и нередко из алачи. Выходная и свадебная одежда шилась из шелковой ткани (шойи, атлас). Шелковые платья носили только жены наиболее состоятельных кипчаков, главным образом баев. Женщины из бедных семей носили рубаху из грубой домотканной материи (бўз, қалами). Платья для девочек, девушек и молодых женщин делались из материи яркой расцветки, а для пожилых (старше 50 лет) из белой. Платья старинного покроя в настоящее время почти исчезли, они изредка встречаются у женщин преклонного возраста.

Женские штаны в прошлом шились также из хлопчатобумажной ткани, но более тонкой и мягкой, чем платье, а штаны молодых — из полушелковой, а нередко и из шелковой ткани. По покрою они мало отличались от мужских, но делались более длинными (закрывали щиколотки и даже доходили до пяток) и узкими. Края их по низу обшивались узорной тесьмой (жияк), а для женщин более старшего возраста — черной узкой шерстяной тесьмой. Женщины Ферганской долины во время пребывания на отгонных пастбищах в холодную погоду носили, как и мужчины,

⁶⁷ Стоячий воротник с плиссировкой широко бытовал у таджиков (См. Н. Н. Ершова, З. А. Широкова. Альбом одежды таджиков, Душанбе, 1969, стр. 43, табл. № 5).

кожаные шаровары (тери чалвор) или шаровары из овчины, мехом во внутрь.

В летний период, в жару, женщины ходили в одном платье, а в более прохладную погоду поверх платьев носили безрукавки (камзил или нимча). Безрукавки были в моде, в основном, среди кипчаков Ферганской долины. Летний жилет шили на подкладке. Он делался коротким (до пояса), а некоторые фасоны напоминали жилет мужских костюмов. Пожилые женщины носили жилет более длинный, а зимой — стеганую (ватную) безрукавку.

Безрукавки принято было делать из черного, бордового, красного, синего и темно-синего бархата. Более яркие цвета предназначались для девушек и молодых женщин, а женщины старшего возраста предпочитали темные цвета (черный, темно-синий). Безрукавки шили из шерсти и сукна промышленного производства. Делали их (особенно стеганые) и из плотной хлопчатобумажной ткани.

Женщины носили в прошлом халат старинного покроя «минсак» (у кипчаков Зарафшана) или «мунсак»⁶⁸ (у ферганских кипчаков). Супруги Наливкины еще в 80-х годах XIX в. писали, что «в городах у старух, а в кишлаках у всех вообще замужних женщин до сих пор можно встретить старинный «мунсак», — халат с короткими, до локтя только, и очень широкими рукавами»⁶⁹.... Несомненно, что эти данные Наливкины о «мунсаке» относятся и к кипчакам Ферганы, основная масса которых в ту пору жила в сельской местности. Об этом говорят и наши этнографические данные (1961—1962 гг.). Как сообщили наши осведомители из ряда селений, «мунсак» бытовал у них до начала XX в., а в последующие годы стал постепенно исчезать. А у кипчаков бассейна Зарафшана «мунсак» сохранился и по сей день. Правда, теперь этот старинный халат одевают исключительно в торжественных случаях. «Мунсак» здесь входил в число свадебных нарядов невесты. Когда после свадьбы сторона жениха приглашала к себе родителей невесты, то матери и ближайшим родственницам невесты дарили по «мунсаку».

Минсак шили преимущественно из шелковой и полушелковой ткани (канауса, шойи), а также из бархата, без воротника, со сборками под рукавами⁷⁰. Отметим, что минсак у зарафшанских кипчаков был значительно длиннее ферганского (доходил до щиколоток), рукава тоже были длинными. Шили его большей частью на подкладке, без ваты.

⁶⁸ О различных вариантах произношения термина «мунсак» см. М. А. Бикжанова. Мунсак — старинная верхняя одежда узбеков г. Ташкента. Сборник Памяти Михаила Степановича Андреева, Душанбе, АН ТаджССР, 1960, стр. 47.

⁶⁹ В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы, стр. 97.

⁷⁰ Этнографические очерки узбекского сельского населения, М., 1969, стр. 123.

Женщины (особенно у кипчаков Зарафшана) носили летний халат без подкладки, называемый «дслегай», его одевали женщины среднего и старшего возраста.

В зимний период повседневной женской одеждой являлся стеганный халат (түн, чапан), покррой которого в основном похож на покррой мужского халата, но с некоторой разницей. Ворот

Рис. 19. Пожилая женщина в старинном головном уборе дастор (салла) и киймешек. Поверх головного убора накинута шерстяной платок—шал румол, сел. Сарыкипчак, Булунгурский район.

женского халата делался более открытым, был значительно шире; женский чапан не имел застроченного или вышитого воротника (в виде стоечки сзади), как у мужских халатов. Борта женского халата почти не сходились, рукава были несколько короче, но свободнее, чем у мужских халатов.

Кипчаки носили также камзолы с отложным воротником, с узкими рукавами и двумя боковыми карманами (камзил) из

однотонной материи (черного, темно-синего, бордового, красного бархата, черного сатина и трико). Шили «камзил» на подкладке, но без ваты, в двух вариантах: у одного борта не сходились и когда человек шел, то полы широко распахивались. Этот фасон носили женщины старшего возраста. У другого — борта запахивались слева направо и застегивались на пуговицы. Такой «камзил» носили молодые женщины.

«Камзил» бытовал у кипчаков почти повсеместно. По всей вероятности, он проник к ним в начале XX в. под влиянием городских жителей. «Камзил» носили в основном женщины тех кипчакских селений, которые находились ближе к городам, и крупным селениям, где еженедельно проводился базар⁷¹. У кипчаков, которые жили в прошлом на окраинах оазиса, «камзилов» не было.

Основной формой головного убора женщины-кипчачек в прошлом была чалма «локи» (у кипчаков Ферганы) или «бошўров», «дастор» (у кипчаков Зарафшана). Некоторые группы кипчаков называли чалму «салла».

По рассказам старожил, чалму носили как молодые, так и старшего возраста женщины. Но этот обычай не везде сохранился. У кипчаков Ферганской долины под влиянием культуры оседлого населения женская чалма на-

Рис. 20. Пожилая женщина в старинном головном уборе локи. Сел. Гавозан, Ферганская долина.

⁷¹ В частности «камзил» носили женщины-кипчаки в следующих селениях Ферганской долины: Бачкыр (базар Коканд), Равот, Дам (базар Чуст), Чоркесар (базар Пап). У кипчаков бассейна Зарафшана ношение «камзила» нами зафиксировано в селениях Джагалбайлы, нынешнего Пастдаргомского района (базары Джума, Чархин и г. Самарканд), Эрпазар-курган, Эшимоксок и других теперешнего Пайарыкского района. Базар в прошлом находился в сел. Челек, ездили также в г. Самарканд.

чала исчезать еще в конце XIX — начале XX в. Сперва ее перестали носить молодые женщины, а затем женщины среднего и старшего возраста. В долине Зарафшана женщины-кипчаки среднего и пожилого возраста продолжали носить чалму вплоть до 40-х годов, а в отдельных случаях (лишь у пожилых) она бытует и теперь.

Новости и молодые женщины долины Зарафшана носили два-три платка, повязывая их на голову, самый верхний платок

Рис. 21. Женщина средних лет в старинном головном уборе бошуров (салла). Поверх бошуров — большой четырехугольный платок чорси. Сел. Ханабад, Ферганская долина.

был вышит узорами. Поверх платков носили короткий халат (желак) ложными рукавами. Ворот, подол и рукава «желака» также были вышиты. «Желак» носили до рождения двух—трех детей. Традиционным головным убором был «бошуров»: поверх чалмы покрывали вышитый платок (бошга солма). Пожилые носили белый хлопчатобумажный платок (чорси).

Женщины среднего и пожилого возраста под чалму надевали круглую шапочку⁷² с накосником сзади, который у кипчаков Зарафшана назывался «кийгич» или «туматой». Поверх него надевали «киймешек», задняя часть которого спадала на спину углом, а передняя была более короткой и полукруглой. Для лица делали специальный вырез. «Киймешек» плотно

затягивался под подбородком, не закрывая ушей⁷³. Шили «киймешек» из белой хлопчатобумажной ткани. Поверх «киймешака» по-

⁷² Кипчаки Ферганы под чалмой (локи) шапочек не носили, голову повязывали платком, а поверх него надевали чалму.

⁷³ Описанный нами «киймешек» сходен с головным убором «лачак» (См. О. А. Сухарева. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии, СЭС, I, стр. 305—306; К. Ш. Шапилов. Узбеки-карлуки, стр. 117). Хотя «лачак» несколько отличается от казахского «киймешек» (см. У. Х. Шалекенов. Указ. соч., стр. 233) или каракалпакского «кимешек» (см. Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса, стр. 554), но в то же время они имеют генетическое сходство (см. О. А. Сухарева. Указ. соч., стр. 306).

вязывали голову одноцветным (красным, бордовым, розовым, а пожилые — белым) платком, а затем уже наворачивали чалму.

Чалма (салла, бошўров) у кипчакских женщин средних лет (в долине Зарафшана) состояла из двух или трех кусков материи. Первый (нижний) представлял собой 4—5 м мягкой ткани (хоса, карбос) бордового, розового и других ярких цветов. Обертывали ею (сложив продольно вдвое) голову до 5—6 раз и более. Считалось, что размеры чалмы и количество витков ее вокруг головы женщины характеризуют богатство ее мужа: чем он богаче, тем длиннее была чалма и больше количество ее витков. Состоятельные женщины навивали поверх первого и второй кусок чалмы; он был относительно короче, его хватало на 3—4 оборота; по окраске отличался от первого. После этого обертывали голову третьим самым коротким куском чалмы (на два витка вокруг головы). Оба конца последнего куска материи были вышиты узором и висели на спине женщины, как украшение ее головного убора. Пожилые женщины носили чалму из цельного (5—6 м) куска белой мягкой материи⁷⁴.

Чалму носили ежедневно, а некоторые женщины не снимали ее даже ночью. Чалма была высокая и имела округлую форму без осо-

Рис. 22. Женщина средних лет в повседневной летней одежде. Сел. Сарыкичак, Будунгурский район, Самаркандская область.

⁷⁴ Менее состоятельные женщины поверх первого куска чалмы наматывали сразу вышитый короткий кусок (в две обертки) салла. Они не могли себе позволить приобрести второй кусок, который делался из шелковой и полупелюшковой ткани.

бых выступов и выделяющихся линий спереди. Дошедший до нас традиционный головной убор кипчакских женщин среднего и старшего возрастов был во многом сходен с убором женщин-узбечек Кипчакского района ККАССР⁷⁵.

Свой традиционный головной убор — чалму (салла, локи, дастор) кипчакские женщины в наше время уже не носят. Теперь у них повседнежным головным убором является платок (рўмол). Манера ношения платков у женщин Ферганской долины и бассейна Зарафшана имеет некоторые отличия. Первым свойственна манера ношения платка, общая для всех узбечек Ферганы: молодые женщины и девушки носят летом сложенный по диагонали платок небольшого размера. Женщины, покрывая голову, углы платка завязывают узлом на затылке так, чтобы оба конца углов висели на спине. Девушки такой платок накидывают на голову не повязывая, свободные углы свешиваются на плечи и на затылок. Женщины преклонного возраста, кроме небольшого платка, покрывают голову еще большим белым платком (чорси).

В селениях бассейна Зарафшана летом носят платки на манер узбекских женщин: углы небольшого платка завязывают над лбом, а свободные концы втыкают под складки убора. Затем, поверх первого платка, покрывают голову значительно большим по размеру платком, который охватывает грудь, плечи, затылок. Девушки и молодые женщины носят хлопчатобумажные и шелковые платки фабричного производства ярких цветов; широко вошли в быт теплые, шерстяные и пуховые платки, шали, которые охотно носят женщины всех возрастов.

В прошлом кипчаки носили полузакрытую обувь из желтой или коричневой кожи (малла кавуш) кустарного производства. Она отличалась от такого же цвета мужских кожаных галош тем, что была на высоких каблуках и значительно уже. «Кавуш» этого фасона был и основным видом обуви для большинства кипчакских женщин, как в праздники, так и в будни. Состоятельные кипчаки приобретали для своих жен такого же фасона обувь, но из более качественной шагреновой кожи зеленого цвета⁷⁶ (кўк кавуш). Бытовали также женские туфли на высоких каблуках со сравнительно суженными носками из черной (преимущественно хромовой) кожи, на толстых подошвах («ноғайи»⁷⁷ или «қара кавуш»)⁷⁸. Такую обувь могли носить лишь жены богатых кипчаков.

⁷⁵ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, стр. 385, рис. 27, 4.

⁷⁶ Зеленую кожу шагреновой выработки называли еще «кўксағри», ее выработывали из кожи, снятой с круп (сағри) лошади.

⁷⁷ Черные женские туфли на высоких каблуках известны под названием «ноғайи кавуш». Они были распространены в дореволюционном Узбекистане почти повсеместно. По всей вероятности, этот фасон обуви (как и мужские черные сапоги на высоких каблуках («ноғайи этик») был заимствован в XVIII-XIX вв. у татар.

У кипчакских женщин до революции получили некоторое распространение ичиги (махси), которые носили вместе с кожаными галошами на низких каблуках. Женские ичиги были значительно короче мужских, и делали их из мягкой кожи. Состоятельные семьи приобретали «махси» при женитьбе сына и отправляли вместе с другими нарядами в дом невесты.

Вся женская кожаная обувь, как и многие виды мужской обуви, приобреталась на рынке и по фасону ничем не отличалась от такого же типа обуви окружающего населения. Общим было и название ее.

Одежда для детей 6—7 лет у девочек и у мальчиков была почти одинакового покроя. Дети носили летом рубаху (куйнак), зимой — стеганый халат. В бассейне Зарафшана, кроме ватного халата, в холодную погоду детям надевали и стеганую рубаху (на вате) — «куртача»⁷⁸, дома ее носили без халата. Полы детской рубахи (как и «куртача») не подшивались, чтобы «держать след открытым», т. е. чтобы после этого родилось еще много детей⁸⁰. Девочке 1,5—2 лет надевали штанишки, а мальчики ходили без них до 6—7-летнего возраста. На голову младенцев надевали шапочку с наушниками (қулоқчин), верх которой украшали черно-белым бисером (кўз минчоқ), монетами и различными металлическими бляшками и перьями. Такие шапочки для лета делали без подкладки, а зимние на подкладке (ватной). Шили их обычно из разноцветных лоскутков, способом «қуроқ». Детям младшего возраста (2—3 лет) надевали в холодную погоду шапку с куполообразным верхом, сделанным из бархата или другой плотной ткани; верх ее также украшали, но без перьев. Когда мальчик начинал ходить, родители заказывали для него (или покупали на базаре) маленькие «чорик» из сыромятной или отделанной кустарным способом кожи. Состоятельные родители приобретали для своих детей сапожки, сделанные из мягкой кожи. Для девочек покупали черные кожаные туфельки.

Значительные различия в одежде детей устанавливались уже с 7—8-летнего возраста. Девочки этих лет носили длинные до щиколоток рубахи, со стоячим или отложным воротником, а также длинные (до ступней) штаны. Несколько отличался и покрой

⁷⁸ Кипчаки бассейна Зарафшана называли туфли такого фасона «қазақи кавуш». Их шили мастера-казахи.

⁷⁹ Ватная стеганая рубаха у узбеков низовьев Зарафшана, а также Кашкадарьинской области известна под названием «гуппи» (См. К. Ш. Ш а н и я з о в. Узбеки-карлуки, стр. 108). Носили «гуппи» мужчины всех возрастов и и дети. По рассказам старожиллов бассейна Зарафшана, в дореволюционном прошлом у них также бытовала стеганая рубаха, но называли ее не «гуппи», как другие группы узбеков, а таджикским термином «курта» (рубаха), а детскую — «куртача» (уменьш. — рубашечка). После революции такие рубахи вышли из употребления среди взрослых, но сохранились, по сей день, как теплая одежда для детей.

⁸⁰ Такой обычай бытовал и у других групп узбеков, например, у карлуков (см. К. Ш а н и я з о в. Узбеки-карлуки, стр. 122).

девичьего халата. Нижняя и верхняя одежда девочек шилась главным образом из одноцветной ткани — красной или бордовой. Девочки носили на голове тюбетейку, верх которой был вышит узором из цветных ниток. Голову покрывали платком с вышивкой (кашдали рўмол) или же цветным платком фабричного производства.

Классовые различия сказывались и на одежде детей. Одежда детей из бедных семей делалась из бумажной ткани кустарного производства. Большинство детей бедняков вплоть до совершеннолетия ходили босиком или носили старую обтрепанную обувь своих родителей, старших братьев и сестер. Младшие дети не получали обнов, им передавались обувь, рубахи и халаты старших членов семьи, которым эта одежда уже была мала. В лучшем случае, если мальчик выполнял в хозяйстве определенную работу (пас скот, участвовал в пахоте или др.), для него шили к зиме теплую одежду в виде стеганой рубахи или халата, а также «чорик» из грубой сыромятной кожи.

Дети из байских семей одевались нарядно. Их одежда шилась из дорогих тканей, главным образом фабричного производства. Девушки (14—16 лет и старше) из богатой семьи носили на ногах ичиги, галоши из черной кожи, а также черные и зеленые туфли кустарного производства, передняя часть которых была украшена вышивкой. Мальчикам покупали сапоги из высококачественной кожи на каблуках.

Девушки до замужества заплетали волосы в множество мелких косичек; после выхода замуж и прихода в дом мужа они заплетали волосы в две косы. Девушки носили накосники — «чоч пўпак», сплетенные из тонких шерстяных ниток, с кисточками на концах. Иногда поверх «чоч пўпак» пришивались на полосках ткани в два ряда (и больше) перламутровые пуговицы (садап тугма) или серебряные монеты (күмуш танга). Обычно простые «чоч пўпак» делали сами девушки, а более высококачественные приобретались на базаре.

«Чоч пўпак», приобретенные на рынке, были более нарядными: нитки и кисточки делались из черного (крашеного) шелка, кисточки еще отделялись серебряными или золотыми нитками⁸¹.

Для украшения невесты состоятельные семьи приобретали дорогой убор с серебряными или позолоченными фигурными трубочками. У кипчаков бассейна Зарафшана его называли «нукра пўпак»⁸². Это украшение состояло из 14 или 24 скрученных черных шнурков⁸³. Каждый шнур продсвали через трубочку и вниз

⁸¹ В. Наливкин, М. Наливкина. Очерк быта женщин оседлого населения Ферганы, стр. 106.

⁸² Нукра — серебро, пўпак — кисть, следовательно, «нукра пўпак» означает серебряная кисть.

⁸³ Один ряд наксника состоял из 14 шнурков-подвесков, в нижнем конце каждого из них имела кисть. Два ряда накосников, состоявшие из 24 шнурков-подвесков, назывались «қўш нукра пўпак».

он оканчивался кистями (пұпак). Были и такие накосные украшения (чаще у невест и молодых женщин), которые состояли из двух (на каждой стороне) или четырех шнурков-подвесков и назывались «чакка пұпак»⁸⁴. Верхняя часть подвеска прикреплялась у висков⁸⁵, а низ спадал (с двух сторон) на грудь. На нижней оконечности «чакка пұпак» с каждой стороны были нанизаны позолоченные и серебряные трубочки с кисточкой, отделанной золотыми нитками.

Молодые замужние женщины носили подвески, называемые «гажжак». Они состояли из шерстяного шнура, двух пучков волос, кончики которых загнуты вперед и вверх в виде завитка и пронизаны через серебряные или позолоченные трубочки. Шнур подвески перекидывался через голову так, чтобы трубочки висели с двух сторон на висках, а завитки легли на щеки.

Для невесты приобретали палобное украшение «манглай қош». Среди узбекского населения долины Зарафшана оно известно еще под названием «тилло қош». В прошлом «манглай қош» делали из позолоченных, серебряных пластинок и богато украшали бисером и дорогими камнями. Он стоил дорого. Поэтому однажды приобретенный «манглай қош» в бедных семьях передавался из поколения в поколение, от матери к дочери. Если в семье было много девушек, то надевала его в свадебный вечер та из девушек, которая выходила замуж, а затем она возвращала «манглай қош» матери. Последняя передавала его в наследство младшей дочери.

Девушки и замужние кипчакские женщины носили на шее ожерелья в виде узорной ленты из разноцветного мелкого бисера — «кийгич мунчоқ» (у кипчаков Зарафшана). Другим видом шейного украшения было ожерелье, состоявшее из нескольких рядов разноцветного или одноцветного бисера, перемежающегося в нескольких местах (на определенном расстоянии) с крупными бусинками. Нагрудное украшение представляло собой ожерелье из бисера «маржон». Нередко между бисером на одну и ту же нитку нанизывали металлические или серебряные монеты, пластинки, камни различных форм и размеров. Простые ожерелья из дешевого бисера и камня носили девушки или женщины из трудовых семей. Они сами составляли их, покупая бисер и камни на рынке.

Для невест, а также жен богатых приобретались на базаре дорогие ожерелья. Они были сделаны из хорошего бисера и дорогих камней. На таких ожерельях укреплялись амулеты квадратной, круглой или треугольной формы. Их украшали орнаментом и разноцветными камнями (сердоликом).

К основным украшениям кипчаков относились серьги (сирға) удлиненной (верх суженный, а низ шире) формы с подвесками

⁸⁴ «Чакка пұпак» у узбеков известно под названием «заркокил» — золотой локон или золотая косичка.

⁸⁵ В этом месте (у висков), где «чакка пұпак» прикреплялся, носили треугольные амулеты (тумор) из серебра и драгоценных камней.

(рис. 23). Эти серьги делались главным образом из серебра. Они были либо гладкими, либо украшенными несложным узором, а более дорогие — инкрустированные бусинками, серделиками различного (для молодых, обычно красного) цвета. Кипчачки носили также серьги круглой (кольцеобразной) формы. Существовало

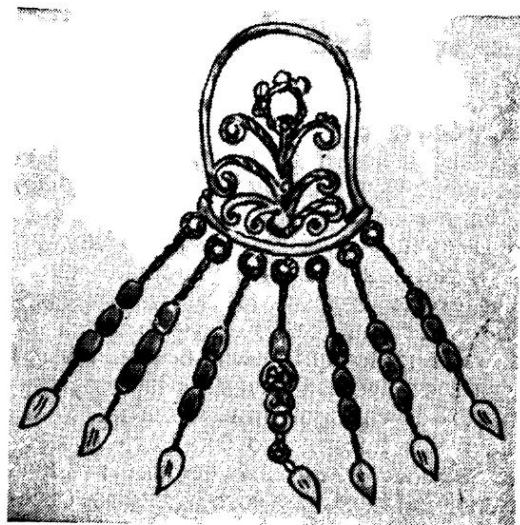

Рис. 23. Серьга. Сел. Сарыкипчак, Булунгурский район, Самаркандская область.

несколько их разновидностей. Но излюбленными у кипчакских женщин были серьги указанной выше формы с множеством (от двух до семи и более) подвесок («бармокли сырга»).

На пальцах носили кольца (жузук), а на руках — браслеты (биларзук) различной формы. Богатые замужние женщины носили на пальцах обеих рук (на указательном, безымянном и мизинце) одновременно по несколько колец; на указательный палец надевали до пяти колец.

Большую часть украшений кипчаки приобретали на местных базарах и в крупных городах: Самарканде, Каттакургане, Бухаре, Коканде и др. Эти украшения являлись продукцией узбекских ювелиров. Некоторые виды украшений (менее качественные и ценные) приобретались и у бродячих среднеазиатских цыган. Но их изделия составляли незначительную долю.

Таким образом, кипчаки приобретали украшения в тех же городах, что и оседлое население. Поэтому нет ничего удивительного в том, что украшения, носимые кипчаками, имеют сходство с украшениями всех групп узбеков Ферганы, Зарафшана и других областей Узбекистана.

Украшения кипчакских женщин и девушек имеют близкое сходство с украшениями таджичек⁸⁶. С таджиками узбеки (в том числе и кипчаки) в течение веков находились в постоянной культурно-экономической связи. Много общего имеют описанные нами украшения (особенно, ушные, шейные) с украшениями туркме-

⁸⁶ С. П. Русаякина. Народная одежда таджиков Гармской области, СЭС, т. 2, стр. 199—202.

пок⁸⁷, казашек, каракалпачек⁸⁸ и киргизек⁸⁹. Например, описанные нами серьги удлиненной формы имелись как у кипчаков Узбекистана, так и у киргизов, каракалпачек, казашек.

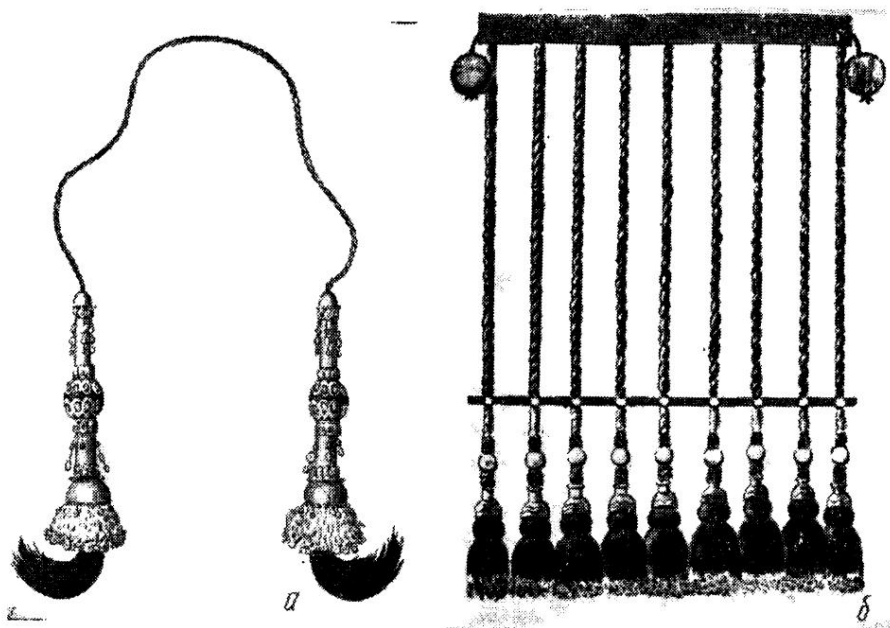

Рис. 24. а—чакка пўпак; б—накосник. Сел. Сарыкипчак, Булунгурский район, Самаркандская область.

В настоящее время женщины не носят старинных украшений. Но отдельные их виды (особенно серьги старинного типа) изредка встречаются. Некоторые виды украшений (ожерелья, манглай кош и др.) сохраняются в качестве семейных реликвий.

ПИЩА

Пищевой ассортимент у узбекского народа довольно богат и разнообразен. В пище населения оседлых земледельческих оазисов большое место издавна занимали продукты земледелия (зерновые, овощи, фрукты), а у полуоседлых узбеков, в том числе и кипчаков,— продукты скотоводства (мясо, сало, молоко). Одна-

⁸⁷ Я. Р. Винников. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР, стр. 219.

⁸⁸ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса, стр. 651 (рис. 36, №№ 4, 8).

⁸⁹ К. И. Антипина. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов, стр. 259—267.

ко в процессе этнической консолидации, сближения и слияния этих двух частей узбекского народа, различия постепенно сглаживались, вырабатывались единые узбекские общенациональные блюда.

Национальные блюда узбеков имеют большое сходство с блюдами таджиков и некоторую близость с гуркменскими, казахскими и киргизскими. Это свидетельствует о том, что традиционный ассортимент пищи узбеков формировался в процессе взаимовлияния и в тесном контакте культур различных (в основном родственных) народов и этнических групп, проживавших длительный период совместно в среднеазиатском междуречье. В то же время пища каждой из указанных народностей имела свои специфические особенности.

За годы Советской власти кухня узбеков значительно обогатилась новыми видами пищевых продуктов и блюд, заимствованными у других народов СССР и, в первую очередь, у русских. Прочно вошло в быт узбеков употребление разнообразных продуктов фабричного производства (макароны, вермишель, кондитерские изделия, консервы, колбасы и др.), а также хлебных изделий заводского производства. Возросла потребность в таких видах овощей, как каргофель, помидоры, капуста, которые в дореволюционный период не получали столь широкого распространения. Следует отметить, что ко многим видам вышеуказанных пищевых продуктов узбеки дореволюционного периода относились с предубеждением. В настоящее время все виды продуктов фабричного производства вошли в пищевой рацион узбеков, что свидетельствует об изживании национальных предубеждений, бытовых и религиозных предрассудков.

Хлеб (нон) был одним из основных продуктов питания; его выпекали из пшеничной муки, а также из ячменной, просяной, джугарной в основном в бедных семьях. У оседлой части кипчаков зерно молотли на водяных мельницах (сув тегирмон). Были распространены, особенно среди полuosедлых кипчаков, и ручные мельницы (ёргичок, қўл тегирмон), зернотерки (болочиқ⁹⁰ и жорма тош⁹¹ — у ферганских кипчаков). На зернотерках и на ручных мельницах работали главным образом женщины.

⁹⁰ «Болочиқ» — два плоских овальных камня длиной 50—60 см, имеющих пазы для придания шероховатости рабочей поверхности. На поверхность одного из них насыпали по горсточке зерна, а другим терли зерно до тех пор, пока оно не измельчалось. Когда таким образом пропускалось определенное количество зерна, то измельченную часть просеивали через сито, а оставшиеся в сите крупные отруби пропускали через зернотерку вторично. Чтобы получить муку при помощи зернотерки, требовалось затратить много сил и времени.

⁹¹ «Жорма тош» — плоские камни длиной 45—50 см, шириной около 30 см, изготовляли их большей частью из обломков мельничного жернова (тегирмон тош) или из твердой породы горного камня. Зерно молотли на «жорма тош» тем же способом, что и на «болочиқ» — путем трения, а не вращения верхнего жернова, как на ручных мельницах (кул тегирмон).

Хлеб выпекали в основном из кислого теста. Закваской служил кусок кислого теста, оставляемый от предыдущей выпечки. Хлеб выпекался в виде обыкновенной круглой лепешки (уй-нон) разного размера, а также в виде небольших круглых булочек. Широко была распространена выпечка булочек (загора) из муки джугары и кукурузы. Многие семьи кипчаков Северной Ферганы пекли хлеб и из муки проса (тариқ-нон, тариқ-загора), итальянского проса (қўноқ-нон), (қўноқ-загора), а также из чечевичной муки (жасмык-нон). Лепешки из ячменной, джугарной, просяной и чечевичной муки служили основной пищей семей сельской бедноты.

В торжественных случаях (свадьба, праздник и др.) пекли лепешки из пресного теста, называемые «патир». Тесто делалось слоеным или неслоеным. В тесто для слоеного «патира» добавляли много животного жира, сливок или растительного масла. Неслоеный патир (например, у отдельных групп кипчаков Ферганы) делался с небольшим добавлением масла, молока, тыквы и др.

Многие из указанных видов лепешек в домашних условиях выпекаются и в настоящее время, причем исключительно из пшеничной муки. Почти вышли из употребления лепешки из ячменной, джугарной, просяной муки.

Все виды лепешек выпекались в основном в тандырах. Тандыр представлял собой специальную хлебную печь, сделанную из необожженной глины, с примесью конской или козьей шерсти. А в отдельных кипчацких селениях бассейна Зарафшана в глину примешивали мелкую пшеничную солому.

Тандыр устанавливали вертикально или же укрепляли наклонно на широком (глиняном) постаменте, который был несколько выше пояса взрослого человека. У оседлых кипчаков тандыр обычно устанавливался у одной из стен двора, кухни, а у полuosедлых кипчаков — в середине двора или в любой другой части, не прикасающейся к стене. В верхней части тандыра, у самой стены, имелось небольшое отверстие для выхода дыма, в нижней части также оставлялось отверстие для воздуха.

Следует отметить, что тандыр окончательно вошел в быт в прошлом полuosедлых кипчаков лишь с переходом их к оседлости. Например, в селении Арык-буйи Чустского района, как утверждают старожилы, в дореволюционные годы (когда они все еще вели полuosедлое скотоводческое хозяйство) тандыр имелся лишь в домах трех богатейших семей (Саталибая, Ташмирзабая, и Катабува), а у остальных жителей селения он появился уже после Октябрьской революции, с переходом их к оседлости. До этого

кипчакские семьи пекли хлеб на раскаленных чугунных сковородах (топа, топа-қозон или това)⁹².

В прошлом полуседельные кипчаки пекли лепешки и в котле. Когда лепешка несколько затвердевала, ее вынимали из котла и ставили вертикально у стенок горящего очага, где она окончательно допекалась.

Из кислого теста, помимо лепешек, выпекали и выпекают теперь другие хлебные изделия: «чалпак» — тонко раскатанное тесто, жареное в котле в раскаленном масле, «бұғурсоқ» — ромбовидные, тонкие кусочки теста без начинки (у кипчаков Зарафшана), а также круглой формы величиной с орех (у кипчаков Ферганы) бросают в раскаленное масло и жарят до тех пор, пока тесто не приобретет розоватый цвет.

Из кислого теста делают беляши с мясом, которые заимствованы у оседлого населения и прочно вошли в пищу кипчакских семей в послереволюционные годы, а также пирожки с различной начинкой: с мясом, луком (гүштли сомса), с тыквой (ошқовоқ сомса), со съедобными травами (ўтли сомса), с капустой (карам сомса), картошкой (картошка сомса), с горохом (нохутли сомса). Все указанные виды самсы пекли в тандырах, а в настоящее время их пекут в духовках электрических и газовых плит.

Из пресного теста также приготавливали (и приготавливают теперь) различные кушанья в виде мучных изделий. В частности, делали «қатлама». Тонко раскатанное тесто смазывали салом, растительным маслом, свертывали в несколько слоев и жарили. Приготавливали также «қотирма» — раскатанное тесто, выпеченное на стенках котла; «чалпак» — тонко раскатанное тесто, жареное в масле; «юпка» и «чўзма» — тесто, приготовленное так же, как и для чалпака, но выпекавшееся на стенках котла, предварительно смазанных тонким слоем масла. После того, как одна сторона теста запекалась, «юпка» переворачивали, слегка смазывая испеченную сторону маслом, затем поверх ее, друг за другом клали и пекли еще 10—12 слоев «юпка». «Чўзма» печется так же, как «юпка», но после того, как ее вынимают из котла, тонкие слои отделяют друг от друга и складывают вдвое или вчетверо. «Чўзма» значительно мягче, чем «юпка». Такие кушанья, как «қатлама», «бұғурсоқ», «чўзма» обычно готовили на свадебных, семейных торжествах и во время поминальных трапез, а чалпак — исключительно на поминках.

⁹² Перед тем, как положить тесто в сковороду, дно ее смазывали маслом (растительным или животным), затем сверху закрывали второй сковородой, служащей крышкой для первой, и закапывали в горячий древесный уголь или золу. Выпеченный таким способом хлеб получался по форме в виде круглой буханки, назывался он в прошлом у полуседельных кипчаков Ферганской долины «кўмоч». Пекли хлеб (в виде круглой буханки) также и без сковороды, закапывая тесто в мелкие горячие уголья, слегка покрытые золой (қўр). Такой хлеб (кўмоч) пекли в основном пастухи. В летнее время тесто для «кўмоча» месили на молоке, что улучшало вкус и питательные качества хлеба.

У кипчаков бассейна Зарафшана, как и у окружающего узбекского населения, было широко распространено кушанье «гилбинди». Оно готовилось таким образом: делали болтушку из муки и молока и кипятили на медленном огне, при постоянном помешивании ложкой (чтобы не образовались комки в момент варки). Затем приготавливали также тонко раскатанное тесто и клали его в котел, стенки которого предварительно смазывали слоем масла. После того, как обе стороны лепешки затвердевали, ее вынимали из котла и смазывали половину двумя-тремя ложками мучной болтушки, а другой половиной накрывали, придав ей вид полумесяца, и опускали в кипящее масло. «Гилбинди» до сих пор считается сытным и лакомым кушаньем.

Из муки делали еще много различных кушаний: «атала» — жидкая похлебка, приготовленная из пережаренной муки⁹³, «умоч», напоминающие украинские галушки, сваренные на мясном бульоне или просто в кипятке. «Атала» делали чаще всего из пшеничной и редко из ячменной муки. Кипчаки северной Ферганы приготавливали «атала» и из кукурузной муки — «маккай атала», заправляя ее жареным луком, а также кислым молоком или маслом. Если лапшу не крошили ножом, а рвали руками, варили в мясном бульоне или в воде, то она называлась «жулма ош» (или «жулмон ош»). Отваренная в воде длинная лапша называлась «қайла». После варки ее извлекали из котла, отцеживали воду, перекладывали в миску, заправляли соусом из различных овощей. Это же кушанье с тем же гарниром, если его подавали вместе с бульоном, называлось «лагмон».

Одним из любимых кушаний кипчаков являлся «норин», приготовленный из тонкого раскатанного теста из пшеничной муки. После того, как куски раскатанного теста предварительно сварятся в мясном бульоне или воде, их вынимают из котла и раскладывают каждый кусок в отдельности (чтобы не прилипли друг к другу) и остуживают. Из этого теста делают мелкую лапшу.

Из пшеничной муки до сих пор приготавливают также «кулча». Тонко раскатанное тесто режут небольшими квадратами (вмещающимися на ладонь взрослого человека) и варят, затем вынимают из котла и кладут на отдельное блюдо, заправляя мясным соусом, кислым молоком или маслом. «Кулчатый» приготавливают также, как «кулча», но делают размером несколько меньше; варят их в мясном бульоне, затем вынимают из котла, выкладывают на плоское блюдо и посыпают нарезанным небольшими кусками вареным мясом, морковью, репой, тыквой и др. При этом в отдельной миске подается бульон, которым запивают

⁹³ «Атала», сделанная из пережаренной муки, называлась у кипчаков Ферганы «қовурма атала». Если их готовили из непережаренной муки, то вначале кипятили воду в котле, а затем засыпали туда муку и заправляли пресным молоком. Такой способ приготовления атала у ферганских кипчаков назывался «қайнатма атала».

«кулчатай»⁹⁴ Тонко раскатанное тесто, приготовленное как для «кайла» или «кулчатай», сваренное в кипящей воде, а затем заправленное жареным луком, называют «мойкулча» (у кипчаков Зарафшана), что соответствует Ташкентскому «шилпилдоқ». (последний заправляется мясным или овощным соусом).

У узбеков, особенно среди городского населения, широко распространены пельмени с рубленым мясом и луком (чучвара). Этот вид кушанья у кипчаков Зарафшана назывался «барак», а у ферганской группы кипчаков — «ови» (в частности, в селении Арык-буйи). У ферганских кипчаков, как и окружающего оседлого населения, делались также «манты» — вид пельменей крупного размера, в мясную начинку которых кладут кусочки курдючного сала, мелко нарезанный лук, а в летний период добавляют укроп, кашнич (кинза). Манты варятся на пару на особых решетках «қасқон» или «манты қазон». Эти кушанья готовились лишь в праздничные дни.

Кипчаки готовили «қуймоқ» — оладьи, для чего делали болтушку из пшеничной муки, пресного молока, масла и яиц. Широко было распространено кушанье «тухумбарак»: из куска тонко раскатанного теста (величиной приблизительно 8×8 см) делали продолговатые конвертики, через верхнее отверстие которых наливали заранее приготовленную болтушку из яиц и топленого масла. Варили «тухумбарак» в кипящей воде, готовые вынимали, раскладывали на блюде и заправляли кислым молоком.

Ряд кушаний готовили также из джугарной муки: «буламай» — густосваренный мучной кисель, разведенный пресным молоком и заправленный кислым молоком или маслом; «сиқмон» — мягкое тесто, из которого руками выжимали между пальцев тонкие клецки и варили в мясном бульоне, иногда вместе с машем; «куртук» — небольшие клецки, сваренные в мясном бульоне или в воде. В последнем случае их заправляли кислым молоком или маслом.

Из пшеницы, ячменя, джугары готовили и другие кушанья: «толқон», готовили из только что созревшего ячменя, который предварительно поджаривали в котле, очищали от шелухи, измельчали в ступке, затем полученную сечку и муку опять жарили в котле, добавляя туда немного масла, сахара (или сушеной дыни, тутовых ягод); «қовурмоч» — жаренная в котле на масле пшеница⁹⁵ или ячмень; «жорма» — похлебка, приготовленная из пшеничной или просяной крупы, которую заправляют мас-

⁹⁴ «Кулчатай», по всей вероятности, тот вид кушанья, который у казахов и у киргизов называется «бешбармак». Такое же кушанье бытовало и у туркменов. Однако подавалось это блюдо у всех народов по-разному. Одни (казахи, киргизы) подавали вареное тесто вместе с бульоном, а другие все содержимое котла (мясо, морковь, тесто и др.) нарезали и подавали на стол, а бульон ставили отдельно.

⁹⁵ При обрядовых (например, поминальных) трапезах «толқон» готовили исключительно из поджаренной в котле пшеницы.

лом, пресным или кислым молоком. «Жорма» варили также вместе с тыквой (ковок жорма). Из пшеничной и ячменной крупы готовили «буғдай гўжа» (из пшеницы), арпа гўжа (из ячменя) или из проса — «гўжа-ош».

Из пшеницы готовили такие обрядовые кушанья, как «ҳалим» и «сумолак» (распространенный главным образом у кипчаков Зарафшана). Обычно их готовили односельчане коллективно по случаю годового религиозного праздника (қурбон ҳайит). Для этого варили пшеницу (в натуральном виде) вместе с мясом (баранина, говядина, редко конина) в течение 10—12 часов, затем раздавали односельчанам, а также прохожим, нищим. «Сумолак», весьма распространенное в прошлом обрядовое кушанье, готовилось также коллективно⁹⁶.

Из джугары готовили кашевидную похлебку — «джугари гўжа» или просто «гўжа»; из кукурузы — «маккайи гўжа». «Гўжа» варилась и из проса — «тары гўжа», из итальянского проса — «қўноқ гўжа». «Гўжа» варилась в воде и заправлялась пресным или кислым молоком, она употреблялась как в горячем, так и в холодном виде. Из маша (сорта бобовых) готовили жидкий суп — «мошова» (у кипчаков Зарафшана), из маша и риса — «мош-гуруч». Варили этот суп как в мясном бульоне, так и без мяса, с маслом. Приправой для него служил мелко нарезанный лук (особенно зеленый), красный перец. Из маша, с прибавлением в него риса, готовили кашу — «кичири» или «мош-кичири», заправляя ее маслом.

Из риса варили жидкий суп на мясном бульоне или с поджаренным луком и мелко нарезанным мясом — «мастава», заправляли его кислым молоком.

Готовили из риса также жидкий молочный суп — «сутгуруч», густую молочную кашу — «ширгуруч» (у кипчаков Ферганы) или «ширбиринж» (у кипчаков Зарафшана), а также густую кашу с мясом и морковью «шавла». Последнюю заправляли растительным маслом или животным салом. Такую же кашу варили (но без моркови) с прибавлением к рису лобия (сорт бобовых). Самым излюбленным кушаньем и традиционным блюдом узбекского народа, в том числе и кипчаков, является плов (палов), приготавливаемый из риса в сочетании с мясом, луком, морковью. В него кладут много жира, растительного или животного (обычно бараньего сала).

Мясо входило в состав различных кушаний кипчаков. Те виды жидкой пищи, где отсутствуют мясо и жиры, кипчаки, как и другие группы узбеков, называли «жавғон» (или ёвғон)⁹⁷.

⁹⁶ О способах приготовления «сумолак» см. подробно В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы, стр. 126; К. Л. Задыкина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, ТХАЭЭ, вып. 1, стр. 394.

⁹⁷ К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 127.

Из мяса готовили жидкий суп с крепким бульоном (шўрво) — традиционное, излюбленное кушанье кипчаков. В шурво кладут, кроме мяса, лук, морковь, тыкву, репу, красный перец и др. Во время еды в «шўрво» крошат мелкими кусочками лепешки («нон», чаще «патир»).

У полуоседлых в прошлом кипчаков существовал особый обычай приема гостей. «Меҳмон отадан улуғ» («гость выше отца») — гласила пословица. Гости встречали почтительно, в его честь в зажиточных семьях резали барана. Ему подавали лучшую часть мяса — голени задних ног барана вместе с костью — «иликли суяк»⁹⁸.

В сложении общенациональных форм узбекской кухни основная роль, несомненно, принадлежала оседлой части узбекского народа, но значительную долю внесли в этот процесс и полуоседлые в прошлом узбеки. Об этом свидетельствуют некоторые факты заимствования отдельных продуктов и видов блюд оседлыми узбеками у полуоседлых и наоборот.

Коровье, овечье и козье молоко употреблялось как в пресном, так и заквашенном виде (қатық). Из молока только что отелившейся коровы (молозиво) готовили запеканку «қағаноқ», а из второго, третьего надоя молока (все еще сохранявшего в своем составе молозиво) делали жидкое кушанье, называемое «увуз».

Заквашенное молоко употреблялось в летний период. Из кислого молока, добавляя в него сырую воду и соль, готовили жидкий напиток «айран». Важным продуктом питания у полуоседлых в прошлом узбеков, в том числе и кипчаков, было верблюжье и кобылье молоко. Из верблюжьего молока делали остро-кислый напиток (туя-айрон), а из кобыльего молока — слегка опьяняющий напиток «кимиз». Помимо сала и животного масла, использовалось также растительное масло (жувоз мой). Получали его из различных смесей масличных культур (из семян кунжута, льна, индау, дыни и др.). Теперь в массовом употреблении находится заводское хлопковое масло.

Полуколючевые в прошлом кипчаки Ферганской долины в большом количестве использовали в пищу различные дикорастущие травы. В частности, они употребляли «олги» (рябчик ферганский)⁹⁹. Корень этого растения имеет плоды, похожие на картошку. Осенью корни высушивали и толкли. Полученную таким способом массу замачивали в воде, чтобы исчезла горечь. Затем ее сушили и заготавливали впрок. Из муки «олги» пекли лепешки, а также готовили похлебку «атала».

Другим съедобным растением являлся корень хожика. Его использовали в пищу только в вареном виде. В котел наливали (до половины) воды и клали множество упругих прутиков, созда-

⁹⁸ Этот обычай кипчаков сходен с таким же обычаем узбеков-карлуков (См. К. Ш. Ш а н и я з о в. Узбеки-карлуки, стр. 127).

⁹⁹ С. С. Сахобиддинов. Словарь местных и научных названий полезных и вредных растений Средней Азии, Ташкент, 1953, стр. 35, 40.

вая из них своеобразную решетку. Поверх нее аккуратно раскладывали корни хожика, а затем засыпали слоем земли (толщиной 4—5 см). В очаге разводили огонь,

В результате кипячения корни хожика утрачивали горечь и становились съедобными.

В пищу употреблялся корень растения «тотирон» (солянка почконосная). Он схож с корнем хожика, но больших размеров. После определенной обработки (промывания, толчения) из него готовили муку и пекли хлеб. Съедобным был также корень горного тюльпана. Выбранные из него луковицы жарили в масле или варили в молоке. Употребляли в пищу и плоды растения «лагалак» (иначе «ёввойи картошка» — дикая картошка). Подукочевые кипчаки Ферганской долины употребляли в пищу плоды дикорастущих плодовых деревьев: алычи (фисташки), яблони (боярышник), дулона (вишня тяньшанская), чия и др.

В пищу шли и разнообразные виды овощей: лук (пиез), морковь (савзи) и др. Важное место в пище занимали также тыква, репа, огурцы, тарра, по вкусу напоминающая огурец, но значительно длиннее его. Тарра распространена в ряде районов Ферганской долины. Едят ее в сыром виде¹⁰⁰.

Оседлые кипчаки занимались выращиванием фруктов и винограда. Некоторые сорта винограда, яблок, а также айвы, груш сохранялись в свежем виде до зимы.

Важное место в питании (особенно сельского населения) в летний период занимали продукты бахчеводства — дыни, арбузы. Дыни сушили (қавун қоқи), заготавливая впрок. «Қавун-қоқи» делали следующим образом: дыню разрезали на множество тонких частей, затем снимали кожуру, а мякоть сушили на солнце; затем, не совсем еще высушенную, собирали, скручивали в плетъ или складывали куски друг на друга. В таком виде вяленую дыню хранили всю зиму. Излишки «қавун-қоқи» продавали на рынке. Из дыни также готовили патоку (шинни).

Значительное место в быту кипчаков занимал чай. В недалеком прошлом он имел меньшее распространение, но уже в конце XIX — начале XX в. чай вошел в обиход повсеместно. Кипчаки предпочитали зеленый чай. Его пили как в общественных местах (чайхана), так и дома, в большинстве случаев без сахара. Воду кипятили в очаге, в своеобразном кипятильнике (кумган) и в самоваре, а заваривали чай в фарфоровом чайнике и пили из небольших фарфоровых чашек (пиала).

Наряду с обычным чаем был распространен чай с добавлением молока, соли, жареного сала или топленого и сливочного масла (сутли чой). Был распространен еще один способ приготовления чая (мойли чой). В чашку крошили лепешку, клали немного жареного сала или топленого масла и соли, заливали горячим за-

¹⁰⁰ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкиран, стр. 112.

варенным чаем. Мойли чай обычно пили во время завтрака. Теперь его готовят редко.

Опьяняющим напитком у полукочевых в прошлом узбеков являлась «бўза», приготовлявшаяся из проса. Среди кипчаков было распространено курение табака (тамоки) при помощи специального прибора (чилими); закладывали специально приготовленный табак и под язык.

Приготовлением почти всех видов пищи в кипчацких семьях занимались женщины. Только на больших общественных угощениях (тўй), на мужских собраниях (гаштак, тўкма и др.) поварами были мужчины.

Жидкую и густую пищу варили в основном в чугунном котле (қозон). Кухонная утварь состояла из следующих предметов: деревянный черпак (чўмич), деревянная шумовка (ёғоч капкир), железная шумовка (темир-капкир), плетеная шумовка для процеживания лапши и пельменей (чавли или сузма) (последнее название бытовало у кипчаков Ферганы), деревянные ложки (қашиқ), ножи — (пичоқ), большой тяжелый нож с широким лезвием (ошпичоқ или чопғич). Посуда у полуоседлых в прошлом кипчаков была большей частью деревянной, а у оседлой части — глиняной. Из дерева делали чашки (ёғоч коса), неглубокое плоское блюдо среднего размера круглой формы (ёғоч товоқ), большие глубокие миски (карсан, чора или чораси). В «чора» хранили молоко, муку лепешки и проч. В кухонную утварь кипчаков входило также множество больших и маленьких плетеных корзин (сават)¹⁰¹.

Из глиняной посуды употреблялись чашки (тош коса), блюда (тош товоқ), большие глубокие миски (тоғора), для замешивания теста и «кир тоғора» для стирки белья, различные виды сосудов для хранения воды: большие кувшины (гўза), такие же сосуды меньшего размера (гўзача), небольшие сосуды для умывания и хранения воды (чавгум — у ферганских кипчаков). Глиняными были также большие сосуды (хум) для хранения воды и зерна, небольшие «хумча» или «дукача» (последнее название встречается у кипчаков Ферганы) для хранения масла; крынки (хурма) для доения и хранения молока и др.

У оседлых, а отчасти и полуоседлых в прошлом кипчаков, помимо глиняной и деревянной утвари, встречались кухонные предметы из чугуна (кумган, чавгум), меди (самовар, подносы, котлы и др.). Были распространены также фарфоровые изделия (чайники, пиалы, лаганы и др.). Однако эти предметы, особенно фарфоровые, встречались лишь у зажиточной части населения.

У оседлых кипчаков была широко распространена посуда,

¹⁰¹ «Сават» бывают двух видов: плоские для хранения лепешек, сушеных фруктов и т. д. и глубокие, большие, под которыми хранили мясо, сосуды с молоком и др. В глубоких «саватах» небольшого размера также держали продукты.

сделанная из тыквы-горлянки (қовоқ); в ней носили и хранили воду (сув қовоқ), молоко (сут қовоқ), обед (ош қовоқ).

Перед приготовлением любого вида изделий из муки последняя предварительно просеивалась через сито (элак) или «қасқан» (у кипчаков Ферганы). Тесто замешивали в большой глиняной миске (тоғора), а у полуоседлых в прошлом кипчаков для этого использовалась большая деревянная чашка (карсан) или котел (қозон). Раскатывалось тесто при помощи длинной скалки (ўқлов).

В настоящее время прочно вошла в быт алюминиевая, эмалированная, фарфоровая, фаянсовая, стеклянная и пластмассовая посуда. Почти в каждой семье встречаются теперь такие предметы, как металлические ложки, вилки, стеклянные и хрустальные рюмки, графины, стаканы, которые в прошлом были редким явлением даже в зажиточных семьях. С изменением условий жизни, с повышением материального благосостояния народа произошли существенные прогрессивные изменения в режиме питания, способах приготовления пищи, в хозяйственной утвари кипчаков.

* *

Анализ материальной культуры кипчаков, проживавших на территории Узбекистана, позволяет сделать некоторые выводы.

Поселение, жилище, одежда и пища кипчаков, как и других родоплеменных групп узбеков, под влиянием оседло-земледельческого узбекского населения в конце XIX — начале XX в. подвергались серьезным изменениям и приобрели все основные черты общеузбекской материальной культуры. Кипчаки, наряду с другими этнографическими группами узбекского народа, внесли определенный вклад в общенациональную культуру. Однако в быту кипчаков, особенно тех групп, которые вели полуоседлое хозяйство, вплоть до начала XX в. продолжали сохраняться и многие архаичные элементы материальной культуры, в том числе пережитки, характерные для кочевников и полукочевников Дешт-и Кипчака и кипчаков-половцев средневековья.

С хозяйственной деятельностью кипчаков были связаны типы их поселений, жилища, а также и пища. Как указывалось выше, у кипчаков в исследуемый период бытовали три типа поселений: в горной местности, на предгорных равнинах и в оазисах. Первый тип поселения был характерен для полуоседлых кипчаков, в хозяйстве которых земледелие и скотоводство играли одинаково важную роль. Второй тип поселений — для тех групп кипчаков, которые находились на стадии перехода от полуоседлости к оседлости, в хозяйстве которых земледелие уже преобладало над скотоводством. Третий тип — это поселения оседлых кипчаков, занимавшихся исключительно земледелием.

В поселениях первого и отчасти второго типа обнаруживались многие элементы традиционного быта, сохранявшиеся вплоть до начала XX в. Это — войлочная юрта, как основной тип жилища,

старинное жилище «кўтарма», перевозимое на арбе и не встречающееся ни у каких других групп узбеков; конусообразный шалаш «капа»; многие предметы убранства жилища; обычай держать в жилом помещении круглосуточно тлеющий огонь; некоторые древние формы мужской и женской одежды; отдельные виды кушаний и способы их приготовления и др.

Образ жизни и быт оседлых кипчаков, живших в поселениях третьего типа, мало чем отличались от жизни и быта исконных оседлых узбеков. Однако и здесь можно проследить некоторые традиции прежнего образа жизни. Они проявлялись, например, в совместном поселении в одной части селения (аул или «тупе»), родственных семей, носивших наименование жившего здесь издавна рода или родового подразделения.

Переходя к оседлости, представители этих групп кипчаков стали строить первоначально глинобитные однокомнатные жилые помещения, в центре которых, так же как и в юрте, делали очаг, а на крыше — дымовое отверстие. Типы жилища менялись, однако во внутреннем их убранстве еще долгие годы продолжали сохраняться традиции прошлого полукочевого быта, хотя и со значительными изменениями. Двух- и многокомнатные дома в массовом порядке начали строить лишь в годы Советской власти.

Переход скотоводов-кипчаков к полuosедлому, а затем к оседлому земледельческому труду вызвал коренные преобразования не только в производственной и общественной жизни, но и в быту, во всех сферах материальной культуры кипчаков.

Кипчаки дореволюционного периода носили в основном традиционную одежду: в ней особенно выделялись такие старинные формы, как шерстяные халаты и шаровары, меховые шубы. Характерно, что их носили и мужчины, и женщины. Традиционными являлись и такие виды мужского головного убора, как «кула», «тумок», женская чалма («дастор» или «бошўров»), а также «туматой». Мужчины носили обувь старинных форм (чорик, мўкки, тоштовон, товулдирык и др.). Следует однако отметить, что многие из названных видов одежды и обуви в прошлом были широко распространены у всех (оседлых и полuosедлых) узбеков и у некоторых других народов Средней Азии.

Наряду со старыми типами одежды в указанный период среди кипчаков получила распространение и одежда, заимствованная у оседлого сельского и городского узбекского и таджикского населения: халаты (с подкладкой на вате и без подкладки) из хлопчатобумажной материи ручного и фабричного производства; тюбетейки, мужская чалма, сапоги, ичиги, кожаные галоши и др.

В области материальной культуры было весьма заметным и влияние соседних народов, прежде всего казахов. Об этом свидетельствуют приведенные выше названия некоторых видов обуви (казаки этик, казаки кавуш), одного из вариантов покроя ворота мужских и женских рубашек (казак жака) и др. Большое

влияние окружающего населения сказывалось на украшениях, которые носили кипчакские женщины.

За годы Советской власти произошли изменения в одежде. Теперь все носят современную узбекскую национальную одежду со значительными элементами костюма городского типа, ставшего основным видом одежды сельской интеллигенции, людей среднего поколения и молодежи; но наряду с этим кое-где еще (главным образом у старшего поколения) и теперь встречаются некоторые виды одежды старого, дореволюционного типа: широкие туникообразного покроя мужские и женские рубахи, халаты, вышитые женские головные платки и другое. Однако в отличие от дореволюционных, они шьются исключительно из фабричной ткани.

Пища тоже изменилась. Теперь она мало отличается от обще-узбекской. Различия в пище, имевшиеся в прошлом у оседлых и полuosедлых кипчаков, постепенно стираются, и это приводит к формированию единого общенационального узбекского ассортимента блюд.

Глава пятая

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ФОРМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Выше, в связи с характеристикой хозяйства кипчаков в конце XIX—начале XX в., уже отмечалось влияние развития товарного хлопководства и проникновение элементов капиталистических отношений в экономическую жизнь колониального Туркестана, в частности Ферганской и Самаркандской областей, где среди узбеков и других этнических групп жили кипчаки. Несмотря на существенные изменения, введенные царским правительством в систему землевладения, господствующими социальными отношениями в среднеазиатском кишлаке и ауле вплоть до Октябрьской революции оставались феодальные отношения. Основной формой эксплуатации дехканства по-прежнему была издольщина. Однако рост товарности сельского хозяйства, особенно в хлопководческих районах, обусловил зарождение капиталистических отношений и усилил классовое расслоение в среде сельского населения. Основная часть обрабатываемых земель и поголовья скота находилась во владении крупных баев, которые жестоко эксплуатировали маломощных и неимущих односельчан.

В начале XX в. в Ишимаксакальской волости (Самаркандская область), население которой состояло в основном из кипчаков, насчитывалось 1535 хозяйств; 40 хозяйств (2,6%) из общего количества хозяйств волости были безземельными, 171 хозяйство (11,1%) — без всякого посева, 212 хозяйств (14%) — без сельхозинвентаря, 784 хозяйства (52%) — без транспортного инвентаря, 239 хозяйств (15,6%) — без всякого скота, 302 хозяйства (19,7%) — без рабочего скота, 471 хозяйство (30,7%) — без коров¹. В среднем, более 50% хозяйств указанной волости можно считать неимущими и маломощными.

¹ См. Материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 1920 гг., вып. 1. Поволостные итоги Самаркандской области, Ташкент, 1921 табл. №№ 1, 2. Приблизительно такое же положение было зафиксировано Челекской и Джуйдиванской волостях Самаркандской области, где основную массу населения составляли кипчаки.

Почти в каждом кипчакском селении были один-два бая (и более), которые сосредотачивали в своих руках огромную долю земли и большое количество скота.

В изучавшемся нами кишлаке Бачкыр² (в Ферганской долине) в начале XX в. трем баям—Усман-Али, Исхак-баю и Ахун-баю принадлежала третья часть обрабатываемых земель селения и около половины крупного и мелкого рогатого скота. Другой крупный бай этого селения — Исо-бай имел 750 танапов пахотной земли, 1000 голов овец, 120 голов крупного рогатого скота (в том числе 20 пар рабочих волов), 3 рабочих и 2 скаковых лошади, 4 верблюда. Ахун-бай владел 200 танапами поливных земель. Для полива своих полей каждый из названных баев использовал 1/10 общей нормы воды, которая полагалась селению Бачкыр³.

В другом кипчакском кишлаке Ферганской долины — Дам, где в начале XX в. жили 133 семьи, было шесть баев: Аман-бай, Турсункул-бай, Нияз-бай, Урун-бай, Мусо-бай; они владели угодьями, составлявшими 80% поливных земель данного кишлака, и каждый из них имел от 200—300 до 700—800 голов крупного и мелкого рогатого скота; все вместе они пользовались 3/4 всей нормы воды, отпускавшейся на селение⁴.

Нами были собраны также материалы по истории ряда кипчакских селений среднего Зарафшана. В кишлаке Акчелак в 1912—1916 гг.⁵ поливные земли составляли 800 танапов, из них 600 танапов принадлежало крупному баю кишлака Ходжамкул-баю. Кроме того, Ходжамкул-бай владел 400 танапами поливных земель, находившихся на территории других соседних кишлаков. Помимо поливных земель, он засеивал ежегодно 300 танапов богарных земель, на 250—300 танапах ежегодно сеял хлопок. Для обработки полей он держал 40 пар рабочих волов. В его табуне насчитывалось 650 лошадей, среди них 50—60 кобыл-маток, 12 скаковых лошадей.

Исламбеку из кишлака Шеркурган принадлежала 1/3 часть обрабатываемых земель данного селения. Он владел 700 танапами поливных земель, 100 танапами богарных земель, 20 парами рабочих волов, 12-ю верблюдами, 12-ю рабочими и 6-ю скаковыми лошадьми.

Пять баев: Карим-бай, Бабаяр-бай, Жовкон-бай, Мирза-бай, Усар-бай из крупного кипчакского селения Урта-Сайдов⁶ владели почти 1/3 частью пахотной земли данного кишлака. Крупным баем среди них считался Карим-бай, который имел 200 танапов поливных и 250 богарных земель, 300 голов крупного рогатого скота, 2 тыс. овец, 30 кобыл-маток, 10 ездовых и 3 скаковых лошади,

² По данным 1917 г. в этом селении имелось 236 хозяйств.

³ Полевые записи автора, V, 1962 г.

⁴ Полевые записи автора, V, 1962 г.

⁵ Согласно данным сельскохозяйственной переписи 1917/20 гг. здесь жили 27 семей.

⁶ В этом селении в начале XX в. жили 108 семей. Полевые записи автора, V, 1967 г.

5 верблюдов. Бабаяр-бай владел 100 танапами поливных и 70 танапами богарных земель, 30 головами крупного рогатого скота, 500 овцами, 3 ездовыми и 2 скаковыми лошадьми. Каждый из остальных трех баев (Жовкон-бай, Мирза-бай, Усар-бай) владел 100—120 танапами богарных и пахотных земель, имел по 30—40 голов крупного рогатого скота, 3—4 рабочих и скаковых лошадей. У Жовкон-бая помимо этого имелось еще 2 тыс. овец и 4 рабочих верблюда при стаде⁷.

Таких примеров можно привести очень много. Все они свидетельствуют о том, что большая часть обрабатываемых земель поголовья скота находились во владении кипчакских баев и зажиточных слоев населения данного кишлака, в то время, как трудящиеся кипчаки страдали от малоземелья, недостатка скота или вовсе не имели земли или скота и вынуждены были идти в кабалу к баам.

Баи и зажиточные дехкане, владевшие большей долей обрабатываемой земли и скота, использовали в своем хозяйстве труд работников различных категорий: чайрикер, етим, навча, карол, кошчи, мардикор и др.

Следует указать, что в конце XIX — начале XX в. с проникновением и развитием капиталистических отношений в сельском хозяйстве обследованных нами областей, труд батраков (етим, карол, навча и др.) получил более широкое распространение, чем чайрикерство. На их труде фактически держались все хозяйства кипчакских баев. Например, в хозяйстве вышеупомянутого Ходжамкул-бая работали постоянно до 60—70 человек, у Исламбек-бая — 35—40, у Карим-бая — 20 человек.

Формы эксплуатации непосредственных производителей — крестьян, неимущих слоев населения, подростков были различными. На основе этих форм все они делились на несколько категорий. Остановимся на тех из них, которые имеют непосредственное отношение к земледельческому хозяйству кипчаков.

Ч а й р и к е р⁸ (издольщик). Издольщиками в кипчакских селениях являлись малоземельные крестьяне, имевшие определенные навыки в земледелии. Такой крестьянин мог иметь вола, полный или неполный комплект инвентаря для ведения земледелия. Но он не имел достаточного количества земли, урожай с которой мог бы прокормить его семью. У некоторых дехкан не было ни земли, ни живого и мертвого инвентаря, однако они хорошо знали технику ведения земледелия и их с большой охотой использовали земельные собственники в качестве чайрикеро́в. В таких случаях дехканин участвовал в сделке лишь своим трудом. Труд чайрикера применялся как на поливных, так и на неполивных участках.

⁷ Полевые записи автора, IV—V, 1964, 1967, 1969, 1970 гг.

⁸ О термине «чайрикер» см. О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, Ташкент, 1955, стр. 43; Н. Н. Ершов. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией, стр. 50.

Один чайрикер мог обработать за сезон 9—12 танапов поливных земель (под технические культуры, рис и зерновые), а на богарных землях — до 40 танапов. Об условиях найма и оплаты договаривались устно еще до начала весенних полевых работ. Доля чайрикера в кипчакских селениях составляла от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{12}$, а в отдельных случаях — до $\frac{1}{20}$ части урожая. Например, в кипчакских селениях Ферганской долины, а именно в селении Куюмазар чайрикеры получали от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{4}$ урожая, в Бешкапа — $\frac{1}{5}$ — $\frac{2}{5}$, в Бачкир — $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{12}$ урожая. В кипчакских селениях среднего Зарафшана: в Жагалбайлы — $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{10}$, в Равоте — $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{12}$, в Элатане — $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{19}$ часть урожая.

Доля, получаемая чайрикером, зависела и от вида высеваемой культуры (пшеница, ячмень, джугара или более трудоемкая — хлопок, рис и др.) В немалой степени на ней сказывалось и наличие у чайрикера рабочего вола, инвентаря⁹. При отсутствии у дехкана живого или мертвого инвентаря он мог получить не более $\frac{1}{5}$ урожая.

При определении доли чайрикера учитывались и другие факторы: плодородие обрабатываемой почвы, обеспеченность ее поливной водой, качество земли (твердость, засоренность большим или меньшим количеством сорняков и др.), расстояние обрабатываемых земель от места жительства, размеры земли, сдаваемой чайрикеру в аренду, наличие помощников и др. Следует отметить, что земледельцы старались нанимать (в зависимости от площади обрабатываемых земель) одного или двух-трех опытных чайрикеров и к каждому прикрепляли двух или более помощников — навча, чамани, карол и др. (см. ниже). Это позволяло им выгодно использовать труд дехкан и при минимальной затрате средств засеять больше земли.

Доля урожая, получаемая чайрикером с одного танапа земли при обработке больших площадей, кажется меньшей (например $\frac{1}{15}$ — $\frac{1}{20}$ часть урожая). Но поскольку он работал с двумя помощниками, то обрабатывали площадь в несколько раз большую, чем та, которую он мог бы обработать сам. Фактически получаемая им доля урожая со всей посеянной площади оказывалась приблизительно такой же, какую он мог бы получить при самостоятельной работе¹⁰.

⁹ В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщин оседлого туземного населения Ферганы, стр. 21.

¹⁰ Предположим, например, что чайрикер работал один (с хозяйским инвентарем и упряжкой), обрабатывал земельный участок размером 10 танапов, засеянный пшеницей, и по договору с хозяином получал $\frac{1}{5}$ долю урожая. При средней урожайности (25 пудов пшеницы с 1 танапа) в данном году, скажем, был снят урожай 250 пудов, из которых (при доле $\frac{1}{5}$) 50 пудов получал чайрикер, а 200 пудов — землевладелец. Если же чайрикер работал с двумя помощниками и тремя парами волов, обрабатывая примерно 40 танапов поливных земель под пшеницу, то при той же урожайности (25 пудов с танапа) в данном году было снято 1000 пудов урожая. Из этого количества урожая (при $\frac{1}{16}$ доле) 62,5 пуда получал чайрикер, а каждый из его помощников

При издольщине чайрикер и его помощники стремились получить как можно больший урожай, надеясь, что в этом случае на их долю достанется больше зерна. Поэтому они были вынуждены работать с раннего утра до позднего вечера: вывозили на поле удобрения, несколько раз пахали и бороновали поле, удаляли сорные травы, старались вовремя и в достаточной мере поливать посевы и т. д.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. чайрикер не имел твердой нормы получаемой им доли урожая. Смысл термина «чайрикер», «работающий на четвертой части урожая», в этот период (и даже гораздо раньше) был нарушен. С проникновением и развитием капиталистических отношений в земледелие, крупные землевладельцы усилили эксплуатацию издольщико-чайрикеров, стремясь извлечь из их труда большую выгоду.

После уплаты налога и выдела части урожая для посева, оставшееся на току зерно делилось между хозяином и чайрикером.

Е т и м (букв. сирота)—срочный работник в крупных земледельческих хозяйствах. Наем етима широко практиковался в до-революционном прошлом в Бухарском ханстве, а также в Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства. В качестве етима нанимались и семейные мужчины, которые не имели скота и своей земли. Чаще всего встречались семейные етимы в крупных скотоводческих хозяйствах.

Многие етимы являлись выходцами из бедных или окончательно разорившихся полуоседлых семей. Они нанимались в хозяйства не только кипчакских баев, но и других полукочевых и оседлых узбеков. Срок найма етима в скотоводческое хозяйство составлял один год, а в земледельческое—8—9 месяцев.

В качестве етима принимали лишь тех подростков и мужчин, которые выдерживали своеобразное испытание, устраивавшееся хозяином. Юноша должен был уметь вбить кетмень глубоко в землю, расколоть крепкий чурбак для дров, выбросить при помощи железной лопаты глину из глубокого канала; погрузить на лошадь 2 пуда груза и на ишака 3 пуда и более, держать соху и правильно вести упряжку волов при пахоте и др.

Взрослый етим, имевший значительный трудовой опыт, получал не более 100 руб. в год. На эту сумму семья едва могла прокормиться. Етим, достигший зрелого возраста, не имел возможности даже скопить денег на свадьбу. Ему приходилось делать долги, от которых он не мог избавиться в течение долгих лет¹¹.

К а р о л (от таджикского «карори» — работающий по догово-

(чамани, навча) получал по 50 пудов (при норме 1/20 часть урожая). Таким образом, из 1000 пудов урожая 162,5 пуда получали чайрикер и его помощники, а 837,5 пуда — землевладелец.

¹¹ Малолетние етимы получали в среднем 30—40 руб. или 18—20 пудов зерновых за 8—9 месяцев.

ру) сроковый работник¹². Каролами (батраками) нанимались на различные сроки — от одного месяца до года. Баям было выгодно нанимать на большой срок.

Применение труда карола было широко распространено в Ферганской долине. Многие кипчаки из бедных полуоседлых семей нанимались каролами в хозяйства крупных баев не только своих селений, но и других районов Ферганы.

Каролами становились еще в малолетнем возрасте в 8—10 лет. Малолетних батраков (до 16—17 лет) называли кичик карол или каролча¹³. Оплата труда проводилась согласно договоренности. Несомненно, на размер оплаты не могли не влиять спрос и предложение труда батраков. В конце XIX—начале XX в. в связи с развитием хлопководства в Ферганской долине спрос на них был велик, но предлагающих свой труд насчитывалось значительно больше, следовательно, оплата труда каролов была невысокой. Каролча получали почти наполовину меньше, чем каролы. Тем каролам, которые нанимались на 1—2 месяца и более, оплата производилась ежемесячно. Заработок карола был небольшой. Батрак едва мог прокормить семью, состоящую из 3-х человек. В некоторых случаях оплата труда батраков производилась и натурой.

Каролы выполняли различные работы в хозяйстве баев, крупных землевладельцев. Каролча большую часть времени работал во дворе хозяина. Он подметал и поливал двор, приносил воду, колол дрова, ставил самовар, присматривал за детьми хозяина и др. Взрослый карол чистил конюшни, хлев, вывозил навоз на поле, работал на рытье и очистке оросительной сети. Его использовали и на сельскохозяйственных работах; он пахал и сеял или являлся помощником нанятого баем чайрикера, убирал урожай¹⁴.

Хозяин должен был обеспечивать батракам пищу и одежду, предоставлять ночлег. Местом для ночлега служила конюшня. Здесь же спали конюх (сайис) и другие работники хозяина.

Каролы являлись одной из самых выгодных для бая категорий работников. Бай мог их максимально эксплуатировать при минимальной оплате труда.

Навча (букв. рослый). В конце XIX—начале XX в. термин «навча» применялся по отношению к определенной категории сроковых работников в крупных земледельческих хозяйствах в бассейне среднего Зарафшана и верхней Кашкадарьи (в част-

¹² О. А. Сухарева, М. А. Бикджанова. Указ. соч., стр. 48.

¹³ С теми батраками, которые нанимались сроком на 1 год, расчет производился в два срока: за шесть месяцев и по истечении всего срока. Если за этот период батрак по какой-либо причине (нужде) получал денег у бая больше, чем им было заработано, то он вынужден был проработать бесплатно еще несколько месяцев.

¹⁴ Накопив определенный опыт сельскохозяйственной работы, каролы нередко переходили в категорию чайриkerов.

ности, в Китабской волости)¹⁵. Навча нанимался только для комплексного ведения всех видов сельскохозяйственных работ (пахота, посев, уборка, молотьба, очистка оросительных каналов и др.) в хозяйствах крупных землевладельцев. Срок найма был 9 месяцев, т. е. с начала весенней пахоты (в марте) до окончания зяблевой пахоты (в ноябре). Однако крупные землевладельцы перед тем как произвести расчет, заставляли работать навча бесплатно еще один-два месяца, якобы за хлеб и соль хозяина (туз хаки).

Навча, как и чайрикеры, получали определенную долю с урожая, однако они во многом отличались от чайрикеров. Чайрикеры участвовали в сельскохозяйственной работе не только своим трудом, но и своим инвентарем, тягловой силой, выделял семена для посева. Навча же участвовал и только своим трудом, ибо он относился к наиболее бедной прослойке сельского населения.

С посевов технических культур и риса навча получал от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{6}$ урожая. Обработка почвы и выращивание этих культур считались наиболее трудоемкими и не каждый навча брался за такую тяжелую работу. Следует указать, что в конце XIX—начале XX в. навча нанимался сеять в основном зерновые — пшеницу, ячмень, а в некоторых местах и рис. Сеять только технические культуры (кунжут, хлопок и др.) было невыгодно, ибо для прокормления семьи прежде всего требовались зерновые. Поэтому в те хозяйства, где нужно было выращивать технические культуры, чайрикеры нанимались с условием, что на части обрабатываемой им земли будет посеян и хлеб. Например, навча брал для обработки 10 танапов поливных земель среднего плодородия; из них 3 танапа он засеивал пшеницей и получал $\frac{1}{8}$ долю урожая, 3 танапа — рисом и получал $\frac{1}{5}$ часть урожая, 3 танапа — кунжутом и получал $\frac{1}{6}$ часть урожая.

Из указанного видно, что при посеве трудоемких культур навча получал большую долю урожая. Однако по сравнению с долей хозяина-эксплуататора его доля была незначительной.

Доля навча зависела также от числа участников обработки определенного участка земли. Если, например, он при помощи двух помощников (чамани) обрабатывал 50 танапов богарной земли, то его доля составляла $\frac{1}{40}$, а при одном помощнике — $\frac{1}{30}$ часть урожая. Если бы это количество земли он обрабатывал сам, то получил бы $\frac{1}{20}$ часть урожая. Однако обрабатывать такое количество земли одному навча было не под силу. Случалось и так, что навча и двое чамани работали вместе с чайрикером (под руководством последнего, более опытного дехканина) и тогда получаемая доля урожая делилась между ними в следующем порядке. Предположим, что чайрикеры, навча и двум

¹⁵ Современный кишлак Средней Азии (Социально-экономический очерк), вып. III, Китабская волость, Ташкент, 1926, стр. 78, 83.

помощникам поручили обработать и посеять пшеницу на 40 танапах поливных земель, с условием получить $\frac{1}{4}$ долю урожая, за вычетом поземельного налога и семян. При средней урожайности 25 пудов с танапа снято было бы 1000 пудов зерна. $\frac{1}{10}$ часть этого урожая шла для уплаты поземельного налога, а 120 пудов (из расчета 3 пуда на 1 танап) удерживал хозяин за семена. Оставшиеся 780 пудов делились между землевладельцем и теми, кто трудился на его земле: $\frac{3}{4}$ или 585 пудов получал хозяин, а оставшуюся $\frac{1}{4}$ часть (или 195 пудов) урожая — чайрикер, навча и двое помощников. Причем, чайрикер, который участвовал со своим инвентарем или тягловой силой, получал около половины этого зерна, скажем 95 пудов, а навча — 60 и двое чамани — по 40 пудов.

Из приведенного примера видно, что землевладелец при участии сельскохозяйственных работников различных категорий старался обработать и посеять наибольшее количество земель и путем максимальной эксплуатации и интенсивности труда работников получить как можно больший доход. Ведь один чайрикер или один навча мог обработать лишь 8—10, от силы 12 танапов поливных земель. Следовательно, для обработки 40 танапов требовались четыре чайрикера со своим инвентарем, которым хозяин платил значительно больше (от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{5}$) доли урожая или четыре опытных навча без всякого инвентаря и тягловой силы, которые получали от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{8}$ урожая. Несомненно, труд навча был для землевладельца выгоднее, чем труд чайрикера, но более выгодно было ему нанимать чайрикера, навча и двух работников (чамани). Еще охотнее он нанимал одного опытного навча и трех подростков в качестве помощников (чамани). В таком случае оставшиеся, за вычетом поземельного налога и семян, 780 пудов зерна делились бы с расчетом уплаты не $\frac{1}{4}$ части урожая, как это делалось при участии чайрикера, а $\frac{1}{5}$ часть; $\frac{4}{5}$ урожая, или 650 пудов шли в пользу хозяина, а оставшиеся 156 пудов делились следующим образом: 51 пуд получал навча и по 35 пудов каждый чамани.

Из вышесказанного видно, что етим и карол, хотя и назывались по разному, в сущности представляли собой одну социальную категорию. Как карол, так и етим являлись сроковыми сельскохозяйственными работниками, нанимались на одинаковых условиях и выполняли одни и те же работы в крупных байских хозяйствах. К этим категориям работников был близок и навча. Однако он отличался от них тем, что имел определенный навык в ведении сельскохозяйственных работ и труд его применялся главным образом на полевых работах. Труд же карола и етима, как было сказано выше, применялся для выполнения различных работ, они пасли скот, были подсобными работниками при пахоте и молотье и т. д.

Чамани — сроковый работник, труд которого, как отмечалось выше, также применялся в крупных земледельческих хозяй-

ствах бассейна Зарафшана. Его нанимали в качестве работника, подсобника чайрикера или навчи. Подобно чайрикеру и навча он являлся соучастником в производстве земледельческой продукции, обрабатывая частновладельческие земли. Чамани получал на 10—15% меньше, чем чайрикер и навча. Например, если навча получал 1/19 часть урожая, его помощник чамани — 1/20.

В кипчакских земледельческих хозяйствах применялся также труд наемных работников других категорий: мардикоров, кошчи, оракчи, чинакчи и др. В основной массе эти работники были выходцами из среды кипчаков. Значительную часть их составляли члены или главы разорившихся в прошлом скотоводческих семей. Некоторая часть их являлась беднейшими жителями оседлых кипчакских селений, вовсе не имевших земли или владевших небольшими клочками пахотных участков, которые не могли прокормить их семьи.

В хозяйствах крупных кипчакских землевладельцев использовался также труд работников, приходивших из других родо-племенных групп или из селений оседлых узбеков, но они составляли сравнительно небольшую долю; значительную часть сезонных работников составляли таджики Уратюбе, Пянджикента и Нуратинских гор. Они нанимались главным образом жнецами и сборщиками хлопка (чинакчи).

Мардикор (поденный работник) нанимался на различные виды домашних и полевых работ сроком на один день и более. Его труд оплачивался деньгами. В отдельных случаях, особенно в голодные годы, мардикоры работали и за натуральную плату.

Кошчи (пахарь) нанимался во время пахоты из среды беднейших, но знающих технику земледелия дехкан. Оплата производилась как натурой, так и деньгами (согласно желанию пахаря). Нередко земледелец выделял пахарю небольшой участок земли и семена. Пахарь с помощью хозяйского вола вспахивал и засеивал эту землю (посра), урожай брал себе в виде оплаты за свой труд. Землевладелец прибегал к такому методу оплаты труда (в виде посра), чтобы привлечь опытных работников и получить гарантию, что они и на следующий сезон будут работать у него.

Оракчи (жнецы) нанимались в период жатвы зерновых, реже — технических культур (лен, кунжут). Они получали натуральную оплату с каждого убранныго ими вида сельскохозяйственной культуры согласно установленным традицией правилам: жнец получал такое количество зерна, какое затрачено землевладельцем для засева той площади земли, с которой жнецом убран урожай. Так, если для посева на 1 танап земли расходовалось в среднем два пуда зерновых (ячмень, пшеница), то жнец, убирая урожай пшеницы с одного танапа земельной площади, мог получить два пуда зерна.

Чинакчи (сборщик хлопка) занимался на период уборки хлопка. За свой труд он получал 1/10 часть собранного им урожая. Хороший чинакчи в день собирал 100 кг хлопка, из них 10 кг он получал за свой труд. Владельцам хлопковых плантаций не всегда было выгодно производить оплату натурой. Поэтому хозяин оставлял у себя принадлежавшую чинакчи долю хлопка, а им давал деньги, оценивая пуд хлопка по средним базарным ценам.

Кошчи и мардикорам, подобно етимам и навча полагалось получать от хозяина ежедневно питание; но как уже указывалось выше, продукты выделялись низкого качества и в небольшом количестве.

Крупные баи кипчакских селений стремились извлечь выгоду из различных традиционных видов общественных работ, например, таких, как хашар и тегиш.

Хашар, как общественная помощь, был широко распространен в дореволюционном Узбекистане. У оседлого населения в хашаре участвовали родственники, соседи и близкие товарищи как из данного селения, так и из соседних. У кипчаков в хашаре принимали участие главным образом близкие родственники, т. е. они объединялись в хашар по признаку родства, в чем нельзя не видеть пережитка родовых отношений.

Путем хашара выполнялись такие трудоемкие работы, как рытье и очистка оросительных и головных каналов, окучка хлопчатника, уборка урожая, кладка стен строящейся усадьбы или дома из глиняных комков (гувала), покрытие дома крышей, штукатурка его стен и др. Крупные кипчакские баи при выполнении в их хозяйстве указанных видов работ прибегали к безвозмездной помощи своих сородичей. Сами же они никогда не участвовали в хашаре, считая это унижением для себя занятием.

Маломощные дехкане из оседлых кипчаков бассейна Зарафшана по 6—8 человек объединялись в своеобразную артель (тегиш) для уборки зерновых, главным образом, ячменя и пшеницы. Тегиш во многом был сходен с хашаром. Но если хашар организовывался от случая к случаю, то тегиш осуществлялся во все дни уборки, все участники его работали ежедневно и вкладывали равную долю труда; в хашаре, как было указано выше, участвовали главным образом родственники, а в тегиш родственные отношения не играли никакой роли, основным условием объединения в тегиш было трудовое участие.

Объединение тегиш имело сезонный характер: оно проводилось только в период уборки урожая, а с окончанием ее распускалось. В последующем году дехкане снова объединялись в тегиш, но не обязательно в прежнем составе.

Каждая группа тегиша (таких групп в селении могло быть несколько) имела своего старосту (тегиш аксакали), который регулировал очередность работы, решая у кого из членов артели работать в те или другие дни. Таким путем убирали урожай с

полей всех участников тегиша. Помимо этого, членам артели приходилось работать без оплаты один или два дня на полях крупных баев и аксакала данного селения, а также на вакуфных землях (если таковые имелись в селении).

Дехкане и рядовые скотоводы, подвергавшиеся тяжелым формам эксплуатации, как уже говорилось, были обременены также многочисленными налогами и сборами. Феодалный гнет и насилие вызывали в среде народа глубокое возмущение существовавшими порядками.

Трудящиеся кипчаки неоднократно поднимали восстания против своих угнетателей, способствовавшие расшатыванию феодальных устоев и повышению классового самосознания трудового дехканства и рядовых скотоводов. Однако лишь победа Великой Октябрьской социалистической революции навсегда уничтожила многовековое угнетение трудящихся узбеков и других народов Средней Азии.

НЕКОТОРЫЕ ПЕРЕЖИТКИ РОДО-ПЛЕМЕННОГО БЫТА

Кипчаков Зарафшана и Ферганской долины принято рассматривать как этнографические группы узбеков, генетически связанные с их племенными группировками. Кипчаки, вошедшие в состав башкир, казахов, каракалпаков, киргизов и других народов, считаются племенами (в их поздней, вторичной форме). Все эти племенные группы с общим этнонимом «кипчак». этнически крайне смешанные, восходят своим происхождением к племенам, которые в давние времена являлись частями племенного союза (или нескольких политических племенных объединений) кипчаков, расселившихся на протяжении веков в разных местах и вошедших впоследствии в состав различных, но родственных по языку народов.

Родо-племенная структура кипчаков в прошлом была многоступенной: племя (бош урув, болек), род (урув), родовые подразделения (топе), мелкие родовые подразделения (коше, авлод). Все эти подразделения являлись пережиточными в социальной структуре патриархально-феодального общества кипчаков, глубокая классовая дифференциация которого была показана выше.

Наши историко-этнографические исследования показали, что зарафшанская и ферганская группы кипчаков состояли из нескольких родовых объединений — «бош урув», «болек» — термины, которые мы условно переводим как «племя»¹⁶. Например, кипчаки Зарафшана (об этом уже говорилось выше) подразделялись на следующие болеку: тогуз или тогуз-урув, джеты-урув, парча-кипчак, ак-кипчак, кара-кипчак и сарт-кипчак. У Ферганской группы

¹⁶ Как уже отмечалось выше, в эпоху феодализма поздние «вторичные» племена по своей социальной сущности коренным образом отличались от племен первобытности.

кипчаков структура родо-племенных делений, видимо, была нарушена еще в 50—60-х годах XIX в. Однако при тщательном анализе сохранившихся вплоть до начала XX в. родовых делений можно выделить следующие крупные роды (или племена) ферганских кипчаков: кулан, улмас, элатан, жеты-кашка, торы-айгыр, яшик.

Столь длительное сохранение пережитков древних форм социального строя в жизни кипчаков, так же, как и других родо-племенных групп узбеков, было связано с низким уровнем производительных сил в феодальную эпоху, отсталым характером кочевого и полукочевого скотоводческого хозяйства, застойностью техники земледелия и преобладанием в течение многих веков натурального хозяйства в общинах; это способствовало сохранению отсталых форм общественной жизни, родовых обычаев, консервативных воззрений.

Характерной особенностью патриархально-феодальных отношений являлось сочетание «феодальной сущности, феодального экономического содержания с патриархальными формами общественно-отношений, сохранением в них родовых пережитков»¹⁷.

Смысл и содержание родовых институтов XIX — начала XX в. коренным образом отличались от соответствующих институтов доклассового общества. Общинные традиции разнообразно сочетались с господствующими феодальными и зарождающимися капиталистическими отношениями и использовались в эксплуататорских целях ханами, феодально-родовой знатью, богачами-баями.

В этих условиях пережитки родо-племенного быта трансформировались и существовали иногда в измененном виде. Племенные группы не имели устойчивого характера, они представляли собой лишь традиции былой племенной организации.

Некоторые группы узбекских родов с течением времени постепенно утрачивали принадлежность к своей родовой и племенной принадлежности, полностью ассимилировались с оседлой частью узбеков. Однако у отдельных групп, в частности у полукочевых кипчаков, патриархально-родовые пережитки глубже укоренились в психологии. Эти группы вплоть до начала XX в. четко сохраняли былое сознание принадлежности к определенному роду и племени.

Остатки родовых предрассудков были наряду с зажиточной и влиятельной прослойкой племенных групп, которая в основном и являлась хранительницей родо-племенных традиций, архаичных обычаев, генеалогий племен и родов. Такая консервация племенных связей облегчала им эксплуатацию неимущих сородичей.

Как было сказано выше, племенные группы кипчаков играли заметную роль в социально-экономической и политической жизни Бухарского и Кокандского ханств в первой четверти и середине

¹⁷ Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана. (См. Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, 1955, стр. 41).

XIX в. Они занимали определенную территорию, в пределах которой располагали хозяйственными угодьями. Они участвовали в крупных восстаниях, направленных против ханов и злоупотреблений ханской администрации. В распоряжении кипчакского племени в долине Зарафшана имелись и крепости, являвшиеся центром защиты от враждебных соседей, а также от карательных отрядов, ханских войск во время частых мятежей¹⁸.

Однако у кипчаков, как и у других узбекских племен, в XIX—начале XX в. отсутствовало территориальное и племенное единство, давно утрачены были и кровно-родственные связи между локальными группами. Оба эти принципа объединения племени были нарушены еще задолго до указанного периода.

В XIX — начале XX в. лишь в памяти пожилых людей, принадлежавших к разным племенным группам кипчаков, сохранялось воспоминание о былом их родстве, а иногда поддерживались связи и сношения с единоплеменниками, жившими в разных местах и даже в некоторых случаях вошедшими в состав других народов. Например, ферганская группа кипчаков помнила о своем прежнем родстве с кипчаками, жившими в средней части долины Зарафшана, в Хорезме, а также с кипчаками, вошедшими в состав каракалпаков, казахов, киргизов и башкир. Иногда они гостили друг у друга, в редких случаях выдавали своих девушек замуж за кипчаков, живших в других местностях. Однако такие связи были весьма слабыми и лишь напоминали о былом их единстве и древнем родстве.

Следует отметить, однако, что отдельные родо-племенные группы имели общую территорию расселения (зимние и летние кочевья) и, когда это было необходимо, вся такая группа совместно выступала в защиту своих кочевий, участвовала в общественных хозяйственных мероприятиях, а также в свадебных и других обрядах. Это свидетельствует о том, что у каждой группы кипчаков, компактно расселившейся в одном месте, имелись свои, хотя и узкие, но общие для всех членов данной родо-племенной группы социально-экономические и политические интересы, выходившие за рамки близкородственных членов аульных общин.

При переселениях, в ходе политических событий и хозяйственной деятельности разные родо-племенные группы нередко сливались (обычно немногочисленная слабая группа вливалась в сильную, более крупную на правах отдельного рода или мелкого родового подразделения). Поэтому в большинстве родо-племенных группировок кипчаков встречались представители других, часто разных по происхождению племен и родов. Например, в состав кипчаков долины Зарафшана вошли частицы племен найман, туякы, ногай и др. Эти факты говорят о том, что кипчаки, подобно

¹⁸ П. П. Иванов. Восстание ктай-кипчаков в Бухарском ханстве, 1821—1825 гг., стр. 23.

многим другим узбекским племенам, не составляли этнически единого целого, а являлись конгломератом частиц различных по происхождению узбекских племен и родов, объединившихся под общим племенным названием «кипчак». В связи с этим не может быть и речи о фактическом кровном родстве членов племени, на протяжении веков включившего в свой состав осколки многих других, не связанных с ними кровными узами родовых и племенных групп. Сохранялось лишь по древней традиции мнимое представление о родстве всех кипчаков.

Помимо пережитков родо-племенного деления сохранялись и другие реликты древних социальных институтов.

У кипчаков долины Зарафшана вплоть до середины XIX в. (хотя и в слабовыраженной форме) прослеживались пережитки органов самоуправления племен — сбор (йигин) или совет (маслахат). На совете выбирали предводителей болека и разбирали внутриплеменные споры. В совете участвовали главы родов, родовая знать (баи) и другие влиятельные представители племен и родов (аксакалы). С середины XIX в. эти традиционные сборы уже потеряли свое былое значение и перестали бытовать.

Болек у кипчаков управлялся старшиной, называвшимся беком или бием. Отдельные предводители ктай-кипчаков в XVIII в. носили титул аталыка. В частности, этот титул носили Фархад-бий (в начале XVIII в.)¹⁹ и его сын Ходжан-бий (в середине XVIII в.)²⁰. С середины XIX в., когда кипчаки и многие другие племена начали терять свое племенное самоуправление и под нажимом бухарских ханов, стремившихся к централизации власти, стали переходить к территориально-административному делению, указанные выше звания и титулы постепенно утрачивали свое былое значение. Но звание «бий» у кипчаков Зарафшана сохранялось вплоть до конца XIX в., хотя носителями этого звания становились уже не главы племен, а главы отдельных подразделений племен и родов. Выборность беков и биев постепенно заменялась правом наследования этих должностей и званий²¹. Под влиянием установленной царизмом системы административного управления Туркестанским краем, внутреннее самоуправление утрачивало прежнее значение и меняло форму.

Как было указано выше, кипчакские болеку делились на урув (роды) и топе (родовые подразделения).

Под родом (первобытного общества) понимается группа людей, объединенных сознанием общего родства, ведущих свое происхождение от одного реального предка. Все члены древнего рода были связаны между собой кровными узами. Такая форма рода присуща только доклассовому обществу; в период классового общества

¹⁹ Убайдулла-намэ. Перевод с таджикского, с примечаниями А. А. Семёнова, Ташкент, 1957, стр. 150—152.

²⁰ П. П. Иванов. Восстание ктай-кипчаков 1821—1825 гг., стр. 24.

²¹ Там же.

содержание понятия «род» в корне изменилось. Род сохранился и дошел до XIX — начала XX в. в глубоко пережиточном состоянии.

У полукочевых кипчаков, как и других родо-племенных групп узбеков, родственными по традиции считались обычно потомки одного реального предка до семи поколений. Каждый узбек обязан был знать имена своих дедов-предков до семи поколений, а в отдельных случаях знал до 10—11-го поколений. Родоначальника кипчаки называли «катта-ота» или «орка-ота», а отца — «ота» или «уз-отам» (называет говорящий). Все члены таких родов считали себя потомками одного предка (бир овлод) и относили себя к одному роду (бир уруғ).

Во второй половине XIX и начале XX в. уже в значительной степени нарушились традиции территориальной общности и представления о «единстве» узбекских родов. Это было вызвано как внутренними, так и внешними причинами. Внутренней причиной распада явились прежде всего классовое расслоение, стремление глав богатых семей к захвату большей и лучшей части общинных пастбищ; как уже отмечалось, они стали владельцами крупных земельных угодий в оазисах за счет обнищания своих сородичей. Другой, не менее важной, причиной раздробления была постоянная борьба между влиятельными членами рода за главенство.

Социально-экономические противоречия и внутренние междоусобия приводили в конечном счете к распаду рода на отдельные мелкие, во многих случаях самостоятельные группы. Но даже в условиях глубоко классовой дифференциации внутри родовых групп существовала и другая тенденция — тенденция сохранения целостности, единства рода. Для богатой феодально-родовой знати — биев, баев и других — сильный, сплоченный род был удобен, ему было по силам захватить обширные удобные пастбища и защитить свои собственные от посягательства других родов, кроме того, в большом роду расширялись возможности эксплуатации бедных сородичей. В борьбе этих двух тенденций победителем в конечном счете вышла первая, т. е. происходило раздробление рода на мелкие группы.

При распаде по внутренним причинам род мог оставаться на прежних местах расселения, в составе того же племени, в которое он входил. Но каждая выделившаяся группа могла иметь при этом свои кочевья, пастбища и места зимовок, а также отдельного старшину. Таким образом, обособившиеся группы получали возможность образовать самостоятельные подразделения. Выделившаяся группа могла также присоединиться к другим соседним родам и даже к другим племенам, где она в таких случаях обычно составляла отдельное топе (в составе рода) или род (в составе племени).

Войны и межплеменные раздоры, способствовавшие расколу рода, были постоянным явлением до присоединения Средней Азии к России. В тех и в других случаях побежденное племя, следовательно и составлявшие его роды, переселялись целиком или ча-

стями в различные места или же оставались на прежнем месте, отдаваясь на милость победителя. При этом они могли входить в различные политические союзы целиком или по частям, небольшими группами. Можно привести ряд примеров, показывающих вхождение в разные исторические периоды групп с одними и теми же родовыми названиями в состав других племен и народностей. Так, род джети-кашка входил не только в состав киргизов, но и кипчаков Ферганской долины; род кулан имелся в составе кипчаков, казахов и киргизов; род таз — в составе кипчаков, башкир, казахов, киргизов и каракалпаков; кармыш—кипчаков, киргизов, казахов, узбекского племени локай, башкир. Эти примеры свидетельствуют о раздробленности, территориальной разобщенности, неустойчивости родов в изучаемый нами период.

Во всех вышеуказанных случаях отделившиеся родовые группы обычно сохраняли свои старые родовые названия, но часть их, особенно образованные позже, приобретали новые родовые имена, которые могли быть именами действительных или мнимых родоначальников, наименованиями отдельных географических местностей. Немало родовых имен были прозвищами, данными роду другими этническими группами и народностями.

Как отмечалось выше, у кипчаков, хотя и в слабой степени, бытовали пережитки родовой солидарности, главным образом у тех, которые были расселены компактно. Она проявлялась в совместной охране родовых пастбищ, в совместных выступлениях против обидчиков; бытовала родовая взаимопомощь и при организации свадебных торжеств и т. д.

Родовая солидарность широко использовалась богатыми сородичами в своих классовых интересах. Во главе рода, как и племени, стояли старшины (бек или бий и аксакал)²². Они выбирались на маслахате, в котором участвовали все взрослые мужчины. Кандидаты в родовые старшины выдвигались во многих случаях по предложению родовой знати. У полуоседлой части кипчаков долины Зарафшана, как и у ряда других родо-племенных групп узбеков этой долины, принцип выборности бытовал вплоть до 80-х годов XIX в.²³ У тех же групп кипчаков Самаркандской области, которые вели оседлый образ жизни и занимались земледелием, звание бия передавалось по наследству²⁴. Бий у оседлых кипчаков распоряжался пастбищами, был организатором оросительных работ, и,

²² Следует отметить, что у каракалпакских кипчаков в 70-х годах XIX в. бий управлял родом. У них насчитывалось 13 родовых старшин (см. Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков, М., 1967, стр. 303, 307). Родовых подразделений также было 13 (см. Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, табл. 6). Следовательно, каждый бий стоял во главе одного из родовых подразделений. После присоединения правобережной части Хивинского ханства к России, система управления в ней изменилась.

²³ Т. В., 1884, № 13.

²⁴ П. П. Ивачов. Восстание ктай-кипчаков 1821—1825 гг., стр. 24.

таким образом, держал сородичей в экономической зависимости. Родовые старшины у оседлых кипчаков обычно назывались аксакалами.

Роль родовых старшин в управлении родом была весьма ограниченной. Без ведома племенных старшин (если род находился в составе племени), а также родовой знати они не могли предпринимать никаких самостоятельных действий, носящих политический и экономический характер. Их роль сводилась к тому, что они руководили свадебными торжествами, похоронными обрядами и организовывали общественные работы (хашар и др.) в пределах рода. При проведении указанных мероприятий старшины держали совет (маслахат) со старейшими и наиболее авторитетными лицами рода.

Бытование совета старейшин (маслахат), общего собрания членов (йигин) рода, а также выборы на этих собраниях родовых старшин — биев и аксакалов, хотя и в глубоко пережиточной форме, напоминают некоторые черты доклассового рода, отмеченные Ф. Энгельсом²⁵

Но в условиях глубокого социального неравенства эти древние черты демократизма были лишь внешней традиционной формой общественного быта. В действительности родовой группой управляли полновластно представители ее эксплуататорской верхушки.

Как было указано выше (см. тл. II), роды кипчаков делились в прошлом на ряд родовых подразделений. В одном крупном роде обычно имелись два родовых подразделения и более, в генеалогиях они связывались единством происхождения от одного предка и назывались его именем или прозвищем. Возможно, что наиболее далекие предки таких подразделений были мифическими. Например, кипчакский род жомононг имел более десяти родовых подразделений. Из них на территории Кургантепинского района Андижанской области жили три рода: кулвой, бешкалтук, туры-айгыр. Последний этноним являлся именем одного из древних кипчакских родов и свое название, возможно, получил от тотемного животного (гнедой конь).

Имя подразделения «бешкалтук» (пять палок), несомненно, произошло от прозвища. А родовое подразделение кулвой вело свое происхождение от реального, сравнительно недавнего предка по имени Кулвой.

Подразделение рода, подобного кулвой, состоящее из некоторого числа больших и малых семей, связанных общим происхождением от одного реального предка, видимо, соответствовало патронимии, впервые открытой у кавказских народов М. О. Косвен²⁶. По мнению этого исследователя, патронимия, как историческая общественная форма, является во многих отношениях «наследницей» рода, разлагающегося в классовом обществе. Но не исключена возможность, что более отдаленные предки и в родовой

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 87—100.

²⁶ М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа, М., 1961, стр. 26, 32.

генеалогии Кулвоя являются нереальными. Лишь наиболее мелкие родовые подразделения, представлявшие собой семейно-родственные группы²⁷, реально включали живых потомков одного лица²⁸. Такие группы состояли из нескольких больших и малых семей, экономически самостоятельных. Эти семьи были связаны между собой кровными узами, вели происхождение от жившего за несколько поколений до них деда, прадеда, прапрадеда²⁹.

Несмотря на неустойчивость (раздробленность, разбросанность и ослабление родовой солидарности) родов, общинные традиции у кипчаков-кочевников продолжали бытовать вплоть до начала XX в. Каждый род имел определенное место кочевья. На летних кочевьях члены данного рода устанавливали свои юрты недалеко друг от друга небольшими группами, т. е. аулом. Все семьи, входившие в данный род, пользовались общим пастбищем. Общинными считались также колодцы, родники³⁰, находившиеся на территории родовых пастбищ. В кочевых аулах продолжали бытовать пережитки общинно-родового распределения некоторых видов продукции, в частности, мяса³¹. Однако в изучаемый период даже в условиях кочевого хозяйства община уже не была родовой. Первобытная, или родовая община, как известно, была наиболее ранней формой объединения кочевников. Экономическим базисом такой общины являлась общинно-родовая собственность на пастбища, кочевья и скот. Различные виды продукции скотоводства также составляли общую собственность родовой общины или ее подразделений и подлежали распределению между сородичами³².

Свидетельством былой родовой общинной собственности на скот у кипчаков и других родо-племенных объединений узбеков являлась тамга—знак таврения скота. В прошлом тамги служили родовыми знаками собственности на скот. Это подтверждает тот факт, что ряд кипчакских родов и родовых подразделений именовался по тамгам: айтамгалы, куштамгалы, сыгалы, камчи́лы, чумучлы, уштамгалы, балтала, канжигалы и др.

Наличие родовых кочевий, пережитки общинного пользования пастбищами (даже при наличии классового неравенства членов общин), обычай временного (сезонного) объединения скота во время пастбы на родовых пастбищах, наличие кровного родства в отдельных родовых подразделениях и семейно-родственных группах и другие пережитки, о которых было сказано выше, также свиде-

²⁷ С. М. Абрамзон. *Формы родоплеменной организации*, стр. 153.

²⁸ Там же.

²⁹ Полевая запись, V, 1961.

³⁰ Здесь мы имеем в виду лишь находившиеся на общеродовых пастбищах родники, отдельные участки горных ручьев и др. Кроме общеродовых, имелись еще и частные колодцы и места водопоя, находившиеся в руках богатых сородичей.

³¹ Обычай распределения мяса бытовал у кипчаков еще в XII—XIII вв., См. Тизенгаузен, т. I, стр. 231.

³² Л. П. Потапов. О сущности патриархально-феодальных отношений, стр. 22.

тельствуют о существовании родовой общины у предков кипчаков в далеком прошлом, как и у всех народов, прошедших стадию первобытно-общинного строя.

Но родовая община не могла долго сохранять свой первобытный облик в условиях классового общества. С ростом производительных сил, возникновением и укреплением частной собственности на скот она утрачивала первоначальное значение. Внешне родовая форма общин сохранялась долго. Однако экономическая сущность поздней общины стала иной. Характерной особенностью этого нового типа общины был «дуализм общинной и частной собственности на средства производства, что коренным образом отличало ее от подлинно родовой»³³.

Л. П. Потапов указывает еще на ряд других различий древней и поздней общин³⁴. Если в древних родовых общинах работа велась сообща, а общий продукт подлежал распределению, то в новой, как называл ее Л. П. Потапов применительно к кочевым и полукочевым народам Средней Азии, аульной общине, напротив, продукт производства был и в индивидуальном пользовании. В древности общий дом и коллективное жилище являлись материальной основой быта родовых общин. В аульной же общине господствовало индивидуальное кочевое жилище, состоявшее в частной собственности отдельных семей. Аульная община вначале представляла собой объединение кочевников, а позже — полукочевников, частных собственников скота и пахотных земель, ведущих самостоятельное хозяйство, но связанных совместным общинным пользованием кочевьями и пастбищами. Именно такой тип аульной общины был и у кипчаков дореволюционного Узбекистана.

Все указанные выше признаки аульной общины в классовом обществе в общих чертах характеризуют социальный облик сельской общины земледельческих народов, которую К. Маркс считал «переходной фазой» от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности³⁵. Сельская община имела ряд существенных особенностей, отличающих ее от древней родовой общины, о которой писали К. Маркс и Ф. Энгельс³⁶.

Помимо пережитков родо-племенного деления и следов патриархально-родовых отношений в социальном строе, пережитки традиций общинно-родового строя проявились у кипчаков во многих обычаях общественной жизни и семейно-бытового уклада, в свадебных церемониях, церемониях, связанных с традиционным мусульманским обрядом обрезания (суннат-туй или ўгил-туй); в не-

³³ Л. П. Потапов. Указ. соч., стр. 26.

³⁴ Там же.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 419.

³⁶ Там же, стр. 185—230, 327—345.

которых формах брака, в специфическом делении на возрастные группы, в обычае организации традиционных мужских компаний и угощений, устраиваемых этими компаниями и др.

СЕМЬЯ И БРАК

Данные литературных источников, а также наши полевые этнографические материалы свидетельствуют о том, что в конце XIX—начале XX в. основной формой семьи у кипчаков Ферганы и Зарафшана была индивидуальная малая семья, состоявшая из мужа, жены и детей

Анализ итогов экономических исследований 1893/94 г. свидетельствует о том, что в Ишимаксакской волости Самаркандской области на один двор приходилось в среднем 3 человека, а в Челекской — 3,2³⁷. По данным же 1917 г., в указанной Ишимаксакской волости на одну семью приходилось 4, 6, а в Челекской — 4,9 человек³⁸. Жителей двух указанных волостей Самаркандской области составляют в основном (более 90%) кипчаки³⁹. Материалы 1917 г. показывают, что в кипчакских селениях Ферганской долины на одно хозяйство приходилось 3—4 человека, и лишь в отдельных селениях — до 6 человек.

На основании этих данных можно полагать, что семьи, состоявшие из 3—4 человек, являлись преимущественно индивидуальными малыми семьями и в них входили муж, жена и их дети. Не исключено также, что в некоторые из этих семей, кроме семейной пары, были включены и родители — отец, мать или один из них, т. е. это могли быть неразделенные семьи.

Однако наряду с индивидуальной малой семьей у кипчаков вплоть до начала XX в. бытовали пережитки большой патриархальной семьи, состоявшей из отца, матери, сыновей и их детей. В большую семью могли входить и семьи брата (или братьев) отца, его (или их) жены и дети. В таких больших семьях насчитывалось от 10—15 до 50—60 человек. Например, в начале XX в. в семью Аймата из кипчакского рода жамононг (Ферганская долина) входили, кроме него и его жены, семьи его сыновей Акбарака и Имара. Первый имел пять сыновей, а второй четыре. Все они были женаты и каждый имел детей. У одного лишь третьего сына Акбарака—Аюсупа имелось 13 детей. Трое старших сыновей были женаты и также имели детей. Всего в этой семье в начале XX в. насчитывалось 60 человек.

³⁷ Справочная книжка Самаркандской области, вып. IV, Самарканд, 1896, стр. 81, 116—118.

³⁸ Материалы Всероссийских сельскохозяйственных переписей 1917—1920 гг., вып. I. Поволостные итоги Самаркандской области, Ташкент, 1924, табл. I.

³⁹ Материалы Всероссийской переписи 1920 г., Перепись населения в Туркестанской республике, вып. IV, Сельское население Ферганской области по материалам переписи 1917 г., Ташкент, 1924, табл. I.

Наш осведомитель Бегимов Алавулдин из кипчакского рода кугай селения Куюмазар (Ферганская долина) рассказывал, что еще в 1910—1915 гг. одной семьей жили его дед, бабушка и двое их сыновей: Эшим и Бегим (последний — отец нашего осведомителя). Первый имел восемь детей, причем двое из сыновей были женаты и имели детей, а второй — шесть, старший из которых был женат и также имел детей. Большая семья деда нашего осведомителя состояла из 30 человек.

Житель кипчакского селения Киндикли (Пайарыкский район, Самаркандская область) Кобилбай имел двух жен и семь сыновей: Эсон, Эрхон, Ахмат, Темир, Хушвакт, Бурхон и Бегмат. В начале XX в. все его сыновья были женаты, имели детей и жили одним семейным двором, вели общее хозяйство.

Большая патриархальная семья у кипчаков, как видно из приведенных примеров, включала в себя от двух до четырех поколений. Нередко в состав большой семьи входили посторонние люди, введенные путем усыновления. Главой большой семьи являлся прадед, дед, отец или кто-либо другой из авторитетных членов данной семьи. Он считался главным распорядителем семейного бюджета, руководил хозяйством и внутренней жизнью семьи.

Все члены патриархальной семьи жили на одном дворе-усадыбе. У кипчаков предгорных районов Ферганской долины женатые сыновья вместе со своими женами жили в отдельных юртах. Юрты устанавливались в одном семейном дворе, в один ряд или полукругом, причем юрта старшего в семье (прадеда, деда, отца) находилась в центре. Во дворе усадьбы больших патриархальных семей в конце XIX—начале XX в. насчитывалось от 3—4 до 6—8, изредка и до 10 юрт. В каждой юрте жила одна малая семья. В период летних кочевек юрты женатых мужчин большой семьи устанавливались в одном определенном месте, составляя «оила» (семью), а несколько родственных семей составляли аул. У тех кипчаков, которые жили оседло, женатые мужчины занимали отдельные глинобитные комнаты (уй). В одном общем дворе большой семьи можно было наблюдать несколько отдельных помещений (комнат), построенных в один ряд или вокруг двора.

Экономической основой большой семьи являлись земельные угодья и скот, которые были общим достоянием семьи. При этом кипчаки старались не допускать их разделения путем передела. Даже в тех случаях, когда умирал один из женатых сыновей, его вдова с детьми не имела права отделиться от большой семьи. По обычаю левират ее выдавали замуж за одного из братьев умершего.

С присоединением Средней Азии к России, по мере проникновения капиталистических отношений, со второй половины XIX—начала XX в. все больше углубляется процесс распада больших патриархальных семей. С распадом патриархальной семьи и выделением из нее малой семьи сложилась как бы промежуточная форма семьи, которую О. А. Сухарева и М. А. Бикжанова называли «не-

разделенной» семьей⁴⁰, состоящей из двух женатых поколений (отца и сына) и их малолетних детей. Опросным путем нами установлено, что еще в 20-е годы нынешнего столетия таких семей в кипчакских селениях было довольно много. Обследование показало, что из 27 семей кипчакского селения Ак-челак — 15 семей, из 35 семей Жувозхоны — 8 семей, из 23 семей Ялоктева — 11 семей, из 60 семей селения Эмалаж — 32 семьи и из 35 семей селения Рахим 13 семей были неразделенными.

Процесс распада большой патриархальной семьи завершился лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В семейном коллективе происходили различные виды торжеств, многие из которых были связаны с рождением и воспитанием детей. Основными из них являлись «бешик-тўйи» — торжество, связанное с укладыванием новорожденного в колыбель; «соч-тўйи» — трапеза по случаю первой стрижки волос ребенка; «ўғил-тўйи»⁴¹ — торжество, связанное с обрезанием, и «йигит оши» — торжественная трапеза по достижении совершеннолетия и др.

В данной работе не представилась возможность описать и проанализировать указанные выше виды семейных торжеств, а также обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей у кипчаков. Они могут быть предметом специального исследования.

Пока же мы ограничимся описанием цикла обычаев и обрядов, связанных со свадьбой.

Брак у узбеков, в том числе и у кипчаков, был эндогамным, т. е. заключался внутри рода. Девушку старались не выдавать за пределы своего рода. Этот обычай, видимо, обуславливался соображениями экономического порядка.

При выходе замуж девушка получала долю имущества отца в виде приданого (сеп). Причем в состоятельных семьях в приданое входили многочисленные одеяла, тюфяки, подушки, ковры, различного рода украшения, а наиболее богатые семьи давали дочери юрту со всеми принадлежностями, выделяли некоторое количество скота (корову, овец). Кроме того, после смерти отца девушка по шариату получала в наследство определенную долю отцовского имущества.

Переход девушки в другой род имел следствием переход части имущества в другой род. Стремление сохранить родовое имущество, вероятно, породило обычай не выдавать замуж девушек

⁴⁰ О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран, стр. 174, 175.

⁴¹ «Ўғил тўйи» или сунат той узбекского сельского населения низовьев Амударьи и связанные с ним обычаи и обряды подробно описал Г. П. Снесарев (См. Г. П. Снесарев, К вопросу о происхождении празднеств сунат-той в его среднеазиатском варианте. «Занятия и быт народов Средней Азии». Среднеазиатский сборник, вып. III, Л., 1971, стр. 256—273).

за пределы своего рода, хотя это, по правилам родового строя, было нарушением основного закона родовой экзогамии⁴².

Мы не располагаем конкретными данными о существовании пережитков экзогамии в быту кипчаков. Однако эти пережитки наиболее устойчиво сохранялись вплоть до начала XX в. у казахов, киргизов и каракалпаков⁴³, среди которых, как мы уже отмечали, имелись значительные группы кипчаков. Если у казахов и киргизов экзогамия распространялась лишь на определенное число поколений кровных родственников, то у каракалпаков брачные запреты касались всех членов рода, независимо от числа поколений и места нахождения аула. Нарушение закона экзогамии считалось прежде у каракалпаков «тяжелым преступлением и позором и влекло за собой не только осуждение, но и суровую кару»⁴⁴. Экзогамия до сих пор сохранялась у кипчаков, входивших в состав каракалпакского народа. Этот факт, возможно, свидетельствует, о том, что и у кипчаков, вошедших в состав узбекского народа, в недалеком прошлом запрещались внутриродовые браки. Однако впоследствии, по мере слияния кипчаков с оседлыми узбеками, пережитки экзогамии постепенно изживались и распространялся обычай эндогамных браков.

Бай, ростовщики и зажиточные члены рода брали по несколько жен, не только из среды своего рода, но и из неродственных семей и родов, в том числе из среды оседлого узбекского и неузбекского населения⁴⁵.

Нередки были случаи, когда кипчаки выдавали своих дочерей за знатных лиц из неродственных родов и племен за большую плату (калым). Бедняки, попавшие в долговую кабалу и в зависимость от своих богатых сородичей, вынуждены были отдавать своих дочерей в распоряжение должника. Последний либо сам женился на девушке, либо продавал ее за большой выкуп.

Кросс-кузенный брак, сорорат и левират пережиточно бытовали у узбеков-кипчаков вплоть до начала XX века.

Самым распространенным и наиболее желательным считался брак между детьми двух братьев или двух сестер. Не менее распространенным являлся брак между сыном сестры и дочерью брата или дочерью сестры и сыном брата. Таким образом, у кипчаков наряду с параллельно-кузенным браком бытовал, а в некоторой степени бытует и теперь, брак индивидуального кросс-кузенного типа. Как пережиток первоначального группового брака, он напоминает дуальную брачно-классовую организацию экзогамных родов⁴⁶, существовавшую у первобытных племен.

⁴² Н. А. Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, Л., 1969, стр. 53—56, 62—64.

⁴³ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 70. Она же. Каракалпаки Хорезмского оазиса, ТХАЭЭ, т. 1, стр. 514.

⁴⁴ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 71.

⁴⁵ А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 71—108.

⁴⁶ К. Л. Задыхина. Узбеки дельты Аму-Дарьи, ТХАЭЭ, т. 1, стр. 399.

Левират и сорорат, являвшиеся также пережитком группового брака, были широко распространены в дореволюционном быту узбеков и других народов Средней Азии⁴⁷. Длительное сохранение обычаев женитьбы на жене умершего брата (левират) и на сестре умершей жены (сорорат), видимо, также было связано с экономическими соображениями.

В феодальном обществе, особенно в его поздний период, эти древние традиции и обычаи (левират и сорорат) использовались в интересах наживы и обогащения отдельных неразделенных семей и родов. В этих случаях родовая знать нередко выступала в роли «оберегателя» родовых традиций и обычаев.

Путем женитьбы на жене умершего брата стремились уберечь от раздела имущество большой патриархальной семьи. Поскольку жена и дети умершего имели право на наследство, в случае ухода из данной семьи они забирали бы положенную им долю имущества и скота. Тем самым семье и общине был бы нанесен материальный ущерб.

При левирате дети покойного считались детьми его брата и, следовательно, последние лишались права на наследство отца и имущество сохранялось в рамках данной семьи и рода.

Стремление к закреплению имущества и скота за данной семьей и родом являлось причиной сохранения пережитков сорората. Если при вторичной женитьбе вдовец брал жену из другого рода или семьи и после определенного периода сожителства у нее рождались бы дети, то в случае смерти мужа часть имущества (при нежелании вдовы жить в семье умершего) перешла бы в виде наследства детей и жены в другую семью и другой род. Во избежание потери имущества, очевидно, и прибегали к женитьбе на сестре умершей жены. В этом отношении сорорат и левират по своему характеру более близки к эндогамии.

Мы говорили в основном о трех формах брака — кросс-кузенном, левирате и сорорате. Помимо этого, у кипчаков бытовали еще и такие формы брака, как брак отработкой и покупкой (калым).

Брак отработкой у кипчаков назывался «ич-куёв». Эта форма брака заключалась в тех случаях, когда в семье имелись одна или несколько дочерей, но не было сына. Для ведения хозяйства (особенно, если хозяйство большое) необходим мужской труд. В таких случаях девушку выдавали с тем условием, что будущий зять поселится в доме невесты и станет для ее отца не только зятем, но и сыном.

⁴⁷ Л. П. Потапов. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков кунград, «Научная мысль», № 1, Ташкент, 1930, стр. 87, 88; Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахиа-боло, стр. 141; К. Л. Задыкина. Указ. соч., ТХАЭЭ, т. 1, стр. 400; К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 137, 138.

В дом в качестве зятя принимались и юноши-сироты из другого селения или племени. Разумеется, такой зять вел все хозяйство и становился равноправным членом семьи. Но подобная форма заключения брака встречалась у кипчаков очень редко и лишь в отдельных селениях.

Самой распространенной формой брака был брак с выплатой калыма. При определении калыма, прежде всего учитывалась родственная близость брачующихся. У кипчаков Ферганской долины калым давали исключительно скотом. Аналогичный обычай существовал и у казахов⁴⁸. В этом, видимо, сказывался пережиток средневековых традиций скотоводческих племен. Калым скотом, например, бытовал у огузов в X в.⁴⁹

В конце XIX — начале XX в. вошел в быт кипчаков Ферганы обычай вносить часть калыма деньгами. Кипчаки же Зарафшана в указанный период большую часть калыма давали деньгами и лишь небольшую часть (один или два кара) скотом и продуктами.

Брак путем калыма, как замечает Н. А. Кисляков, «был характерным для эпохи патриархальных отношений и непосредственно связан с большой патриархальной семьей, хотя зарождение ее относится к более раннему периоду»⁵⁰.

Калым лежал тяжелым бременем на семье юноши. Маломощные и даже зажиточные семьи после свадьбы долго не могли оправиться от долгов и часто оставались нищими.

Церемонии, связанные с бракосочетанием кипчаков, как и других соседних с ними народов, проходили через следующие основные этапы: сватовство, сговор, помолвка, свадьба и возвращение домой⁵¹. Видимо, свадебные обряды кипчаков формировались в тесном контакте и взаимосвязи с указанными выше народами. Но тем не менее в свадебных церемониях кипчаков имеются некоторые элементы, характерные только для них и связанные с их кочевым и полукочевым бытом в прошлом.

Брак у кипчаков заключался в возрасте 15—16 лет для девушек и 17—18 лет — для юношей. Существовали и более ранние браки: в 12—13 лет для девочек и 14—15 лет для мальчиков.

Раннее вступление в брак во многих случаях зависело от состоятельности и желания родителей. Богатый отец стремился женить своего сына раньше, чем он достигал совершеннолетия. По воле отца, особенно в тех случаях, когда жених был из богатой

⁴⁸ А. Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, стр. 68, 69.

⁴⁹ А. П. Ковалевский. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг., стр. 126.

⁵⁰ Н. А. Кисляков. Семья у таджиков, стр. 177.

⁵¹ Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 75—135; Он же. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, стр. 98—161.

семьи и его родители сулили большой калым, девушку выдавали и в малолетнем возрасте.

Бытовал также обычай сговора с колыбели («бешик кетты» или «сирға солди»). Когда у одной из соседок или знакомых односельчанок рождалась дочь⁵², мать мальчика приходила к матери новорожденной договариваться о помолвке их детей⁵³. В таких случаях прокалывались мочки ушей девочки и мать мальчика в следующее посещение надевала ей серьги («сирға солди»), а ее матери делала подарок (отрез на платье). С этого дня девочка считалась невестой мальчика. Ежегодно по праздникам родители мальчика отправляли в дом девочки-невесты подарки: платья, тюбетейки или головные платки, обувь и разного рода сладости и блюда.

При обычной форме брака выбор невесты производился заранее. Невесту большей частью выбирали мать, тетки или замужние сестры юноши. Чаще всего выбор падал на дочь одного из родственников, которую хорошо знали. А если невестка была из чужой семьи, то при неоднократных посещениях оценивались ее положительные и отрицательные стороны. В частности, наблюдали за тем, как ведет себя девушка в семье, умеет ли готовить обед, печь лепешки, шить одежду и вышивать и т. д. Выясняли также, каково состояние ее здоровья, есть ли физические недостатки.

В условиях патриархально-феодалного быта при выборе невесты последнее слово было за родителями. Однако в отдельных случаях родители не могли не считаться с желанием сына и благодаря его настойчивости женили его на избранной им девушке.

После выбора невесты к родителям девушки отправляли сватов (жавчи). Сватами были мужчины из числа ближайших родственников и один из авторитетных жителей данного селения. Считалось желательным, чтобы в составе сватов был дядя жениха по матери (тоға).

Первоначально в качестве «жавчи» шли двое, их называли «кичик жавчи». Придя в дом девушки, они после обычного чаепития, обращаясь к отцу (если его не было, то к старшему в семье — брату, дяде и др.) девушки, осторожно переключали разговор на цель своего визита. Кипчаки, жившие по Кемишек-саю, начинали сватовство примерно так: «У вас есть нехорошая девушка, а у нас плохой сын, что если мы соединим их». Кипчаки селения Дам Чусткого района говорили при сватовстве. «Мы пришли подметать вашу юрту». Если отец девушки был настроен положительно, то он отвечал: «Хорошо сделали, что пришли к нам». Далее

⁵² Термин «бешик-кетты» употребляется у кипчаков Зарафшана, а «сирға солди» — у кипчаков Ферганы.

⁵³ Сговор нередко проходил и до рождения детей. Сговаривались обычно две молодые женщины, чаще всего подруги. Выходя замуж, они обещали друг другу, что если у одной из них родился мальчик, а у другой девочка, то они их обручат.

он продолжал разговор: «У нашей дочери есть кроме нас (отца, матери) братья, дяди; с ними следует посоветоваться; то, что в этот раз пришли убирать нашу юрту не принимается в счет, приходите еще раз».

Сваты кипчаков Пайарыкского района, не называя имени будущего жениха, обращались к отцу девушки: «Породним Вас с сыном (например Абдусаттара), что вы на это скажете?» Или же короче: «Пришли породниться». Если названный жених был по душе, то отец девушки давал сразу же положительный ответ, в противном случае он говорил, что надо посоветоваться с близкими и дальними родственниками («Томир тувғанлар билан келишиб алайык»).

В большинстве случаев сваты получали положительный ответ лишь после второго или третьего посещения отца невесты. В назначенный день в дом будущей невесты отправлялись сваты в большом количестве (5—6 человек и более). Их называли «катта жавчи».

Посещение дома родителей невесты «кичик жавчи» и первое посещение «катта жавчи» носило характер сговора. За этот период стороны принимали определенное решение.

Авторитетные сваты «катта жавчи» при первом посещении дома невесты приносили с собой продукты для плова. В случае согласия родители невесты готовили плов для угощения из тех продуктов, которые принесли с собой сваты. В случае отрицательного ответа они готовили кушанье для «жавчи» из своих продуктов. Впрочем тогда они не готовили плов, как это делалось при положительных ответах, а варили жидкое кушанье — бульон, рисовый суп и др. Тем самым давали понять, что родители невесты отказываются выдать дочь за этого парня. При согласии же родители девушки дарили каждому «жавчи» по белому платку, говоря при этом: «Оқлык бўлсин» («Пусть будет светлым» — т. е. пусть начатая молодыми семейная жизнь будет благополучной, будущее — светлым, без грусти и невзгод)⁵⁴.

У кипчаков Ферганы по возвращении сватов (катта жавчи) с положительным ответом один из них окликал мать жениха и общал: «Иш битди, сирғани солиб кел» («Надень серьги на уши своей невестки»). Спустя два-три дня мать жениха с несколькими женщинами отправлялась в дом родителей невесты. Она брала с собой серьги, браслеты для обеих рук, а также отрез на платье в подарок будущей невесте. Она сама надевала на уши де-

⁵⁴ Привлечение в свадебных и других семейных обрядах предметов, отличающихся белизной (оқлық), согласно мнению Н. А. Кислякова (см. его указ. соч., стр. 184) могут быть истолкованы «в качестве актов магии по сходству и подобию». Даря белые платки, просеянную муку или давши пить кислое молоко молодоженам (об этом обряде скажем ниже), тем самым кипчаки, подобно другим среднеазиатским народам, желали, чтобы счастье молодых было таким же чистым, как эти белоснежные предметы.

вушке серьги и браслеты, говоря: «бавландинг» (ты занята, т. е. стала невестой).

Мать будущей невесты в свою очередь делала подарок матери жениха — отрез на платье, а женщинам, которые приходили вместе с ней, дарила головные платки.

Обычай «сирга солди» у ферганских кипчаков являлся кульминационным моментом сватовства, после этого односельчанам становилось известно о том, что девушка засватана.

Вскоре после получения согласия сваты вторично посещали дом родителей девушки. В число «жавчи» на этот раз входили отец и дядя жениха по матери (тоға), а также авторитетные люди со стороны родителей жениха. Проводилась церемония «потиҳа тўйи» (помолвка) — праздник благословения или угощение по поводу благословения⁵⁵. Сваты привозили с собой подарки: «енгибош»⁵⁶, подарки отцу, матери и другим близким родственникам невесты. Отец невесты устраивал угощение в честь сватов, на которое приглашались родственники и аксакалы данного селения.

В качестве угощения подавали мясной бульон (шўрво) и плов. После трапезы кто-либо со стороны невесты притворяясь неосведомленным о цели прихода гостей, спрашивал: «Зачем пожаловали гости?». Другой человек, тоже со стороны невесты, отвечал: «Они (т. е. сваты) пришли к нам породниться» (булар томир бўлмоқчилар). Тогда старший из присутствующих говорил: «Если так, то принесите же лепешку». Проводится обряд «нон синдириш» (букв. ломать лепешку)⁵⁷.

В помещении, где сидели сваты и гости, приносили две лепешки, завернутые в белую скатерть или материю. Согласно обычаю, эту скатерть должен был открыть и разломать лепешки самый старый житель селения, в котором жила девушка. Причем полагалось, чтобы этот почетный старец был многодетным, прожил всю жизнь лишь с одной женой и чтобы последняя здравствовала бы по сей день⁵⁸.

⁵⁵ Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 80, 81.

⁵⁶ В данном случае речь идет о «сарпо» невесты, в состав которого входили две рубахи, два головных платка: один из белой плотной ткани («дока рўмол»), другой из шерсти, называемый у кипчаков «жувон», халат из шелковой или полупелюшковой ткани, кожаные галоши и 2 м материи для штанов (лозим).

⁵⁷ Обряд «нон синдириш» проводился в день помолвки и был в прошлом распространен среди таджиков (Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 123) и у узбеков долины Зарафшана (А. Д. Гребенкин. Узбеки, стр. 62—88).

⁵⁸ В обычае «нон синдириш» имеется ряд пережитков, восходящих к древним магическим представлениям. Мы имеем в виду, в частности, пережитки, связанные с магией по сходству и подобию (См. Л. Я. Штернберг. Новые материалы по свадьбе. См. «Материалы по свадьбе и семейно-родственному строю народов СССР», Л., 1926, стр. 123). «Нон синдириш» относится к обрядам, связанным с представлением о плодородии. Как было сказано, обряд ломания лепешек проводился почетным стариком, имевшим много детей. В этом факте нельзя не заметить пожелания, чтобы молодые были такими же многодетными.

Старик разламывал лепешки на мелкие кусочки и раскладывал их на белой скатерти. Присутствующие съедали по кусочку лепешки, произнося молитву о даровании благополучия молодым⁵⁹. Оставшиеся куски лепешки заворачивали в скатерть и передавали на женскую половину дома. Женщины распределяли между собой оставшиеся куски лепешки; часть выделяли присутствующим девушкам с пожеланием, чтобы и они достигли такого же счастья.

Тем временем в женской половине дома невесты велись переговоры между родителями и девушкой. Родители, хотя и формально, спрашивали согласия дочери на брак. Посредницей между ними была одна из ее близких подруг. Посредница говорила девушке: «Хотят тебя соединить с сыном (скажем, Абдурахмана), что ты на это скажешь?» Если жених нравился девушке, то она говорила: «Мое желание — это желание моих родителей, что они скажут, то и будет». В тех случаях, когда ей жених не нравился, девушка отвечала: «Если выдадут меня против моей воли замуж, я вынуждена буду идти⁶⁰, но приду домой обратно быстрее тех, женщин, которые, сопровождая меня, приходят в дом родителей жениха». Этими словами девушка давала знать о своем нежелании выйти замуж за того, кому отдавали родители.

Мать или другие старшие родственницы спрашивали подругу-посредницу, как вела себя девушка, когда ей сообщили о женихе. Если невеста «услышав имя жениха, громко смеялась», это означало, что она не считала для себя парой слабоумного, по ее мнению жениха. Если, услышав имя жениха, девушка плакала, рвала на себе волосы, восклицая: «Неужели моя жизнь будет горькой» — то тем самым она протестовала и горько оплакивала свою судьбу. В том случае, когда посредница сообщала, что ее подруга, «услышав имя жениха, молчала», то это означало ее согласие на брак.

В день «потиха туй» определялись размеры калыма (қалым кесди). Сваты просили отца невесты сказать, в каком размере он требует калым. Обычно он молчал. За него отвечал один из присутствующих, заранее осведомленный об условиях отца невесты. Однако ведущую роль в определении размера калыма играли дяди невесты по отцу и матери. При малом размере калыма они могли проявить недовольство и настаивали на его увеличении. Следует указать, что некоторую часть калыма родители невесты по обычаю выделяли дяде невесты по матери.

ми, как этот человек. С представлением о плодородии связан и ряд других обрядов и обычаев кипчаков. В частности, одевание свадебного наряда невестой и женихом с помощью многодетной женщины и многодетного мужчины; усаживание на колени невесте и жениху мальчика и девочки и др.

⁵⁹ Н. А. Кисляков. Семья и семейный быт у таджиков, стр. 83.

⁶⁰ Девушка намекала на то, что воля отца превыше всего, и она не имеет права противиться этому.

В конце вечера помолвки родители девушки передавали через сватов подарки семье жениха: летний халат, поясной платок и тюбетейку для жениха, халат для отца, отрез на рубаху для матери жениха и по одной тюбетейке или поясному платку для братьев или других близких родственников жениха. После того, как эти подарки передавались в руки сватам, произносилась «потиха» (молитва). Тогда один из присутствующих произносил громко: «Эшик очилди» (дверь открылась)⁶¹.

Со дня «потиха туй» о девушке, которая прошла обряд помолвки, говорили — «бош бойлов» (букв. голова ее повязана). Это означало, что она уже является невестой. С этого дня родители жениха официально называли девушку «келин» (невеста), а ее родители называли друг друга взаимно «қуда» (сватами). После проведения «потиҳа туй» жених избегал встречи с родителями и близкими родственниками невесты (обычай «куёв қочув»). Невеста также избегала встречи с родителями и родственниками жениха (обычай «келин қочуви»).

После помолвки жених временами тайно навещал свою невесту (қаллиқ ұйин). Если после «никоҳ туйи» девушка оставалась у родителей, жених продолжал посещать ее ежедневно. Однако эти посещения, как и прежние, происходили лишь ночью и втайне.

Обычай избегания в прошлом бытовал у узбеков, таджиков, казахов, киргизов и каракалпаков⁶². Он, видимо, являлся пережитком брачных норм первобытного общества и был связан как с матриликальным (избегание жениха), так и патрилокальным (избегание невесты) браком.

После помолвки сваты выясняли вопрос о готовности родителей жениха к свадьбе. Если все было готово, то свадьба начиналась через неделю-две после помолвки. А если отец жениха не был готов, то просил перенести свадебное торжество на более поздний срок. На этот случай также существовал специальный этикет переговоров со сватами. Например, если помолвка проводилась в начале года или весной, или в начале лета, то говорили приблизительно так: «Свадьбу проведем после того, как поспеет ячмень, пшеница, соберем весь урожай», или «Когда разжиреют наши овцы, кони и крупный рогатый скот». Это означало, что свадьба будет проводиться в конце лета, осенью или зимой, когда население освободится от многих сельскохозяйственных работ, а скот пригонят к местам зимовок. Следует отметить, что иногда со дня помолвки до свадьбы «никоҳ туйи» проходило 2—3 года и более. Этот срок во многом зависел от времени уплаты оставшегося за родителями жениха калыма.

⁶¹ Об этом смотрите подробнее Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 211 и след.

⁶² Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 209; Он же. Очерк истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, стр. 98—169.

К свадьбе готовились обе стороны. За период от помолвки до свадьбы родители невесты комплектовали для дочери приданое (сеп), куда входили следующие предметы: напрамач, бугжом, ковры различных типов (ворсовые, без ворса и др.), одеяла, подушки, меховые подстилки (пўстак) головные платки различных цветов и размеров и т. д. Приобретались также всевозможные украшения (головные, шейные, наручные, нагрудные). Головные украшения («монглай қош» или «заркокил») приобретались в обязательном порядке⁶³, ибо они являлись основными украшениями невесты на свадебном вечере. Родители невесты готовили также свадебный наряд для жениха: нижнее белье (рубашу, штаны), ватный халат без подкладки, тубетейку или чалму поясной платок (узор на котором вышивала сама невеста), сапоги.

Родители жениха приобретали юрту. Согласно обычаю, пока не приобреталась юрта, свадьбу играть было нельзя. Нередко по этой причине свадьба устраивалась спустя 3—4 года после помолвки иногда и позже.

Подготовившись к проведению «никоҳ тўйи» сторона жениха отправляла представителя в дом невесты. Он должен был знать о готовности стороны невесты и договориться о дне свадебного торжества. Отец невесты (или один из его родственников), если он считал себя готовым, после обычного чаепития говорил представителю жениха приблизительно следующее: «Пусть несут то, что было ими обещано». Этим самым он давал знать, чтобы принесли оставшуюся часть калыма.

За несколько дней до свадьбы родители жениха созывали большой совет (маслахат) родственников и аксакалов селения. Сюда же приглашались и представители родителей невесты. Возглавлял совет общественный староста селения (йигит оғаси). После чаепития он, обращаясь к присутствующим, заявлял: «Девушка которую мы называли невесткой, выросла, пора ее привести в дом мужа. Жених уже готов принять свою невесту в дом. Пора начать свадьбу, что на это скажете?»

На этом совете назначался день отправки в дом отца невесты остатков калыма, а также день проведения свадебного вечера (никоҳ кечаси). За несколько дней до свадебного торжества в дом невесты направлялись представители жениха с остатками калыма и свадебными подарками для невесты. Приносили они свадебные подарки и для отца (халат), матери, сестер (отрезы на платья или головные платки) и дядей невесты (халаты).

⁶³ Эти предметы обычно изготавливались из серебра (редко из золота, а также из серебра, покрытого золотом). Не всем семьям удавалось их приобрести. Если у матери невесты имелись эти украшения (обычно приобретенные «манглай қош» и «заркокил» передавались в наследство от матери младшей дочери и хранились как семейная реликвия), то она давала их временно (а младшей дочери навсегда). А если их не было в семье, а приобрести на рынке не позволяли средства, то одалживали у односельчан на время свадьбы.

В этот день отец невесты устраивал угощение из продуктов, которые были присланы отцом жениха. Кроме родственников, приглашались все взрослые мужчины селения, а также аксакалы соседних селений. Это угощение, а также торжество, устраиваемое родителями невесты в связи с приемом калыма и подарков, называлось у кипчаков Ферганы «тўққуз»⁶⁴, а у кипчаков Зарафшана «чачала тўй»⁶⁵ или «кичик тўй» (малая свадьба). В этот же день устраивалось угощение в доме отца жениха, куда приглашали родственников и взрослых мужчин селения.

Спустя несколько дней после начала тоя дом жениха посещали женщины со стороны невесты. Они приносили с собой свадебные подарки для матери, отца и других близких родственников жениха. Вместе с этими подарками каждая из женщин приносила узлы с лепешками (пресными и слоеными) и сладости. Посещение женщинами со стороны девушки дома родителей жениха у кипчаков Булунгурского района называлось «ирга кирди» или «товоқ келди». После угощения эти женщины уходили, унося подарки родителям и близким родственникам невесты. Вместе с подарками в скатерть, в которой женщины приносили свои дары, клали лепешки, сладости и по куску материи для каждой женщины, приходившей со стороны родителей невесты.

Бракосочетание («никоҳ тўй») происходило в основном в доме родителей невесты. В этот день рано утром отец жениха отправлял родителям невесты барана и различные продукты для свадебного угощения. После того, как их выгружали, по знаку отца невесты, резали барана и жарили баранью печень вместе с курдючным салом, которое у ферганских кипчаков называется «қуйруқ бовур»⁶⁶ (оседлая часть населения его называла «думба жигар»).

В дни свадьбы в прошлом обычно готовили мясной бульон (шўрво) и лишь в конце XIX — начале XX в. стали варить плов. Причем, если раньше готовили только одно блюдо, то позже ста-

⁶⁴ «Тўққуз» в прошлом был широко распространен среди узбеков (см. А. Вамбери. Очерк Средней Азии, М., 1868, стр. 95; А. Д. Гребенкин, Узбеки, Сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 62; К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 146). Согласно этому обычаю отправляемого в дом родителей невесты скота, некоторых видов одежды (платья, халаты и др.) должно быть по 9. Например, 9 отрезков, 9 платьев, 9 головных платков и т. д. Однако не всегда и не везде придерживались этого счета.

⁶⁵ Термин «чачала» вероятно образован от узб. «чочмок» — разбрасывать, рассыпать что-либо. Когда в дом отца невесты приносили калым и свадебные подарки, мать или тетка невесты разбрасывали поверх узлов (и по следу человека, внесшего узлы) горсточку мелкой монеты, кишмиш, конфеты. Дети и взрослые с веселым гомоном собирали монеты и сладости. Видимо, название «чачала тўй» связано с этим обычаем.

⁶⁶ Угощение «қуйруқ бовур» было принято у казахов («құрық бауыр») и у киргизов («куйрук боор»). Следует отметить, что как у казахов, так и у киргизов, это блюдо подавалось не в день свадьбы, как у кипчаков, а в день помолвки. Подачей этого ритуального блюда скреплялся договор о браке молодых (см. Н. А. Кисляков. Очерк по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, стр. 101, 115, 150).

ли готовить два — мясной бульон и плов. Это сочетание ритуальных блюд, характерных для скотоводов-кочевников и земледельцев свидетельствует о том, что земледелие стало у кипчаков основной отраслью хозяйства, оказывая глубокое влияние на бытовые традиции.

Свадебный пир начинался в доме невесты в середине дня или вечером. На него приглашали близких и дальних родственников, односельчан и некоторых уважаемых людей из соседних селений.

К вечеру, когда гости расходились и в дом отца невесты приходил жених с несколькими товарищами и ближайшими родственниками (дядей по матери, двоюродными братьями и др.), проводился мусульманский обряд бракосочетания (никоҳ).

Перед началом обряда невеста выбирала для себя «женгу»⁶⁷. Затем, хотя и формально, назначали свидетеля (тоға)⁶⁸, через которого спрашивали невесту о ее согласии на брак.

Во время обряда бракосочетания соблюдался следующий ритуал. Девушка объявляла: «Тоғомга вакилотимни топширдим» (свои полномочия я передаю дяде). Последний отвечал: «Мен вокилотлики қабул қилдим» (Я принял полномочия).

Проводил обряд «никоҳ» мулла. Все присутствующие мужчины (в том числе и жених) садились, составляя круг. В середину круга ставилась чаша, наполненная водой (никоҳ суви). После того, как завершалось чтение муллой «никоҳ», все присутствующие отпивали по глотку «брачной воды». Оставшуюся воду давали жениху и невесте, когда после обряда никоҳ они встречались за занавеской (чимилдиқ).

При совершении «никоҳ» мулла давал жениху следующие наставления: в течение 6 месяцев без вины жену не бить, не оставлять ее без внимания и обеспечивать всем необходимым. Если он нарушит эти обязательства в течение указанного срока, то брак, без всяких оговорок, будет считаться расторгнутым. Далее мулла говорил жениху: «Средства, которые вы дали невесте в виде «маҳр» — это лишь половина долга. В случае, если нарушите условия «никоҳ», то обязаны возвратить оставшую-

⁶⁷ «Женга» — женщина, родственница невесты, которая с начала до конца свадьбы находилась при невесте, опекала ее, говорила от ее имени с женихом и его родней, являлась свидетельницей при бракосочетании, сопровождала невесту в дом жениха и оставалась там в течение нескольких дней после свадьбы. «Женга» (или «янга») — термин родства. Этим термином у узбеков (в том числе и у кипчаков) называют жен братьев, жену дяди как по материнской, так и по отцовской линии.

⁶⁸ Интересно отметить, что представитель невесты при бракосочетании назывался «тоға» (дядя по матери) и у кулябских таджиков. См. Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 105. Наряду с термином «тоға» применялся и термин «вакил ота» — посаженный отец, а у отдельных кипчакских подразделений (кара-кипчак, туяклы и других) применяли термин «кар-ота» (букв. глухой отец).

ся за вами часть долга»⁶⁹. После того, как жених обещал принять этот наказ, мулла читал «никоҳ».

После обряда бракосочетания жених обычно увозил невесту к себе домой. Однако это было не обязательно. Часто невесту привозили в дом жениха спустя 2—3 дня и более. Иногда же она оставалась на месяц и на несколько месяцев, а бывали случаи, когда невеста оставалась в доме своих родителей после «никоҳ» и в течение года⁷⁰.

В свадебный вечер родители жениха созывали гостей на угощение, называемое «келин туширув тўйи». После угощения старшие и почтенные люди селения собирались в отдельном помещении и за чаепитием продолжали беседу. Если на вечер приглашались народные певцы (бахши), то они исполняли дастаны (героический эпос), песни. Молодежь в это время собиралась во дворе вокруг большого костра и организовывали игры, танцы или борьбу (кураш). Родственники и друзья жениха обслуживали гостей.

В этот же вечер («никоҳ кечаси») жених в сопровождении своих друзей отправлялся в дом родителей невесты. Молодых парней, которые приходили вместе с женихом, называли «киёв нўкар» (слуга жениха). Один из наиболее близких друзей жениха назначался старшим сопровождающим жениха («киёв бош», или «киёв бошлар»). Когда жених со своей свитой приближался к селению, его встречали джигиты со стороны невесты. Встав плотными рядами, держась друг за друга, они загораживали путь жениху. Предвидя это, жених приносил с собой выкуп (козленка) и отдавал парням.

Обычай загораживать путь жениху называется у кипчаков Зарафшана «мағулоқ»⁷¹. Молодежь требовала у жениха козленка для козлодрания (ўғлоқ), которое устраивалось после свадьбы. В тех случаях, когда по каким-либо причинам жених не давал козленка, парни (со стороны невесты) оказывали отчаянное сопротивление дальнейшему продвижению жениха и его свиты к дому невесты. В таких случаях в дело вмешивались старики. Они уговаривали парней, чтобы те пропустили жениха и «киёв нўкаров». Старики говорили, что «мағулоқ» во время свадьбы —

⁶⁹ Мулла излагал положение шариата о махре. По данным Н. А. Кислякова (см. его указ. соч., стр. 128, 154), «махр» делился на две части — наличный «махр», который примерно равен расходам родителей жениха на свадьбу, и другой — «махр» отложенный, который и является как бы долгом за женихом, последний должен выплатить его в случае развода по его вине.

⁷⁰ Главным образом в тех случаях, когда в свадебный вечер жених не был в состоянии уплатить весь калым. Срок привоза невесты в дом жениха оттягивался и в тех случаях, когда после вечера бракосочетания заболел или умер один из родителей или ближайших родственников брачующихся.

⁷¹ Это слово, видимо, следует читать «ма ўғлоқ» (бери козленка). Отметим, что у кулябских таджиков козу давали свите жениха, когда она приближалась к дому невесты, при этом делал это отец молодой (Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 101).

это обычай далеких предков. И никому не дано право нарушать его. Если жених не дал козленка сейчас, то после свадьбы с помощью аксакалов, хорошо знающих обычаи, они добудут у его родителей то, «что полагается по обычаю отцов и дедов». Только после этого джигиты расступались и давали дорогу жениху и его свите. Этот обычай продолжает бытовать и по настоящее время. Однако теперь вместо козленка дают деньги, на которые после свадьбы молодежь со стороны невесты устраивает угощение для всей компании.

У кипчаков Зарафшана существовал еще такой обычай: когда жених со свитой входил во двор, молодежь обсыпала их лица мукой, приговаривая при этом: «Киёвди жузи ақ бўлсин» (пусть будет белым лицо жениха). Некоторые парни со стороны невесты старались всыпать муку в рот «киев нукерам». Последние сопротивлялись, в результате начиналась свалка. Взрослые и дети, наблюдали это зрелище, и если молодежь их стороны брала верх, то подбадривали, подзадоривали, а то высмеивали за неспособность оказать сопротивление свите жениха, за то, что они так легко отдают девушку своего аула или селения.

Особенно активное сопротивление оказывала по обычаю сторона невесты в том случае, когда девушку выдавали замуж в другой род. Как рассказывают старожилы селения Джагалбайлы Пастдаргомского района, в 20-е годы нашего столетия житель их селения Эркин бай из рода Синчи выдавал свою дочь за сына Якуббая из рода Бешбола (оба эти рода входили в состав кипчаков джагалбайлы). Когда сын Якуббая приехал за невестой и со своей свитой направился к воротам ее дома, молодежь селения внезапно напала на них, вымазав им лица сажей и глиной. Только после вмешательства старших жених и его друзья вошли в дом; в это время молодежь со стороны невесты спутывала ноги их лошадей, закрывая концы цепей на замок, а женщины спрятали невесту. Жених и его свита вынуждены были отправиться обратно пешком и без невесты; это считалось весьма унижительным. Только на третий день жениху удалось увести невесту домой, дав значительный откуп молодежи из рода невесты.

У кипчаков Ферганы в свадебный вечер снимали с юрты войлочный покров⁷². Это делалось для того, чтобы невеста и ее подружки, а также (женщины, находившиеся в юрте, видели присутствующих на свадебном вечере гостей, располагавшихся вне помещения и чтобы последним было видно тех, кто сидел в юрте.

На вечере пели песни «Олан», «Байты»; «Ёр-ёр». Пели вечером, когда жених и его свита, войдя во двор невесты, стояли недалеко от юрты отдельным кругом. «Олан» и «Байт» пели как сторона невесты так и сторона жениха. «Ёр-ёр» — исключитель-

⁷² В свадебный вечер устанавливали юрту. Без юрты свадебные торжества не проводились.

но женщины со стороны невесты, в тот момент, когда (после благословления родителей) молодая собиралась уходить в дом мужа.

Среди собравшихся на свадьбу были и специальные певцы (айтувчи), исполнявшие «Олан» и «Байт», — молодые мужчина и женщина. Женищина пела от имени невесты, а мужчина — от имени жениха. Между ними (айтувчи) проходили состязания на лучшее исполнение⁷³. Айтувчи, который не мог найти нужного слова, подобрать рифму, продолжая пение предыдущего исполнителя, считался побежденным. Победителю давали ценные подарки (соврин)⁷⁴. После исполнения свадебных песен («Олан» и «Байт») и веселых шуток жениха и его свиту просили войти в помещение (в юрту или глинобитный дом), специально подготовленное для приема гостей, где им подавали угощение. При входе в помещение жениха снова ожидали различные препятствия. Женщины, закрыв дверь, не впускали его. Одна из женщин, сидевшая у двери, изображала собаку (ит иррилар). Товарищи жениха (киев бошлар) давали выкуп, после чего дверь открывалась, но тогда на порог ложилась пожилая женщина (обычно одна из теток невесты со стороны отца), закрыв лицо платком. Этот обряд назывался «кампир улди». Жених не имел права входить в помещение, пока эта женщина не поднимется и освободит вход. А женщина не вставала до тех пор, показ жениху не вознаграждал ее деньгами⁷⁵. Отметим, что обряд «кампир улди» бытовал в прошлом у оседлых узбеков, таджиков, казахов⁷⁶ и других народов Средней Азии.

Вышеприведенные обычаи и обряды, в том числе и «кампир улди», как бы символизируют создание препятствий жениху со стороны родственников молодухи при попытке увести ее из родительского дома. Препятствие преодолевается выкупом, который дает жених. По мнению Н. А. Кислякова, обычаи этого типа «могут быть объяснены пережитками родовых традиций, естественным желанием сородичей получить свою долю в сделке, какой является брак в форме купля-продажа невест»⁷⁷.

Через некоторое время жениха приглашали в другое помеще-

⁷³ В каждом селении имелось по несколько исполнителей (айтувчи) «Олана» и «Байта» как из числа мужчин, так и из женщин. Они участвовали почти во всех свадебных вечерах, проходивших в их селении, а наиболее способные из них приглашались и в соседние селения.

⁷⁴ Певцам в подарок давали деньги или скот (овцу, козу, телку); более богатые семьи могли подарить корову женщине, коня мужчине. Если выходили победителями оба певца, то они делили между собой подарки.

⁷⁵ У кипчаков Булунгурского района при обычае «кампир улди» давали отрез на платье. Увидев, что на пороге лежит женщина, один из товарищей жениха вывешивал отрез на дверь, после этого женщина вставала, освобождая дорогу жениху и его свите.

⁷⁶ Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 206—207. Он же. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, стр. 107.

⁷⁷ Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 207.

ние, где производился обряд надевания свадебной одежды. Жениха одевали пожилые родственницы невесты. Жених вознаграждал их за это деньгами. Мать жениха сыпала ему на голову мелкие монеты, конфеты и другие сладости. Женщины и дети собирали их с радостными возгласами. Затем жениха обводили вокруг костра, который разводили специально по этому случаю. После этого он входил в помещение вместе со своими товарищами. Они садились в круг. Перед ними расстилали скатерть и приносили кушанья на девяти блюдах (тўққуз товоқ)⁷⁸. Эти кушанья готовили ближайшие родственники невесты (мать, старшие сестры, тетки), а также женга.

«Киев нўкеры» сидели недолго. Они клали все сладости в поясной платок и, перейдя в другое помещение, отдавали их собравшимся там мужчинами и детям.

Перед уходом «киев нўкеры» требовали, чтобы невесту привели к жениху. Однако невесту привели не скоро; инсценировался ее побег («келин қочди») ⁷⁹. Невесту прятали в соседнем доме. Чтобы привели ее, жених и «киев нўкеры» давал выкуп женге.

Тем временем в соседнем доме пожилые многодетные женщины заплетали волосы невесты в две косы, надевали на нее свадебный наряд.

Приведя невесту к жениху, сажали ее на одеяло (у кипчаков Ферганы — на ковер). Чегыре угла одеяла обычно держали и несли четыре многодетных женщины. Жених брал невесту на руки и проходил за занавеску («гушанга» или «чимилдик»). Вслед за женихом в «чимилдик» заходила женга. За «чимилдиком» при участии женги выполнялись различные обряды: «соч сийпатув» (гладить волосы), «ойна кўрсатув» (смотреть в зеркало), «қўл ушлатув» (держатъ руку) и другие.

При обряде «соч сийпатув» жених трижды гладил волосы невесты⁸⁰. После этого женга держала перед ними зеркало и

⁷⁸ На девяти блюдах подавали девять видов кушаний, например: плов, рисовая каша (сутти биринж или сутти ош), грудинка (тўш), жареное мясо (қовурдоқ), пельмени (чучвара), пельмени с тыквой (қовоқ барак), кушанье из тонкораскатанного теста с мясом (кулчатой), слобные лепешки, жаренные в масле (қатлама). Три из этих блюд считались главными, одно приготавливалось матерью (она товоқ), второе готовила женга (женга товоқ), а третье — одна из родственниц. В «она товоқ» обычно входила вареная грудинка, которая являлась излюбленным кушаньем в свадебный вечер и подавалась самому почетному гостю — жениху. В три указанных блюда жених и его товарищи клали деньги в виде вознаграждения. В «она товоқ» клали значительно больше денег, чем в остальные блюда. Этот обычай бытовал и у киргизов (С. М. Абрамзон. Свадебные обычаи у киргизов Памира, Труды АН ТаджССР, т. 20, 1959, стр. 35).

⁷⁹ Инсценировка бегства девушки бытовала в брачном обряде казахов. См. Н. А. Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, стр. 109.

⁸⁰ Жених заранее готовился к обряду «соч сийпатув». В уголок носового платка он завязывал определенную сумму денег и проведя этим платочком три раза по волосам невесты, дарил его вместе с деньгами женге.

разглядывали в нем друг друга. Затем женга брала руки невесты и жениха и соединяла их; некоторое время они держали друг друга за руки. Указанные обряды означали знакомство невесты с женихом. Женга три раза обводила вокруг головы жениха и невесты горящим светильником (қара чирок), якобы очищая их от злых духов. После очищения женга надевала жениху чистый халат и клала перед ним детей — мальчика и девочку. Смысл этого магического обряда заключался в пожелании, чтобы молодожены имели много детей. Выполнялся и такой обряд: женга давала откусить вначале невесте, потом жениху кусок сахара, который символизировал пожелание сладкой жизни супругам. После этого женга подносила им чашку с брачной водой. Они отпивали по глотку⁸¹. Оставшуюся в чашке воду выплескивали в огонь⁸², приговаривая при этом: «Ўтдек иссық бўлсин» (Пусть будет горячим как огонь). Обряды за чимилдиком завершались тем, что женга стелила постель и молодые некоторое время лежали в ней рядом (10—15 мин.).

Этот обряд, видимо, являлся пережитком матрилокального брака, при котором жених переселялся в дом матери невесты, или посещал жену, проживавшую в материнской семье.

После проведения вышеуказанных обрядов жених выходил из помещения. Женщины собирали вещи, принадлежащие невесте («уй жииштирув»), связывали их в узлы и грузили на лошадей. Жених в окружении своих друзей выезжал первым.

Перед отъездом в дом жениха невеста прощалась с отцом и матерью. Она прикладывала голову к коленям отца, благодаря его за заботы. В тот момент, когда невеста собиралась сесть на лошадь, близкие начинали плач. Но это был лишь ритуал.

Невесту сажал на лошадь дядя по матери или старший брат. Перед ней на ту же лошадь садился подросток (младший брат или двоюродный брат). После того, как невеста садилась на лошадь, присутствующие женщины пели свадебную песню «Ёр-ёр».

Свита невесты, состоящая из родственников, подруг, жениги и других, отправлялась вслед за женихом. Вместе с невестой в дом жениха в этот вечер шла и ее мать. В том случае, когда у нее было много домашних дел, она приходила в дом жениха рано утром следующего дня.

В селении жениха (или у его дома) свадебный поезд ожидало еще одно препятствие — молодежь загораживала ему путь, протягивая через дорогу чалму или кусок материи. Этот обычай

⁸¹ Совместная еда сахара и питье воды молодыми отнесено Н. А. Кисляковым (см. его работу «Семья и брак у таджиков», стр. 185) к соединительным обрядам. Они имеют широкое распространение среди таджиков.

⁸² Не допускалось, чтобы воду, после того, как ее отпили невеста и жених, выливали на землю. Это, согласно поверию, приносило несчастье.

назывался «боқон солди»⁸³. Жених и его друзья должны были дать выкуп: носовые и поясные платки, тюбетейки, деньги⁸⁴.

Когда невеста со свитой подъезжала к дому жениха, ее вместе с конем три раза обводили вокруг костра, т. е. проводился обряд очищения огнем, и затем она въезжала во двор. Одна из родственниц жениха подносила невесте чашку с кислым молоком и она, еще не сойдя с коня, отпивала несколько глотков. Белое молоко символизировало светлую замужнюю жизнь. Невеста с помощью двух женщин сходила с лошади и становилась на подставку (табурет), затем жених брал ее на руки и ставил на землю. Женщины вводили ее в свадебное жилище. Здесь у входа расстилали шелковый поясной платок «пойандоз». После того, как молодожены проходили по нему, каждый из присутствовавших парней старался завладеть пойандозом. Начиналась свалка. Платок раздирали на части и клочки расхватывали — как залог грядущего счастья.

У кипчаков Ферганы невеста, сойдя с лошади, сама (без жениха) шла к юрте. Тем временем мать или тетки жениха расстилали на пути невесты к юрте ковры и поверх них — узкие ватные одеяла (кўрпача).) Прежде чем войти в жилище, невеста трижды кланялась юрте (или дому), прикасаясь лбом к порогу. Затем она пальцами обеих рук касалась порога, приставляя их к подбородку (иягига) и ко лбу (маглайнга). Эту процедуру она повторяла трижды. Указанный обычай назывался «тавоб олинси» (поклонение порогу жилища) или же «бўсоға ўпиш» (целование порога). Смысл почитания порога невестой сами кипчаки объясняют следующим образом: она должна мириться с тем, что вся жизнь (радости и горести) пройдут в стенах этого дома. Поклоняясь порогу жилища, невеста тем самым проявляет покорность своей судьбе.

После обряда поклонения порогу невесту вводили в ее новое жилище на специально приготовленное для нее место.

⁸³ «Боқон» означал деревянный шест. В данном случае под этим словом понималась преграда, устраиваемая на пути следования брачного поезда.

⁸⁴ Обычай устраивать преграды на пути свадебного поезда, описанный нами, имелся у кипчаков Булунгурского района. Следует отметить, что выкуп, который давали жених и его дружки, принадлежал к «сепу» невесты. Узоры на этих платках и тюбетейках вышивала она сама. Эти предметы затем передавались свите жениха, когда она отправлялась в обратный путь. Этот факт наводит на мысль о том, что в более отдаленные времена (по всей вероятности, до принятия мусульманской религии) преграждали путь лишь свите невесты (пропуская при этом жениха и его свиту), чтобы получить выкуп из ее рук или рук ее подруг. Этот выкуп, видимо, был платой за право вхождения невесты в состав жителей данного поселения, рода или семьи. Этот обычай, видимо, восходил к переходной стадии от матрилокального к патрилокальному поселению. В дальнейшем он видоизменялся: стали преграждать путь всей свадебной процессии (как свите жениха, так и свите невесты). Подарки (выкупы) теперь давали не невеста и ее подруги, а жених и его товарищи, хотя большая часть этих вещей (кроме денег), отдаваемых в виде выкупа, входила в приданое невесты.

Пройдя за «чимилдик», она продолжала стоять. Тогда пришла мать жениха и говорила: «Садитесь, невеста, садитесь, наши обрабатываемые земли и дойная корова будут вашими». Невеста продолжала стоять и после этого. Тогда приходил отец жениха и повторял слова жены. Только после этого невеста садилась. Ей на колени сажали мальчика и девочку, и она дарила им тубетейки⁸⁵. В первую ночь жених оставлял невесту в окружении двух-трех женщин, которые ночевали вместе с ней за «чимилдиком»; сам он ночевал в другом месте.

Рано утром следующего дня проводился обряд «келин салом» (приветствия невесткой родных и родственников жениха).

Перед обрядом приветствия женщины наряжали невесту, надевая на нее различные украшения⁸⁶. Волосы оставались заплетенными в две косы, а под ними прикреплялся накусник (нуқра пўпак) с кисточками, пропущенными через серебряные трубочки. Следует отметить, что «манглайқош» был распространен лишь у тех групп кипчаков, которые селились вблизи городов (в частности, близ г. Самарканда).

Спустя 3—4 дня после свадьбы, перед тем, как навестить родителей невеста заплетала волосы в множество косичек, т. е. причесывалась как девушка. Свадебный наряд и соответственно все виды украшений невеста носила сорок дней. В течение этого времени сохранялось и свадебное ложе молодоженов, а также занавески. В ночное время за занавеской горел светильник, который как бы охранял покой новобрачных.

Обряд «келин салом» возглавляла пожилая, всеми уважаемая остроумная женщина селения. Ее называли «айтувчи» (сказительница). Она громко шутила, произносила афоризмы, импровизировала двуступицы в адрес каждого, кто подходил к молодой. Сама молодуха при проведении обряда приветствия молчала, лишь кланялась тому, к кому было обращено приветствие.

Первые поклоны молодой относились к прародителям всех людей (Одам Ато, Момо Ҳаво), Адаму и Еве, а затем она кланялась отцу и матери мужа.

После обряда «келин салом» невестка шла в дом дяди мужа по матери и поклонялась его порогу. Здесь она повторяла тот же обряд поклонения порогу, который совершала у дома мужа (см. выше). После этого невестка приветствовала дядю мужа по матери, кланялась ему в пояс. Затем она возвращалась к свадебному жилищу, где к тому времени собирались близкие родственники жениха, которым она тоже должна была отдавать поклоны.

Слова приветствия, как уже указывалось выше, произносила «айтувчи». После каждого приветствия две женщины, стоявшие

⁸⁵ Н. А. Кисляков (Указ. соч., стр. 115) зафиксировал обычай сажать мальчиков на колени невесты, когда она проходила за свадебную занавеску в доме мужа, у кулябских таджиков.

⁸⁶ О различных видах женских украшений см. главу «Материальная культура».

по обе стороны от невесты, слегка нажимали ей на плечи, тем самым давая ей знать, что надо поклониться тому, к кому обращены слова приветствия. Невестка низко кланялась и чуть слышно произносила «ассолом».

Вслед за «келин салом» проводился обряд «бет очар» (снятие покрывала с лица невесты)⁸⁷. Снятие покрывала поручалось подростку (одному из младших братьев или двоюродных братьев молодого)⁸⁸. Он поднимал покрывало кончиком ручки деревянного черпака (чўмич). Ручка черпака предварительно обвертывалась белой чистой тряпкой. Затем следовал обряд смотрения лица невестки (бет куруви). Первой к девушке подходила, чтобы увидеть ее вблизи, мать молодого. Она целовала невестку, дарила ей отрез на платье и головной платок. Затем к ней подходили другие близкие родственники жениха. Каждая из них приносила что-либо в подарок. Подарки «за смотрение» делал и отец жениха.

После этого выполняли ряд других обрядов, связанных с приобщением новобрачной к дому и хозяйству мужа. Невестку вводили в свадебное жилище, стелили перед ней кожаную скатерть (пўстак), давали ей сито с мукой. Она просеивала муку на пустак и замешивала из нее тесто. Этот обряд имел несколько значений: пожелание, чтобы невестка была хорошей хозяйкой, умеющей готовить пищу и печь лепешки; чтобы она жила всегда в довольстве, без нужды; чтобы пищи у ее очага было всегда достаточно. Затем приносили в чашке топленое масло или растопленное баранье сало. Невестка опускала пальцы обеих рук в чашку с маслом или салом⁸⁹. Это означало, что ее руки отныне всегда будут в масле (т. е., что вся пища, которую она должна варить впредь в доме мужа, будет сытной). Затем в большой деревянной миске, наполненной до краев, приносили невестке жидкое кушанье (обычно это был рисовый суп или суп-лапша) и деревянный черпак. Этим черпаком (наполнив его до краев) она должна была есть столько, сколько сможет. Этот обряд также выполняли с целью пожелать ей, чтобы она в дальнейшем не знала нужды в пище.

Затем невесте давали веретено (учрук) и немного белой шерсти и предлагали прясть. В заключение надевали на шею невестки черные бусы с белыми пятнышками, которые якобы оберегают от сглаза. Такие же бусы надевали женщины, обслужи-

⁸⁷ Церемония «бет очар» (открытие лица) была принята у таджиков, казахов, каракалпаков. См. Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков, стр. 115, 133; Он же. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана, стр. 113, 124.

⁸⁸ Из этого покрывала невестка (после открытия лица) шила для себя «киймешек» и носила его в течение трех дней...а затем снимала и хранила в бугжома. Вновь одевала она «киймешек» лишь после рождения 2—3 детей.

⁸⁹ Этот обряд, а также обряд замешивания теста существовал и у таджиков (Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 115).

вавшие невестку при выполнении ею обрядов (тем, кто приносил кушанье, муку, масло и др.). Мать жениха прикрепляла к халату молодухи амулет, который также служил оберегом от злых духов.

В день проведения обряда «бет очар» молодой отправлялся с двумя товарищами к родителям жены, чтобы повидаться с ее отцом и родственниками и приветствовать их после длительного избегания встреч с ними. Этот обычай назывался «киев салом» (приветствие зятя родителями и родственниками молодой). Об этом обряде говорили шутя: «Київ хам бетини очди».

Здесь жених впервые открыто и близко представлял перед многими родственниками невесты. Отец невесты (если он был достаточно состоятельным) дарил зятю ездового коня. Кроме того, ему и пришедшим с ним товарищам преподносили комплекты одежды.

Невеста после обряда «бет очар» некоторое время избегала новых родственников по мужской линии. Если родственники хотели, чтобы впредь она не избегала их, они должны были по очереди приглашать ее к себе домой и устраивать в ее честь угощение. Сам обычай посещения невесткой родственников мужа называли «салом» или «саломга борув» — идти на приветствие. Когда невестка шла на «салом», она несла хозяину (родственнику мужа) подарки, ценность которых соответствовала степени родства и возрасту. Одним она дарила ткань на рубаху или чалму, другим — поясной платок, третьим — тюбетейку и т. д. Вещи, предназначенные в подарок, невеста связывала в узелок и при входе в дом или юрту, вешала на дверь, поэтому такие подарки в народе называли «эшнк илув». Хозяева дома в свою очередь делали ей подарки: отрез на платье, платок и др.

Вечером второго дня все родственницы, которые приходили сюда вместе с невестой, уходили домой. С молодой оставалась только женга. Со стороны жениха к ней назначалась вторая женга. Вечером того же дня после угощения женга купали невесту, надевали на нее белое платье, стелили постель за занавеской, покрывая ее белой материей. Когда все в доме ложились спать, к молодой приходил новобрачный. В том помещении (в юрте или доме), где находилось свадебное ложе, спали обе женга. Молодые вставали рано утром. Жених после омовения уходил к соседям или к товарищу. Молодая одевалась и выходила к свекрови для утреннего приветствия (эрталабки саломга чіқади). После того, как молодые выходили из помещения, обе женга сами убирали постель новобрачных. Ранним утром в дом жениха приходили несколько женщин «пить чай из рук невесты».

На второй день после прихода невестки в дом мужа ее навещала мать. Она приносила с собой в большом блюде плов или жареную баранью грудинку, а также несколько слоеных лепешек, жареных в масле. Мать молодухи оставалась ночевать у дочери.

Родители жениха щедро угощали ее. Это означало, что ее дочь сумела сохранить свою честь.

Заключительным актом брачной церемонии был обряд «чақирув» — приглашение новобрачных в дом родителей невесты и ответный визит. Состоятельные семьи проводили «чақирув» в течение недели после свадьбы, менее состоятельные — в течение месяца, а иногда — двух-трех месяцев и более после свадьбы. На «чақирув» приходил молодой супруг со своими товарищами. Молодую проводила в доме отца 3—5 дней, затем отправлялась в дом мужа. Провожая дочь, родители отдавали ей приданое («мерос», букв. «наследственное»). Такой же обряд существовал у таджиков⁹⁰.

Приблизительно через неделю родители молодой в свою очередь посещали дом зятя. Это посещение называлось «қиз кўрув» (повидать дочь). Такие обоюдные посещения сватов проходили в течение года после свадьбы.

Свадебные обряды и обычаи кипчаков имели много общего со свадебным ритуалом некоторых других полукочевых родо-племенных групп узбеков (ктай, сарай и др.) и оседлых узбеков, а также таджиков, казахов, киргизов, каракалпаков и других среднеазиатских народов. Сходство обычаев свидетельствует о тесном контакте кипчаков с указанными выше народами. Особенно большое влияние на формирование их свадебных обрядов и обычаев оказали оседлые узбеки. Можно с уверенностью сказать, что при сближении полукочевых узбекских племен и родов с оседлыми узбеками, в процессе их длительных взаимодействий, в указанный период сложился и единый общеузбекский свадебный ритуал. Однако, наряду с этим нельзя не отметить и некоторых специфических особенностей в свадебных обычаях и обрядах кипчаков, которые в пережиточной форме продолжали бытовать. Мы имеем в виду обычаи (и связанные с ним обряды) платить калым исключительно скотом, обряд «сирга солди», «тавоб олув», а также обычаи, предписывавший жениху и невесте полежать несколько минут рядом в постели за занавеской в доме ее отца; типична для скотоводческой обрядности и подача таких ритуальных блюд, как вареная грудинка и др.

НЕКОТОРЫЕ ПЕРЕЖИТКИ ДОМУСУЛЬМАНСКИХ ВЕРОВАНИЙ

Наряду с официальной религией (ислам суннитского толка) в общественном быту кипчаков сохранились пережитки домусульманских верований и обрядов, которые продолжали отрицательно влиять на их мировоззрение и культурное развитие.

О пережитках древних верований, связанных с хозяйственной деятельностью, материальной культурой, немало говорилось в предыдущих главах. Здесь пойдет речь лишь об отдельных релик-

⁹⁰ Н. А. Кнеляков. Семья и брак у таджиков, стр. 150.

тах домусульманских религий, а именно: о пережитках шаманства и любовной магии.

По своим религиозным убеждениям кипчаки до XI в., а отдельные группы вплоть до XIII—XIV вв., оставались в основном, шаманистами. Пережитки этого религиозного культа, переплетаясь с исламом, продолжали бытовать вплоть до начала XX в. Носителями его были шаманы — бахши и кушноч⁹¹.

Интересно отметить, что у кипчаков бахши были всегда мужчины, а кушноч — женщины (очень редко мужчины). Бахши в основном «лечил» тяжело больных, долго лежавших в постели. Кушноч делал то же самое, но в отличие от бахши «лечил» больных еще и от сглаза (кўз), от недомогания, вялости и от тяжести всего тела (сух). Он лечил, применяя метод очищения огнем, заставляя больного переходить через горящий хостер (ўтдан хатлов). Кушноч «изгонял» также злых духов, ударяя больного прутьями или руками по спине (қоқиш) и др.

На всех указанных выше методах «лечения» мы не будем останавливаться: они во многом сходны с теми, которые известны и у других групп узбеков⁹². Здесь укажем лишь на один из методов «лечения», а именно «кўчирма» — изгнание злых духов из тела больного (этот метод применяли как бахши, так и кушноч).

Основным инструментом бахши и кушноч при выполнении культовых действий служил бубен — шилдирма, на обод которого были набиты многочисленные подвески (шилдиروق), откуда, видимо, и произошло название бубна.

Прежде чем перейти к обряду «лечения», шаманы гадали (пол очар эди) на бараньих лопатках и на бубне. Для этого как на лопатке, так и на бубне делали множество черных кружков сажей с котла⁹³. Бахши или кушноч путем гадания якобы определяли вид болезни и после этого говорили, чем и как лечить больного.

Для выполнения обряда «кўчирма» необходимо было зарезать желто-бурого барана (сарық қўй). Если больной был несостоятельным, то родственники покупали на базаре голову барана этой масти. В последнем случае обряд лечения ограничивался тем, что из этой головы варили (добавляя немного мяса) суп (калла

⁹¹ Термин «бахши», видимо, происходит от тюркского «бокмок», т. е. смотреть, лечить. См. А. А. Диваев. Баксы, как лекарь и колдун (этнографический очерк). Известия общества археологии, истории и этнографии, т. XV, вып. 3, Казань, 1899, стр. 1.

Термин «кушноч» употребляется узбеками-кипчаками среднего Зарафшана и окружающим их населением. «Кушноч», вероятно, является искажением термина «кўшноч» — изгоняющий духов из больного, человек, который «лечит» путем изгнания духов.

⁹² К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 157—164; Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма, М., 1969.

⁹³ Помимо бахши и кушноч среди кипчаков были специальные гадальщики — полчи, которые гадали на камешках, на горохе, на сухом помете (қумалоқ) овцы или козы и др. Однако основными гадальщиками в сельской местности являлись бродячие цыгане.

шўрва), которым угощались все присутствующие. Шкуру с головы барана, повесив на палку, держал один из присутствующих у изголовья больного, шаман же обходил несколько раз больного, бил в бубен, затем ударял руками или прутьями по спине больного и тем самым якобы выводил злых духов — они переселялись в шкуру с головы барана. После этого шкуру с головы барана уносили и бросали далеко за селением, там ее съедали собаки. Злой дух, таким образом, переселялся в другое тело. На черепе барана после того как его очищали делалось множество черных кружков и его вешали над головой больного (в жилом помещении), а когда больной выздоравливал, череп вешали над входом в дом или юрту. Таким образом, череп барана оберегал больного, а после его выздоровления оберегал дом (следовательно, и всех членов семьи) или юрту от сглаза и злых духов.

Если для шаманского обряда забивали овцу, то обряд «кўчирма» проходил в более сложной форме. Прежде всего теплой кровью овцы шаман обмазывал тело больного, говоря при этом: «Жони-жонига, қони-қонига даво бўлсин» — «пусть оздоровит душа овцы твою душу, а кровь ее — твою кровь».

Часть мяса забитого животного отдавали шаману, а из другой части варили мясной бульон (шўрво) и раздавали всем присутствующим. Шкуру вывешивали на палке в помещении, где лежал больной.

После угощения бахши или кушноч расстилали посередине помещения скатерть (сурпа), насыпали на нее в кучку две чашки муки. В середину кучки втыкали камышовую палочку высотой 35–40 см, на верхний конец которой была намотана промасленная вата. Затем шаман зажигал масляную вату, намотанную на палочку, и таким образом образовывался светильник (пиллик). После этого присутствовавшие на церемонии родственники больного, главным образом женщины, подходили по очереди и, склонясь над скатертью, прикасались лбом к кучке муки, не задевая при этом светильника. В это время шаман приговаривал: «Сурпа улуг нараса, уи-оқлик. Пешонангиз оқ бўлсин, бахтингизга касал тузалиб кетсин» — («Скатерть — предмет священный, мука⁹⁴ предвещает хорошее, светлое будущее и на ваше счастье пусть выздоравливает больной»).

После выполнения этого обряда родственники допускались к больному для проведения последующей процедуры обряда «қо-

⁹⁴ Из муки, которая была насыпана на скатерть, делали тесто. Из последнего приготавливали тонкие лепешки (юпка) и круглые шарики, величиной с грецкий орех, затем их жарили на масле. Часть юпка съедали сами, другую часть раздавали соседям. Большую часть шариков после того, как их жарили, отдавали собакам. Согласно поверьям, происходил обряд очищения: когда приводили родственников больного, которые прикасались лбом к кучке муки, все, что имелось нечистого в их теле, якобы, переходило в муку, затем — в тесто, а через последнее — в тело собаки. Другую часть жареных шариков нанизывали на нитку и вешали на стенке, что якобы оберегало от нечистых духов.

қиш», который проходил в том же помещении, где лежал больной. Шаман переходил к основной части обряда (кўчурма).

Больного клали посередине помещения, здесь присутствовали все его родственники, прошедшие обряд очищения; лицо больного покрывали марлей или другой тонкой материей. Бахши или кушноч кружился вокруг больного, изгоняя злых духов. Обряд сопровождался игрой на ритуальном инструменте — бубне и произношением заклинаний. При этом шаман часто произносил «облоҳақ», и за ним все присутствующие родственники повторяли это слово. В процессе сеанса «лечения» бахши или кушноч часто доводили находившихся возле больного до экстаза.

После этого шаман ударял больного тонкими прутьями (из веток ивы, джиды и др.) три, четыре раза, и, тем самым, как считалось, окончательно изгонял злых духов из тела больного. В заключение сеанса «лечения» шаман гладил больному спину, руки, держал за кисти обеих рук, слегка давил на виски, затылок и лоб. Этими действиями шаман якобы облегчал состояние больного.

Злые духи, согласно поверьям, в процессе кўчурма переселялись в шкуру овцы, которая висела в помещении. После сеанса «лечения» шкуру выносили далеко за пределы селения, где ее закапывали, сжигали или же бросали на съедение хищникам.

Бахши и кушноч относили все болезни к действию злых духов. Они внушали больным и окружающим их людям, что способны своими действиями влиять на злых духов. Таким образом, бахши и кушноч, пользуясь отсталостью, неграмотностью населения, способствовали сохранению в его среде предрассудков, древних верований и представлений, суеверий и тормозили развитие культурной жизни общества.

Помимо шаманов в кипчакских кишлаках были лица, занимавшиеся магией, например колдуны (сахиргар), которые якобы могли влиять на злых духов, угадывать секреты людей и путем магических действий использовать силы природы в желаемом направлении. Колдуньями были исключительно женщины преклонного возраста. Заговоры колдуний касались главным образом любовных дел⁹⁵. Они назывались «иситма совутма». Это выражение известно у народов Средней Азии еще как «иссиқ совуқ» (горячо — холодно), т. е. привораживание и охлаждение⁹⁶.

Шаманство и знахарство являлись пережитками далекого прошлого, они продолжали бытовать в тесном переплетении с религией ислама.

За годы Советской власти сформировался новый бытовой уклад, резко изменилось мировоззрение людей; с развитием медицинского обслуживания они перестали обращаться к знаха-

⁹⁵ Колдовские приемы, связанные с любовными делами, по классификации С. А. Токарева (см. его «Сущность и происхождение магии». Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований, М., 1959), огнесены к особому виду магии — любовной.

⁹⁶ Г. П. Снесарев. Указ. соч., стр. 88.

рям, изживались доисламские представления и культы. Шаманы и кушнот у кипчаков вовсе исчезли, о них остались только воспоминания у людей преклонного возраста.

Глубокие перемены в духовной жизни народа, обусловленные социалистическим строем, закономерно привели к отходу его от религии ислама и исчезновению архаических, доисламских верований и обрядов.

ИГРЫ И УВЕСЕЛЕНИЯ

Одним из наиболее распространенных видов игры была игра в кости — «ошиқ ұйын» (игра в альчики). Играли в альчики подростки, молодые парни и даже женатые мужчины до 25—30 лет. Взрослые обычно играли на деньги, а дети — на орехи или альчики. Имеется несколько вариантов этой игры, из которых укажем только два — «уч ошиқ» и «уч оёқ». «Уч ошиқ» (три альчика) — в ней участвуют три человека. Игра начинается по жребию: тот, кто начинает игру, собирает альчики и бросает их с высоты 35—40 см. Выигрыш определяется согласно правилу: чей альчик сбрасывания встанет в положение «олчи», тот и выигрывает⁹⁷

Другой вариант игры в кости называется «уч оёқ», а кипчаки Зарафшана называют его еще и таджикским термином «се-по» (три ступни). Играют преимущественно подростки. Число играющих — от двух и более. Игроки устанавливают свои альчики в одну линию, ребром наверх. Кроме того, у каждого игрока должна быть в руках еще ведущая или главная кость — «саққо»⁹⁸. Суть игры заключается в том, чтобы бросив «саққо» с расстояния в три шага, выбить один из альчиков. Тот, кому удастся это сделать, присваивает выбитый альчик и получает право на повторный бросок. При неудачной попытке игру начинает следующий игрок. Проигравший свой альчик, ставит для игры другой, и так каждый раз, если проигрывает. Нередко вместо альчиков ставят для игры и грецкие орехи (янғоқ). Описанный здесь вариант игры имеет сходство с игрой в альчики у узбеков-карлуков⁹⁹.

Лаббай тош (соревнование в бросании камня). Играли в эту игру мальчики 12—18 лет. Играющие разбивались на две группы, в каждой из них было не менее двух человек, но играли попарно. Соблюдая очередность, бросали небольшой камень. Например, соревновались А и Б. Камень, брошенный А, оказался позади камня, брошенного Б. В таком случае А должен был нести на своих плечах Б до того места, куда упал камень последнего и таким же образом нести обратно.

⁹⁷ Этот вариант игры в альчики у карлуков назывался «олчи құпар» (См «Узбеки-карлуки», стр. 172—173).

⁹⁸ См. К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 173.

⁹⁹ Там же, стр. 171, 172.

Кадама таяк. Эта игра во многом сходна с игрой карлуков «бўкурма таяк»¹⁰⁰. Играли в нее главным образом мальчишки-пастухи во время пастбы скота. Играющий должен был иметь палку длиной до 1,5 м.

Обычно это был посох, которым погоняли скот. Тот, кто проигрывал жеребьевку, согласно правилам игры, втыкал свою палку вертикально в землю. Остальные участники, бросая поочередно свои палки, должны были ее сбить.

Хуркач. Играли мальчишки 14—18 лет, а также взрослые мужчины. Однако взрослые и дети играли всегда раздельно. Число участников игры — 40 человек, которые делились на две равные группы: на обороняющихся (қўруқлави) во главе с предводителем «курғон беги» и нападающих (хужумчи) во главе со своим предводителем, называемым «улус беги» (бег улуса). Предводителей выбирали из наиболее опытных игроков. Играли в «хуркач» обычно в праздничные дни или на свадьбах (тоях). Эта игра встречается кое-где и в наши дни¹⁰¹. Играющие снимали с себя верхнюю одежду, оставаясь лишь в нижнем белье; обувь и тюбетейку не снимали. Снятые вещи складывали в одном месте, вокруг которого (в круговую) проводили черту, образовав таким образом большой круг, диаметром 2—3 м, называемый кургон. По жребию определялись обороняющиеся и нападающие стороны. Обороняющиеся держали круговую оборону, находясь за чертой круга, символизирующего стены крепости. Их предводитель стоял в центре «крепости» и руководил обороной.

Нападающая группа занимала позицию вокруг круга на расстоянии 5—6 шагов от него, в ее задачу входило прорвать оборону и завладеть центром круга. При этом многое зависело от руководителя нападавших (улус беги). Своими непрерывными атаками они все время держали обороняющихся в напряжении. Если оборона была организована хорошо, то часто случалось, что нападавшие в этот день вовсе не могли овладеть «крепостью». Если кому-то из нападавших все же удавалось прорваться и занять «центр крепости», то он должен был сесть на кучу вещей. Только после этого обороняющиеся считали себя побежденными и выходили из круга, сдав «крепость» победителям. Теперь бывшая нападающая группа становилась обороняющейся, а обороняющаяся — нападающей. Игра продолжалась до тех пор, пока игроки не почувствуют усталости. Руководители группы, видя бесполезность дальнейших действий, договаривались о прекращении игры.

Хуркач — один из наиболее организованных вариантов игры в войну — «уруш—уруш», «уруш ва яраш» и др., которые в прошлом были широко распространены среди детей многих селений Узбекистана.

¹⁰⁰ См. К. Ш. Шаниязов. Узбеки-карлуки, стр. 170—171.

¹⁰¹ Игра в хуркач нами была зафиксирована у кипчаков Булуңгурского и Пайарыкского районов Самаркандской области.

Ит-тортув — вид состязаний, зафиксированных нами у кипчаков Ферганской долины. Он проводился главным образом на свадьбах. Играли подростки и молодые мужчины. Два участника располагались один против другого на расстоянии четырех шагов. Между ними проводили черту (пакка), служившую границей. Затем руководитель состязания приносил аркан, на концах которого имелись петли. Петли надевали на шеи противников и в таком виде старались перетянуть один другого на свою сторону. При этом состязавшиеся обязаны были придерживаться определенного правила: оттягивать друг друга, находясь на четвереньках, опираясь о землю только на локоть и колени. Победителем считался тот, кому удавалось перетянуть на свою сторону противника.

Большой популярностью среди кипчаков пользовались конно-спортивные состязания: «пойга» — скачки, «огдаришма» — сваливание друг друга с коня и «улоқ», или «кўпкори», — игра с тушей козла. Эти виды состязания устраивались по случаю рождения сына, когда ребенка впервые укладывали в люльку, стригли ему волосы (соч тўйи), в дни весеннего праздника (навруз) и в других торжественных случаях.

Скачки (пойга) проводились на различные дистанции: от 4—5 до 10—15 км. Всадник, прискакавший первым, получал приз. Получали подарки также и два последующих всадника.

Огдаришма. В состязании участвуют несколько пар всадников. Один из них выезжает на середину поля и бросает вызов сопернику. Тот, как бы принимая вызов, выезжает ему навстречу. Противники схватывают друг друга и стараются свалить с коня. Выигрывает тот, кто сильнее, ловче и лучше управляет конем. Победитель после первой схватки может продолжить борьбу, пока не будет побежден. Если он выдержит игру до конца и свалит с коня всех всадников, пожелавших с ним состязаться, ему вручаются ценные подарки и деньги.

Улоқ (игра с козлом) — самая распространенная конноспортивная игра среди узбеков и других народов Средней Азии. В ней участвовали жители нескольких близлежащих селений. Баи для игры с козлом выставляли одновременно двух, трех и более скаковых коней. На одном коне скакал сам хозяин, на других — наемные игроки (човувчи).

Для участия в игре выбирали самых породистых лошадей, которые содержались в особых условиях и на определенном режиме. Для ухода за скаковыми лошадьми баи держали специального конюха (сайис).

Участники игры делились обычно на две группы. Каждая группа старалась не упустить козла. В дореволюционном прошлом деление на группировки у полуоседлых узбеков происходило во многих случаях по родо-племенным признакам.

Количество всадников, участвовавших в состязании, зависело прежде всего от состоятельности устроителя торжества и от количества приглашенных гостей. Их могло быть от 200—300

до 500 и более. Для ведения игры назначался руководитель, им мог быть старшина (аксакал) данного селения. Но бывало и так, что руководителем становился один из почтеннейших людей из числа приглашенных. Выбирали и двух его помощников (бакаулы). В обязанности старшины входил выбор места для игры, объявление призов и выдача их победителям. В его распоряжение передавались деньги, скот и множество вещей, выделенных хозяином для дачного состязания.

Руководитель игры обычно располагался на высоком месте (бугор, крыша сарая, заброшенного глинобитного дома), откуда он мог следить за ходом состязания. Здесь, кроме него и его помощников, собирались почетные гости и уважаемые старики. Сюда же приносили ценные вещи, предназначенные для призов, а также туши козлов.

По знаку руководителя, его помощники (бакаулы) бросали в толпу всадников тушу козла. Первого козла бросали не для настоящей игры, а для разминки, чтобы разогреть коней, а также и всадников. Всадники старались отобрать друг у друга козла и вывезти его в открытое поле. В этой предварительной игре брошенный козел раздирался на отдельные куски, и затем шла борьба за захват каждого куска. «Разминка» прекращалась по указанию руководителя. Последний, посоветовавшись с окружающими, объявлял, какой принят вариант улока для игры.

Игра с козлом имела два варианта:

Первый «қоқма» — вырывание, когда бросают тушу козла в толпу всадников и каждый старается схватить и вырвать его один у другого. Выигрывает тот, кто, удерживая у себя козла, отбив нападение всадников, выходит из их окружения. Успех во многом зависит от взаимоподдержки участников каждой группы.

Другой способ «пойга — купкари» или «қара» отличается тем, что ставится задача довести, удерживая схваченного козла при себе, до определенного предмета (қара), находящегося на расстоянии 2—3 км от места игры. Если всаднику удастся схватить козла, он, отбивая натиск противников, должен суметь выехать из толпы всадников и доставить добычу к назначенному месту. А всадники (как противной, так и своей группировки) преследуют его до этого места. В этой игре может выиграть только ловкий, опытный, физически сильный игрок, имеющий гибкого и выносливого коня. Успех в игре зависит, так же как и в предыдущем варианте, от правильного взаимодействия участников группировки.

Во втором варианте игры победитель получал, по обычаю, самые ценные подарки: скаковую лошадь, лошадь с арбой или крупную сумму денег.

Часто оба способа игры объединялись и обе эти игры проводились в один день: вначале играли способом қоқма, а затем — пойга. Это делалось обычно в том случае, если выделенных для игры козлов и призов не хватало. Туша козла считалась собственностью победителя, и после игры он забирал ее с собой. Случалось, что лов-

кий и смелый всадник выигрывал два, три раза и более. Туши всех выигранных козлов он раздавал своим сородичам, или же на следующий день варил из них мясной бульон и угощал всех членов своего рода; это угощение называлось «дангана».

*

Изучение социального строя кипчаков свидетельствует о том, что у них, как и у всего населения на территории Узбекистана, в XIX — начале XX в. господствовали феодальные отношения.

Основная часть обрабатываемых земель и поголовья скота находилась во владении крупных кипчакских баев и зажиточной верхушки кишлаков и аулов, которые эксплуатировали своих немущих сородичей. Были распространены различные формы феодальной и полуфеодальной эксплуатации: использование труда издольщиков и батраков (чайрикеров, етимов, навча, чамани, карол и др.), поденных работников (кошчи, мордикор, оракчи, чинакчи и др.). Условия их труда были тяжелыми, а оплата крайне низкой. Кипчакские феодалы часто использовали в своих интересах такие формы традиционной общественной взаимопомощи односельчан, как «хашар», «тегиш».

Социальные отношения кипчаков указанного периода характеризуются как патриархально-феодальные. Патриархальщина у кипчаков так же, как и у большинства других в прошлом полуседлых групп узбеков (кунград, мангыт, сарай, найман и пр.), сохранялась в значительно большей степени, чем у оседлого населения. Об этом свидетельствует наличие таких первобытнообщинных патриархально-родовых пережитков как родо-племенное деление, родовое и племенное самосознание, кровная месть; прослеживаются реликты таких древних институтов, как совет племени (кенгаш), рода («маслахат»). Существовали также и широко использовались феодально-байской верхушкой кипчаков, в своих целях, обычаи выборности аульных родовых старшин, совместного пользования пастбищными угодьями, бытовые пережитки больших патриархальных семей и др. Много патриархальных пережитков наблюдалось также в семейном быту.

Браки у узбеков, в том числе и кипчаков, в дореволюционном прошлом, являлись эндогамными. Наряду с этим бытовали и пережитки экзогамного брака (кросс-кузенный брак, левират, сорорат). В годы Советской власти такие формы брака, как левират и сорорат утратили свое социальное и экономическое значение и исчезли. Пережитки эндогамии, как и другие реликты родовых обычаев, постепенно изживаются и обречены на полное исчезновение, поскольку противоречат устоям и принципам новых форм брака и советской семьи.

Социалистический брак основан на взаимной любви и уважении, на свободе воли и чувств юноши и девушки, и с ним не сов-

местимы ограничения, связанные с косными предрассудками, консервативными патриархальными обычаями.

Основные этапы свадебной церемонии — сватовство, сговор, помолвка, свадьба и возвращение новобрачной домой — за исключением отдельных моментов, проходили у кипчаков в том же порядке, что и у окружающего их оседлого узбекского и таджикского населения. Они имели много общего со свадебными церемониями других народов Средней Азии и Казахстана. Все это является подтверждением того, что свадебные церемонии кипчаков сформировались при тесном контакте и взаимосвязи последних с указанными выше народами.

Наряду с этим в свадебных обрядах кипчаков имеются некоторые элементы, характерные для их прежнего патриархального быта — быта скотоводов-полукошечников: оплата калыма исключительно скотом, инсценировка бегства невесты, обряды «ит ириллов», активное сопротивление рода невесты свите жениха, «тавоб олув» и др. Следует отметить, что некоторые пережитки патриархально-родовых традиций кипчаков и других родо-племенных групп узбеков, в частности, в свадебном ритуале, были сильнее, чем у оседлого узбекского населения.

Из доисламских верований и культов наиболее живучими оказались пережитки шаманизма. В тесном переплетении с исламом, они продолжали бытовать вплоть до начала XX в. Очень распространен был и культ мазаров.

В современном быту узбекского сельского населения значительная часть этих консервативных пережитков уже полностью исчезла. В сильно трансформированном виде сохраняются многие элементы традиционного свадебного обряда, однако возник и развивается новый свадебный ритуал, в котором не утрачен национальный колорит, но преобладают общесоветские традиции и новые обряды.

Коренные экономические, социальные и культурные преобразования, происшедшие за годы Советской власти, изменили облик узбекского кишлака. Работой в колхозах и совхозах охвачено все население. Молодежь вовлечена в культурную и общественно полезную работу, к ее услугам учебные заведения, клубы, кино, театры, спортивные учреждения. Современные формы досуга и развлечений несравненно интереснее прежних, а старые обычаи, представления, нормы поведения противоречат мировоззрению нынешних образованных культурных молодых людей, а также людей среднего, а в значительной степени, и старшего поколения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование истории и исторической этнографии кипчаков, в том числе их реликтовых племенных этнографических групп, образовавшихся в составе многих тюркоязычных народов, имеет большое значение для разработки сложных проблем этнической истории населения Средней Азии и Казахстана, в частности узбеков. Как известно, одним из главных исторических этапов формирования узбекского народа был период X—XI вв. В это время уже определялись основные черты его этнического облика, языка и культуры.

Помимо древних автохтонных племен и народов Средней Азии (саки, массагеты, согдийцы, хорезмийцы и др.), в его формировании участвовали тюркоязычные компоненты раннесредневекового периода (канглы, карлуки, аргын, аз, тюргеши и др.), принадлежавшие в прошлом к различным этнокультурным средам и племенным союзам. Одним из значительных этнических компонентов узбекской народности были кипчаки. Последние участвовали также в формировании ряда других, народностей, сложившихся в Средней Азии, Казахстане, Приуралье, на Северном Кавказе и в более отдаленных районах.

В этногенезе узбеков принимали участие две группы кипчаков: восточная (или присырдарьинская), которая была в контакте с населением Мавераннахра и Хорезма еще в XI в., и западная (или восточно-европейская), которая вошла в этническую среду оседлых узбеков в конце XIV — начале XV в. (с переселением значительной части этих племен Тимуром и его наследниками в Мавераннахр). Тюркоязычные элементы, в том числе и кипчаки, участвовавшие в XII—XV вв. в этногенезе узбеков, были этническими компонентами главным образом местного среднеазиатского, приаральского и присырдарьинского происхождения. Но по своему этническому составу кипчаки позднего средневековья были неоднородными: они смешались как с домонгольскими тюркоязычными племенами, так и с отюрченными монгольскими племенами. А в XVI в. из Дешт-и-Кипчака под предводительством Шейбани-хана

двинулись в Среднеазиатское Междуречье массы кочевых племен, в числе которых были и кипчаки. Они также составили одно из слагаемых в этногенезе узбекского народа. Большая часть их впоследствии перешла к оседлости и слилась с земледельческим узбекским населением оазисов, а некоторые группы продолжали вести полуседлое хозяйство и вошли в состав кипчакских племенных групп, пришедших в Мавераннахр несколько позже.

Кипчаки, поселившиеся в ранние исторические периоды на территории Мавераннахра и Хорезма, играли определенную роль в формировании узбекского языка. Об этом свидетельствует тот факт, что один из трех диалектов современного узбекского разговорного языка определяется лингвистами как кипчакский.

В начале XVIII в. в связи с нашествием джунгар на степи Казахстана в земледельческие оазисы Средней Азии переселились новые группы степных племен, в том числе кипчаки. Они расселились двумя компактными группами в Ферганской долине и в бассейне Зарафшана. Небольшие группы их жили и на территории нынешней Бухарской, Кашкадарьинской и Хорезмской областей.

Пребывание в течение двух веков этих групп кипчаков среди узбеков не могло не повлиять на их жизнь и быт. Наши историко-этнографические материалы свидетельствуют о значительном сближении кипчаков с оседлыми узбеками еще задолго до Октябрьской революции. Оно проявлялось в типе их хозяйства, в формах материальной культуры, в обрядах.

В конце XIX—начале XX в. кипчаки в основной своей массе были уже оседлыми земледельцами. Они успешно освоили технику и способы возделывания всех видов сельскохозяйственных культур. Переход в прошлом кочевых и полуседлых кипчаков к оседлости, изменения в направлении хозяйства привели к перестройке производственного, общественного и семейного быта, а также духовной культуры кипчаков. Замена одного уклада хозяйства другим происходила постепенно, под влиянием и в процессе тесного взаимодействия с оседлым земледельческим населением оазисов. От последнего кипчаки переняли не только технику и приемы возделывания земледельческих культур, но и различные обряды, связанные с земледелием и орошением.

Влияние культуры оседлого узбекского населения оказалось значительным также и в области скотоводческого хозяйства кипчаков. Оно особенно заметно в обычаях и обрядах кипчаков, связанных с отгоном скота на летние пастбища, в устройстве загонов на местах зимних стоянок, в объединении хозяйств для пастбы крупного рогатого скота, для доения молочного скота и др.

Поселения, жилища, одежда и пища кипчаков, как и других родо-племенных групп узбеков, под влиянием оседлого земледельческого населения в конце XIX — начале XX в. также утратили некоторые черты племенной специфики и приобрели облик общезубекской материальной культуры.

Сведения о социальном строе кипчаков свидетельствуют о том, что у них в XIX — начале XX в. господствовали феодальные и париярхально-феодальные отношения. Основная часть обрабатываемых земель и поголовья скота находилась во владении крупных кипчакских баев и зажиточных односельчан, которые жестоко эксплуатировали своих сородичей. Были распространены различные формы феодальной эксплуатации: использование труда издольщиков и батраков (чайрикеров, етимов, навча, чамани, карол и др.) поденных работников. Кипчакские феодалы часто использовали в своих корыстных целях такие формы традиционной общинной взаимопомощи односельчан, как «хашар», «тегиш» и др.

Как уже говорилось выше, основная масса кипчаков накануне Октябрьской революции в процессе консолидации узбекской народности, сливалась с оседлыми узбеками. Этот процесс наиболее интенсивно происходил у зарафшанской группы кипчаков.

Сравнительно медленный процесс слияния ферганской группы кипчаков с узбекским населением в дореволюционный период был вызван рядом причин. Одной из них, видимо, явился исторически недавний (в начале XVIII в.) приход основной массы этой группы в Ферганскую долину. В этот же период (начало XVIII в.) происходило переселение значительной группы кипчаков в долину Зарафшана. Однако условия жизни у зарафшанской группы кипчаков складывались иначе, чем у кипчаков Ферганской долины. В долине Зарафшана в XVI — XIX вв. численность полукучевых узбеков была больше, чем в Фергане, и все они занимались скотоводством. Ограниченность пастбищных угодий в долине и примыкающих к ней степях являлась причиной постоянной межплеменной борьбы. Налоговая политика бухарских эмиров, жестокая феодальная эксплуатация, а также периодический падеж скота из-за недостатка кормов и суровых зимних холодов разорял скотоводов, особенно бедняков и они вынуждены были переходить к оседлости.

В долине Зарафшана скотоводством продолжали заниматься до конца XIX — начала XX в. главным образом зажиточные и богатые узбеки, в том числе кипчаки, принадлежавшие к этой социальной категории.

В Ферганской долине полуоседлых групп узбеков было сравнительно мало. Кипчаки, жившие здесь в период средневековья, растворялись в среде оседлых узбеков и отчасти — киргизов. Прочих групп узбеков с родо-племенным делением в Ферганской долине было сравнительно мало, если не считать узбекского племени минг, группу тюрков, курама и некоторых других. Но основная часть их ко времени прихода последней группы кипчаков (в начале XVIII в.) была уже оседлой. Переселившиеся в начале XVIII в. кипчаки почти беспрепятственно занимали горные и предгорные пастбищные районы Ферганской долины и продолжали вести традиционное скотоводческое хозяйство. Этому способствовал большой спрос населения Ферганы на рабочий скот и продукты животноводства, главным образом на мясо и сало.

Такой спрос стимулировал развитие овцеводства и крупного рогатого скота. Кипчакам, а также переселившимся сюда вместе с ними группам каракалпаков до некоторого времени было выгодно заниматься скотоводством и поставлять на местные рынки свою продукцию. В связи с этим кипчаки Ферганской долины очень медленно и в малом количестве переходили к оседлости. Однако в конце XIX в. с развитием земледелия, особенно хлопководства, число оседлых кипчаков в Фергане заметно возросло. Некоторая часть кипчаков продолжала оставаться полуоседлой, в их хозяйстве наряду с животноводством важное место занимало земледелие. Как и в Зарафшанской долине, скот и обрабатываемые земли были сконцентрированы в основном в руках зажиточных слоев и крупных кипчакских феодалов, которые вели свое хозяйство посредством эксплуатации наемного труда дехкан и рядовых скотоводов.

Другой причиной медленного сближения и слияния ферганских групп кипчаков с оседлыми узбеками, видимо, была историческая обстановка, сложившаяся в Кокандском ханстве в XVIII—первой половине XIX в. Кипчакская родо-племенная аристократия в этот период активно вмешивалась в политическую борьбу кокандских ханов за власть. Феодалная верхушка кипчаков стремилась занять высокие должностные посты в ханстве. В своей борьбе с ханами она опиралась на войска из кипчаков, военачальники которых одновременно являлись главами определенных родов. Сохранение родовой обособленности и солидарности было в интересах знатных предводителей кипчаков, поэтому они стремились поддержать целостность родо-племенных групп.

Из материалов нашего исследования можно заключить, что в производственной, общественной и семейной жизни ферганской группы кипчаков при острой классовой дифференциации и господстве феодальных отношений вплоть до начала XX в. сохранялись многие пережитки патриархального родового быта, которые тормозили их интеграцию в среде узбекского оседлого населения.

После победы Великой Октябрьской революции в процессе социалистического развития и осуществления ленинской национальной политики в Советском Узбекистане родо-племенная ограниченность и многие другие пережитки патриархально-родового быта, а также былая обособленность кипчаков постепенно изживались и исчезли. Изменилось и этническое самосознание — теперь их потомки повсеместно считают себя узбеками. О былой племенной и родовой принадлежности остались лишь смутные воспоминания, главным образом у старшего поколения. Процесс сближения и слияния завершен; этнографическая группа кипчаков стала неразрывной частью узбекской социалистической нации.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
 ЖМНП — журнал Министерства народного просвещения
 ЗВГО — Записки Всесоюзного географического общества
 ЗИАН — Записки императорской Академии наук
 ЗИВ АН СССР — Записки института востоковедения АН СССР
 ЗРГО — Записки Русского географического общества
 ЗРГОЭ — Записки Русского географического общества по отделению этнографии
 ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
 ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
 Изв. АН СССР ООИ — Известия Академии наук СССР по отделению общественных наук.
 ИСОРГО — Известия Среднеазиатского отдела Русского географического общества
 ИТОРГО — Известия Туркестанского отдела Русского географического общества
 ИООН АН ТаджССР — Известия отделения общественных наук АН ТаджССР.
 ИОАИЭ — Известия общества археологов, историков и этнографов
 ИОАИЭКУ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
 КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории и материальной культуры АН СССР
 КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
 МИ — Материалы и исследования по археологии СССР
 МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
 МКНСК — Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана
 МНСПБКН — Материалы научной сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов
 МОКОТХЗАОСО — Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области
 МОПИ — Московский областной педагогический институт
 МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
 НАА — Народы Азии и Африки
 ОИФ — Отделение истории и филологии
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 РИЖ — Русский исторический журнал
 РФВ — Русский филологический вестник
 СА — Советская археология
 СВ — Советское востоковедение
 СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР
 Сб. МССО — Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области

- Сб. РТ** — Сборник „Русский Туркестан“
Сб. ТИВ — Сборник трудов Института востоковедения
Сб. ТОЭ — Сборник трудов Орхонской экспедиции
СКСО — Справочная книжка Самаркандской области
Сб. ГПБ — Сборник трудов Государственной публичной библиотеки им. Е. М. Салтыкова-Щедрина
СЭ — Советская этнография
СЭС — Среднеазиатский этнографический сборник
ТВ — Туркестанские ведомости
ТИВ — Труды Института востоковедения АН СССР
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
ТТКОПРГО — Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отделения Русского географического общества
ТХЭ — Труды Хорезмской экспедиции
УЗТПИ — Ученые Записки Ташкентского гос. педагогического института им. Низами
BGA — *Biblioteca geographorum arabicorum*
PhTF — *Philologiae classicae fundamenta, iussu et auctoritate unionis universalis studiorum rerum orientalium, Auxilio et opera Unitarum Nationum Educationis scientiae Culturae ordinis.*
JA — „*Journal asiatique*“. Paris. t. I—II (Weisbaden)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Введение	9
Глава первая. Исторические сведения о кипчаках	42
Расселение и передвижения кипчаков с древних времен до середины XI века	—
Кипчаки-половцы в причерноморских степях и на Северном Кавказе (вторая половина XI — начало XIII в.)	54
Присырдарьинские кипчаки (X—начало XIII в.)	65
Кипчаки в XIII—XV вв.	69
Участие кипчаков в этнической истории средневековой Средней Азии и Казахстана (XV—XIX вв.)	77
Хозяйство, быт и культура кипчаков по данным письменных источников, археологии и исторической этнографии (X—XV вв.) .	83
Глава вторая. Кипчаки в составе узбеков (XIX—начало XX в.)	103
Кипчаки на территории Узбекистана	—
Численность и расселение кипчаков на территории Узбекистана в конце XIX—начале XX в.	109
Родо-племенное деление кипчаков	116
Некоторые параллели в родо-племенном делении кипчаков и других узбекских племен, а также каракалпаков, казахов, киргизов и др.	128
Глава третья. Хозяйство	158
Земельные отношения и система налогового гнета	—
Земледелие	166
Водопользование	179
Скотоводство	190
Домашние промыслы и ремесла	206
Глава четвертая. Материальная культура	216
Поселения	—
Жилище и предметы домашнего обихода	223
Одежда	248
Пища	271
Глава пятая. Общественные и семейные отношения	284
Социальная структура и формы эксплуатации	—
Некоторые пережитки родо-племенного быта	294
Семья и брак	303
Некоторые пережитки домусульманских верований	326
Игры и увеселения	330
Заключение	336
Список сокращений	340

Карим Шаниязович Шаниязов

К ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

(историко-этнографическое исследование на материалах
кипчакского компонента)

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории, Отделением
истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор *Л. Ф. Хаймаханова*

Художник *Е. И. Владимиров*

Технический редактор *З. Горьковая*

Корректор *Л. В. Дамаева*

Р08204, Сдано в набор 12/XII-74 г. Подписано к печати 31/XII-74 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага тип. № 1. Бум. л. 10,75. Печ. л. 21,5. Уч.-изд. л. 26,8. Изд. № 391. Тираж 1200.
Цена 2 р. 92 к. Заказ 257.

Типография издательства „Фан“ УзССР, г. Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70

Шаниязов К. Ш.

К этнической истории узбекского народа. (Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). [Отв. ред. проф. Т. А. Жданко]. Т., «Фан», 1975.

342 с. (АН УзССР. Ин-т истории).

902.7(C52)+9(C52)